УДК 30 ББК 60.5
П16
Рецензенты:
Д-р филос. наук, проф. МГИМО(У) МИД РФ *Г.Г. Водолазов* Д-р политич. наук, вед. науч. сотрудник ИМЭМО РАН *И.С. Семененко*
Пантин, В.И.
П16 Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века/В.И. Пан-тин, В.В. Лапкин. - Дубна: Феникс+, 2006. - 448 с.
ISBN 5-9279-0062-3
В книге исследуются основные подходы к прогнозированию развития общества на основе анализа тенденций исторического развития. Рассмотрены проблемы и возможности предвидения в гумманитарных науках,

проанализированы конкретные прогнозы крупнейших философов, историков, экономистов и политологов. Дан научный прогноз развития России и других стран в первой половине XXI в., основанный на исследовании ритмов и циклов социально-политической динамики.

Для философов, политологов, социологов, студентов и преподавателей гуманитарных вузов, всех интересующихся перспективами развития российского и зарубежных обществ.

УДК 30 ББК 60.5
ISBN 5-9279-0062-3
© Пантин В.И., Лапкин В.В.,содержание, 2006 © Феникс+, оформление, 2006
Владимир Игоревич **Пантин** Владимир Валентинович **Лапкин**
Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века
Редактор *Л. Ю. Пантина*
Компьютерная верстка *А. И. Мамаев*
Дизайн обложки *С. Ю. Шендрик*
Корректор *Н.А. Басюк*
Формат 60x90'/$_{16}$. Печать офсетная. Объем 28,00 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 2714.
«Феникс+». 141983, Моск. обл., г. Дубна, ул. Тверская, д.6А, оф.156. http://www.phoenix.dubna.ru E-mail: patsuk@dubna.ra
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати». 443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201. Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Неправда, что история непредсказуема. Сплошь и рядом пророчества сбывались. Если бы грядущее не оставляло бреши для предвидений, то и впредь, исполняясь и становясь прошлым, оно оставалось бы непонятным. В утверждении, что история — пророк наоборот, заключена вся философия истории. Конечно, можно предвидеть лишь общий каркас будущего, но ведь и в настоящем или прошлом это единственное, что, в сущности, доступно.
Х. Ортега-и-Гассет

ПРЕДИСЛОВИЕ

В нашу бурную, во многих отношениях переломную эпоху, когда рушатся многие из прежних идолов и идеалов, когда человек явственно ощущает свою физическую и духовную незащищенность, когда подлинная культура переживает глубокий кризис и подменяется разрушающими душу суррогатами, вопрос о том, каким будет будущее, становится не только предметом интереса философов и ученых-футурологов, но и жизненно важной проблемой для каждого мыслящего и чувствующего человека. Многие из прежних, ранее удовлетворявших людей ответов на вопрос об их будущем уже показали свою несостоятельность, другие — ухватывают лишь отдельные стороны и фрагменты возникающего на наших глазах будущего миропорядка. Классические подходы к прогнозированию и пониманию будущего также показали свою ограниченность и нуждаются в существенном дополнении или полном обновлении. Поэтому так остро стоит проблема выработки новых подходов к прогнозированию и осмыслению будущего, поэтому возникает ощущение, что если эта задача не будет решена, то каждому отдельному человеку и человечеству в целом грозит катастрофа. Успокаивающие и усыпляющие заверения политиков, экономистов, предпринимателей, генералов, журналистов и деятелей шоу-бизнеса не должны нас обманывать: они нас успокаивали и усыпляли перед первой и перед второй мировыми войнами, накануне эпох массового государственного террора и геноцида, перед крахом государств и великими экономическими потрясениями, накануне прихода к власти Сталина, Муссолини, Гитлера, Мао Цзедуна, Пол Пота. Все наши надежды — на мыслящих, небезразличных к происходящему людей, которые способны учиться на собственном опыте и использовать жестокие уроки истории для того, чтобы не допустить самого худшего.

В переломные исторические эпохи, подобные нашей, понять, куда мы идем, в каком направлении происходит развитие человека и общества, особенно важно, хотя и трудно. Разглядеть сквозь множество деталей и разрозненных фактов, на фоне модных, но весьма односторонних идей и концепций действительно важные, основополагающие тенденции формирования будущего чрезвычайно сложно, но все-таки возможно. Для этого, как нам представляется, нужно подняться над суетой, над «злобой сегодняшнего дня» и обратиться к длительным временным протяженностям, к истории, соединенной с современностью и с будущим. Вот почему в этой книге речь идет прежде всего об историческом прогнозировании, т.е. о прогнозировании, основанном на знании и понимании истории. В этом же по существу состоит и глубокая идея Ортеги-и-Гассета, вынесенная в качестве эпиграфа к книге; к этой

идее мы будем еще неоднократно возвращаться, поскольку, с нашей точки зрения, ее эвристический потенциал до сих пор в полной мере не оценен и не использован.

Вместе с тем нам представляется, что историческое прогнозирование должно основываться на **эволюционном подходе** к описанию жизнедеятельности и развития социальных систем — на подходе, выявляющем и анализирующем закономерности эволюционного усложнения этих систем, включая различного рода кризисы, критические точки развития, качественные изменения и возникновение принципиально новых структур. Соответственно эволюционный подход к прогнозированию вместо привычных линейных схем развития общества использует представление об эволюционных ритмах и циклах — ритмах перехода системы в качественно новое состояние, которое, однако, в некоторых отношениях подобно состоянию, в котором она находилась в начале данного эволюционного цикла. Учитывая, что эволюционный подход к прогнозированию, который мы пытаемся развивать, в настоящее время известен мало, мы специально останавливаемся на его ключевых особенностях и конкретных приложениях в каждом из заключительных параграфов первых двух (вводных) глав. Это представляется тем более обоснованным, что эволюционный подход во многих отношениях синтезирует и подытоживает другие, более известные подходы к прогнозированию, которые описываются в первых главах данной книги. Конкретные прогнозы мирового и российского развития в первой половине XXI века, основанные на эволюционном подходе к историческому прогнозированию, даются во второй части книги (главы 4—7). Эти прогнозы рассматриваются в сравнении с описанными в научной литературе прогнозами, основанными на других концепциях и подходах.

Несколько слов о структуре книги. В первой части, включающей главы 1—3, особое внимание уделено методологическим проблемам прогнозирования, а также важным предвидениям крупнейших философов (Иммануила Канта, Иоганна Готлиба Фихте, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Карла Ясперса, Хосе Ортеги-и-Гас-сета), историков, экономистов и политологов (Фернана Броде-ля, Иммануила Валлерстайна, Сэмюэла Хантингтона и др.); рассмотрены также глубокие прозрения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Наше внимание к прогнозам и пророчествам этих великих классиков обусловлено не только уважением к их творчеству, но и удивительной актуальностью многих их предвидений для нашего времени. Кроме того, мы считали необходимым, прежде чем приступать к изложению наших собственных прогнозов, хотя бы кратко рассмотреть то,

что было сделано великими предшественниками, которые не были профессиональными футурологами, но, возможно, именно поэтому мыслили целостно и сумели уловить то, что часто не дается узким специалистам. Те же читатели, кто желает сразу получить представление о наших прогнозах развития России и всего мира — о прогнозах, вытекающих из эволюционного подхода и анализа среднесрочных и долговременных циклически-волновых тенденций исторического развития, — могут сразу же обратиться ко второй части книги. Такое построение книги, на наш взгляд, сможет удовлетворить запросы широкого круга читателей — как интересующихся фундаментальными проблемами философии прогнозирования, так и тех, для кого важны в первую очередь прикладные вопросы исследования будущего и конкретные прогнозы развития в ближайшие полвека.

Последнее замечание касается точности представленных во второй части прогнозов. Мы сознаем, что далеко не все сделанные прогнозы могут в действительности осуществиться именно в те сроки, которые вытекают из используемых нами прогностических моделей. Однако нам было важно прежде всего подвергнуть наши модели критическому, «решающему» эксперименту, чтобы проверить их истинность. Поэтому мы описали прогнозы, вытекающие из используемых нами моделей, с указанием конкретных дат, даже рискуя навлечь на себя многочисленные критические и разгромные отклики в случае, если какие-либо прогнозируемые события не осуществятся точно в указанные нами сроки. Впрочем, мы сознаем, что неприятие со стороны части интеллектуалов ждет нас в любом случае, независимо оттого, осуществятся сделанные нами прогнозы или нет, — ведь вслед за великими философами и историками прошлого мы рискнули усомниться в незыблемости некоторых догм либерализма и особенно догм современного «глобального»

неолиберализма, который, с нашей точки зрения, в интеллектуальном и социально-политическом плане является шагом назад по сравнению с классическим либерализмом Джона Локка и Джеймса Стюарта Милля, по сравнению с социальным либерализмом Карло Росселли и реформистским (деонтологическим) либерализмом Джона Ролза. Однако человеческое познание должно преодолевать различного рода догмы. То, что представленные нами прогнозы далеко не всегда утешительны и для России, и для Запада, конечно, печально, но наука, в отличие от идеологий и средств массовой информации, должна открывать людям правду, как бы тяжела она ни была, а не морочить им голову очередными утопиями, сплетнями и иллюзиями. Если многие из тяжелых событий, прогнозируемых нами, не осуществятся, мы будем рады. Но, как показывает весь исторический опыт, готовиться надо к плохому, чтобы избежать наихудшего.

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем рассматривать общие подходы к прогнозированию и конкретные прогнозы, следует ответить на вопрос, который нередко задают даже неглупые и образованные люди: «А зачем вообще нужны прогнозы, если никто из людей ничего не может изменить в своей судьбе, которая предопределена или Богом, или природой, обществом, естественным ходом вещей, или игрой слепых человеческих страстей, или же, наконец, стихийными катастрофами? Например, если завтра огромный астероид врежется в Землю, погаснет Солнце, разразится мировая термоядерная война или заведется неведомый вирус, то какие тут могут быть прогнозы развития человека и общества?» При этом умных и образованных людей нисколько не смущает тот факт, что объявленный конец света должен был «неизбежно» произойти уже много раз; что Бог, согласно христианскому учению, дал человеку свободу воли с тем, чтобы он мог совершать выбор; что человеку присущ разум, который позволяет ему кое-что понимать и предвидеть; что человек и общество непрерывно вмешиваются в так называемый «естественный ход вещей» и существенно меняют его. Тем не менее вопрос о цели и смысле прогнозов, разумеется, закономерен, и на него следует попытаться ответить.

В самом общем виде ответ, по-видимому, состоит в том, что без прогнозов и попыток заглянуть в будущее вообще невозможно развитие человека и общества. С самых древних, незапамятных времен люди нуждались в предсказаниях, пророчествах, прозрениях, которые были важнейшим делом, выполнявшимся особыми и весьма уважаемыми людьми — шаманами, жрецами, пророками, пифиями, сивиллами, придворными звездочетами, учеными-прогнозистами и т.п.; независимо от того, кем они были — подлинными провидцами или шарлатанами, они были нужны, потому что утоляли естественное стремление человека как-то ориентироваться в своей настоящей и будущей жизни. В этом отношении современный «рациональный» че-

ловек не слишком отличается от человека прошлого, только роль предсказателя, прогнозиста теперь часто играют наука и техника, которые обожествляются рационалистами-атеистами ничуть не меньше, чем обожествлялись в древности разного рода идолы. Поэтому можно утверждать, что без заглядыва-ния в будущее человек и общество вообще утрачивают жизненную перспективу: все цели, мечты, стремления, планы теряют свой смысл, и человек начинает духовно и физически умирать еще при жизни, а общество — разлагаться.

В этом плане глубокий и основанный на целостном понимании действительности прогноз, который рассматривает самого прогнозирующего не только как постороннего наблюдателя, но и как субъект исторического действия, выполняет прежде всего **пробуждающую** от апатии, от власти инерции и подчинения существующему порядку вещей функцию. В этом смысле он является пробуждающим прогнозом, о котором писал выдающийся немецкий философ-экзистенциалист К. Яс-перс: «Пробуждающий прогноз высказывает то, что возможно, так как посредством такой возможности может быть определена воля; этот прогноз проникает через наблюдение к решению собственного воления. Если

видение не дает картины того, что станет с миром, то конструкция возможностей показывает лишь арену борьбы, где идет бой за будущее. На арену борьбы выступает то, что само обретает действительность. Тот, кто лишь следит за борьбой, не узнает, в чем, собственно говоря, дело» [Ясперс 1994. С. 417]. И далее: «Что случится, скажет нам не беспрекословный авторитет, это скажет своим бытием человек, который живет. Задачей пробуждающего прогноза может быть только одно: *напомнить человеку о нем самом»* [Ясперс 1994. С. 418].

На первый взгляд может показаться, что Ясперс здесь подвергает сомнению смысл и значение прогнозов. Однако это не так: в действительности он указывает на то, что прогноз должен не только констатировать наиболее вероятное будущее, выявлять его «каркас», но и выводить человека из спячки, освобождать из-под страшного гнета инерции, стимулировать человеческую деятельность, в том числе творческую. В конечном счете каждый человек сам творит свое будущее и будущее других людей, но творит его не произвольно, не так, как ему вздумается, а в соответствии с исторически возникшими условиями и тенденциями развития. Человек не может и не должен быть рабом обстоятельств или заранее запрограммированного будущего; согласно Ясперсу, он сам должен участвовать в «борьбе за будущее», создавать («конструировать») новые возможности, которых без него не было бы. И в этом состоит пробуждающее значение прогноза: он должен мобилизовать творческую активность человека и его волю к сопротивлению, направить их на поиски выхода из кажущихся тупиков развития. Пробуждающий прогноз должен напомнить человеку, «какого он духа», показать, что он не «пыль на ветру» и не «перекати-поле», что он причастен к сотворчеству своей судьбы и истории. А если человек уклоняется от этого сотворчества и борьбы за будущее, если предоставляет другим определять свое будущее, он обрекает себя на существование по инерции, которое рано или поздно обернется потерей смысла жизни, духовной и физической деградацией.

В этом смысле само прогнозирование будущего представляет собой **творческий процесс,** и, как всякий творческий процесс, оно включает деятельность интуиции, воображения, фантазии. Творческое прогнозирование принципиально невозможно формализовать, представить его в виде простой совокупности операций, выкладок, формул. Между прочим, именно этим объясняется тот факт, что, несмотря на все успехи компьютерных технологий и компьютерного моделирования, несмотря на компьютерное «перелопачивание» гор информации, всё это вместе взятое сравнительно немного дает для прогнозирования даже природных процессов (изменений погоды, извержений вулканов, землетрясений, наводнений и т.п.), не говоря уже о прогнозировании изменений человека и общества. Конечно, компьютерные и прочие информационные технологии используются в прогнозировании, но успехи здесь весьма невелики. У компьютеров нет интуиции, нет воображения, они «не видят» принципиально новых возможностей будущего развития. Да и было бы странно подменять че-

ловеческое творчество стандартными машинными операциями; тем не менее наша техническая цивилизация постоянно стремится к этому, убивая при этом в людях саму способность к творчеству.

Следует также отметить еще одно важное обстоятельство. Скептическое отношение к прогнозам нередко связано с тем, что под прогнозированием понимается прежде всего прогнозирование научно-технического прогресса. Подобное — технократическое в своей основе — понимание прогнозирования было широко распространено в 1950-е— 1980-е гг. и до сих пор, несмотря на явную ограниченность достигнутых здесь результатов, оказывает заметное влияние на отношение к прогнозам развития человека и общества. По сути дела, в сознании многих людей происходит подмена прогнозирования человеческого и общественного развития прогнозированием развития науки и техники, которые якобы решат все человеческие проблемы и принесут долгожданное благоденствие. А поскольку

на деле всё происходит совершенно иначе, инфантильный энтузиазм в отношении перспектив развития науки и техники сменяется разочарованием и отрицанием правомерности прогнозирования как такового. Разочаровавшиеся адепты научного прогресса в этом случае говорят, что любые прогнозы ничего не дают. Всё это несколько напоминает горькое разочарование дикаря в своем идоле, который не оправдал заведомо нелепых упований; однако это разочарование в итоге ведет к полному отказу от всякой веры и от всех попыток понять, каким образом развивается мир. В действительности же прогнозирование развития человека и общества по-настоящему еще не развито, и делать выводы о несостоятельности прогнозирования вообще на основании не слишком большой эффективности прогнозирования научно-технического прогресса — неправомерно и некорректно.

Наконец, скептическое отношение к любым прогнозам в немалой степени обусловлено широким распространением (хочется сказать — разгулом) астрологии, толкований Нострадамуса и т.п. Разочаровавшиеся в науке и в рационализме люди обращаются к астрологии, чтобы хоть как-то предвидеть бу-

дущее — свое личное и общественное. Наука или молчит, делая вид, что происходящее ее не касается, или пытается разоблачить исходный посыл астрологии как не имеющий никакого отношения к делам людским. Но справедливая научная критика астрологии и всего с ней связанного упускает из виду то важное обстоятельство, что астрология паразитирует на неспособности и нежелании официальной науки (или того, что под ней подразумевается) понимать и прогнозировать будущее человека и общества. Бурный расцвет шарлатанства фактически является платой за косность и инерционность научной мысли, за приверженность многих (хотя и не всех) ученых тем или иным догмам и омертвевшим теоретическим схемам. Поскольку потребность человека познавать и прогнозировать свое будущее неодолима, научная мысль должна хоть в какой-то мере удовлетворять эту потребность, а не только жаловаться на засилье астрологии и прочих форм поставленного на коммерческие рельсы надувательства людей. Свято место пусто не бывает, и современная научная мысль во многом повинна в образовании этой пустоты. Если науки о человеке и обществе и впредь будут руководствоваться убогими принципами позитивизма и эмпиризма, дополняемыми либеральными, националистическими или коммунистическими схемами, то астрология и иже с ней будут процветать и дальше, несмотря на все разоблачения деятельности конкретных астрологов со стороны ученых мужей. Единственный эффективный способ борьбы с астрологией состоит в том, чтобы не отказываться от научного прогнозирования, а развивать его принципы и методологию, совершенствуя понятийный аппарат и вводя историческое (временное) измерение во все науки об обществе и человеке.

Возвращаясь к проблеме прогнозирования развития человека и общества, напомним, что здесь, как нигде, важен не механический (или даже компьютерный) перебор всех вариантов и сценариев, а интуитивное (т.е. основанное на целостном, неформализованном восприятии) нащупывание из всего множества возможных (и даже «невозможных») вариантов будущего наиболее вероятных, наиболее реальных. Оценка значения и роли различных тенденций, на экстраполяции кото-

рых строится прогнозирование, также не может быть формализована, она совершается интуитивно, исходя не только из личного опыта прогнозирующего человека, но и из всего его восприятия действительности — прежде всего истории и культуры. Более того, отсюда следует, что чистый технократ и узкий специалист (или даже армия узких специалистов, которыми легко управлять в силу их ограниченности и социального бессилия) часто не способны к творческому прогнозированию, чего не скажешь об их способности к конструированию разрушительных проектов и технологий — от создания всё новых видов оружия массового уничтожения до клонирования людей и выведения

разного рода монстров.
Итак, прогнозы и попытки заглянуть в будущее - это необходимое, неотъемлемое свойство человеческого мышления и творческой человеческой деятельности, без которого каждый отдельный человек или общество в целом становятся близорукими и рискуют потерпеть катастрофу. Особую важность и актуальность приобретают прогнозирование и определение перспектив в кризисные, переломные эпохи, подобные той, которую весь мир переживает в начале третьего тысячелетия новой эры. В ситуации нестабильности и колоссальных рисков, которые порождаются развитием современной техногенной цивилизации, любые промахи и ошибки, любая недооценка грядущих угроз и вызовов чреваты самыми тяжелыми и необратимыми последствиями. Поэтому всякое стремление «жить просто», «жить сегодняшним днем», «не забивать себе голову проблемами» и обойтись без прогнозов, без попыток в той или иной мере проникнуть в будущее представляется, как ни парадоксально это звучит, утопичным и — как приверженность любой утопии — чрезвычайно опасным и даже самоубийственным. Другое дело — какого рода эти прогнозы и другие попытки заглянуть в будущее, на чем они основаны, насколько они реальны или фантастичны, на что они ориентируют человека и общество. И вот здесь-то заключены главные проблемы и главные трудности.
Одна из этих проблем состоит в том, что необходимо четко разграничить прогнозирование жизни отдельного человека и

прогнозирование развития общества или какого-либо коллектива (какой-либо группы) людей. Несмотря на то что общество или группа людей представляется чем-то более сложным, чем отдельный человек, прогнозирование развития общества или социальной группы в целом является более простой задачей, чем прогнозирование жизни и судьбы каждого отдельного человека с его индивидуальными, неповторимыми особенностями душевной и духовной жизни. «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно... когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» (М.Ю. Лермонтов). Объясняется это тем, что в обществе или социальной группе происходит заметное усреднение и существенная нивелировка множества индивидуальностей; благодаря этому мы фактически имеем дело с некоей результирующей социального взаимодействия множества людей в виде неких отчужденных общностей и институтов — государства, рынка, финансовых институтов, политических партий, социальных групп и т.п. Эти общности и институты не обладают собственной волей или интеллектом, но во многом ведут себя как некие субъекты (или псевдосубъекты) экономического, политического, социального развития, поведение которых обнаруживает некоторые характерные и вполне прогнозируемые тенденции. В отличие от этих субъектов (или псевдосубъектов) социального действия, являющихся продуктом разделения и отчуждения человеческой деятельности, поведение каждого отдельного человека глубоко индивидуально и поддается лишь весьма ограниченному прогнозированию; при этом все попытки классифицировать поведение отдельных людей по годам рождения (восточный календарь), знакам зодиака, темпераменту (холерики, сангвиники, флегматики, меланхолики) и т.д. имеют весьма ограниченное значение для сколько-нибудь реалистичного прогнозирования. Поэтому в данной книге речь идет преимущественно о прогнозировании развития определенного общества или же определенной цивилизации, объединяющей различные общества. В то же время не стоит забывать, что жизнь каждого человека тесно свя-

зана с развитием общества, хотя и не исчерпывается им, что судьбы отдельных людей глубоко переплетены друг с другом и с судьбой данной социальной общности, культуры, цивилизации. Более того, социальные общности и институты, развитие которых является объектом прогнозирования, представляют собой не что-то внешнее по отношению к

каждому индивидуальному «я», а являются результатом взаимодействия индивидуальных воль и стремлений; в этом смысле социальные институты и общности — это те же индивидуальные «я», но на другом, интегральном уровне.

Другая проблема заключается в том, *что* именно можно и нужно прогнозировать в развитии общества, какие его параметры поддаются прогнозированию, а какие нет. Невозможно прогнозировать все параметры общественного развития и тем более все события, которые произойдут в данный период в жизни общества. Необходимо выбрать те процессы, явления или параметры, которые связаны с выделенными исследователем тенденциями, рядами явлений или, по выражению М. Фуко, «сериями» событий. При этом основной вопрос состоит в том, насколько реальны и значимы выделенные исследователем тенденции, ряды или «серии», насколько они перекрываются другими тенденциями и, наконец, будут ли действовать выделенные тенденции в прогнозируемом будущем. Априорно и однозначно ответить на этот вопрос (или вопросы) нельзя, необходима проверка опытом прошлого, настоящего и будущего. Только после такой проверки можно выбрать те параметры и тенденции, которые поддаются прогнозированию. Иными словами, необходимо накопить опыт успешного прогнозирования и опираться на этот опыт при дальнейшем прогнозировании. Прогнозировать же остальные параметры общественного развития, разумеется, можно, но с существенно меньшей вероятностью успеха. Так, регулярно публикуемые прогнозы темпов экономического роста для различных стран очень часто не сбываются; тем не менее, из-за настоятельной потребности в экономических ориентирах подобные прогнозы продолжают публиковаться, отражая не столько реальное будущее, сколько реальное настоящее, се-

годняшние ожидания, выражающие потребность в ориентирах будущего развития.

Еще одна проблема состоит в точности прогнозирования. Очевидно, например, что точно предсказать год, день и час какого-либо важного события, а также его роль в жизни данного общества довольно трудно. Обычно можно прогнозировать или предсказывать лишь временной интервал наступления данного события или изменения тренда общественного развития, и чем меньше этот интервал, тем больше риск ошибиться. Вообще говоря, исследование жизни человека и общества не может быть таким же точным, как исследование неживой природы, которым занимается физика. По этому поводу довольно остроумно высказался Ортега-и-Гассет: «Пресловутая точность, то есть свойственная физике строгость подхода, вовсе не проистекает из конструктивного метода как такового; она навязана физике предметом, масштабностью. Таким образом, точно не само физическое мышление, а лишь предмет — физический феномен. Именно поэтому элегические жалобы на извечную неточность истории не что иное, как самое обыкновенное недоразумение. И нам пришлось бы глубоко сожалеть, будь всё наоборот. Ведь если бы история — наука о человеческих жизнях — была бы или могла бы быть точной, то люди неизбежно обратились бы в некие камни, физикохимические тела — не более. Но тогда не существовало бы ни истории, ни физики, поскольку камни "счастливее" людей и не нуждаются в науке, чтобы быть собой, то есть камнями. Человек, напротив, это существо в высшей степени странное, и, чтобы быть самим собой, он должен сначала выяснить, что это значит... Именно в этом отличие человека от камня, и дело не в том, что мы якобы обладаем сознанием, а камень — нет. В конце концов можно представить себе разумный камень, однако ему нет нужды решать задачу собственного бытия, поскольку бытие дано ему в завершенности раз и навсегда. Чтобы быть камнем, последнему не приходится всякий раз решать вопрос о самом себе, спрашивая: "Что я должен сейчас делать?" или "Чем я должен быть?" Подброшенный кверху, наш воображаемый камень, не нуждаясь в выяс-

нении каких-либо вопросов, а значит, не утруждая себя пониманием, просто бы полетел вниз, к центру Земли» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 243-244].

Однако некоторые исторические тенденции нелинейного (колебательного или циклически-волнового) развития общества, о которых будет идти речь в этой книге, в целом ряде случаев позволяют давать достаточно определенные и даже довольно точные прогнозы, относящиеся к сравнительно небольшому временному интервалу. Примеры такого рода и причины, по которым в определенных ситуациях оказывается возможным относительно точное прогнозирование, будут подробно обсуждаться ниже. Что же касается конкретного значения прогнозируемого события или поворота в общественном развитии, то эта задача является сложной, но в ряде случаев всё же решаемой.

Наконец, важной проблемой прогнозирования общественного развития является проблема исторической случайности. Действительно, в развитии общества, как и в жизни отдельного человека, немало случайностей. Порой одна из этих случайностей вызывает непредвиденный каскад событий, которые в итоге радикально меняют всё последующее развитие или даже прекращают его. Как же в такой ситуации прогнозировать развитие событий, если спрогнозировать «роковую» случайность в принципе невозможно? Однако дело обстоит не так безнадежно. Так называемые «роковые» случайности во многих случаях связаны с ситуацией общей нестабильности социальной, экономической или политической системы, с ее временным выходом за пределы устойчивого развития. Именно тогда и реализуется эффект «снежного кома» или спровоцированного незначительным, на первый взгляд, событием целого каскада последующих явлений, которые способны радикально изменить состояние общества. Но тогда задача состоит не в том, чтобы предсказать «роковую» случайность, а в том, чтобы спрогнозировать условия и временной интервал, когда данная система может выйти за порог стабильности. А такая задача уже вполне может быть решена, по крайней мере в некоторых случаях. Поэтому, хотя предвидеть и прогнозировать случайности почти невозможно, оценить некоторые возможные по-

следствия тех или иных случайностей при разных состояниях общественной системы всё же вполне реально. Кроме того, для анализа случайных событий существует статистика, которая широко применяется при анализе социального развития и при его прогнозировании.

И всё же общая ситуация в случае с прогнозированием общественного развития пока что весьма далека от совершенства. Как известно, в нашем бурном и неустойчивом мире нет недостатка в различного рода прогнозах и предсказаниях, особенно катастрофического свойства. Немало людей — от прямых шарлатанов до различного рода догматиков и провозвестников очередного «светлого будущего» — делают всё возможное, чтобы вольно или невольно дискредитировать любые прогнозы, любые попытки понять зарождающиеся в настоящем тенденции и приметы будущего. Лозунг дня «Живи настоящим и не думай ни о прошлом, ни о будущем» вполне соответствует идеологии и реалиям рыночного общества; при этом никого не смущает тот факт, что это рыночное общество периодически приходит к глубочайшим кризисам, возникающим как раз тогда, когда «процветание» кажется вечным. В результате прошлое, настоящее и будущее оказываются не только разорванными, но и чуждыми друг другу: прошлое рассматривается исключительно как удел истории и историков, которые якобы не имеют никакого отношения ни к настоящему, ни к будущему; настоящее воспринимается как единственная данность, возникающая невесть откуда и превращающаяся невесть во что; что же касается будущего, то оно, как правило, отдается на откуп астрологам, гадалкам и лжепророкам. В руках недобросовестных и нечистых на руку политиканов прогнозы также нередко становятся орудием манипулирования сознанием, запугивания обывателей ради выбивания денег на нужды военно-промышленного комплекса или других подобных ведомств. Многие люди поэтому готовы вообще отказаться от понимания будущего, обрекая себя на сиюминутную жизнь без перспективы.

В подобной ситуации, как представляется, единственный выход состоит в том, чтобы

восстановить распавшуюся связь
18
времен, причем не только теоретически, но и практически, в жизненной практике каждого человека. В советское время людей постоянно кормили обещаниями «светлого будущего», вследствие чего они не жили в настоящем и были лишены прошлого. Сейчас людей призывают думать только о настоящем, вследствие чего они оказываются лишенными и прошлого, и будущего. Но если мы отказываемся от прошлого и будущего, то тем самым мы отказываемся и от полноценного настоящего. В итоге весь смысл «жизни в настоящем» сводится к погоне за деньгами, к тяжелому, монотонному, забирающему все силы труду или к бездумному прожиганию жизни. Это относится не только к современному российскому, но и к любому другому обществу — европейскому, американскому, азиатскому, латиноамериканскому и т.п. Между тем человек может плодотворно жить, только пребывая и в настоящем, и в прошлом, и в будущем — с помощью собственной памяти, исторического опыта многих поколений, заключенного в культуре, с помощью «заглядывания в будущее», которое свойственно всем нормальным людям, живущим не только сегодняшним днем. Более того, способность хотя бы отчасти проникать в будущее — это важная и неотъемлемая способность человека, без которой он мало чем отличается от животного, инстинктивно реагирующего на непонятно как возникающие ситуации. Апологетам же «исключительно настоящего», которых немало не только среди обывателей, но и среди современных интеллектуалов — экономистов, юристов, социологов, политологов и др., следует напомнить слова К. Ясперса: **«Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как и от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее. Прогнозирующее историческое мышление определяет наши действия»** [Ясперс 1994. С. 155].

Поэтому, когда речь заходит о прогнозировании, необходимо прежде всего восстановить исторический масштаб и прогнозировать не от настоящего момента, с которого якобы всё началось, а исходя из длительного исторического развития, которое приводит к настоящему и идет дальше, в будущее.
19
Казалось бы, вывод совершенно очевидный, не претендующий на что-то экстраординарное, и тем не менее он упорно игнорируется как узкими специалистами-историками, упорно твердящими, что прогноз не дело истории, так и узкими специалистами-прогнозистами, которые занимаются экстраполяцией сегодняшних тенденций развития, построением сценариев будущего и т.п. Само понятие **исторического прогнозирования,** необходимость которого естественно вытекает не только из теории и практики, но и из элементарного здравого смысла, в современной науке о прогнозировании до сих пор как следует не утвердилось и потому нуждается в дополнительном обосновании.

Между тем следует вспомнить, что основной предпосылкой практически любого прогнозирования является предположение о непрерывности всякого развития — социального, экономического, политического, культурного. Так, говоря о прогнозировании международного развития, известный специалист В.Ф. Ли отмечал: «Основной принцип, на котором базируется международная прогностика, это философско-со-циологическая концепция непрерывности развития (поступательного, регрессивного, а нередко и стагнационного)» [Ли 2002. С. 17]. Но непрерывность развития подразумевает необходимость выявления «сквозных» тенденций, берущих свое начало в прошлом (т.е. в истории) и продолжающихся в настоящем и, возможно, в будущем. Другое дело, что тенденции могут с течением времени меняться, но меняются они не одномоментно, а постепенно, что позволяет проследить различного рода переходы и промежуточные периоды. Задача исторического прогноза состоит в том, чтобы на основе анализа наиболее важных и долговременных тенденций разглядеть «каркас будущего», о

котором писал Х. Ортега-и-Гассет (см. приведенный выше эпиграф). Напротив, представления о «революционных скачках» и «разрывах» в истории, разрушающих этот каркас, продемонстрировали не только свою неадекватность реальному развитию, но и чрезвычайную опасность, способствуя отбрасыванию общества назад, растрате ресурсов и принесению во имя утопии огромных, невосполнимых жертв.

Таким образом, в известном смысле всякое более или менее адекватное прогнозирование основывается на истории, на тенденциях и моделях прошлого и настоящего и потому является в какой-то мере историческим прогнозированием, даже если оно само не подозревает об этом. Вместе с тем многие прогнозы основаны на сравнительно кратковременных исторических тенденциях, а их авторы предпочитают смотреть исключительно в настоящее и будущее, игнорируя прошлое. В отличие от прогнозов этого типа, подлинно историческое прогнозирование основывается на долговременных исторических тенденциях, достаточно глубоко анализируя связь событий прошлого и настоящего. На этой основе историческое прогнозирование выявляет сложные, как правило, нелинейные тенденции развития, включающие смену и определенное чередование различных фаз, и оценивает значение этих тенденций для настоящего и будущего, возможность их использования для прогноза. Разумеется, речь здесь идет не о детальном описании будущего, а о выявлении его общих контуров, его каркаса. Примерами исторического прогнозирования могут служить исторические циклы внутренней американской политики А.М. Шлезингера [Шлезингер 1992. С. 41—77] или циклы внешней политики США Ф.Л. Клингберга [Klingberg 1952; Klingberg 1983], на основании которых в свое время были сделаны прогнозы, впоследствии полностью подтвердившиеся.

Подробнее об этих циклах и сделанных на их основании прогнозах речь будет идти ниже, здесь же приведем два красноречивых отрывка из книги А.М. Шлезингера-младшего, которые показывают не только теоретическое, но и практическое значение сделанных в свое время верных прогнозов. Первый фрагмент касается прогнозов, которые сделал отец автора — Шлезингер-старший в 1920-е — 1940-е гг. на основании обнаруженных им циклов, включавших чередование либеральных реформ и консервативной реакции на них во внутренней американской политике: «Формулировка Шлезингера, первоначально изложенная им на лекции в 1924г., включала в себя предсказание, что консерватизм в стиле Кулиджа просуществует примерно до 1932 г. Данная мысль вызвала у одного из при-

сутствовавших огорченное восклицание: "Боже мой!" (Воскликнувший — Дэвид К. Найлз - стал при наступлении следующего либерального периода одним из специальных помощников Рузвельта и Трумэна.) В первой опубликованной работе на эту тему "Приливы в американской политической жизни", увидевшей свет на страницах "Йейл ревью" в декабре 1939 г., он предсказал, что преобладавшие тогда либеральные настроения иссякнут примерно к 1947 г. Выступая с обновленной аргументацией в 1949 г. в "Путях к настоящему", мой отец писал: "Отход от либерализма, который начался в 1947 г. (с началом работы конгресса 80-го созыва, названного Трумэном "бездеятельным, ни на что не годным"), должен прекратиться в 1962 г., возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978 года"» [Шлезингер 1992. С. 43]. Напомним в этой связи, что поворот к радикальным либеральным реформам в США действительно произошел в 1932 г. после прихода к власти Ф.Д. Рузвельта и начала осуществления «Нового курса»; в 1947—1948 гг. в США постепенно наступила пора консервативной реакции, включавшей развернувшуюся «охоту на ведьм» в период маккартизма; после прихода к власти Дж.Ф. Кеннеди в 1960 г. произошел новый поворот к либеральным реформам, которые продолжались вплоть до 1980 г., когда к власти пришли радикальные консерваторы во

главе с Р. Рейганом.
Второй фрагмент посвящен циклам внешней политики США, обнаруженным Ф.Л. Клингбергом и использованным им для прогнозирования приливов и отливов американской внешнеполитической активности «Более тридцати лет назад Фрэнк Л. Клингберг проанализировал явление, которое определил как "историческую перемену настроений в американской внешней политике". Он обнаружил периодическое колебание от "экстраверсии" — готовности использовать прямое дипломатическое, военное или экономическое давление на другие нации ради достижения американских целей — к "интроверсии" — сосредоточенности на внутренних проблемах американского общества... Он подверг свою теорию проверке, ис-
22
пользовав ее для прогнозирования. В 1952 г., в момент высокой степени экстраверсии, Клингберг пришел к заключению, что "логично ожидать, что Америка отойдет, хотя бы в некоторой степени, от вовлеченности в мировые дела, и, возможно, она сделает это где-то в 60-е годы". Так и случилось, чему немало способствовал Вьетнам. Далее Клингберг предположил, что в следующий интровертный период главная проблема "будет иметь очень серьезные моральные аспекты". Любопытно, что здесь присутствует предчувствие того значения, которое приобретут права человека. Обновляя свой анализ в 1978 г., Клингберг предсказал, что "первые признаки сдвига в сторону экстраверсии" станут "явными, пожалуй, к 1983 г."» [Шлезингер 1992. С. 71—72]. Как известно, после «интроверт-ной» фазы 1970-х гг., когда США в основном были заняты внутренними проблемами и не слишком препятствовали внешнеполитической экспансии СССР, с 1983—1984 гг. при Р. Рейгане они перешли к активной внешней политике и новому витку гонки вооружений (колоссальная программа перевооружения армии, развертывание новых видов вооружений); затем последовали операция «Буря в пустыне» в 1991 г., распад СССР, расширение НАТО на восток, операции США в Сомали, Боснии, Косово, Афганистане, Ираке и т.п. При этом примечательно, что в период предсказанной Клингбергом «экстраверт-ной» фазы, начавшейся с 1983—1984 гг., США проводили чрезвычайно активную внешнюю политику независимо оттого, кто был президентом — республиканцы Р. Рейган, Дж. Буш-старший и Дж. Буш-младший ил и демократ У. Клинтон. Поскольку «экстравертная» фаза во внешней политике США, согласно Клингбергу, длится в среднем около 27 лет, можно предположить, что военная и внешнеполитическая активность Соединенных Штатов начнет снижаться где-то около 2010— 2012гг.
Казалось бы, само наличие немалого количества подобных уже оправдавшихся и даже использованных на практике прогнозов, которые были основаны на анализе исторических тенденций, должно говорить в пользу возможности и необходимости исторического прогнозирования. Однако дело обстоит
23
совсем иначе. Прогнозы реально работают, но их рассматривают как «случайное совпадение», поскольку «мы ничего не можем знать о будущем». Сбывающиеся прогнозы и предвидения есть, но «их нет, поскольку этого просто не может быть». При этом основной аргумент, который кажется неотразимым выдвигающим его противникам исторического прогнозирования, состоит в том, что в развитии человека и общества каждый раз (или время от времени) возникает нечто абсолютно уникальное, совершенно новое, что история никогда не повторяется. А раз так, то всякое историческое прогнозирование только вводит в заблуждение, навязывая опыт прошлого, который в принципиально новых условиях никому не нужен. Подобные взгляды, в той или иной мере характерные для многих историков, социологов, политологов, культурологов, представителей естественных и технических наук, тем не менее основаны на заблуждении. Да, внешние события истории никогда не повторяются буквально, но ее глубинные тенденции и закономерности, выражающие существенные связи между событиями и явлениями,

часто воспроизводятся. Абсолютная уникальность и новизна, например, современного западного общества сильно преувеличены: это общество сформировалось в результате экспансии западноевропейской цивилизации и обладает многими чертами и признаками этой цивилизации, существующей уже более тысячи лет. Никакие технические достижения этой цивилизации не способны предохранить ее от периодически повторяющихся глубоких кризисов и потрясений, и никакие технологии манипулирования сознанием эры «информационного общества» не способны предотвратить процессы нравственной и физической деградации этого общества. Можно сколь угодно долго твердить о процветании, о преодолении всех кризисов, о «вечном» торжестве свободы и демократии, но тайное рано или поздно станет явным, а самоослепление или самооглупление общества рано или поздно дают свои плоды. Это относится к любому современному обществу — к американскому, европейскому, российскому, японскому, китайскому, исламскому, африканскому, латиноамериканскому. Когда в 1970-е годы Советский Союз считал себя

24

несокрушимым государством, сверхдержавой и образцом будущего торжества социализма, он уже начинал постепенно разрушаться изнутри. Когда в 1970-е — 1980-е годы Япония на волне послевоенного экономического роста ощущала себя неуязвимой и рисовала будущую картину «мира по-японски», кризис и замедление темпов роста в самой Японии уже намечались. Когда в 1990-е годы Соединенные Штаты всё больше заражались унаследованной от СССР болезнью имперской исключительности и жаждой насильственно облагодетельствовать все народы, будущие конфликты и потрясения уже намечались, и это вина ангажированных экономистов, социологов, политологов, что они не желали и не желают замечать нарастающих противоречий «Pax Americana». Однако очевидные провалы, связанные с нежеланием видеть последствия безудержной экспансии (от не предотвращенных вовремя террористических актов 11 сентября 2001 г. до «блистательной» операции США и их союзников в Ираке), нисколько не смущают адептов «несокрушимой» американской мощи, и они продолжают твердить об уникальности Соединенных Штатов (как будто каждая страна или цивилизация не уникальна!), об уникальности современной эпохи с ее информационными технологиями, которые якобы меняют весь ход истории и предохраняют общество и государство от кризисов, катастроф и деградации (как будто ход истории не менялся многократно и каждая империя не считала себя застрахованной от всех угроз!). Между тем на основании упомянутых выше событий и процессов можно заключить, что историческая закономерность, состоящая в последовательном взлете и падении различных империй и великих держав, одержимых идеей гегемонии и установления своего владычества над миром, закономерность, которая прослеживается начиная с древнейшей истории, действует и в наше время. Сменяются эпохи, царства, империи, идеологии, совершенствуется разрушительная мощь оружия, — а историческая тенденция сохраняется, несмотря на относительную уникальность каждой отдельной эпохи и каждого отдельного события. Только за последние два века взлет и падение пережили такие бывшие «сверхдержавы», как Франция,

25

Великобритания, Германия, СССР. И правители каждой из них в свое время считали, что их доминирование в мире будет продолжаться долго, если не вечно: достаточно вспомнить хотя бы «тысячелетний» третий рейх или «полную и окончательную» победу социализма в СССР. Таких «сквозных», т.е. проходящих через многие века и эпохи тенденций не так уж мало, и в свое время о них будет идти речь в данной книге. Именно анализ этих тенденций во многом дает возможность прогнозировать будущее мировое развитие. Но вернемся к глубокой мысли Ортеги-и-Гассета, вынесенной в качестве эпиграфа: она утверждает возможность прогнозирования будущего на основании верно понятой истории. О чем здесь идет речь, что значит «история — пророк наоборот»? По сути дела, выдающийся испанский философ говорит здесь о том, что история — это зеркало, которое дает «обратное», зеркальное отображение

будущего. Чрезвычайно важный в методологическом отношении вывод, который Ортега сделал из своих размышлений над историей и из наблюдений над современными ему событиями, состоит в том, что история, как и всё развитие человека и общества, — это не беспорядочный и случайный процесс, что он определенным образом структурирован и допускает понимание со стороны глубокого и тонкого исследователя. Грядущее, вырастающее из прошлого и настоящего, «оставляет брешь для предвидения» именно потому, что человеческий разум способен понимать свершившееся, верно структурировать его и постигать существующие «структуры истории». Самое трудное, согласно Ортеге, состоит не в предвидении как таковом, а в постижении истории: если мы глубоко поймем прошлое, мы найдем ключ к пониманию настоящего и будущего. Поэтому «история — это пророк наоборот»: она способна сказать нам о будущем очень много, если мы прислушаемся к ней и окажемся способными понять ее пророчества, формально обращенные назад, «наоборот», поскольку история специально занимается не будущим, а прошлым. Иными словами, прогнозы будущего надо не сочинять, а выводить из правильно понятого прошлого: насколько мы способны понимать историю, настолько мы способны предвидеть грядущее.

В связи с этим нам представляется, что в основе любого, в том числе исторического, прогнозирования должны лежать следующие принципы, соблюдение которых является необходимым, хотя и недостаточным условием успешного и адекватного прогноза (иными словами, без соблюдения этих принципов успешное прогнозирование вообще невозможно, но только этими принципами обойтись нельзя). Во-первых, это **принцип исторической преемственности** в прогнозировании, выражающий «связь времен», связь между прошлым, настоящим и будущим, о которой речь шла выше. Даже если, согласно какому-либо прогнозу, должна возникнуть принципиально новая реальность с новыми тенденциями общественного развития (например, так называемое «информационное общество» или «эпоха постмодерна»), она должна быть объяснена и понята в более широком историческом контексте; нужно, в частности, ответить на вопросы, что породило эту новую реальность, насколько она всеобъемлюща и универсальна, как она взаимодействует с прежними тенденциями исторического развития и т.п. Во-вторых, это **принцип реализма,** который предполагает проверку любого прогноза реальным ходом развития, практикой — путем обращения к уже осуществившейся реальности и ее сопоставления с тем, что прогнозировалось. Следует заметить, что, несмотря на всю очевидность принципа реализма, он сплошь и рядом игнорируется, поскольку многочисленные футурологи, прогнозисты и просто идеологически ангажированные авторы не очень-то заботятся о том, соответствуют ли их прогнозы реальности. С другой стороны, многие теоретики, создающие красивые концепции и изысканные построения, подчас напоминающие воздушные замки, игнорируют их проверку реальностью, поскольку самым важным для них является оригинальность и необычность этих построений, а вовсе не их истинность. Между тем проверка практикой остается главным критерием истины не только в естественных, но и в гуманитарных науках (подробнее об этом см. главу 1, п. 1.2). В-третьих, это **принцип самоограничения,** который состоит в том, что любой прогноз относится к определенному месту и времени, принципиально ограничен этими условиями и его

произвольное распространение на другие страны и времена неправомерно. Поэтому, в частности, все «глобальные» и «вечные» прогнозы вроде неизбежного и повсеместного наступления коммунизма, вечного доминирования Америки, «конца истории» из-за окончательного торжества либеральной демократии изначально являются ложными, поскольку претендуют на абсолютность и неограниченность. Подобного рода предсказания характерны для всех идеологий — от либерализма до коммунизма, — но к реальному прогнозированию, пытающемуся раздвинуть горизонты человеческого познания, они не имеют никакого отношения. Подлинный же прогноз должен быть ограниченным, а человек, его разрабатывающий, должен уметь самоограничиваться и применять прозрения и выведенные закономерности к определенной сфере жизни общества, к определенным условиям и к определенной эпохе.

Другой принципиально важный вопрос состоит в том, руководствуется ли общественное (коллективное) развитие разумом или же всецело подчиняется социальной стихии, возникающей из взаимодействия множества воль, целей, стремлений, присущих разным людям? Как ни парадоксально, этот вопрос не только не снимается по мере развития, рационализации и усложнения общества, но и становится всё более актуальным. Проблема состоит в том, что по мере «рационализации» в обществе усиливается и нарастает отчуждение людей друг от друга, от природы, культуры, истории, и это отчуждение, принимающее всё более глубокие и универсальные формы, делает развитие всё более стихийным, непредсказуемым с точки зрения целей и стремлений отдельных людей, втянутых в бешеный круговорот и вынужденных играть по чуждым им правилам, но вместе с тем вполне прогнозируемым, поскольку эта отчужденная социальная стихия подчиняется определенным закономерностям и тенденциям. Но вот может ли подобное стихийное развитие общества изменить свой характер и направление, может ли общество внять предупреждениям о грозящих ему опасностях? Исторический опыт показывает, что различные общества и цивилизации на разных ступенях своего развития существенно различаются в этом отношении. Во-

обще изменить во многом стихийное развитие общества довольно трудно, и общества, обладающие огромной инерцией или отсутствием механизмов передачи сигналов снизу вверх, от низших классов и социальных групп к высшим, как правило, реагируют на возникающие вызовы несвоевременно и переживают глубокие катастрофы. Примерами могут служить римское общество в эпоху своего упадка, французское общество конца XVIII в. или российское общество начала XX в. Однако существует и множество примеров, когда «верхи» своевременно улавливали сигналы об опасности и предпринимали необходимые меры для того, чтобы избежать социального взрыва, распада общества и государства. Достаточно привести примеры реформ Солона в древних Афинах, спасших афинское общество от язвы ростовщичества и долгового рабства, политических и экономических реформ в Великобритании в 1830-е — 1860-е гг., предотвративших взрыв общественного недовольства, «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта в 1930-е гг. в США, который вывел страну из глубокого кризиса и сделал Соединенные Штаты мировым лидером, реформы де Голля во Франции конца 1950-х — начала 1960-х гг., которые вывели государство из тупика, обусловленного противостоянием «левых» и «правых». Поэтому общество и государство, если они не деградируют и не гниют заживо, в принципе способны (пусть не сразу) более или менее адекватно реагировать на возникающие вызовы и угрозы, менять характер и траекторию своего развития. В такие переломные эпохи особенно важна способность личностей, стоящих во главе государства, других общественных и политических деятелей прислушиваться к сигналам об опасности, к «пробуждающим прогнозам», которые нацеливают на определенные действия, на преодоление узких своекорыстных интересов правящих групп. При этом масштаб личности, стоящей во главе государства в эти кризисные, переломные эпохи, как правило, определяется вовсе не случайностью и не чудесами, а состоянием общества, его способностью выдвигать действительно талантливых и прозорливых лидеров. В силу этого предупреждающие и пробуждающие прогнозы, рассматриваемые в данной работе, обращены от-

нюдь не только к политическим лидерам (хотя к ним также), но и ко всем мыслящим людям, которым небезразлична их собственная судьба, судьба их общества, их культуры, их мира. В заключение имеет смысл кратко остановиться еще на одном вопросе — на общей методологии рассмотрения и анализа любых прогнозов, которая используется в данной работе. Эта методология включает следующие этапы рассмотрения каждого данного прогноза — независимо от того, кто является его автором и к какой области он относится.

1. Определение области или сферы жизни общества, к которой относится данный прогноз.
2. Формулировка самого прогноза и его более подробная трактовка, объяснение его содержания и смысла.
3. Раскрытие тенденции, закономерности или логического построения, с помощью которого был сделан данный прогноз.
4. Анализ фактов, свидетельствующих в пользу справедливости данного прогноза, и фактов, противоречащих ему («за» и «против»).
5. Уточнение и конкретизация прогноза, более точное определение сферы его действия, обрисовка возможных вариантов с выделением наиболее вероятных из них или же, напротив, критика и радикальное переосмысление данного прогноза.

Представляется, что подобная схема анализа прогнозов позволяет избежать произвола в их трактовке и в выяснении их значения. Любой прогноз должен быть открыт для критики и для последующей «работы над ошибками», если он оказался в чем-то ошибочным. В целом же, несмотря на всю сложность и трудоемкость исторического прогнозирования, несмотря на необходимость исторического чутья и интуиции при любом прогнозировании, нам представляется, что правильный прогноз — не только венец теории, не только критерий ее истинности, не только способ удовлетворить естественную человеческую потребность в понимании грядущего, но и средство пробудить человека и общество от умственной спячки и паралича воли — для мобилизации сил и ответа на многочисленные вызовы современного мира.

ЧАСТЬ I
ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Глава 1
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

1.1. Некоторые методологические проблемы исследования будущего

Как уже отмечалось, несмотря на множество сбывшихся или сбывающихся прогнозов и предвидений, в настоящее время среди многих ученых, политических деятелей, рядовых граждан широко распространен скептицизм в отношении понимания и предвидения будущего человека и общества. Очевидно, что для подобного скептицизма существуют причины как объективного, так и субъективного свойства. Одной из объективных причин является ярко выраженное усложнение жизни как отдельного человека, так и всего общества, связанное с развитием технической цивилизации, ростом населения Земли, процессами развития капитализма, мирового рынка и «индивидуализированного общества» (З. Бауман), в котором господствуют отчуждение и отчужденный труд, а также с последствиями этих процессов — урбанизацией, глобализацией, информатизацией и т.п. В связи с этим усложнением жизни возникает впечатление, что ничего прогнозировать или предвидеть невозможно, что всё новое возникает неожиданно, а выявляемые тенденции общественного и индивидуального развития являются кратковременными и не дают возможности что-либо эффективно прогнозировать. И действительно, мало кто в 1970-х — 1980-х гг. мог предвидеть такие крупные события и процессы, как крушение и распад Советского Союза, глобальное распространение международного терроризма, резкое уси-

ление Китая, появление Интернета и т.п. Скептики вроде бы торжествуют, и распространяется мнение, будто все исследования будущего (точнее, вариантов будущего) мало что дают для понимания того, что будет происходить в реальности.

В действительности, однако, ситуация с прогнозированием не столь безнадежна. Во-первых, по мере развития технической цивилизации, мирового рынка и капитализма, а также связанного с этим развитием усложнения социальных, экономических и политических институтов отношения между людьми в обществе становятся всё более регулярными и устойчивыми, а само развитие общества — всё более «организованным в своей стихийности» и «стихийным в своей организованности», а значит, подчиняющимся определенным закономерностям и тенденциям всякого стихийного («естественного») развития. Последнее обстоятельство кажется парадоксом, но ситуация здесь в принципе такая же (несмотря на все очевидные различия), как и в случае объектов естественных наук: гораздо легче описывать и прогнозировать поведение целых организованных совокупностей (ансамблей) элементарных частиц, атомов, молекул, особей растительного и животного мира, чем поведение отдельных элементарных частиц, атомов, молекул, особей. Гораздо легче, например, описать механическое вращение планеты, представляющей собой сложно организованную систему частиц вещества, вокруг Солнца, чем движение одного электрона, одного атома или нескольких отдельных «неорганизованных» электронов и атомов. Разумеется, это только поясняющая аналогия, она показывает, что не всякое усложнение и не всякое повышение уровня организации делает описание и прогнозирование поведения объекта более сложным.

Конечно, в отличие от атомов и молекул, отдельные люди и целые социальные группы обладают сознанием и волей, могут менять свое поведение, совершать выбор. Но если, как уже говорилось, поведение каждого отдельного человека из-за сложности и непредсказуемости его сознательного или бессознательного выбора действительно невозможно прогнозировать, то поведение социальных групп или целого общества под-

чиняется определенным тенденциям. Происходит это потому, что социальная группа или общество на деле не является суммой индивидуальных сознаний и воль; в результате столкновения многих сознаний и воль, приводящего к их частичной «нейтрализации» и доминированию наиболее общих и простых потребностей и интересов, поведение любого коллектива людей становится во многом бессознательным и подчиняется не индивидуальным, а групповым интересам и целям, которые определяются ограниченным числом факторов. Эти факторы можно выявить и на их основе проанализировать те тенденции, которым в итоге подчиняется поведение больших социальных групп. Конечно, задача эта совсем не проста, а факторы поведения социальных групп отнюдь не сводятся к чисто экономическим или технологическим. К тому же следует учитывать динамизм общественно-исторического развития и быстрое изменение самих факторов и тенденций, определяющих жизнь общества. Но само изменение факторов, тенденций и «вектора» общественного развития происходит отнюдь не случайным образом, оно определяется предшествующим развитием общества и потому в принципе доступно для постижения и прогнозирования. Поэтому ссылки на сложность, организованность и «сознательность» общества, кажущиеся скептикам неотразимым аргументом против возможности прогнозирования общественного развития, не вполне убедительны.

Во-вторых, существуют не только краткосрочные или среднесрочные, но и долгосрочные тенденции общественного развития, позволяющие делать соответствующие прогнозы. При этом многие «принципиально новые», преподносимые как абсолютно уникальные тенденции на деле являются своеобразным продолжением и видоизменением прежних фундаментальных трендов или закономерностей, которые на время отошли в тень и оказались забыты, а затем были переоткрыты заново. Так, например, во многом обстоит дело с процессами глобализации. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс писали в середине XIX в. в «Манифесте Коммунистической партии»: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного

рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому
34
огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворяющихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся всё более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [Маркс, Энгельс 1955. С. 427—428]. К этому можно добавить и известную констатацию И. Валлерстайна: «В том, что сейчас называют глобализацией, нет ничего нового. Это просто естественный способ функционирования капиталистической мир-системы... Если вышеизложенное утверждение правильно, то нет доказательств того, что сегодня мир-экономика "глобализирована" больше, чем в более ранние периоды, в первую очередь в период между 1873 и 1914 гг.». Иными словами, развитие глобализации прослеживается на протяжении многих веков, хотя это развитие является не линейным, а скорее волнообразным. К числу таких сквозных, проходящих через многие века и охватывающих многие страны и континенты тенденций относятся тенденция роста торгово-денежного богатства и финансового капитала, тенденция экономической и политической модернизации, тенденция образования и распада империй,
35
тенденция смены лидирующего мирового центра и противостоящего ему противоцентра, а также многие другие тенденции («мегатренды»), о которых речь будет идти ниже. Даже рост численности населения Земли, как показал С.П. Капица, подчиняется определенной закономерности на протяжении многих тысяч лет [Капица 1999] и в значительной мере является прогнозируемым.

В-третьих, такие процессы и события, как распад СССР, распространение международного терроризма и усиление Китая, не являются столь уж непрогнозируемыми. Более того, эти процессы во многом связаны друг с другом, поскольку после распада Советского Союза, игравшего роль альтернативного «полюса силы» или «противоцентра» по отношению к центру-лидеру (США), на освободившееся место противоцентра стали претендовать, с одной стороны, вступившие в полосу модернизации страны исламской цивилизации, а с другой стороны, сравнительно успешно модернизирующийся Китай [Лапкин, Пантин 2004. С. 161—163]. Что касается распада Советского Союза, то, несмотря на очевидные провалы американской и, шире, западной советологии, не сумевшей дать верный прогноз и игнорировавшей очевидные симптомы, некоторые более прозорливые западные и отечественные авторы всё же смогли предугадать судьбу СССР. Заметное усиление Китая прогнозировалось многими авторами, а рост международного терроризма нетрудно было предсказать на основе анализа демографических тенденций в странах исламского мира, а также учитывая неспособность ведущих государств решать острые проблемы Ближнего и Среднего Востока. Однако, повторим еще раз, почти никто из исследователей и аналитиков не связал и не связывает (быть может, за исключением С. Хантингтона) процессы распада бывшего противоцентра — Советского Союза и подъем исламского терроризма и Китая. Это происходит потому, что события в мире, несмотря на все рассуждения о глобализации

и взаимосвязанности процессов в разных странах и регионах, по-прежнему, как правило, воспринимаются и исследуются изолированно, без анализа конкретных связей, существующих между процессами, протека-
36
ющими в разных частях единой мировой экономической и политической системы.
Другой сложной методологической проблемой, которая влечет за собой скептицизм в отношении возможности верно спрогнозировать мировое развитие, является проблема разграничения научного прогноза, философского предвидения, астрологического или гадательного «предсказания» и, наконец, пророчества, основанного на откровении или интуиции. Дело в том, что эти понятия часто смешиваются, и скептическое (хотя этот скепсис не всегда оправдан) отношение науки к любым пророчествам и предсказаниям переносится на прогнозы и определение перспектив будущего развития. Между тем одно из существенных различий между предсказаниями и пророчествами, с одной стороны, и прогнозами и определением перспектив будущего, с другой, состоит в том, что первые, как правило, говорят об одном («единственно возможном») варианте будущего, в то время как вторые исходят из множества принципиально разных вариантов развития событий, хотя вероятность осуществления этих вариантов может быть существенно различной. Иными словами, в развитии человека и общества есть поле возможностей, которое нужно исследовать. Фактически прогнозирование в этом случае имеет дело не с исследованием одного будущего, а с исследованием «многих будущих» (многих возможных будущностей), многих перспектив и направлений будущего развития человека и общества.
Другое, не менее существенное различие заключается в том, что пророчества и предсказания чаще всего совершаются на основе мистических прозрений, озарений, интуиции, и в этом смысле их когнитивная основа остается неясной для самих предсказывающих или пророчествующих, — в то время как прогнозирование и определение перспектив будущего более или менее отчетливо выявляет те тенденции и модели, на основе которых исследуется будущее. Правда, как отмечалось во введении, творческое прогнозирование также включает использование интуиции, воображения и даже фантазии, и поэтому все попытки формализовать прогнозирование ведут лишь к его сужению и деградации. В этом отношении грань
37
между прорицанием и прогнозированием относительна, но она всё же существует, и состоит она прежде всего в том, что прогнозирование соединяет интуицию с научным исследованием реальных социально-исторических процессов, а прорицание основывается исключительно на откровении. Подчеркнем, что в данном случае мы не оцениваем, что лучше — прогнозирование или прорицание, мы лишь констатируем существенное, принципиальное различие между ними.
Вместе с тем следует подчеркнуть принципиальное отличие научного, в том числе исторического, прогноза от бесчисленных астрологических предсказаний, толкований Нострадамуса и различного рода гаданий. На это обстоятельство приходится специально обращать внимание читателя, потому что астрология, толкование пророчеств и гадания всё больше превращаются в средства достижения многими предприимчивыми субъектами своих коммерческих целей и даже в некую разновидность шоу-бизнеса. Между тем очевидно, что само по себе перемещение Земли относительно планет и звезд, на котором основаны астрологические предсказания, или же расположение частиц кофейной гущи весьма мало влияют на развитие человека и общества; в истории действуют собственные социально-исторические тенденции и закономерности, которые очень слабо коррелируют с закономерностями изменения относительного положения Земли и других небесных тел. Однако наиболее ловкие и «продвинутые» астрологи фактически заимствуют результаты, основанные на анализе отдельных тенденций исторического развития или на анализе современной ситуации, с тем чтобы затем «упаковать» их в астрологическую обертку и напустить на обывателя густой туман рассуждений о ключевой роли расположения Марса,

Сатурна, Венеры и Юпитера относительно Земли и друг друга для судеб человечества. При этом люди, занимающиеся подобными операциями, не только не заинтересованы в более глубоком понимании и объяснении заимствуемых ими у других тенденций исторического развития, но вольно или невольно делают всё возможное, чтобы запутать людей и дискредитировать саму возможность использования исторических тенденций для прогнозирования будущего. И всё же не стоит на этом основании отрицать роль тенденций социально-исторического развития в определении перспектив будущего. Научное, в том числе историческое, прогнозирование принципиально отличается от астрологии и гадания, которые паразитируют на стремлении человека предвидеть будущее и на несовершенстве методов научного прогнозирования.

Что касается пророчеств, то они принципиально отличаются как от астрологических предсказаний и различного рода гаданий, так и от научного прогнозирования. Как уже говорилось, пророчества, как правило, основаны на интуиции и мистическом озарении, на различного рода видениях и переживаниях. В отличие от астрологических «прогнозов», к пророчествам, если они изрекаются людьми, по-настоящему одаренными особыми способностями ясновидения, как представляется, не следует относиться презрительно или легкомысленно. Некоторые пророки или ясновидцы («экстрасенсы») в самом деле обладают повышенной чувствительностью не только к происходившим или происходящим событиям, но и к тем событиям, которые уже назревают, но еще не произошли. Подобно тому, как многие животные ощущают приближение землетрясения, некоторые люди ощущают приближение личных или социальных катастроф. Библейские пророки действительно многое предчувствовали, Лермонтов действительно «видел» место своей будущей гибели («В полдневный жар в долине Дагестана с свинцом в груди лежал недвижим я...») и даже гибель Российской империи («Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...»), Ванга действительно предвидела некоторые важные события будущего. Разумеется, подлинных пророков и ясновидцев всегда было очень немного, но они были и есть. Лжепророков и шарлатанов всегда намного больше, но это и не удивительно — ведь гораздо легче имитировать способности, чем развивать их в себе. Если различие между прогнозом и пророчеством более или менее понятно, то разница между прогнозом и научным предсказанием (речь здесь, разумеется, не идет о предсказаниях гадалок) менее очевидна и по существу весьма относительна.

38

39

Тем не менее некоторые исследователи предлагают четко дифференцировать прогноз и предсказание. Так, современный русско-американский ученый П.В. Турчин видит основное различие между ними в том, что предсказание имеет более общий характер, чем прогноз, и является более мягкой формой исследования будущего: «Прогноз — это когда у вас есть модель, и можно предсказать в такой-то точке t значение какой-нибудь переменной. А предсказание — это более общая вещь, предсказание — это *эмпирическое сравнение между каким-то аспектом модели и моделируемым аспектом реальности.* Если вы возьмете как пример модель какого-либо хаотического движения, долгосрочный прогноз будущего поведения траектории невозможен, Но предсказание вы можете сделать о чем-то другом... например, как связано будет давление с температурой... Предположим, что ваша модель предсказывает, что в аграрном обществе периодически будет происходить демографический кризис. Тогда вы можете предсказать, с какой частотой он будет происходить, какова периодичность этих кризисов. Я не могу сказать, в каком веке, через сколько лет данное общество будет проходить через демографические кризисы, но, если вы мне дадите траекторию длиной в тысячу лет, я смогу вам сказать: "Моя модель предсказывает, что средний демографический цикл 250 лет". Значит, мы должны видеть четыре таких кризиса в течение данного тысячелетия. Вот предсказание, которое *не является прогнозом.* Но

для проверки такого предсказания мы должны иметь длинный период наблюдений» [Турчин 2004. С. 114, 117].

По П.В. Турчину получается, что предсказание имеет более общий и менее конкретный характер, чем прогноз; в частности, оно не может определить времени, когда произойдет данное событие, а лишь указывает на определенные связи, тенденции и закономерности, которые должны выполняться, например, на определенную частоту наступления кризисов вместо их более или менее точной датировки. В принципе подобное различение прогноза и предсказания вполне возможно, хотя не следует забывать, что большинство прогнозов в науке (в метеорологии, в экологии, в экономике, в политике и дру-

гих областях) имеют приблизительный и вероятностный характер. Для сложно организованных эволюционирующих систем создание детальных моделей, позволяющих точно рассчитывать значение переменных в каждый данный момент времени, является чрезвычайно редким событием. Чаще всего и в случае сложных природных и социальных систем приходится довольствоваться «мягкими», нежесткими моделями, которые позволяют оценивать прогнозируемые значения основных параметров лишь приближенно. Использование же «жестких» моделей, претендующих на точное определение параметров будущего развития сложной системы (будь то климат, размер популяции, численность населения, параметры экономического роста и др.), часто ведет к неверным выводам и крупным просчетам. В силу этого на деле граница между прогнозом и предсказанием часто весьма условна. В любом случае прогноз и предсказание тесно взаимосвязаны, поскольку часто опираются на одну и ту же модель, причем нередко по-разному отражают одни и те же стороны и аспекты этой модели. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать термины «прогноз», «прогнозирование», понимая их достаточно широко и включая в них то, что Турчин называет «предсказанием».

Еще одной важной методологической проблемой является вопрос о том, что именно возможно прогнозировать в развитии общества. Очевидно, что здесь отнюдь не всё поддается прогнозированию. Практически невозможно, например, спрогнозировать конкретные события, которые приведут к радикальным политическим изменениям и сдвигам — реформам, переворотам, революциям. Однако сами эти изменения и сдвиги предвидеть и прогнозировать можно, поскольку на них указывают множество событий, формирующих вектор социально-политического развития в данную эпоху. Никто не мог предвидеть, какое конкретное событие подтолкнет к свержению монархии в России, но многие предвидели и предчувствовали, что революция грянет толив1916,толив!917 году. Точно так же никто не мог предсказать, как именно начнется вторая мировая война, но после прихода Гитлера к власти многие прогнозировали и ожидали ее в конце 1930-х — начале 1940-х го-

дов, а Освальд Шпенглер еще в начале 1920-х годов предсказал, что она начнется примерно через 20 лет.

Итак, большинство конкретных событий предсказать невозможно, но можно прогнозировать результаты социально-исторических процессов. Конечно, здесь возможны варианты, и всякий прогноз такого рода носит вариативный характер. Февральской и Октябрьской революции в России могло бы и не быть, если бы Россия вышла из мировой войны. Второй мировой войны могло бы не быть, если бы не разразились экономический кризис и великая депрессия. Но могла ли Россия выйти из войны, могли не разразиться мировой экономический кризис? Вероятность этого была ничтожно мала. И всё-таки она была, поэтому существовали и различные варианты развития России, Германии и всего мира. В этом, как представляется, и состоит основной смысл так называемой «аль-

тернативной истории» — моделирования различных вариантов исторических процессов. Но, создавая различные модели истории, необходимо помнить, что они служат более глубокому и более широкому познанию факторов и движущих сил исторического развития, а в грубой действительности «история не знает сослагательного наклонения». И всё-таки будущее многовариантно, только наиболее вероятных вариантов не так много, как кажется на первый взгляд. И это дает возможность находить эти наиболее вероятные варианты будущего.

Наконец, следует также учитывать, что методология и подходы к краткосрочному, среднесрочному и долгосрочному прогнозированию, как правило, существенно различаются. Если для краткосрочного прогноза в большинстве случаев достаточно анализа современной ситуации и экстраполяции некоторых значимых тенденций и процессов настоящего, то для среднесрочного и особенно долгосрочного прогноза, как правило, необходимо построение достаточно сложной модели, учитывающей тенденции общественно-исторического развития не на коротком, а на длительном временном промежутке. При этом общих рецептов построения таких моделей не существует, поскольку всё зависит от области общественной жизни, временного интервала и конкретной задачи прогнозирования,

а также от умения прогнозирующего выделить наиболее значимые факторы и тенденции. На наш взгляд, большим прогностическим потенциалом обладают модели, основанные на различного рода ритмах и волнах социально-исторического развития, которые мы используем в данной работе. Но, разумеется, существует множество других подходов и сложных моделей, позволяющих прогнозировать важные процессы и явления; среди таких подходов следует упомянуть, например, мир-системный подход и цивилизационную модель С. Хантингтона.

Итак, проблемы исследования будущего, прогнозирования и предсказания исторического развития реально существуют, но это не является достаточным основанием для негативного отношения к прогнозам. Проблемы необходимо видеть и по возможности решать, не поддаваясь соблазну «агностицизма в отношении будущего», оборотной стороной которого неизбежно становится слепое доверие человека к шарлатанам, монополизирующим право на знание грядущего. Человек всё равно и несмотря ни на что хочет знать будущее, и нужно сделать всё возможное, чтобы это стремление приводило к конструктивным, а не к деструктивным результатам. Одним из перспективных путей достижения этой цели, как уже говорилось, является развитие методов исторического прогнозирования (см. главу 2).

1.2. Прогноз как критерий истинности научной теории

В методологическом и научно-практическом плане чрезвычайно важным является то обстоятельство, что прогноз служит одним из основных критериев истинности и плодотворности теории, положенной в основу анализа. Если неверен прогноз, то в чем-то ошибочна теория, и ее необходимо корректировать, дополнять или пересматривать. Казалось бы, это очевидное соображение, являющееся следствием известной аксиомы «практика — критерий истины», должно было войти в плоть и кровь современного гуманитарного знания. Однако это далеко не так. Одна из главных бед современных общественных

наук состоит в разрыве между фундаментальными научными исследованиями, научными теориями, с одной стороны, и практическим прогнозированием будущего развития человека и общества, с другой. И этот разрыв по существу является пропастью. Несколько упрощая, можно сказать, что, с одной стороны, есть «высокая» научная теория, во многом существующая сама для себя и являющаяся предметом схоластических споров ученых мужей, а с другой стороны, есть «низкая» практическая реальность настоящего и будущего, которой занимаются «прикладные» науки, а также «футурология», «прогностика», «исследования будущностей» и т.п. И эта «другая сторона» почти никак не связана

с «первой стороной»: фундаментальная теория существует сама по себе, а «футурология» и иже с ней — сами по себе.

В результате в современных общественных науках и на Западе, и в России существует множество красивых теоретических построений, которые либо не имеют никакого отношения к действительности, либо искажают ее настолько, что любое их применение ведет к непредсказуемым и чрезвычайно опасным результатам. Такова, например, концепция «конца истории», элегантно провозглашающая «полную и окончательную» победу либеральной демократии во всем мире — подобно тому, как в свое время провозглашалась и теоретически обосновывалась «полная и окончательная» победа социализма в СССР; такова же внешне эффектная концепция «экономики, основанной на знаниях» (имеется в виду экономика развитых стран Запада), которая якобы почти не нуждается в энергетических и вообще сырьевых ресурсах; таковы же многие внешне убедительные геополитические концепции, практическое применение которых прямо провоцирует политические и военные конфликты, а то и полномасштабные войны. Авторы таких построений не столько изучают реальность, сколько более или менее произвольно «конструируют» ее в соответствии со своими вкусами и предпочтениями. Разумеется, можно спорить по поводу истинности этих и других концепций, но сам факт широкого распространения теорий, авторы которых сознательно дистанцируются от грубой реальности либо искажают ее в

угоду своим вкусам или идеологическим предпочтениям, весьма симптоматичен. Но не зная реальности и не стремясь понять ее, как можно что-либо верно прогнозировать? И какова цена теориям, грубо искажающим реальность?

Искажение реальности в теории может быть обусловлено не только погоней автора за внешней красотой и эффектностью своего построения. Гораздо чаще встречается стремление угодить господствующим мнениям и вкусам, как бы нелепы и абсурдны они ни были. Это объясняется своеобразной «цензурой общественного мнения», навязывающей свои представления о политике, экономике, морали, культуре, а также проникновением рыночных, коммерческих отношений в науку, в сферу гуманитарных знаний. В погоне за «простотой» и приемлемостью для «среднего» массового человека, которые являются условием коммерческого успеха, многие авторы более или менее явно искажают реальность или же просто не считаются с ней. С этим же стремлением угодить господствующим мнениям и вкусам связана и идеологизированность, идеологическая ангажированность многих теоретических построений, широко распространенная в самых «свободных» обществах. В идеологическом отношении «организованное» западное общество подчас свободно не более, чем общество теократическое: всё, что не согласуется с общепринятыми догмами либерализма или консерватизма, нередко отметается, зато широко используются удобные для сознания западного человека идеологические мифы и построения. Наконец, в современную эпоху «информационного общества» важнейшим фактором искажения картины происходящего стало создание взамен подлинной реальности искусственной «виртуальной» и, более того, отказ от объективного исследования происходящего как такового. Газетная «реальность», телевизионная «реальность», компьютерная «реальность» всё больше заслоняют объективно существующую реальность, что приводит к чудовищному искажению картины происходящих событий в целях манипулирования сознанием людей. И процессы эти влияют на научное и философское мышление, заставляя его всё больше исследовать не реально происходящие процессы, а их отраже-

ния в кривом зеркале СМИ или Интернета. Но подлинная, объективно существующая реальность всё равно рано или поздно напомнит о себе — в виде экономических кризисов, провалов во внешней и внутренней политике, неожиданных стихийных явлений и катастроф. От всего этого не спрячешься в Интернет или в телевизор: с реальной бедой нужно справляться отнюдь не виртуальными средствами. Но до поры до времени это

остается скрытым и от большинства людей, и от многих исследователей.
В результате при всем концептуальном богатстве и логической изощренности современной науки ее прогностический потенциал на удивление мал. За примерами недалеко ходить. Как уже отмечалось, ни советология, ни отечественные общественные науки не смогли предсказать перестройку, крушение коммунистических режимов в Восточной Европе, крах советской системы, распад Советского Союза, конфликты в Югославии, усиление международного терроризма и многие другие ключевые события конца XX — начала XXI в. И дело здесь, повторяем, не в слабой разработанности методов экстраполяции или недостаточной скорости совершаемых компьютерами операций, а прежде всего в разорванности между фундаментальными научными исследованиями и прогнозированием будущего.
Разумеется, провалы гуманитарных наук при анализе настоящего и будущего во многом объясняются не только существующим разрывом между фундаментальными и прогности-ческими исследованиями, но и сложной взаимозависимостью процессов, протекающих в разных частях мира. Методологии же, которая позволила бы в полной мере учесть тонкие связи между глобальными, региональными и национальными процессами, практически нет. Концепции глобализации и «глока-лизации» пока что справляются с этой проблемой слабо и, как правило, учитывают лишь воздействие процессов, происходящих на Западе, на незападные страны; обратное же влияние они практически игнорируют. Результат — заведомо искаженная картина настоящего и будущего, не позволяющая правильно прогнозировать. В какой-то мере проблему взаимовлияния
Запада и не-Запада поставил С. Хантингтон, выдвинувший концепцию «столкновения цивилизаций», но и она представляет собой в лучшем случае лишь подход к проблеме, а не ее решение.
Между тем прогнозированием и исследованиями наиболее вероятных вариантов будущего стоило бы заниматься не «засекреченным» сотрудникам закрытых аналитических центров, где из-за отсутствия полноценного открытого интеллектуального общения работы обычно не приносят особых успехов, а обычным ученым, занимающимся фундаментальными и прикладными исследованиями, работающим открыто и печатающимся в открытой печати. При этом им вовсе не обязательно объединяться в «футурологические» или «прогностические» ассоциации (такие объединения, как свидетельствует опыт, малоэффективны [Бестужев-Л ада 2004. С. 97—105]) или специально придавать своим работам прогностический оттенок. Достаточно проанализировать собственные исследования или работы коллег с точки зрения того, какие перспективы из них вырисовываются и насколько подтверждаются эти перспективы. При этом неминуемо встанут вопросы о методологической базе исследования, об условиях применения используемых методов или концепций, о масштабах и значимости выявленных тенденций и т.п. Тогда-то и возникнет настоящая возможность проверять истинность тех или иных концепций, причем проверять, руководствуясь не абстрактно-логическими принципами позитивизма или неопозитивизма, а реальным ходом событий.
Удивительно, что подобная практика, обычная для естественных наук (если выдвигаемую теорию нельзя проверить на опыте, в эксперименте, то такая теория в физике или химии просто не нужна), столь мало распространена в общественных науках и — шире — в гуманитарном знании. Обычный ответ на это состоит в том, что в общественных науках нельзя или очень трудно поставить эксперимент. Но не обязательно ставить эксперименты на живых людях и целых обществах (хотя политики, экономисты, военные только и занимаются этим — взять хотя бы «коммунистический эксперимент» в

СССР и ряде других стран, «нацистский эксперимент» в Германии 1930-х годов, «либерально-рыночный» эксперимент в постсоветской России и бывших советских республиках, «эксперимент» США и их союзников в Ираке и др.). Достаточно более или

менее верно спрогнозировать хотя бы некоторые важные события и процессы будущего, чтобы теория в общественных науках получила право на существование. Но если теория выдает неправильные прогнозы и неверно рисует перспективы, это означает, что она основана на неверных предпосылках или же делает некорректные выводы.
Значение прогнозов для развития теории чрезвычайно важно и по следующей причине. Дело в том, что сбывшийся прогноз в гуманитарном знании играет ту же роль, что «мысленный эксперимент» в естественных науках. Те связи и взаимодействия, которые в научной концепции лишь предполагались и обосновывались, становятся доказанными, после того как обнаружилось соответствие вытекающих из концепции прогнозов реальности. Тем самым полный «цикл» развития научной концепции включает стадию теоретического «угадывания» и обнаружения связей внутри исследуемого объекта, стадию упорядочения этих связей, стадию теоретического обоснования значения созданной таким образом модели, стадию формирования прогноза на основе созданной модели и стадию проверки этой модели на предмет соответствия сделанного прогноза реально наблюдающимся явлениям. Таким образом, прогноз проясняет и доказывает те связи, которые в научной концепции были лишь намечены в общих чертах.
Положение, однако, осложняется тем обстоятельством, что в общественных науках всегда в той или иной мере присутствуют интересы и идеологические предпочтения, стремящиеся исказить реальную картину настоящего и перспективы будущего. Как известно, если бы в геометрии присутствовали интересы тех или иных властных группировок, это привело бы к тому, что сумма углов в треугольнике была бы больше или меньше 180 градусов. Но дело всё же не безнадежно: и в общественных науках, как и в науках естественных, следует не доверять благим рассуждениям и пожеланиям, за которыми скры-
ты корыстные интересы, а судить по делам и реальному развитию событий. Никакие интересы, никакая самая изощренная пропаганда и манипулирование сознанием не в состоянии отменить экономический кризис, массовое недовольство в обществе или падение прогнившего политического режима. Можно сколько угодно твердить о вечном процветании, о «полной и окончательной» победе, о великих успехах, но рано или поздно реальность скажет свое веское слово. И общественные науки должны быть не служанками власть имущих, а действительно независимыми областями знания, представители которых озабочены поисками истины, а не только премиями, званиями и гонорарами.
Таким образом, без понимания объективно существующей реальности невозможно построить теорию, дающую верный прогноз. Проверить работоспособность теории можно главным образом по прогностическим выводам, которые из нее вытекают. Расхождение теории и практики, логических построений и происходящих процессов должно вести к переосмыслению основ теории или по крайней мере к ее существенной корректировке. Теоретик должен ощущать ответственность за свое дело, поскольку в общественных науках не бывает нейтральных по своим последствиям теорий, и за ошибочность или за злонамеренное употребление некоторых теоретических построений подчас приходится расплачиваться миллионам людей.

1.3. Философия истории Канта и Фихте: общие перспективы мирового развития

Как известно, в отличие от узкоспециализированных исторических или социологических дисциплин, философия истории всегда была ориентирована на понимание и осмысление не только прошлого и настоящего, но и будущего. «Философия истории — раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса. Соответствующий тип сознания активизируется в переходные, нестабильные эпохи, когда рушатся привычный уклад, казавшиеся незыблемыми учреждения и проблемати-

зируется само человеческое бытие. Философия истории решает вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего, сама постановка которого свидетельствует о неудовлетворенности настоящим. Последнему противопоставляется либо прошлый "золотой век", что создает ностальгическую интенцию философии истории, либо чаемое будущее, что характеризует про-спективистскую интенцию» [Панарин 2001. С. 202].
Почему имеет смысл начать рассмотрение прогнозов именно с предвидений крупнейших философов истории, а не с оценок будущего, скажем, такими специальными науками, как демография, экономика, социология, политология? Дело в том, что классики философии истории, в отличие от узких специалистов, мыслили интегрально, целостно, анализируя огромное количество тенденций, относящихся не только к одной или двум, но ко многим областям жизни человека и общества. К тому же они опирались на исторический интеллектуальный и духовный опыт двух тысячелетий, в то время как специализированные науки, возникшие всего лишь сто — двести лет тому назад, как правило, высокомерно игнорируют «донаучный» опыт человечества. Конечно, мы живем в век науки и техники с его узкой профессиональной специализацией, но прогноз будущего развития по-прежнему требует интегрального видения ситуации! И здесь «устаревшее», во многом интуитивное мышление великих философов, опиравшихся, кстати говоря, на исследования конкретных наук, но не только на них, нередко бывает более результативным, чем «точные» прогностические исследования узких специалистов. Сказанное нисколько не умаляет достижений и прогностического потенциала конкретных наук, относящихся к разным областям знания (к их прогнозам мы будем многократно обращаться на протяжении этой книги); речь идет лишь о непродуктивности широко распространенного в научной среде высокомерного игнорирования прогнозов крупных мыслителей прошлого на том лишь основании, что они-де не соблюдали каноны современной узкоспециализированной науки.
Представляется, что именно поэтому у наиболее крупных философов истории есть чему поучиться в плане подходов к

прогнозированию и определению перспектив будущего, а их взгляды на проблемы прогнозирования и сделанные ими прогнозы представляют несомненный интерес. Для того чтобы лучше понять настоящее и будущее, представляется важным и необходимым вернуться из нашего сегодня к великим мыслителям прошлого, чтобы посмотреть, в чем они были правы и в чем — нет, насколько работает их методология и насколько принципы их мышления соответствуют действительности.
Начнем с И. Канта, у которого можно найти важные для понимания характера исторического развития и определения его перспектив методологические идеи. Как известно, продолжая и критически развивая, переосмысливая традиции Просвещения, Кант выводит *разум* за рамки *природной необходимости,* более того — противопоставляет ей, понимая его как сверхприродное, сверхчувственное начало в человеке. Исследуя нетождественность и фундаментальные различия природного закона и закона нравственного, Кант отмечает, что в основе закона природы лежит причинность, тогда как в основе нравственного закона, формирующего человеческое поведение, лежат закономерности осуществления свободы, т.е. це-леполагания и целедостижения, в совокупности составляющие субъективную телеологию человека как нравственного существа. Философия истории Канта непосредственно проистекает из такого противопоставления *природы* и *разума,* которому соответствуют два возможных подхода к истории.
Один из них — это подход естественнонаучный, или теоретический, подобный тому, с помощью которого изучаются закономерности и причинно-следственные связи природных явлений. В его основе лежат представления о том, что совокупной жизни человеческого рода, формируемой проявлениями отдельных и разнонаправленных, не имеющих согласованного плана человеческих воль, управляемых к тому же скорее не

разумом, а инстинктом, тем не менее присущ закономерный характер. Так, в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант пишет: «...Человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы, определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих про-

явлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в *совокупности,* то могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков»; при этом, «...когда... отдельные люди и даже целые народы... каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы, как за путеводной нитью, и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались» [Кант 1995. С. 423]. Более того, именно эта сохраняющаяся до настоящего времени неспособность человеческого рода в целом к разумному целеполаганию и обеспечивает возможность изучения его истории как *естественного* и *закономерного* процесса: «Поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную *собственную цель,* нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел *цель природы,* на основании которой у существ, действующих без собственного плана, всё же была бы возможна история согласно определенному плану природы» [Кант 1995. С. 424]. А вместе с тем она же позволяет рассчитывать на возможность «...беспорядочный *агрегат* человеческих поступков, по крайней мере в целом, представить как *систему»* [Кант 1995. С. 434].

Ключевым механизмом, благодаря которому хаотическая совокупность действующих по произволу или в силу обстоятельств людей порождает «законосообразный порядок» их социального бытия, является, по Канту, их *антагонизм* в обществе или, иными словами, «недоброжелательная общительность людей... их склонность вступать в общение, связанная, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением» [Кант 1995. С. 426], задатки чего, по мнению Канта, явно заложены в человеческой природе. Именно это противоречие социального бытия человека
(который «своих ближних не может *терпеть,* но без которых он не может и *обойтись»),* т.е. необходимость общения с себе подобными и в то же время стремление к уединению, диктуемое «желанием всё сообразовывать только со своим разумением» и не становиться орудием чужой воли, — и открывает, по Канту, перспективу «превратить грубые природные задатки нравственного различения в определенные практические принципы и тем самым *патологически* вынужденное согласие к жизни в обществе претворить в конце концов в *моральное* целое» [Кант 1995. С. 426].

Эта перспектива облекается им в формы *«всеобщего правового гражданского общества»',* достижение такого общества является *«величайшей проблемой для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа».* Это общество, «в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, т.е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода. Вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, и именно величайшая из бед — та, которую причиняют друг другу сами люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом... *Эта проблема,* — подчеркивает автор, — *самая трудная и позднее всех решается человеческим родом»* [Кант 1995. С. 427-428].

Одним из необходимых и закономерных этапов на пути решения этой задачи является *«установление законосообразных внешних отношений между государствами»,* для чего приходится преодолевать ту же самую *необщительность,* но теперь уже перенесенную на уровень межгосударственной политики. «Природа, таким образом, опять использовала неуживчивость людей... как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними

найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабевающей подготов-
52
53
ки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает... после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов (foedus Amphic-tyonum), от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли» [Кант 1995. С. 429—430].

Уже этот довольно абстрактно сформулированный прогноз мирового развития спустя более двух столетий нельзя не признать успешно реализующимся. Несмотря на целый ряд дисфункций, привносимых в межгосударственный правовой порядок многочисленными проявлениями имперской и гегемонист-ской политики ряда т.н. «великих держав», общая тенденция развития межгосударственных отношений последних десятилетий (впрочем, так же как и более пространный временной мегатренд, сформированный еще во времена Канта в ходе английской промышленной и либеральной революции конца XVIII — начала XIX в.) свидетельствует о том, что в точном соответствии с логикой Канта именно всё более ясно осознаваемые угрозы и риски взаимного уничтожения соперничающих глобальных политических субъектов побуждают их к выработке регулирующих мировую политику принципов и «законов объединенной воли». Более того, предсказание Канта о том, что бедствия, порождаемые «варварской свободой уже образовавшихся государств» и опустошительными войнами между ними, «...заставляют наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, и создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать *всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности»* [Кант 1995. С. 431], оказывается сегодня на редкость созвучным планам создания пресловутой глобальной
антитеррористической коалиции великих держав и построения нового мирового порядка, основанного на принципах права, свободы и демократии.

Однако нельзя не отметить, что историческое предвидение Канта несравненно глубже и основательнее конъюнктурных идеологических конструкций современных политиков. Кант заранее указывает на ограничения и скрытые противоречия, имманентно присущие описываемым им стихийным процессам осуществления целей природы в человеческой истории. В качестве неизбежных следствий процессов интеграции и универсализации мировой политики он называет известное «ослабление» сил человечества, а также сохраняющуюся при этом практику отвлечения сил государства от задач нравственного совершенствования общества и его граждан («...всё доброе, не привитое на морально добром образе мыслей, есть не более как видимость и позлащенная нищета» [Кант 1995. С. 431— 432]). Для каждого человека, в том числе и облеченного политической властью и наделенного правом навязывать свою волю другим людям, указывает Кант, его собственной животной природой предопределена неизбежность «злоупотребления своей свободой в отношении своих близких». Более того, «...как разумное существо, он желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение» [Кант 1995. С. 428]. Такая природно обусловленная коллизия создает для политики и понимания исторического процесса немалые трудности, поскольку требует некоей верховной воли, способной сломить и подчинить волю отдельного человека «общепризнанной воле». Однако в эпоху Просвещения, а тем более в наше время весьма затруднительно указать на субъекта такой верховной воли, не имеющего изъянов,

свойственных человеческой природе. «Как ни поступит человек в данном случае: предоставит ли он верховную власть одному или сообществу многих избранных для этой цели лиц, нельзя понять, как он создаст себе главу публичной справедливости, который сам был бы справедлив. Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять
54
55
своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законами... Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно...» [Там же]. Итоговый вывод Канта в этом смысле весьма неутешителен: «...Из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа» [Кант 1995. С. 428-429]. В этом пункте Кант по существу останавливается в разработке логики самореализации человеческого рода как обретения им способности к разумной воле и подчинения ей присущих ему природных инстинктов. Возможности кантовского *практического разума* в вопросе предвидения грядущего исторического развития оказываются достаточно ограниченными. Провозглашая целью человеческого рода осуществление идеалов свободы и разума, т.е. обретение способности действовать в соответствии не с природной необходимостью, а в первую очередь с нравственным долгом, Кант оставляет без подробного рассмотрения вопрос о том, каким путем возможно осуществить эту историческую трансформацию.

Попытка решения этой задачи была осуществлена другим великим философом того времени И.Г. Фихте. Фихте отказывается от принципиального для Канта разграничения *теоретического* и *практического* разума и тем самым разрушает выстроенный Кантом барьер между сферой свободы, нравственного идеала и сферой реальной мировой истории. Он утверждает последовательный телеологический принцип исследования существа исторического процесса, усматривая в каждой последующей его стадии следствие предыдущей. Каждый последующий этап исторического развития лишь приближает человечество к конечной цели его земной жизни, последовательно реализуя тем самым мировой план истории. В качестве краеугольного камня возводимой конструкции он формулирует ключевой тезис изложения: *«Цель земной жизни человечества заключается в том, чтобы установить в этой жизни все свои отношения свободно и сообразно с разумом»* [Фихте 1993. С. 366]. Иными *словами,разум* понимается Фихте как основной закон,
56
управляющий жизнью не только всякого духовного существа, но и человечества в целом, однако в последнем случае разум не всегда может действовать свободно и потому проявляется через естественный закон, управляющий человеческой историей; на этой стадии разум «проявляется и действенно обнаруживается в сознании, но без разумения оснований, то есть в смутном чувстве (так называем мы сознание без разумных оснований)... Выражаясь короче и обычным языком: где разум не может действовать через свободу, он действует как смутный инстинкт» [Фихте 1993. С. 367]. Исходя из этих посылок, Фихте разделяет земную жизнь человеческого рода' на два больших периода: «первый, когда род живет и существует, еще не устроив своих отношений свободно и сообразно разуму, — и второй, когда он свободно осуществляет это разумное устроение» [Фихте 1993. С. 367]. Очевидно, что не только для современного читателя, но и для самого Фихте наибольший практический интерес представляет рассмотрение особенностей первого периода.

В отличие от второго периода, когда свобода, окончательно преодолевшая диктат инстинкта, ясно сознает разум как основание собственных действий, первый период состоит из последовательности сменяющих друг друга эпох, в ходе чередования которых осуществляется переход из состояния «господства разума через посредство голого инстинкта» к состоянию «его господства через свободу».

Вся совокупность земной жизни и земной истории, понятая, по Фихте, из ее конечной

цели, описывается в целом пятью основными эпохами значительной продолжительности, необходимой для постепенного проникновения соответствующих принципов в сознание всех индивидуумов, составляющих в данный момент человечество. «Эти эпохи таковы: 1) эпоха безусловного господства разума через посредство инстинкта — *состояние невинности человеческого рода;* 2) эпоха, когда

[1] Фихте специально оговаривает, что в его философско-исторических построениях речь идет исключительно о развитии жизни рода, а не индивидов, логики развития которых он в данном случае сознательно не затрагивает.

разумный инстинкт превращается во внешний принудительный авторитет; это — время положительных систем мировоззрения и жизнепонимания, систем, которые никогда не доходят до последних оснований и поэтому не могут убеждать, но зато стремятся к принуждению и требуют слепой веры и безусловного повиновения — *состояние начинающейся греховности;* 3) эпоха освобождения, непосредственно - от повелевающего авторитета, косвенно - от господства разумного инстинкта и разума вообще во всякой форме, — время безусловного равнодушия ко всякой истине и лишенной какой бы то ни было руководящей нити, совершенной разнузданности - *состояние завершенной греховности;* 4) эпоха разумной науки, время, когда истина признается высшим и любимым более всего началом, — *состояние начинающегося оправдания;* 5) эпоха разумного искусства, когда человечество уверенной и твердой рукой созидает из себя точный отпечаток разума — *состояние завершенного оправдания и освящения»* [Фихте 1993. С. 370].

Очевидно, что разрешение ключевой интриги данной пя-тичленной модели всемирной истории, а именно - с какой из этих эпох наилучшим образом соотносится наше время, - легко находится, учитывая ракурс исторического наблюдения ее автора. Неудивительно, что и сам Фихте, создавая свою историософскую концепцию, помещает свое время «в самый центр всей совокупности времен», иными словами - в третью эпоху, эпоху совершенной разнузданности и разрушения власти всякого авторитета, безусловного равнодушия ко всякой истине. Туда, откуда ясно различимы и «потерянный рай» доисторических эпох человечества, и ранние формы его политического бытия, проходившие под принуждением авторитета светских и сакральных властей, но вместе с тем и чаемая в будущем эпоха «реабилитации истины» и осознанного стремления общества к разумному устроению своего бытия, а также бесконечно далекий идеал всецело разумного и свободного бытия человечества. Однако характеристика ключевой, срединной, третьей эпохи, даваемая Фихте, столь нетрадиционна и столь глубока, что, во-первых, сохраняет свою актуальность и в наше время, а во-вторых, позволяет утверждать, что прошедшие со времен Фих-

те два столетия лишь усугубили продвижение человечества в самую сердцевину этой эпохи всеобщей эмансипации, ниспровержения авторитетов, распада ценностей и утраты жизненных ориентиров, или, по словам самого Фихте, эпохи «абсолютного равнодушия ко всякой истине и полной разнузданности, не опирающейся ни на какое руководство, — состояния законченной греховности» [Фихте 1993. С. 376]. Главный, определяющий принцип этой эпохи — *освобождение* от слепого повиновения авторитету, в который в предшествующую эпоху превратился разумный инстинкт. Однако освобождение от всякого авторитета, не сопряженное с готовностью к ясному и последовательному *пониманию* как жизненной цели, ведет к торжеству *пустой свободы,* когда «мерилом бытия выступает свое неизменное, уже готовое понимание». Иными словами, для этой эпохи «не существует ничего, кроме того, что для нее понятно в данный момент», она «не подозревает того, что пониманию необходимо учиться, для чего нужны работа, прилежание и искусство», она полагает достаточным

«иметь уже наготове известное количество понятий и определений, общий человеческий рассудок, врожденный ей без всякого ее труда, и употребляет эти понятия и этот человеческий рассудок в качестве мерила обязательного и сущего... чего я не понимаю при помощи непосредственно присущего мне понятия, то вовсе не существует —так говорит пустая свобода» [Фихте 1993. С. 379— 380].

Наше время — разумеется, на наш субъективный взгляд — оказывается еще более соответствующим тому роковому этапу мировой истории, когда, по мысли Фихте, во имя *будущего торжества* миропорядка, построенного на принципах/юзулш, человечеству в его эволюционном движении приходится принести в жертву традиционный социальный порядок, освященный установлениями разумного политического инстинкта и авторитетом опыта предшествующих поколений. Эти чутко уловленные мыслью Фихте и выделенные им в качестве главной сущностной характеристики современной эпохи процессы всеобщего ниспровержения и распада сегодня обрели еще ббльшую выразительность и глубину.

59

Итак, каковы же эти основные, сущностные черты современной эпохи, особым образом выделяемые самим Фихте? Укажем лишь некоторые из их числа.

1) «...Совершенно противоположные миры соприкасаются и борются здесь один с другим и медленно стремятся к добровольному равновесию, т.е. к добровольному отмиранию старого времени...» [Фихте 1993. С. 378]. Очевидно, что опыт двух последних столетий позволяет прокомментировать этот тезис с указанием на конкретные исторические формы, в коих воплотилась эта сущностная характеристика нашей эпохи. Вся первая половина XIX в. была насыщена борьбой двух «совершенно противоположных миров», мира нарождающихся современных капиталистических наций и мира «старых режимов» континентальных держав Европы. Исход этой борьбы подвел мир к новому равновесию, которое равно умерило крайности обеих сторон и — с середины XIX в. — наделило первых известными атрибутами имперского господства, а вторых — буржуазно-капиталистическим прагматизмом и националистической идеологией. XX в. стал ареной нового антагонизма двух противоборствующих миров: империалистического капитализма и мирового коммунизма. Исходом этого нового раунда всемирной «борьбы противоположностей» стало рождение нового мира, мира конвергенции мировых систем, социальной ответственности бизнеса, торжества социального государства, стремящегося сочетать принципы либерализма и социальной поддержки населения. Наконец, сегодня уже в явной форме артикулирован новый глобальный конфликт противоположностей, т.н. «столкновение цивилизаций» (см. работы С. Хантингтона). Но острота этого конфликта сегодня не должна скрывать от нашего взора ту перспективу его развития, которую, по существу, провидел более двух столетий тому назад Фихте: борьба цивилизаций и полярных принципов миропонимания и жизнеустроения (в наиболее непримиримой форме воплощающаяся в наши дни в противостоянии *западного* и *исламского* укладов жизни) постепенно, но с неизбежностью приведет к новому «добровольному равновесию» и «отмиранию старых форм», т.е. к неким интегральным и более уни-

60

версальным принципам жизненного устройства, базирующимся на новых ценностных основаниях, в сравнении с которыми нынешние *ценности Запада,* равно как и *Ислама,* окажутся лишь более или менее приемлемым, но грешащим односторонностью *приближением.*

2) «...У такой эпохи не может остаться ничего, кроме одной голой индивидуальности... там не может и возникнуть сознание об едином, или о роде, и единственно существующей и властвующей является индивидуальность... единственно возможная для такой эпохи индивидуальная и личная жизнь определяется влечением к самосохранению и благополучию; далее этого влечения не идет природа в человеке...» [Фихте 1993. С. 383—384]. «В области нравственности она признает за единственную добродетель

преследование собственной пользы... а единственным пороком она объявляет упущение своей выгоды... С невыразимым состраданием и сожалением она взирает на прошедшие времена, когда люди были еще так ослеплены, что позволяли призраку добродетели... вырывать уж совсем было направлявшиеся им в рот наслаждения...» [Фихте 1993. С. 388-389]. Существо мировоззрения этой эпохи: «...Весь мир существует лишь для того, чтобы я мог жить и пользоваться благополучием...» [Фихте 1993. С. 384]. Это откровенное самоутверждение торжествующей в рамках третьей эпохи «голой индивидуальности», эта «радость по поводу собственного благоразумия», это «мелкое высокомерие и тщеславие по поводу своей ловкости и свободы от предрассудков», это «самолюбование по поводу собственной пронырливости» — как всё это знакомо и нам с вами. Этот разгул гедонизма и индивидуализма, еще умеряемый в эпоху Фихте хотя бы внешней религиозностью (суть которой, по Фихте, в том, что «Бог существует здесь только для того, чтобы заботиться о нашем благополучии, и лишь наша нужда вызвала его к существованию и привела его к решению существовать...» [Фихте 1993. С. 389]), в наше время породил еще более впечатляющие феномены «общества индивидов» (см., например: [Элиас 2001; Бауман 2002]) или «атомизированного потребителя» (см., например: [Дили-генский 1996; Клямкин 1993]). Атомизация социальных свя-

зей и распад традиционной морали (а вместе с ней и всякой публичной морали вообще), подменяемой исключительно эгоистическим расчетом, - всё это сегодня стало нормой современной либерально-рыночной цивилизации. («Миру не быть или мне удовольствие не получить...» — что-то в этом роде у Достоевского.) В то же время элементарная мысль о том, что «всё великое и хорошее, что составляет основу и источник теперешнего нашего существования и что является необходимым условием своеобразной жизни и деятельности нашей эпохи, стало действительным исключительно благодаря тому, что благородные и сильные люди приносили в жертву идеям всякое житейское наслаждение; и мы сами со всем, что в нас есть, представляем результат жертв, принесенных всеми прежними поколениями и особенно их достойнейшими членами», — просто не приходит в голову атомизированному индивидууму нашей эпохи, чей принцип: «Пусть будущие поколения сами заботятся о том, как прожить, когда мы перестанем уже существовать...» [Фихте 1993. С. 399].

3) Не признавая истинным ничего, кроме того, что понятно непосредственно, без всякого труда и усилия здравого человеческого рассудка, современная эпоха восстает тем самым против обеих известных ей форм разума — разума в форме природного инстинкта и разума в форме принуждающего авторитета. «С уничтожением и искоренением разума остается лишь чисто индивидуальная личная жизнь, и, следовательно, только такая жизнь и остается возможной для третьей эпохи, освободившейся от разума... ей не остается ничего, кроме одного голого и чистого эгоизма. Отсюда естественно вытекает, что прирожденный и неизменный рассудок третьей эпохи может состоять только в благоразумии, искусстве добиваться своей личной выгоды... Выражаясь короче: постоянное основное свойство и отличительная черта такой эпохи — та, что всё, что думают и совершают все истинные ее представители, они делают только для себя и для собственной пользы...» [Фихте 1993. С. 423—424].

Думается, в описании Фихте, сделанном около двухсот лет тому назад, нетрудно узнать многие черты современной эпохи конца XX — начала XXI в. Более того, если во времена Фихте

многие из его характеристик «третьей эпохи» казались преувеличенными и даже карикатурными, то сейчас они таковыми совсем не кажутся. И это заставляет всерьез задуматься о содержании периода, который мы сейчас переживаем, о его месте в мировой истории и о перспективах дальнейшего развития.

Резюмируя сказанное об историософской концепции Фихте, отметим, что принципы, сформулированные этим великим философом, и сегодня по-прежнему представляют собою великолепный аналитический инструмент, позволяющий осмысленно и ясно дифференцировать в окружающей нас реальности элементы будущего (так сказать,

принадлежащие грядущей эпохе «разумной науки») и те элементы настоящего (выражающие существо торжествующей ныне «третьей эпохи»), которые подлежат постепенному, но неотвратимому преодолению и отторжению. Концепция Фихте, как и концепция Канта, дает картину всемирной истории и ее перспектив в целом, так сказать, «с высоты птичьего полета». Но без этого целостного взгляда невозможно ни понять место нашей эпохи во всемирно-историческом процессе, ни осмыслить общие перспективы дальнейшего развития.

1.4. Философы истории и прогнозирование. Сбывшиеся прогнозы Шпенглера, Тойнби, Соловьева, Бердяева, Ясперса, Ортеги-и-Гассета

Философия истории Канта и Фихте дает самый общий взгляд на панораму мировой истории и на ее перспективы. В то же время в определении перспектив будущего важную роль играют более конкретные предвидения и прогнозы, принадлежащие философам истории более позднего периода. По этим прогнозам и предвидениям, по тому, насколько они оправдались или оправдываются в действительности, можно судить также и об истинности соответствующих концепций и теоретических построений (см. п. 1.2). Проблема соответствия прогнозов, вытекающих из философских концепций, реально развертывающимся процессам имеет фундаментальный характер и непреходящее значение для самого философского знания.

63

Здесь мы рассмотрим взгляды на интересующую нас проблему лишь некоторых, наиболее крупных философов истории XIX-XX вв. - О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета. Оговоримся, что мы будем здесь рассматривать не все аспекты их концепций, а лишь те из них, которые имеют непосредственное отношение к их видению будущего, определению его перспектив. В связи с этим нам придется процитировать соответствующие фрагменты их работ, чтобы изложение их взглядов на проблемы будущего развития человека и общества было по возможности аутентичным.

Как представляется, такое рассмотрение способно дать своеобразную панораму философских взглядов на проблемы исследования будущего и позволит сопоставить некоторые прогнозы выдающихся философов с реально осуществившимися процессами и явлениями, выяснить, насколько они оправдались. Интересно, что такого анализа, насколько нам известно, никто до сих пор не проводил, хотя сотни и тысячи книг посвящены изложению и критике взглядов этих великих философов. К сожалению, многие из этих выдающихся мыслителей ныне считаются «старомодными» (как это произошло с А.Дж. Тойнби в Великобритании и США или с О. Шпенгле-ром, который якобы оказался «опровергнут» в Европе). Действительно, «нет пророка в своем отечестве»; так было и так, по-видимому, будет. Но пророчества, если к ним приглядеться внимательнее, почему-то все-таки сбываются, сколько бы ни осмеивались и ни побивались камнями пророки. Если сейчас Европа или Америка самодовольно живут только настоящим, не помня прошлого и не думая о будущем, то это свидетельствует лишь о признаках начинающейся интеллектуальной деградации, связанной с всевластием рынка и коммерции. Если Россия также готова забыть всех своих пророков, пытавшихся направить ее на созидательный путь, - Федора Достоевского, Владимира Соловьева, Николая Бердяева и других, то это говорит лишь о реальной опасности глубокого интеллектуального, духовного и физического вырождения. Тем более важно вернуться из нашего сегодня к прозрениям и пред-

64

видениям великих мыслителей прошлого: помимо прочего, это помогает избежать неоправданного самодовольства и тщеславного упоения достижениями современной эпохи, помогает восстановить подлинный исторический масштаб и увидеть свое место в драме мировой истории.

Начнем с О. Шпенглера. Как известно, второй том его наиболее известного труда «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (впервые опубликован в 1918 г.) носит название «Всемирно-исторические перспективы», т.е. прямо посвящен исследованию перспектив будущего развития. Однако и первый том («Образ и действительность») содержит множество идей о будущем и его исследовании. Так, в конце введения к своей работе Шпенглер пишет о своем замысле следующее: «Более узкой темой является, таким образом, анализ заката западноевропейской культуры, распространившейся теперь на весь земной шар.

Цель, однако, заключается в разработке философии и присущего ей, подлежащего здесь проверке метода сравнительной морфологии всемирной истории. Естественным образом работа распадается на две части. Первая, "Образ и действительность", отталкивается *от языка форм* великих культур, пытается добраться до самых отдаленных их корней и овладевает таким образом базисом символики. Вторая часть, "Всемирно-исторические перспективы", исходит из *фактов реальной жизни* и пытается на основе исторической практики высшего человечества получить экстракт исторического опыта, который позволит нам взять в свои руки формирование собственного будущего» [Шпенглер 2003а. С. 75—76].

Отметим, что Шпенглер здесь отчетливо формулирует свой подход к исследованию истории и определению будущего различных культур — метод сравнительной морфологии всемирной истории, сопоставления и соотнесения основных фаз в развитии основных культур, которые на стадии своей зрелости и постепенного омертвления становятся цивилизациями. Как известно, многие историки, культурологи, политологи (в отличие от философов) не приняли и не принимают концепцию и подход Шпенглера, упрекая его как в различных фактических неточностях, так и в некорректности самого соотнесения фаз развития различных

обществ и культур. Не вдаваясь в эти споры, посмотрим, так ли уж неправ оказался Шпенглер в своих прогнозах и в главном из них — предвидении омертвления и постепенного упадка западноевропейской культуры. Не будем пока что выяснять, наблюдается ли действительно закат Европы или же образование и расширение Европейского Союза означает новый ее расцвет; обратимся к самому факту объединения Европы, который Шпенглер предвидел, но, увы, не считал признаком грядущего возрождения. «Окажется ли теперь мировая колониальная система, заложенная некогда испанским духом, переформированной на французский или английский лад, суждено ли "Соединенным Штатам Европы", бывшим *тогда* слепком с империи диадохов, а ныне, в будущем — с *Imperium Romanum,* осуществиться то л и благодаря Наполеону — в качестве романтической военной монархии на демократической основе, *или же это будет реализовано в XXI в. как экономический организм, усилиями деловых людей цеза-рева пошиба* (курсив наш. — *В.П., ВЛ.)* — всё это относится к моменту случайности в исторической картине» [Шпенглер 2003а. С. 194]. Мы знаем, что в конце XX — начале XXI в. осуществился второй вариант объединения Европы — «как экономический организм, усилиями деловых людей цезарева пошиба» (цезарева пошиба — поскольку «деловые люди», объединившие Европу, — это не только предприниматели и финансисты, но прежде всего, как Цезарь, политики и военные — не будем забывать о том, что образованию и расширению Европейского Союза предшествовало образование и расширение НАТО, а всякому приему новых членов в Европейский Союз предшествует их предварительное принятие в члены НАТО).

Весьма актуально выглядит еще одна констатация (и вместе с тем еще одно предвидение) Шпенглера - относительно грядущего «информационного общества». «Когда власть газет делала свои первые невинные шаги, ее ограничивали цензурные запреты, которыми защищались поборники традиции, а буржуазия вопила, что духовная свобода под угрозой. Ныне толпа спокойно идет своим путем, она окончательно завоевала эту свободу, однако на заднем плане, невидимые, друг с другом борются новые силы, покупающие прессу. Читатель ни-

чего не замечает, между тем как его газета, а вместе с тем и он сам меняют своих властителей. Деньги торжествуют и здесь, заставляя свободные умы себе служить. Никакой укротитель не добился большей покорности от своей своры. Народ как толпу читателей выводят на улицы, и она ломит по ним, бросается на обозначенную цель, грозит и вышибает стекла. Кивок штабу прессы, и толпа утихомиривается и расходится по домам. Пресса сегодня — это армия, заботливо организованная по родам войск, с журналистами-офицерами и читателями-солдатами. Однако здесь то же, что и во всякой армии: солдат слепо повинуется, цели же войны и план операции меняются без его ведома. Читатель не знает, да и не должен ничего знать о том, что с ним проделывают, и он не должен знать о том, какую роль при этом играет. Более чудовищной сатиры на свободу мысли нельзя себе представить. Некогда запрещалось иметь смелость мыслить самостоятельно; теперь это разрешено, однако способность к тому утрачена. Всяк желает думать лишь то, что должен думать, и воспринимает это как свою свободу.

И вот еще одна сторона этой поздней свободы: всякому позволено говорить что хочет; однако пресса также свободна выбирать, обращать ей внимание на это или нет. Она способна приговорить

к смерти всякую "истину", если не возьмет на себя сообщение ее миру, — поистине жуткая цензура молчания, которая тем более всесильна, что рабская толпа читателей газет ее наличия абсолютно не замечает. Здесь, как и повсюду при родовых схватках цезаризма, на поверхность выплывает некий фрагмент раннего времени» [Шпенглер 20036. С. 495-496]. Если к читателям газет и журналов добавить зрителей телевидения и потребителей прочих средств массовой «информации», о которых Шпенглер еще не знал, то получатся вполне узнаваемые и всё усиливающиеся тенденции эпохи «информационного общества» начала XXI в.

Будущее Европы (и всего Запада) по Шпенглеру — это цезаризм, который, согласно таблице «одновременных» политических эпох, должен вполне сформироваться в период 2000— 2200гг. [Шпенглер 2003а. С. 89]. Цезаризм, по Шпенглеру, логически возникает из развития капитализма с его господ-

ством денег, разрушающим в итоге основу собственного господства. Между прочим, Шпенглер здесь предсказал и чудовищное разрастание финансовой сферы, поглощающей реальное производство, которое отчетливо наблюдается в конце XX — начале XXI в.:

«Индустрия, как и крестьянство, всё еще привязана к земле. У нее имеется свое местоположение и свои вытекающие из почвы источники веществ. Лишь мир высших финансов *совершенно* свободен, совершенно неуловим. Благодаря потребности в кредитах, которую испытывала чудовищно разросшаяся индустрия, банки, а вместе с ними и биржа развились начиная с 1789 г. в самостоятельную силу, и они желают, точно так же как деньги во *всех* цивилизациях, быть *единственной* силой. Изначальная борьба между создающей и завоевывающей экономикой возвышается здесь до безмолвной исполинской схватки, происходящей в духовном плане на аренах мировых столиц. Это отчаянная борьба технического мышления за сохранение свободы по отношению к денежному.

Диктатура денег продвигается вперед и приближается к своей естественной высшей точке, как в фаустовской, так и во всякой другой цивилизации. И здесь совершается нечто такое, что может постигнуть лишь тот, кто проник в сущность денег. Если бы они были чем-то осязаемым, их существование было бы вечным; но поскольку они являются формой мышления, *они угасают, стоит им продумать экономический мир до конца,* причем угасают вследствие отсутствия материи... Однако тем самым деньги подходят к концу своих успехов, и начинается последняя схватка, в которой цивилизация принимает свою завершающую форму: схватка между *деньгами и кровью.*

Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие — демократию. После долгого торжества экономики мировых столиц и ее интересов над силой политического формообразования политическая сторона жизни доказывает-таки, что она сильнее. Меч одерживает победу над деньгами, воля господствовать снова подчиняет волю к добыче» [Шпенглер 20036. С. 541-542].

Можно, разумеется, недоумевать по поводу прогноза Шпенглера: какой цезаризм, откуда возьмутся цезари на де-

мократическом Западе? Но вот небольшой перечень событий, который, как минимум, заставляет задуматься. В 1991 г. США осуществили масштабную военную операцию «Буря в пустыне». В 1995 г. войска НАТО были направлены в Боснию, где и находятся до сих пор. В 1999 г. «цезари» стран НАТО осуществили массовые бомбардировки Югославии, сопоставимые с гитлеровскими бомбардировками той же страны, а затем оккупировали Косово. С 2002 г. США и другие страны НАТО ведут боевые действия в Афганистане,-а с 2003 г. — в Ираке. На очереди другие страны. При этом, подобно Цезарю и римским императорам, путем внешних завоеваний и бомбардировок нынешние руководители Запада решают прежде всего свои внутренние проблемы, добиваясь усиления личной власти в борьбе с оппозицией. Поэтому, как представляется, к прогнозу Шпенглера о вступлении стран Запада в фазу «цезаризма» следует отнестись чрезвычайно серьезно, не закрывая глаза на факты.

Но главный прогноз Шпенглера, как уже говорилось, это прогноз о постепенном омертвлении европейской культуры, ее полном превращении в цивилизацию и о грядущей (после XXI— XXII вв.) трансформации Европы, превращении ее в принципиально новое культурное, этническое и политическое образование. Казалось бы, современные реалии этому явно противоречат: Европейский Союз не только жив и здоров, но постоянно расширяется, осваивая всё новые страны и территории. Однако под личиной внешнего благополучия и процветания скрываются роковые болезненные процессы, которые уже начинают изменять культурно-цивилизационный «генотип» Европы и превращать ее в принципиально новое образование. Приведем здесь лишь крайнюю точку зрения, принадлежащую П.Дж. Бью-кенену, но отметим, что речь в действительности идет не о «смерти Европы и всего Запада», а о превращении того и другого в иную культурно-цивилизационную субстанцию, о чем, собственно, и писал в своем труде Шпенглер. Несмотря на всю спорность выводов Бьюкенена, приводимые им факты и аргументы реальны, и от них никуда не уйдешь. В главе с характерным, хотя и несправедливым названием «Европа — живой труп»

69

Бьюкенен, выражающий точку зрения многих американцев, в частности, пишет: «Вернувшись из Вены, куда был отправлен, чтобы разузнать, в каком состоянии находится союзник Германии — Австро-Венгерская империя, министр иностранных дел Бетман-Холльвег пролепетал, обращаясь к кайзеру: "Государь, наш союзник — труп". Именно так сегодня можем сказать и мы. Некогда великие нации, пожертвовавшие сотнями миллионов своих солдат на полях сражений былого, нынешние государства Европы обладают армиями, лишь немного превосходящими по численности полицейские соединения. Балканская война девяностых годов двадцатого столетия обнаружила полную беспомощность европейцев. В Боснии англичанам и французам пришлось обращаться за помощью к Америке, иначе их кон-тингенты остались бы заложниками сербов. Союзы обычно заключают с сильными государствами. Какой прок Америке от союза с континентом, который отказывается защищать себя и население которого постепенно вымирает? Если не считать Турцию и Великобританию, все европейские страны — члены НАТО уже давно не союзники, а зависимые от нас государства. Они потерпели крах во Вьетнаме и лишь показным образом участвовали в войне в Заливе... Европа утратила жизненную энергию. Когда-то западные народы были готовы пожертвовать собой во имя "праха отцов и храмов отчих богов" (Маколей). Но сегодняшние европейцы, куда более богатые и многочисленные, нежели в 1914 и 1939 годах, о жертвенности и не помышляют... Золотые дни Европы позади. Нарастающая иммиграция столь радикально меняет этнический состав Старого Света, что европейцы рано или поздно окажутся парализованными угрозой терроризма — и потому не пойдут ни в Северную Африку, ни на Ближний Восток, ни в Персидский залив... По мере того как население европейских стран становится всё более "арабским" и "исламским", паралич охватывает всё большую территорию... При сокращении текущего уровня рождаемости к 2100 году население Европы будет составлять менее трети от нынешнего — и всё потому, что Европа выбрала dolce vita... Европа выбрала свою судьбу — вряд ли сознательно на уровне отдельных людей, скорее, бессознательно, на уровне народов и наций. Европей-

70

цы не намерены существовать в грядущем как единое целое, как великий и исполненный творческой энергии народ. Кого же тогда мы защищаем? Западную цивилизацию? Но отказываясь заводить детей, европейцы согласились на вымирание и на гибель западной цивилизации к началу двадцать второго столетия» [Бьюкенен 2003. С. 152-155].

Еще раз подчеркнем, что речь идет, вопреки буквальному прочтению Бьюкенена, не о смерти Европы как таковой, а о ее постепенном и неотвратимом превращении в принципиально иное культурно-политическое образование, о «закате» прежней Европы. Об этом писал Шпенглер, об этом по существу свидетельствует вся аргументация

Бьюкенена. Так можно ли говорить, что основной прогноз Шпенглера не подтвердился? Думается, нет. Вопреки всем идеологически ангажированным критикам Шпенглера, многочисленным «опровержениям» и «разоблачениям» шпенглеровской концепции, прогноз автора «Заката Европы» всё же во многом сбывается. И это дополнительно свидетельствует о том, что, хотя «нет пророка в своем отечестве» (в случае Шпенглера — его нет в Европе), концепция любого крупного философа истории дает очень много для понимания перспектив будущего развития. Дело потомков воспользоваться или не воспользоваться прогнозами мыслителей, извлечь или не извлечь уроки, противостоять или не противостоять надвигающимся угрозам. Если потомки готовы безвольно сидеть сложа руки, их постигнет судьба, которой они заслуживают. Дело философа истории, как и всякого прогнозиста, заключается в том, чтобы понять тенденции будущего и помочь людям осознать, что они должны сделать всё возможное для того, чтобы не усугубить, а смягчить последствия исторических катаклизмов.

Важные прогнозы и размышления о прогнозировании содержатся и в концепции другого крупного философа истории (прежде всего философа истории, а не историка) — А.Дж. Тойн-би. Это относится не только к наиболее известному труду Тойнби «Постижение истории», но и особенно к статьям, написанным им в 1940-е — 1960-е гг. Так, в статье «Повторяется ли история» Тойнби поставил чрезвычайно важную проблему

71

использования истории для определения перспектив будущего. «Может ли история дать нам какую-нибудь информацию относительно наших собственных перспектив? А если может, то каков груз этих перспектив? Предписан ли нам неумолимый роковой конец, которого нам остается лишь ждать сложа руки, подчинясь безропотно судьбе, которую мы собственными усилиями не можем ни отвратить, ни хотя бы изменить? А может быть, она сообщает не о конкретной предопределенности, а лишь о возможностях, о вероятностных направлениях нашего будущего? Практическая разница при этом огромна, ибо при этой альтернативе нам следует не застыть в пассивном оцепенении, а, напротив, взяться за дело. При этой альтернативе урок истории больше похож не на гороскоп астролога, а на навигационную карту, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, больше возможности избежать кораблекрушения, чем если бы он плыл вслепую, ибо дает ему средство, употребив свое умение и мужество, проложить курс между указанными на карте скалами и рифами» [Тойнби 1996. С. 35].

Сравнение прогноза с «навигационной картой, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, больше возможности избежать кораблекрушения», трудно переоценить. Фактически здесь в емком виде представлена не только практическая значимость прогноза, но и его методология. Тойнби исходил из того, что сколько-нибудь реалистичный прогноз невозможен без понимания пути, по которому движется «корабль» (общество), и без обнаружения скрытых «скал» и «рифов» (внешних и внутренних угроз, вызовов, без адекватного ответа на которые данное общество испытает глубокие потрясения). Иными словами, прогноз является результатом, венцом целой теоретической концепции, которая должна постоянно соотноситься с реальностью, уточняться и проверяться. В противном случае, без этой предварительной работы прогноз является досужим вымыслом и мало пригоден для практического использования. Еще одна скрытая предпосылка, содержащаяся в процитированном фрагменте, состоит в том, что общество в лице своих интеллектуальных и политических лидеров

72

способно изменить курс и тем самым избежать столкновения со «скалами» и «рифами». Это допущение, как уже говорилось во введении, далеко не всегда справедливо; однако Тойнби верно считал, что долг честного интеллектуала состоит в том, чтобы указать на грозящие всему обществу опасности и сделать всё возможное для пробуждения общества.

Кому-то может показаться, что Тойнби выдвигает здесь лишь абстрактную схему, далекую от реальности. Но вот лишь некоторые (далеко не все) конкретные примеры «пробуждающих прогнозов» Тойнби, которые указывают на «скалы» и «рифы», грозящие всему человечеству. В конце своей статьи «Ислам, Запад и будущее» Тойнби сделал вывод, который звучит

сегодня весьма актуально: «Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется, стоит только космополитическому пролетариату вестернизированного мира восстать против засилья Запада и призвать на помощь антизападных лидеров. Этот призыв может иметь непредсказуемые психологические последствия — разбудить воинствующий дух ислама, даже если он дремал дольше, чем Семеро Спящих, ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи. Есть два исторических примера, когда во имя ислама ориентальное общество поднялось против западного вторжения, одержав победу. Во времена первых последователей Пророка ислам освободил Сирию и Египет от эллинского господства, тяготевшего над ними почти тысячелетие. Под предводительством Зенги и Нурадди-на, Саладина и мамлюков ислам выстоял под напором крестоносцев и монголов. Если в нынешней ситуации человечество было бы ввергнуто в "войну рас", ислам мог бы вновь попытаться сыграть свою историческую роль. Absit Omen! (Да не будет это дурным предзнаменованием!)» [Тойнби 1996. С. 128]. Комментарии, как говорится, излишни.

А вот что Тойнби писал относительно перспектив объединения Европы в статье «Будущее сообщества» в 1947 г., т.е. задолго до образования Европейского Союза, когда Германия была оккупирована союзниками: «В Европейском союзе без Советского Союза и Соединенных Штатов - а это ex hipothesi — есть

отправная точка для строительства европейской "третьей великой державы", Германия должна рано или поздно, тем или иным путем выдвинуться на первое место, даже если Объединенная Европа начнет свою новую жизнь при разоруженной и децентрализованной Германии, возможно, даже разделенной на части. В пространстве, лежащем между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Германия занимает стратегически господствующее центральное положение; германская нация самая многочисленная в Европе; в сердце Европы, населенном немцами (не учитывая ни Австрию, ни немецкую часть Швейцарии), находится большая часть европейских ресурсов — сырья, производственных мощностей и квалифицированной рабочей силы, необходимых для тяжелой индустрии; наконец, насколько немцы искусно организуют сырьевую базу для ведения войны, включая и человеческое сырье, настолько же они не способны управлять сами собой и нетерпимы в качестве правителей других народов. На каких бы первоначальных условиях ни вошла Германия в Объединенную Европу, в которой не будет ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза, она непременно займет там в конечном итоге главенствующее положение; и если превосходство, которого она не могла добиться силой в течение двух войн, будет достигнуто на этот раз мирно и постепенно, ни один европеец всё равно не поверит, что, когда германцы почувствуют в своих руках власть, им хватит мудрости удержаться от того, чтобы натянуть поводья и пришпорить» [Тойнби 1996. С. 91]. Интересно, что в 1947 г. Тойнби, говоря о будущей Объединенной Европе, употреблял даже само название «Европейский союз» и прогнозировал ведущую роль Германии в нем, которая сейчас очевидна (заметим, что в Европейском Союзе наиболее важные решения принимают ФРГ и Франция, причем Франция почти всегда идет навстречу пожеланиям и интересам ФРГ). Что же касается опасений Тойнби относительно того, что немцы не сумеют удержаться «от того, чтобы натянуть поводья и пришпорить», то они вовсе не являются необоснованными выдумками.

Еще одно место из работы Тойнби «Цивилизация перед судом истории» также заслуживает внимания в связи с обсуждае-

мыми здесь проблемами. Это место прямо связано с ядром, сердцевиной концепции Тойнби и потому в определенной мере может служить примером проверки всей его концепции, поскольку справедливость прогноза является главным критерием истинности и важности любой концепции (см. п. 1.2). «В результате этих последовательных экспансий различных цивилизаций весь обитаемый мир объединился в одно огромное общество. Движение, в конечном итоге завершающее этот процесс, - это нынешняя экспансия Западного Христианства. Однако нам следует иметь в виду, во-первых, что эта экспансия

всего лишь довершила унификацию мира, то есть была лишь исполнителем последней стадии общего процесса, и, во-вторых, что, хотя унификация мира и была достигнута усилиями Запада, сегодняшнее западное господство — и это совершенно очевидно — не продержится долго. В объединенном мире восемнадцать незападных цивилизаций — четыре живых и четырнадцать угасших, — без сомнения, еще заявят о себе. И по мере того, как через новые века и поколения объединенный мир постепенно будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью в сравнении с теми, другими культурами — живыми и угасшими, — которые западная экспансия привела в соприкосновение друг с другом и с собой» [Тойнби 1996. С. 101].

Отметим, что в этом фрагменте во многом содержится разгадка непопулярности и «старомодности» профессора Тойнби в современной Европе и Америке. Действительно, утверждать, что «сегодняшнее западное господство не продержится долго», что «западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с ее истинной ценностью в сравнении с теми, другими культурами», означает для современных «либеральных» и «не подвластных цензуре» западных интеллектуалов не что иное, как ересь и покушение на священную догму о «вечном» и «бесконечном» господстве Запада. Вопреки очевидным фактам «исламизации» Европы и «мексиканизации» Соединенных Шта-

тов, вопреки непреложной тенденции усиления экономической зависимости США и Европы от развивающихся стран, прежде всего от стран Юго-Восточной Азии, Китая, Индии и др., вопреки тому обстоятельству, что США давно уже живут в долг, — наперекор всем фактам и всякому здравому смыслу западные интеллектуалы до конца будут утверждать, что Тойнби был не прав и что его взгляды не представляют ныне никакого интереса. Но не стоит радоваться по поводу приведенного фрагмента из статьи Тойнби и российским радикальным националистам и ультрапатриотам: из тех же рассуждений британского философа и историка следует, что и российская цивилизационная «составляющая» также займет в будущем мире достаточно скромное место. Более того, для российской цивилизации, как известно, сейчас стоит вопрос «быть или не быть», и нужны огромные, невероятные усилия, чтобы российская («восточнохристианская») цивилизация не пополнила ряды «угасших» цивилизаций, о которых писал Тойнби.

Обратимся теперь к прогнозам и предвидениям великого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева. У наших современников о Владимире Соловьеве нередко бытуют самые искаженные представления. Широко распространено, например, мнение, что главная идея Соловьева состоит то ли в подчинении православия католичеству, то ли в необходимости борьбы с католичеством (взаимоисключающие мнения, которые спокойно уживаются друг с другом). В действительности главное направление мысли Владимира Соловьева состоит в учении о всеединстве, в том числе о глубокой взаимосвязанности процессов, протекавших и протекающих в самых различных уголках мира. В одной из своих статей Соловьев, в частности, отмечал: «Помимо этих частных противоречий теория отдельных культурно-исторических групп идет вразрез с общим направлением всемирно-исторического процесса, состоящего в последовательном возрастании (экстенсивном и интенсивном) реальной (хотя наполовину безотчетной и невольной) солидарности между всеми частями человеческого рода. Все эти части в настоящее время, несмотря на вражду национальную, религиозную и сословную, живут одною об-

щею жизнью в силу той фактической неустранимой связи, которая выражается, во-первых, в знании их друг о друге, какого не было в древности и в средние века, во-вторых, в непрерывных сношениях политических, научных, торговых и, наконец, в том невольном

экономическом взаимодействии, благодаря которому какой-нибудь промышленный кризис в Соединенных Штатах немедленно отражается в Манчестере, в Калькутте, в Москве и в Египте» [Соловьев 1990а. С. 410—411]. Подчеркнем, что Соловьев точно подметил во многом «безотчетный» и «невольный» характер политической, экономической и культурной интеграции, имеющей общечеловеческое, т.е. глобальное значение. В этом плане Соловьев предвосхитил не только возникновение современных представлений о глобализации, но и появление такого направления исторической науки, как глобальная история, возникшего в самом конце XX в. (о глобальной истории см., например: [Цивилизации 2002]). Соловьев же, напомним, жил во второй половине XIX века (1853— 1900), т.е. задолго до появления представлений о глобальных проблемах, глобальных процессах и глобализации.

В то же время Владимир Соловьев был одним из первых мыслителей, кто резко высказался по поводу необоснованности линейной экстраполяции тенденций, наблюдаемых на определенном, ограниченном отрезке времени. В этом плане потрясают интуиция и критическое мышление Соловьева, который посмел усомниться в «незыблемых» законах роста населения. Речь идет о написанном в 1898 г. фрагменте из цикла статей Соловьева «Воскресные письма», озаглавленном «Россия через сто лет», который заслуживает, чтобы привести из него значительный отрывок. «Вагон второго класса пассажирского поезда Николаевской железной дороги есть одно из мест, где так называемые "ближние" перестают быть словом *переносным* и становятся *несносною* реальностью... Прислушиваюсь к разговорам. "Доказано наукою, — возглашает звучный баритон, — что Россия через сто лет будет иметь четыреста миллионов жителей, тогда как Германия только девяносто пять миллионов, Австрия — восемьдесят, Англия — семьдесят, Франция — пятьдесят. А потому...". Говорящий — высокий мужчина

"седой наружности" и технического вида. И он, и его слушатели принадлежат, очевидно, к самой счастливой части населения. Я разумею ту общественную массу, которая в прозе называется "почтеннейшая публика".

Для человека, не покупающего свой духовный хлеб готовым в какой-нибудь булочной, а вырабатывающего его собственным трудом, какие мучения приносит хотя бы, например, чувство патриотизма! Если вы не верите, чтобы патриотизм мог доставлять действительные мучения, я согласен выразиться мягче, — скажу: мучительные тревоги. В каком состоянии находится отечество? Не показываются ли признаки духовных и физических болезней? Изглажены ли старые исторические грехи? Как исполняется долг христианского народа? Не предстоит ли еще день покаяния? — Всё это только варианты двух роковых вопросов, в корне подрывающих наивный и самоуверенный оптимизм "почтеннейшей публики"... Но люди из публики, самоуверенно говорящие: "наука доказала", даже вовсе не представляют себе рост народонаселения как условный *факт,* зависящий от разных *факторов,* а видят в нем какой-то непреложный *фатум,* благосклонный к нашему отечеству и немилостивый — к другим странам.

Между тем при малейшем размышлении ясно, что в России, как и во всякой стране, вчерашний рост населения сам по себе ничего не говорит о завтрашнем, как тот факт, что кто-нибудь вчера был здоров, нисколько не помешает ему же опасно заболеть завтра. Да и зачем говорить о завтрашнем, когда дело переменилось уже сегодня? По недавно обнародованным несомненным статистическим данным, та значительная прогрессия, в которой возрастало наше население до восьмидесятых годов, с тех пор стала сильно убывать и в некоторых частях империи уже сошла на нуль. А именно в губерниях среднечерно-земной полосы с 1885 года прибыль населения, как известно, вовсе прекратилась, и тот значительный (хотя и меньший, чем ожидали) прирост в 12 миллионов за 10 лет, который обнаружен переписью 1897 г., падает преимущественно на различные нерусские или полурусские окраины... Волей-неволей должны мы обратиться к патриотизму размышляющему и тревожному.

Безотчетный и беззаботно-счастливый оптимизм патриотов ликующих, помимо его умственной и нравственной скудости, теряет под собою всякую физическую почву на наших глазах. На вопрос: что будет с Россией чрез сто лет — нельзя нам отвечать даже с тою определенностью, которая выражается в цифре 400 миллионов жителей» [Соловьев 19906. С. 361—364].

Мы, живущие через 100 лет после написания Соловьевым этого фрагмента, можем оценить теперь, кто оказался прав — «точная наука» или «философ-идеалист», человек «не от мира сего». Вместо тех самых 400 миллионов, подавляющее большинство которых должны были составлять русские, о чем уверенно «говорила наука», мы видим нечто совсем другое. «Наука» почему-то не обратила внимания на такую «мелочь», как начавшийся с 1880-х гг. социально-экологический кризис в Центральной России, который четко подметил Соловьев. «Наука» почему-то не предвидела такие «мелочи», как революция и гражданская война, государственный террор, разорение деревни, вторая мировая война, которые уничтожили многие миллионы людей, наконец, распад СССР, образовавшегося на месте Российской империи, и «черную демографическую дыру» в России конца XX — начала XXI в. Зато эта наука линейно экстраполировала тенденции, наблюдавшиеся во второй половине XIX в., на ближайшие сто лет. И так поступала отнюдь не только российская, но и германская, англо-американская и прочая передовая наука. Недаром же она прогнозировала население Австрии (Австро-Венгрии) через сто лет в 80 миллионов, но не учла, что самой Австро-Венгрии не будет, а население сократившейся до крохотных размеров Австрии будет куда меньше.

Между прочим, история повторилась почти через сто лет. Советские демографы в 1970-х — 1980-х гг. на основании статистических данных авторитетно доказывали, что в 2000 г. население СССР достигнет примерно 300 млн человек. Споры шли главным образом о том, сколько же более точно будет населения в СССР в 2000 г. - 305 или 310 млн человек. Всё было рассчитано правильно, вот только не учли маленькую деталь: что в 2000 г. СССР вообще не будет. Разумеется, эту маленькую деталь не могли учесть демографы; но ее также не смогли

учесть ни экономисты, ни историки, ни тем более специалисты по «научному коммунизму». Оказалось, что прогнозы и опасения «неспециалиста» Соловьева подтвердились в гораздо большей степени, чем прогнозы и расчеты специалистов. Вот и утверждай после этого, что философы нам не нужны, что у нас или на Западе и без того много высококлассных специалистов, которые дают научно обоснованные и точные прогнозы...

Но Соловьеву принадлежат и другие, более конкретные, но не менее важные прогнозы и предвидения. Так, он одним из первых увидел симптомы глубокого цивилизационного и социально-экологического кризиса, который через несколько десятилетий привел к гибели Российскую империю. В своей замечательной и не оцененной современниками статье «Враг с Востока», опубликованной в 1891 г., Соловьев, например, писал: «Возрастающее иссушение русской почвы и невозможность оставлять земледелие в прежнем виде; необходимость помощи народу со стороны образованного класса не только для преобразования сельского хозяйства, но и вообще для подъема умственного и культурного уровня народной массы, без чего невозможны и прочные сельскохозяйственные реформы; наконец, неспособность русского общества помочь народу как следует - вот три главных пункта, указанных мною восемь лет тому назад и значение которых теперь так печально обнаружилось. О первом пункте теперь издаются целые книги, и ученые-специалисты стараются передать в общедоступной форме свои исследования и выводы по этому предмету. Истинность второго пункта признана теперь даже "народниками", которые хоть и анонимно, но весьма решительно отрекаются от антикультурной части всего воззвания. Только на третий из указанных мною пунктов, несмотря на то что он яснее всех оправдался опытом нынешнего бедствия, продолжают у нас упорно закрывать глаза» [Соловьев 1990а. С. 482—483].

В конце статьи Соловьев не только пророчески предупреждал о грозящей опасности, но и предлагал всем ответственным и мыслящим людям сосредоточиться на главной проблеме тогдашнего русского общества (которая в несколько измененном

виде стоит и сейчас, в начале XXI в. и по-прежнему игнорируется): «Роковая и прогрессирующая необеспеченность нашего земледелия, т.е. не только благосостояния, но и самого существования России, — вот огромный факт, просмотренный даже теми людьми, которые радение о благе народа (главным образом земледельческого класса) стараются

сделать своей специальностью и привилегией. Теперь, когда острое бедствие неурожая заставляет сельских хозяев и ученых-естествоиспытателей согласно и решительно засвидетельствовать о грозной общей беде, можно бы оставить благонамеренные, но явно не относящиеся к делу разговоры на разные "народнические" темы и обратиться к вопросу первой важности для всего народа (и в широком, и в узком смысле этого слова): какими мерами и при каких условиях можно спасти русскую землю не от мнимых супостатов политического, религиозного и экономического свойства, а от действительного и страшного врага — от надвигающейся на нас с Востока пустыни» [Соловьев 1990а. С. 493].

Бедствие, о котором писал Соловьев, это неурожай и голод 1891 г., которые охватили многие губернии Центральной России. Голод, эпидемии холеры и тифа, по официальным данным, уменьшили население России на миллион человек. Тогдашняя российская печать сравнивала воздействие голода на умы с впечатлением вызванным в середине XIX в. поражением самодержавия в Крымской войне. Именно после тяжелейшего голода 1891 г. в России начался подъем революционного движения, охватившего всего через 10—15 лет не только города, куда стекались многие тысячи разорившихся, пауперизованных крестьян, но и собственно деревню. Именно с 1890-х гг. среди крестьянства все шире стала распространяться убежденность в том, что улучшить свое бедственное положение можно лишь путем захвата и присоединения помещичьих земель. Значение этой убежденности для крупных, подчас радикальных изменений в жизни российского общества и государства в полной мере выявилось в ходе революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны. Между тем Соловьев еще в начале 1880-х гг. предупреждал о надвигавшемся кризисе и в русском сельском хозяйстве,

81

и в российском обществе в целом. Даже в 1891 г. было еще не поздно, если бы общество и государство в России осознало, подобно Соловьеву, масштабы и последствия надвигавшейся катастрофы. Вместо этого русское «образованное общество» продолжало считать Соловьева «чудаком», человеком не от мира сего, не внимая его предупреждениям и предложениям, а все силы русской интеллигенции уходили на бесплодные споры о либерализме, социализме, национализме. Безусловно, это не способствовало укреплению духовного и физического здоровья великого русского философа, предчувствовавшего надвигающуюся опасность и стремившегося мобилизовать все силы русского общества для противодействия ей. В 1900 г. в возрасте 47 лет Соловьев умер, а спустя 17 лет разразилась катастрофа.

У другого выдающегося русского философа Николая Бердяева также можно найти целый ряд глубоких прогнозов и предвидений. Приведем лишь некоторые из них. Вот что писал, например, Бердяев в работе «Судьба человека в современном мире»: «Наконец, еще одна новая сила вошла в историю и грозит устойчивости европейской культуры. Народы Востока, цветные расы хотят быть активной силой своей истории, хотят быть субъектами, а не объектами. Наступает конец Европы как исключительного монополиста культуры. Происходит взаимодействие Востока и Запада, которое со времен Ренессанса, казалось, прекратилось. Наряду со вспышкой воинствующего национализма происходит универсализация человечества. Пробуждение народов Азии, пробуждение миров, которые рассматривались исключительно как колонии, тяжело ударили по Европе прежде всего экономически» [Бердяев 1994. С. 354]. Здесь можно увидеть достаточно точное описание современной глобализации («универсализации»), а также «столкновения цивилизаций» («происходит взаимодействие Востока и Запада», которое «тяжело ударило по Европе прежде всего экономически») и даже «мультикультурализма» («наступает конец Европы как исключительного монополиста культуры»). Напомним, что Бердяев писал это в 1930-е гг., когда о глобализации и универсализации в западной, да и мировой философской или научной литературе не было и речи.

82

Для Бердяева характерно отсутствие прямых прогнозов и описание будущих событий и явлений как уже наступивших. Иными словами, он описывал грядущие процессы и

явления культурной и общественной жизни чаще всего не в будущем, а в настоящем времени. Помимо прочего это объясняется широтой философского мышления Бердяева, который исследовал не только данный исторический момент, а целую эпоху; в результате содержание многих прозрений Бердяева, выраженных в настоящем времени, вполне раскрылось лишь позднее и до сих пор раскрывается на наших глазах. Это относится, в частности, к его анализу глубочайшего кризиса культуры, который в полной мере стал очевиден только сейчас, в начале XXI в. «Кризис культуры социологически связан с тем, что всякой высокой культуре присуще аристократическое качественное начало, которое подвергается величайшей опасности от процесса демократизации и уравнения, от господства масс. Мы живем в эпоху плебейского восстания против всякого аристократического начала в культуре... Античная греко-римская культура была аристократической по своему принципу, культурой поддержания и охранения качеств. Аристократической была и культура Ренессанса. Культура развивалась благодаря досугу, благодаря возможности проявить творческую избыточность, она предполагала неравенство. Культура никогда не существовала для всей массы человечества и никогда не была удовлетворением ее запросов и требований. Народность культуры совсем не означала соответствия уровню народных масс и исполнения их заказов. Народность была выражением духа народа, гений мог его лучше выразить, чем масса. Но сейчас от культуры всё более и более требуют, чтобы она была народной в смысле соответствия с запросами и требованиями народных масс. Это перерождает характер культуры и превращает ее в феномен другого порядка, которому нужно дать другое имя. Иногда этому феномену дают имя цивилизации, но терминология эта, конечно, условна. Господство масс и безличных качеств, принимающее то форму буржуазных демократий с диктатурой денег, всегда скрытой и замаскированной, то форму авторитарных государств с открытой диктатурой вождей, ставит в очень тяжелое положение творче-

ский культурный слой, культурную элиту. Эта культурная элита переживает смертельную агонию, ее моральное и ее материальное положение делается всё более и более невыносимым... Мы живем в эпоху "социального заказа". Социальный заказ масс определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, даже религия. И нет социального заказа на высшую качественную культуру, на духовную культуру, на настоящую философию, на настоящее искусство. Социальный заказ существует главным образом на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью» [Бердяев 1994. С. 355-356]. Заметим, что здесь Бердяев фактически угадал перерождение культуры в «массовую культуру», которая представляет собой «феномен другого порядка». Это перерождение в полной мере стало ощутимым позднее, в конце XX в., но Бердяев предвидел судьбу европейской (и не только европейской) культуры.

Не укрылся от Бердяева и тот факт, что социализм не может служить альтернативой капитализму, а является лишь его своеобразной формой, которая будет со временем отброшена. «И капитализму, и социализму одинаково свойствен экономизм, т.е. извращение иерархии ценностей, в силу которого низшие и подчиненные ценности получают преобладание... Экономизм, извращающий иерархию ценностей, совсем не Маркс выдумал, он взял его из жизни общества XIX века. И не Марксу, не марксистскому коммунизму принадлежит "заслуга" отрицания человеческой личности. Это отрицание ранее осуществилось в капитализме и в буржуазных идеологиях... Социальный индивидуализм в такой же мере видит в личности, наделенной экономической свободой и неограниченным правом собственности, орудие общества, общественной силы и общественного процветания, как и социальный коммунизм, который имеет преимущество искреннего отрицания личности во имя социального коллектива. В своей борьбе за освобождение труда и трудящихся социализм не менее капитализма готов рассматривать личность как функцию общества. И потому христианская этика враждебна этике капитализма и этике социализма, хотя и должна признать частичную правду социа-

лизма, во всяком случае отрицательную его правду в борьбе с капитализмом. Этически

отрицательные стороны социализма получены им по наследству от капитализма. Совершенно ложна идея homo oeconomicus, всегда руководящегося личным интересом. Этот экономический человек создан буржуазной политической экономией и соответствует капиталистической этике, его не было в прошлом. Но его структуру души считают вечной и этим аргументируют против новой социальной организации труда» [Бердяев 1993. С. 187]. Отсюда, в частности, следует, что «государственный социализм» был лишь одной из исторических форм развития капитализма, и, после того как эта форма исчерпала свои возможности, она уступила место буржуазной форме капитализма. Но эта «новая» форма наделе весьма стара, а либеральный индивидуализм, как и предсказывал Бердяев, оказался не менее враждебным человеку, человеческой личности, чем социалистический коллективизм. Бердяеву как христианскому мыслителю принадлежит обобщающий анализ всех исторических экспериментов, который одновременно является и прогнозом их конечной несостоятельности: «Все осуществления в истории производят впечатление неудачи. Осуществлено не то, что было задумано в творческом идеале. Не удалось прежде всего христианство в истории. Есть трагическое несоответствие между христианами в катакомбах и христианами в папском и императорском величии и силе, между христианами гонимыми и христианами, совершающими гонения. Не удались все религии. Смешно говорить, что французская революция осуществила свободу, равенство и братство. Есть потрясающее несоответствие между революционерами-большевиками в подполье и ссылке и ими же в величии власти, в мундирах и орденах, во дворцах и посольствах и пр. Такое же несоответствие между реформацией Лютера и лютеранскими пасторами XIX века. Все грандиозные замыслы мировых империй оказались кратковременными , напр., империя Александра Македонского, погибшая с его смертью, или римская империя, или империя Карла Великого и Наполеона. Слава и величие этого мира кратковременны и призрачны. Так будет и с осуществлением социалистического

царства. Власть принадлежит князю мира сего, и он шутит с человеческими замыслами плохие шутки. Человеческие общества переходят от стеснения, гнета, жестокости, опасности, негарантированности жизни, от ужасов войн и революций, от жизни суровой к более спокойной, довольной, свободной жизни, к жизни мещанской, к погоне за наслаждениями, к деморализации и упадку, и потом вновь повторяется всё то же самое. Так совершается трагикомедия истории.

Значит ли это, что нужно отказаться совсем от истории? Нет, история есть испытание, творческий опыт, через который человек должен пройти: неудача истории, неудача всех реализаций истории не есть чистая пропажа, через самые неудачи человек идет к Царству Божьему. Это лишь подводит нас к проблеме конца. Царство Божье не реализуется в условиях нашего мира. Для его реализации нужны не изменения в этом мире, а изменение этого мира, не изменение времени, а преодоление времени» [Бердяев 1993. С. 347]. Между прочим, Бердяев здесь не только уверенно говорит о грядущей неудаче «социалистического царства» (социалистической империи), но и о будущей неудаче всевозможных проектов «универсальных империй» — будь то глобальная империя США, новый Арабский халифат или очередная Поднебесная китайская империя. Между тем все названные проекты сейчас вновь на слуху, их пытаются во что бы то ни стало осуществить, — несмотря на все предупреждения и предостережения, несмотря на весь опыт всемирной истории. Но финал их уже известен. Князь мира сего снова «шутит с человеческими замыслами плохие шутки», и так будет до тех пор, пока социальный человек не преобразуется в духовную личность. И потому усилия думающих и совестливых людей должны быть направлены вовсе не на реализацию очередных имперских проектов. «Нужны не изменения в этом мире, а изменение этого мира, не изменение времени, а преодоление времени». Преодоление же времени возможно лишь в духовном творчестве, которое, согласно Бердяеву, имеет эсхатологический характер и потенциально направлено на окончание этого мира, — идея, которая до сих пор не понята и не оценена по достоинству.

Можно было бы выделить и другие прозрения Бердяева, но и приведенного вполне достаточно, чтобы оценить мощный прогностический потенциал мышления выдающегося русского философа.

У крупнейшего немецкого философа-экзистенциалиста К. Ясперса также можно найти немало ценного как в плане общей методологии и философии прогнозирования, так и в плане сделанных им конкретных прогнозов. Каковы же вкратце некоторые прогнозы Ясперса? Вот что, например, он писал в конце 1940-х гг. о будущем значении Китая и Индии, которые в западноевропейской литературе традиционно рассматривались как «спящие», «неподвижные» цивилизации, как объекты грабежа и угнетения: «Значение Китая и Индии, сегодня еще не выступающих в роли решающих сил, со временем будет расти. Эти громадные массы людей с их глубокими уникальными традициями станут важной составной частью человечества совместно со всеми другими народами, которые, будучи втянуты в нынешнюю преображенную сферу человеческого бытия, ищут свой путь» [Ясперс 1994. С. 98]. Напомним в этой связи, что Китай уже сейчас, в первые десятилетия XXI в., претендует на роль будущей сверхдержавы и вместе с Индией рассматривается многими экономистами как наиболее динамичный и перспективный рынок XXI в.

Однако наиболее важный прогноз Ясперса связан с его анализом трех основных тенденций современного мира, которые проявляются сейчас и будут проявляться в дальнейшем. «В настоящее время в мире господствуют три тенденции. Они определяются словами: "социализм", "мировой порядок", "вера". *Во-первых,* массы настойчиво требуют установления порядка. Социализм отражает требование справедливой организации масс. *Во-вторых,* единство нашей планеты требует осуществления этого единства в рамках мирного существования. Возникает альтернатива: мировая империя или мировой порядок. *В-третьих.* Утрата традиционной опоры в субстанции всеобщей веры заставляет нас обратиться к подлинным истокам веры в человеческой душе и задать вопрос — от чего мы идем в нашей жизни и к чему мы стремимся? Возникает

альтернатива — нигилизм или любовь» [Ясперс 1994. С. 165]. Этот фрагмент из работы Ясперса «Истоки истории и ее цель» требует некоторого объяснения и комментария. Начнем с «социализма». Дело в том, что «социализм», по Ясперсу, означает не что иное, как тотальное планирование и тотальную организацию общества. В этом смысле тотальное планирование, истоки которого, согласно Ясперсу, лежат в современной технике и технократиии, также отнюдь не чуждо современному «организованному обществу» (термин Дж.К. Гэлбрейта) стран Запада. «Источник тотального планирования в технике. Если в технике возникают помехи, их пытаются устранить посредством целенаправленного планирования. Развитие техники достигло столь высокого уровня, что технические недостатки могут быть устранены средствами самой техники. Машины улучшаются, условия труда становятся настолько благоприятными, насколько это возможно в данной ситуации... Однако за пределами таких целесообразных средств часто прибегают к способам, рациональность которых вызывает сомнение; так, например, скупая и не допуская реализации новых патентов, пытаются предотвратить слишком быстрое преобразование технического оборудования; недовольство, усталость и пустоту, ощущаемые людьми, пытаются устранить планомерной организацией досуга, созданием соответствующих условий жилья и частной жизни вообще; более того, предупредить неуправляемость техники в целом технизацией самого управления... Поскольку в области техники планирование достигает таких необычайных результатов, возникает опрометчивая, вызванная техническими успехами идея технократии — управления техникой посредством самой техники, — что якобы устранит все недостатки... Однако попытки привести технику с помощью техники на правильный путь не дают должного результата, более того, они ухудшают положение» [Ясперс 1994. С. 198].

Таким образом, по Ясперсу, тотальное планирование, вырастающее из развития техники, это вовсе не только реальность бывшего «государственного социализма», но и реальность современного «постиндустриального» общества, где, несмотря

на все разговоры о свободе, на деле планируется и регламентируется всё или почти всё: деятельность крупных корпораций, мелких фирм, труд, отдых, развлечения, отношения в семье, деятельность средств массовой информации, массовая культура и многое другое. Отдельный индивид «сам», «по собственной воле» рассчитывает цены, доходы, идет на работу или в клуб, но все эти расчеты в действительности запланированы и навязаны ему «организованным» рыночным обществом, а его деятельность жестко определяется техникой и правилами обращения с ней, которые ему навязаны. «Государство, общество, фабрика, фирма—всё это является предприятием во главе с бюрократией. Всё, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации» [Ясперс 1994. С. 311]. Конечно, планирование в современных развитых странах осуществляется более гибко, чем планирование в условиям бывшего «социализма», но суть остается той же: жизнь любого человека регламентирована, распланирована, «организована» на много лет вперед, едва ли не до могилы. Такова первая тенденция, выделенная Ясперсом, на основании которой он дает прогноз о нарастающем подчинении человека технике через тотальное планирование всей его жизни.

Вторая тенденция — это усиление единства мира, приводящее к альтернативе: мировая империя или мировой порядок. Здесь Ясперс затронул чрезвычайно актуальную проблему, которая стоит перед современным человечеством и которая пока что осознается совершенно недостаточно. Возобладает ли в очередной раз имперская модель, как это бывало в истории множество раз (достаточно назвать такие мировые империи, как империю Александра Македонского, Римскую империю, Арабский халифат, Монгольскую империю, империю Наполеона, гитлеровский «третий рейх», каждая из которых стремилась объединить весь мир), или впервые в истории возникнет новое объединение государств и цивилизаций, создавших новый мировой порядок? И не столь уж важно, какой будет очередная мировая империя — мировой империей Соединенных Штатов, мировой империей нового исламского халифата или китайской империей, разросшейся до масшта-

бов всего мира. «Вопрос заключается в том, каким путем будет достигнут единый мировой порядок... В первом случае этот порядок будет мирным покоем деспотического правления, во втором — мирным сообществом, претерпевающим постоянные преобразования в ходе демократического движения и самокоррекции. Если попытаться выразить это в упрощенной антитезе возможностей, то речь будет идти о пути к мировой империи или к мировому порядку. *Мировая империя* создает мир на Земле посредством одной-единственной власти, подчиняющей себе всех из какого-либо одного центра. Эта власть держится на насилии. Она формирует нивелированные массы посредством тотального планирования и террора. Внедряет посредством пропаганды единое мировоззрение в его элементарных основных положениях. Цензура и руководство духовной деятельностью подчиняет последнюю принятому на данном этапе—и постоянно модифицируемому — плану. *Мировой порядок* являет собой единство без единой власти, за исключением тех случаев, когда она утверждается по договоренности и в силу общего решения. Установленный порядок может быть изменен только законодательным путем на основе новых постановлений. Стороны сообща подчинились этой процедуре и постановлениям большинства, гарантировали общие всем права, которые и защищают существующее в каждый данный момент меньшинство и остаются основой человеческого существования в его движении и самокоррекции» [Ясперс 1994. С. 208-209].

Разъясняя принципиальное отличие мирового порядка от мировой империи, Ясперс далее указывал: «Грядущий *мировой порядок* не может конституироваться как некое завершенное целое, а формируется постепенно по многим ступеням свободы. В мировом порядке будут различные уровни. То, что объединяет всех в качестве общего дела, для того чтобы гарантировать мир, может ограничиваться немногим, но при всех обстоятельствах должно лишать всех суверенитета во имя одного всеохватывающего суверенитета... Однако устройство человеческой жизни значительно богаче всеохватывающего законодательства человечества. То, каким это устройство станет в рам-

90
ках всеобщего мира, должно в многообразных формах выйти из многочисленных исторически сложившихся структур в процессе их преобразования техническими условиями жизни... Всё это возможно только без тотального планирования, на основе планирования лишь общезначимых законов и договоров в обществе свободного рыночного хозяйства, сохраняющего свое решающее значение в ряде существенных областей, в условиях свободной конкуренции и духовного соперничества, в свободном общении, прежде всего в сфере духа» [Ясперс 1994. С. 211— 212]. Следует подчеркнуть, что, в отличие от мировой империи, для мирового порядка, по Ясперсу, принципиально важным является сохранение и развитие свободной конкуренции в экономике и политике, а также соперничества в духовной сфере, в духовном творчестве и общении. Иными словами, если в мировой империи господствуют регулирование и планирование экономической и политической жизни из одного центра, господствует одна «универсальная» идеология или религия, то при мировом порядке нет подобного планирования в экономике и политике, как нет и единой универсальной идеологии или религии, а есть общение и соперничество различных религий, учений, идеологий. Именно это обстоятельство является одним из существенных критериев различения мировой империи и мирового порядка; там, например, где утверждается религиозный, духовный или социальный фундаментализм, претендующий на свою единственность для всех и вся, речь идет о зародыше очередной мировой империи, но не мирового порядка.

Вопрос об альтернативе «мировая империя или мировой порядок», поставленный Ясперсом в середине XX в., стал одним из ключевых в начале XXI в. Именно сейчас решается, по какому из двух путей пойдет дальнейшее развитие «глобализированного» мира. Более того, в современном мире присутствуют как элементы «мировой империи», так и элементы неимперского «мирового порядка». Подробнее об этом речь будет идти ниже. Здесь же лишь отметим, что в данном случае Ясперс угадал и верно спрогнозировал общие тенденции мирового развития и возникающие в рамках этого развития альтернативы.

91

Третья тенденция, на которую указывал Ясперс, это обострение духовной ситуации с ее альтернативой «нигилизм или новая вера». «Вопрос заключается в следующем: как в условиях века техники и переустройства всех общественных отношений сохранить такое достояние, как огромная ценность каждого человека, человеческое достоинство и права человека, свобода духа, метафизический опыт тысячелетий? Но подлинная проблема будущего, которая служит основным условием всех этих моментов и включает всех их в себя, состоит в том, как и во что будет веровать человек» [Ясперс 1994. С. 226]. Поскольку в современном мире многие люди теряют критерии различения веры и нигилизма, относясь ко всему с «научно-релятивистских» позиций, нелишне вспомнить, что означает вера не в узко религиозном, но в более широком философском смысле и почему любой человек не может сколько-нибудь полноценно жить без такой веры: «Вера есть то объемлющее, что руководит нами даже тогда, когда рассудок, по всей видимости, опирается только на свои собственные законы. Вера не тождественна определенному содержанию или догмату — догмат может быть выражением исторического содержания веры, но может и вести к заблуждению. Вера есть то, что наполняет сокровенные глубины человека, что движет им, в чем человек выходит, возвышается над самим собой, соединяясь с истоками бытия... Нигилизм — это погружение в бездны неверия. Может создаться впечатление, что человек в силу своей животной натуры может жить, непосредственно руководствуясь инстинктом. Однако это невозможно. Человек может, как сказал Аристотель, быть только чем-то большим или меньшим, чем животное. Если он отрицает это, стремясь жить просто по законам природы, как животное, то на этот путь он может вступить, только сознательно приняв нигилизм, а тем самым — с нечистой совестью и предчувствием гибели. Но и в своем нигилизме он цинизмом, ненавистью,

негативностью мыслей и действий, состоянием постоянного возмущения доказывает, что он — человек, а не животное... Человек не может жить без веры. Ведь нигилизм в качестве противоположного полюса веры также существует только в своем отношении к возможной, но отрицаемой вере» [Ясперс 1994. С. 227].
92
Итак, почему же вера, по Ясперсу, является необходимым условием для становления мирового порядка, а не мировой империи? И не просто вера, а вера, обладающая качеством терпимости по отношению к другим верованиям — именно терпимости, а не равнодушия? «Последствия веры (в Бога, в человека, в возможности человека в мире) существенны для путей социализма и мирового единства. Без веры мы во власти рассудка, механизма, иррационального начала, разрушения... Мировой порядок может быть осуществлен только при наличии терпимости. Нетерпимость означает насилие, вытеснение, агрессию. Однако терпимость — это не равнодушие. Равнодушие возникает скорее из высокомерной уверенности в обладании истиной и являет собой первую стадию нетерпимости в виде скрытого презрения — пусть думают что хотят, меня это не касается. Терпимость, напротив, открыта, терпимый человек осознает свою ограниченность, хочет объединиться с другими людьми во всем различии их мнений, не стремясь привести все представления и идеи веры к общему знаменателю... Поэтому собеседование — единственный путь не только для решения важных вопросов нашей политической жизни, но и для любого аспекта нашего бытия. Однако лишь на основе веры это общение приобретает импульс и содержание; на основе веры в человека и его возможности, веры в то единственное, что может объединить всех, веры в то, что мое личное становление связано со становлением других» [Ясперс 1994. С. 233]. По сути дела, выбор «тоталитарная мировая империя» или «мировой порядок» определяется, согласно Ясперсу, в первую очередь наличием и характером веры, системы ценностей, идей и идеалов, доминирующих среди людей, степенью их многообразия и взаимной терпимости. «Перед лицом возможного установления тоталитарной мировой империи и соответствующей тоталитарной истины в вере отдельному человеку, бесчисленным людям, которые с осевого времени до наших дней живут на территории от Китая до Запада, остается лишь надежда сохранить сферу философского мышления, какой бы узкой она ни становилась. Тогда последним прибежищем человека, соотносящего свою жизнь с трансцендентностью, бу-
93
дет его глубокая внутренняя независимость от государства и от церкви, свобода его души, черпающей силу в великих традициях прошлого, — всё это уже неоднократно случалось в мрачные переходные периоды истории. Тем, кто считает маловероятным возникновение единого мира без единой веры, я осмелюсь возразить следующее: обязательный для всех единый мировой порядок (в отличие от мировой империи) возможен именно в том случае, если многочисленные верования останутся свободными в своей исторической коммуникации, не составляя единого объективного общезначимого содержания веры. Общей чертой всех верований в их отношении к мировому порядку может быть только то, что все они будут стремиться к такой структуре и основам мирового сообщества, в которых каждая вера обретет возможность раскрыться с помощью мирных духовных средств» [Ясперс 1994. С. 238].
Остается лишь добавить, что попытки утвердить в качестве единой, обязательной веры для *всех либерализм* (или *неолибе-рализм)* не менее опасны, чем попытки утвердить коммунизм или религиозный (например, исламский) фундаментализм, и точно так же ведут к созданию мировой империи. Но любая мировая империя, пусть даже либеральная, неизбежно превратится в более или менее тоталитарную империю, а от «либерализма» останутся одни слова. Как только какая-либо идея, верование или ценность начинает насаждаться насильно и единообразно для всех, она становится основой имперской политики. Ведь и советская коммунистическая идея, в которую искренне верили

миллионы людей и за которую они отдавали свою жизнь, была по-своему хороша; однако это не помешало СССР, в основе которого с самого начала лежала идея «всемирной республики трудящихся» («мировой революции» и т.п.), превратиться в тоталитарную империю, стремившуюся стать мировой империей. То же самое произойдет (и во многом уже происходит) с либеральными Соединенными Штатами, стремящимися стать мировой империей, или даже с либерально-социал-демократическим Европейским Союзом, расширение которого уже привело к формированию зародыша имперского центра (Германия, Франция, Италия) в противополож-

ность всем остальным государствам, являющимся членами ЕС. В противовес этому идеи и ценности, составляющие основу не империи, а мирового порядка, предполагают различное их понимание людьми, принадлежащими к разным культурам. Например, ценность «свободы» понимается по-разному в разных культурах, и все попытки ее насильственной унификации и насаждения извне ведут в итоге не к свободе, а к рабству. И эта альтернатива — имперская унификация или реальное многообразие культур при их добровольном взаимодействии является самой жгучей проблемой современности. Таким образом, сформулированная Ясперсом альтернатива «мировая империя или мировой порядок» и его анализ духовных, технических, экономических условий формирования мировой империи и мирового порядка являются более чем актуальными. Картина, нарисованная Ясперсом, это не просто прогноз, а пробуждающий прогноз, который побуждает не только к размышлениям, но и к действиям.

Обратимся, наконец, к некоторым прогностическим идеям еще одного крупного философа — Х. Ортеги-и-Гассета (1883— 1955). Ему, в частности, принадлежит весьма глубокая характеристика парадоксального развития западноевропейской цивилизации и — шире — всего Запада, справедливость которой стала особенно очевидна в наши дни. «Разрыв между уровнем современных проблем и уровнем мышления будет расти, если не отыщется выход, и в этом главная трагедия цивилизации. Благодаря верности и плодотворности своих основ она плодоносит с быстротой и легкостью, уже недоступной человеческому восприятию. Не думаю, что когда-либо происходило подобное. Все цивилизации погибли от несовершенства своих основ. Европейской грозит обратное. В Риме и Греции потерпели крах устои, но не сам человек. Римскую империю доконала техническая слабость. Когда население ее разрослось и спешно пришлось решать неотложные хозяйственные задачи, решить которые могла лишь техника, античный мир двинулся вспять, стал вырождаться и зачах. Но сегодня крах терпит сам человек, уже неспособный поспевать за своей цивилизацией. Оторопь берет, когда люди вполне культурные трактуют зло-

бодневную тему. Словно заскорузлые крестьянские пальцы вылавливают со стола иголку. К политическим и социальным вопросам они приступают с таким набором допотопных понятий, какой годился в дело двести лет назад для преодоления трудностей в двести раз легче. Растущая цивилизация — не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем в большей они опасности. Чем лучше жизнь, тем она сложнее» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 93-94].

Ортега любил Европу и еще в 1920-е гг. предсказывал неизбежность ее объединения как единственного выхода из охватившего ее кризиса: «Сейчас для европейцев наступает пора, когда Европа может обернуться национальной идеей. И куда менее утопично верить в это сегодня, чем предрекать в XI веке единую Испанию. Чем ревностней национальное государство Запада хранит свою подлинную сущность, тем неизбежней оно высвободит ее в едином и грандиозном государстве континентальном» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 156]. Тем не менее у него есть горькая констатация, которая очень подходит современной объединенной и процветающей Европе. Эту констатацию не худо бы вспомнить всем тем, кто безоглядно рвется в Европу, кто считает ее образцом для России и всех остальных

стран: «Суть такова: Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой. Что бы ни твердила молодежь о "новой морали", не верьте ни единому слову. Утверждаю, что на всем континенте ни у кого из знатоков нового *ethos* нет и подобия морали. И если кто-то заговорил о "новой" — значит, замыслил новую пакость и ищет контрабандных путей... Как же умудрились уверовать в антиморальность жизни? Несомненно, к этому и вела вся современная культура и цивилизация. Европа пожинает горькие плоды своих духовных шатаний. Она стремительно катится вниз по склону своей культуры, достигшей невиданного цветения, но не сумевшей укорениться» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 161-163]. Здесь Ортега не только повторяет Шпенглера, он говорит о том, что в Европе набирает силу не просто отрицание морали, а антиморальность, не просто отрицание рели-

гии, но антирелигиозность, не только отрицание своей же собственной высокой культуры, но и антикультурность. Место морали, религии, культуры занимает «цивилизованность», лишенная духовного начала и идеально приспособленная для манипулирования массами индивидов. И хотя процесс этот во многом необратим, возможны и необходимы всплески прежней духовности или хотя бы периодически возникающие воспоминания о ней. Более того, попытки затормозить процессы моральной и культурной деградации на основе прежних традиционных ценностей отнюдь не бесплодны: эти попытки могут привести к возникновению принципиально новых зародышей и очагов духовного подъема, которые пока что не просматриваются в силу ограниченности нашего видения.

Вместе с тем Ортега еще в 1920-е гг. поставил диагноз не только европейской цивилизации, но и советскому коммунизму, который выступал в качестве мнимой альтернативы мировому капиталистическому развитию: «Я не обсуждаю вопроса, становиться или не становиться коммунистом. Непостижимо и анахронично то, что коммунист 1917 года решается на революцию, которая внешне повторяет все прежние, не исправив ни единой ошибки, ни единого их изъяна. Поэтому происшедшее в России исторически невыразительно и не знаменует собой начало новой жизни. Напротив, это монотонный перепев общих мест любой революции. Общих настолько, что нет ни единого изречения, рожденного опытом революций, которое применительно к русской не подтвердилось бы самым печальным образом. "Революция пожирает собственных детей!", "Революция начинается умеренными, совершается непримиримыми, завершается реставрацией" и т.д. и т.п. К этим затасканным истинам можно бы добавить еще несколько не столь явных, но вполне доказуемых — например, такую: революция длится не дольше пятнадцати лет, активной жизни одного поколения» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 95].

У Ортеги немало других прозрений и важных для исторического прогнозирования методологических положений, некоторые из них будут рассмотрены ниже. Однако и приведенных мест вполне достаточно, чтобы представить, как этот глу-

бокий и оригинальный философ исследовал настоящее и будущее, исходя из неразрывной связи того и другого с прошлым, с историей. При этом он нередко приходил к весьма необычным, иногда парадоксальным выводам, многие из которых впоследствии оправдывались. Вполне возможно, что Ортега был одним из последних великих европейских философов, мыслящих глубоко и не боящихся идти против господствующих в данное время интеллектуальных течений.

Таким образом, на примере творчества некоторых крупных философов истории можно проследить связь между общими принципами философского понимания истории и некоторыми конкретными прогнозами, которые в свое время сделали эти выдающиеся мыслители. Конечно, они не были профессиональными прогнозистами и футурологами; но именно это обстоятельство, возможно, уберегло их от многих радикальных ошибок и

заблуждений, связанных с линейной экстраполяцией сиюминутных тенденций. Они мыслили целостно и исторически, что позволило им уловить некоторые принципиально важные моменты будущего, которые уже стали или становятся моментами прошлого и настоящего. В этом и состоит главный урок философии истории для любого прогнозирования развития человека и общества.

1.5. Философское и художественно-интуитивное предвидение: прозрения Достоевского

Как отмечалось выше, многие поэты и художники обладали пророческим даром, и это свидетельствует о том, что будущее может постигать не только философское или научное, но и художественно-интуитивное мышление. Однако в ряду писателей, поэтов и художников, обладавших даром предвидения, Достоевский занимает особое место. Он выделяется прежде всего широтой философского и психологического мышления, сочетающейся с глубиной художественного постижения внутреннего мира человека. Писатель, философ, психолог, публицист и религиозный мыслитель в одном лице, Достоевский был одним из самых проницательных и дальновидных

людей XIX в. Многие его идеи и прозрения и сейчас, в начале XXI в., актуальны, как никогда прежде, а вся их глубина становится понятной только в современную эпоху. К сожалению, в рамках данной книги нет возможности привести даже основные места из произведений Достоевского, которые читаются сейчас как осуществившиеся предвидения. Поэтому мы ограничимся здесь лишь некоторыми наиболее важными примерами и краткими комментариями, напоминая читателю, что Достоевский не простой автор и требует к себе внимательного и вдумчивого отношения.

Начнем с «Зимних заметок о летних впечатлениях», написанных Достоевским в начале 1860-х гг. В «Заметках» есть место о Лондонской выставке, где нарисована впечатляющая картина научно-технического и экономического прогресса, а также намечены последствия этого прогресса для человека. «Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира в едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли в самом деле достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж и в самом деле "едино стадо"? Не придется ли принять это и в самом деле за полную правду и занеметь окончательно? Всё это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательно совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то в Вавилоне, какое-то пророчество из апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» [Достоевский 1956. С. 93].

Разумеется, можно легко вообразить, что «библейская картина Вавилонской башни», «едино стадо», «пророчество из апокалипсиса», «обоготворение Ваала» — всё это не про нас, всё это не имеет никакого отношения к эпохе глобализации XXI в. «Что-то тут уже достигнуто», тут «победа, торжество» — и никаких сомнений в благотворности технического прогресса. Да, «много надо вековечного духовного отпора», чтобы «не поклониться факту и не обоготворить Ваала», того самого Ваала, которому нужно постоянно приносить кровавые человеческие жертвы. Духовного отпора в наше время явно не хватает, и существующее в очередной раз принимается за окончательный идеал. Достоевский имел достаточно духовных сил, чтобы ужаснуться «едину стаду», которое ныне представляют собой все мировые столицы, все мегаполисы, все крупные города. А многие наши современники настолько привыкли к «едину

стаду», что просто перестали его замечать...
Но пойдем дальше. В романе «Идиот» Достоевский вкладывает в рассуждения одного из персонажей (Лебедева) свои мысли о технической цивилизации, утвердившейся сначала на Западе, а затем распространившейся по всему миру. Лебедев рассуждает о том, что западная цивилизация, принявшая христианство в средние века («в тех столетиях»), затем отреклась от него, подменив «источники жизни» сетью капиталов, банков, железных дорог и прочих путей сообщения. В конце своей речи он, в частности, говорит:
«Покажите мне связующую настоящее человечество мысль хоть в половину такой силы, как в тех столетиях. И осмельтесь сказать, наконец, что не ослабели, не помутились источники жизни под этою "звездой", под этой сетью, опутавшею людей. И не пугайте меня вашим благосостоянием, вашими богатствами, редкостью голода и быстротой путей сообщения! Богатства больше, но силы меньше, связующей мысли не стало; всё размягчилось, всё упрело и все упрели! Все, все, все мы упрели!» [Достоевский 2003а. С. 395-396].
На первый взгляд, непонятно, что значит «все мы упрели» и какое отношение это имеет к предвидению будущего. Но если учесть, что речь здесь идет о деградации нравственной и фи-
100
зической природы человека, которая особенно явной стала в наше время, то можно смело сказать, что Достоевский угадал, как повлияет технический прогресс и развитие капиталистической цивилизации на жизнь человека. «Благосостояние», «богатства», «редкость голода», «быстрота путей сообщения» оказались куплены ценой разрушения духовного и природного мира; человек потерял веру, надежду и любовь, стал бессильным перед чуждыми ему силами политики, экономики, финансов, техники, информации - перед теми силами, которые он сам же и породил. Объединение и солидарность людей под лозунгами «свободы», «равенства» и «братства» оказались мифом, потому что исчезла внутренняя «связующая мысль», которую возвестил Христос. Внешние связи, опутавшие человека, не в состоянии заменить внутреннюю «связующую мысль» — вот главная идея Достоевского. А человек, пребывающий в уверенности, что богатство и собственность заменят ему «связующую мысль», — внутренне мертвый человек.
Кто-то не согласится, что всё это имеет какое-либо отношение к современной Европе и Америке — колыбели технической цивилизации. Ведь общество там демонстрирует потрясающий динамизм и адаптацию к меняющимся условиям. Но вот что сейчас происходит с человеком в самых богатых обществах? Распад и деградация семьи, однополые браки, педофилия, людоедство по Интернету, наркотики среди детей и молодежи, резкое снижение рождаемости, депопуляция, упадок высокой культуры — всё это признаки вырождения общества, напоминающие начало необратимого внутреннего упадка древнегреческой или древнеримской цивилизации. Разумеется, можно, как это часто делается, говорить о том, что это неотъемлемые черты богатого и высокоразвитого общества, неизбежные последствия прогресса и т.п. Себя обмануть легко, но природу не обманешь: внутренние и внешние «варвары» постепенно завоевывают западную цивилизацию, и радоваться этому не следует ни гражданам России, ни представителям других цивилизаций. Хотя бы потому, что им угрожает та же самая участь.
Корень всех бед современной технической цивилизации, согласно Достоевскому, заключается в утрате веры в Христа и
101
в утрате духовной свободы, замененной изобилием материальных благ и прочными социальными путами «организованного общества». Вместо пути Христа Великий инквизитор наметил другой путь, по которому идут многие народы и цивилизации. Он прямо говорит Христу, что человечество идет по пути не Бога, но дьявола: «Мы давно уже не с тобою, а с *ним,* уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем

кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастии людей... Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним... У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же,

102

правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: "Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих". Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы. Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться!» [Достоевский 20036. С. 267-269].

Итак, тайна Великого инквизитора, а заодно и тайна технической цивилизации состоит в подавлении духовной свободы человека ради «хлебов», душевного спокойствия и отказа от собственного выбора. Таким образом человеку гарантируется «счастье», которого не было у всех людей, живших прежде, до наступления эпохи научно-технического прогресса. Рим и меч кесаря, цари земные, всемирное соединение — всё это осуществлялось и продолжает осуществляться на наших глазах в эпоху глобализации, доминирования одной сверхдержавы, триумфального объединения Европы и т.д. и т.п. И разве Достоевский здесь не предвосхитил, не угадал перспективы развития стран Запада по пути Рима и всемирного соединения мечом кесаря?

Впрочем, у Достоевского можно найти не только глобальные, но и вполне локализованные во времени и пространстве, почти «политологические» прогнозы, которые оправдались через несколько десятилетий после смерти писателя. Вопреки

103

общему хору, предрекавшему после франко-прусской войны 1871 г. «долгий мир» в Европе, Достоевский еще в 1870-е гг. проницательно разглядел глубинные международные противоречия, которые сначала привели к Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., затем к Балканским войнам (1912-1913 гг.) и, наконец, к первой мировой войне 1914—1918 гг. Вот это место из «Дневника писателя» за 1876 год, которое мы для экономии места приводим с пропусками: «Кстати, у нас все теперь говорят о мире. Все предрекают мир долгий, всюду видят горизонт ясный, союзы и новые силы. Даже в том, что установилась в Париже республика, видят мир, даже в том, что республику эту установил Бисмарк, — и в том видят мир. В согласии великих

восточных держав бесспорно видят великие залоги мира, а иные из газет наших так даже и в герцеговинской теперешней смуте, вдруг, вместо недавних своих же тревог, стали замечать несомненные признаки прочности европейского мира (уже не потому ли, кстати, что ключ и к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкатулке у князя Бисмарка?)... Скажут, что война еще далеко. Вряд ли так далеко. Может быть, даже и лучше не желать отдаления развязки. Уж и теперь социализм проел Европу, а к тому времени уже подточит всё окончательно. Князь Бисмарк про это знает, но слишком по-немецки надеется на кровь и железо. Но что тут сделаешь кровью и железом?» [Достоевский 2004. С. 253-257]. И далее: «А грозит миру многое. И никогда еще Европа не была начинена такими элементами вражды, как в наше время. Точно всё подкопано и начинено порохом и ждет только первой искры» [Достоевский 2004.С. 260].

Даже то, что воюющие европейские державы будут стремиться использовать Россию в своих целях в грядущей первой мировой войне, предвидел Достоевский в 1876 г.: «А нам-то что, к нам же ведь и застучится Европа и закричит, чтоб мы шли спасать ее, когда пробьет последний час ее "теперешнему порядку вещей". И она потребует нашей помощи как бы по праву, потребует с вызовом и приказанием; она скажет нам, что и мы Европа, что и у нас, стало быть, такой же точно "порядок вещей", как и у них, что недаром же мы подражали им двести лет

и хвастались, что мы европейцы, и что, спасая ее, мы, стало быть, спасем и себя. Конечно, мы, может быть, и не расположены бы были решить дело единственно в пользу одной стороны, но под силу ли нам будет такая задача и не отвыкли ль мы давно от всякой мысли о том, в чем заключается наше настоящее "обособление" как нации и в чем настоящая наша роль в Европе? Мы не только не понимаем теперь подобных вещей, но и вопросов таких не допускаем, и слушать об них считаем за глупость и за отсталость нашу... И не пойдем ли мы, напротив, усмирять врага Европы и ее порядка тем же самым железом и кровью, как и князь Бисмарк? О, тогда, в случае такого подвига, мы уже смело могли бы поздравить себя *вполне европейцами.*

Но всё это впереди, всё это такие фантазии, а теперь всё так ясно, ясно!» [Достоевский 2004а. С. 261]. Если под «Европой», защищавшей в первой мировой войне свой «порядок вещей», иметь в виду Францию и Великобританию, то предвидение Достоевского во многом сбылось. Те, кто под нажимом Франции и Великобритании вверг Россию в первую мировую войну и тем самым обрек ее на революцию и гражданскую войну, были «вполне европейцами». Вот только результаты оказались совсем не теми, которых ожидали просвещенные «европейцы».

Но главное предупреждение Достоевского, конечно, адресовано России. Оно содержится прежде всего в романе «Бесы», предвидения которого почти не были восприняты современниками. Л.И. Сараскина, анализировавшая отзывы критики и реакцию читающей публики на «Бесов», в частности, отмечала: «Читающая публика, за малым исключением, была оскорблена романом Достоевского. Либеральное и демократическое общество считало своим долгом ахать и ужасаться при одной мысли об "уродливой карикатуре" и "злобной клевете". За Достоевским было записано творческое банкротство, неспособность к объективному наблюдению, болезненное состояние духа. Его герои получили квалификацию манекенов, маньяков, психопатов, а роман в целом — нелестную аттестацию госпиталя для умалишенных, галереи сумасшедших... Именно неприязнь к Нечаеву и нечаевщине заставила Н.К. Михай-

ловского возмутиться романом "Бесы". "Нечаевскоеделоесть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может служить темой для романа с более или менее широким захватом". Ссылаясь на то, что нечаевщина не характерна для русского общественного движения, что она составляет "печальное, ошибочное и преступное исключение", революционная молодежь клялась, что никогда не пойдет по этому губительному следу» (цит. по: [Громова 2000. С. 143—144]).

Интересно, куда же делись все эти клятвы, когда вслед за преступлением Нечаева последовал террор «Народной воли», потом эсеровский террор, а затем и «великий» большевистский террор? При чем тут был Нечаев и роман «Бесы», когда в точном

соответствии с программой Петруши Верховенского брат пошел на брата, дети стали предавать отцов, а нравственность исчезла как устаревшее понятие и была заменена мифическими «интересами пролетариата»? Тем не менее именно «творческий банкрот» Достоевский, «не способный к объективному наблюдению» и впавший в «болезненное состояние духа», еще в эпоху Нечаева (1870-е гг.), когда зарождавшееся новое зло не могли разглядеть даже самые прозорливые умы, понял и точно определил, куда идет дело. Позднее это признали и некоторые прозорливые умы. С.Н. Булгаков писал, например, в сборнике «Вехи» в 1909 г.: «Достоевский в "Бесах" сравнивал Россию и, прежде всего, ее интеллигенцию с евангельским бесноватым, который был исцелен только Христом и мог найти здоровье и восстановление сил только у ног Спасителя. Это сравнение остается в силе и теперь. Легион бесов вошел в гигантское тело России и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит... Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится, вместе со своей родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство» [Вехи 1909. С. 68—69]. Н.А. Бердяев отмечал: «То, что открылось Достоевскому в русской революции и русском революционере о религиозных глубинах, скрытых за внешним обличием социально-политических движений, было скорее пророчеством о том, что будет, что развернется в русской жиз-

106

ни, чем верным воспроизведением того, что было. Шатов, Кириллов с их последними, предельными религиозными муками появились у нас только в XX веке, когда обнаружилась неполитическая природа русских революционеров, для которых революция не социальное строительство, а мировое спасение. Достоевский предвосхитил Ницше и многое, раскрывшееся лишь теперь» (цит. по: [Громова 2000. С. 145]).

Итак, что же предвосхитил Достоевский, в чем состояло религиозное самоубийство русской интеллигенции и русского народа, за которое они продолжают платить до сих пор? Для ответа на эти вопросы нужно заново перечесть и осмыслить весь роман «Бесы», который, как и большинство произведений Достоевского, продолжает быть актуальным и для нашего времени. Здесь же мы приведем лишь некоторые ключевые места из романа, которые, как представляется, дают достаточно полный ответ на поставленные вопросы и позволяют судить, насколько сбылись предвидения Достоевского.

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про так называемых "передовых" говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки "передовых", которые действуют с определенною целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается» [Достоевский 1957. С. 481]. То, о чем говорит здесь Достоевский, описывает все переходные и «смутные» эпохи в России. И это осуществилось не только в эпоху революции, гражданской войны и террора в 1917—1930-е гг., но и в посткоммунистическую эпоху 1990-х — 2000-х гг., когда всплыла всевозможная «сволочь», подпавшая под команду «передовых».

107

Авот мысль Достоевского, вложенная в уста Шатова, о том, что несет с собой народу и обществу социализм, основанный на полунауке и «чистом разуме»: «Ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно он провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни

народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутомимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила беспрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит писание, "реки воды живой", иссякновением которых так угрожает апокалипсис. Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное, как отождествляют они же. "Искание бога" — как называю я всего проще. Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание бога, бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать. Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже

отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немыслимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему» [Достоевский 1957. С. 265-266].

Задолго до революции 1917 г. Достоевский предвидел неустойчивость и хрупкость всего самодержавного порядка в России, всего строя общественной жизни. Писатель Кармазинов (его прототипом был Тургенев), заигрывающий с революционерами, так говорит о будущем России по сравнению с будущим Запада: «Если там действительно рухнет Вавилон и падение его будет великое... то у нас в России и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадут у нас не камни, а все расплывется в грязь. Святая Русь менее всего на свете может дать отпору чему-нибудь. .. Я уже потому убежден в успехе этой таинственной пропаганды, что Россия есть теперь по преимуществу то место в целом мире, где все что угодно может произойти без малейшего отпору... Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславных нищих в высших слоях своих, а в огромном большинстве живет в избушках на курьих ножках. Она обрадуется всякому выходу, стоит только растолковать. Одно правительство еще хочет сопротивляться, но машет дубиной в темноте и бьет по своим» [Достоевский 1957. С. 388].

А вот что говорил в «Бесах» представитель российской власти губернатор фон Лембке: «Знаете ли, что я, "хозяин губернии"... знаете ли, что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а с другой стороны, могу так же верно сказать, что мне здесь нечего делать. Вся тайна в том, что тут все зависит от взглядов правительства. Пусть правительство основывает там хоть республику, ну там из политики или для усмирения страстей, а с другой стороны, параллельно, пусть усилит губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотим

республику; да что республику: всё, что хотите, поглотим...» [Достоевский 1957. С. 332]. Такое впечатление, что эти слова относятся не к России XIX в., а к России XXI в. И при

этом неважно, будут губернаторы избираться или назначаться, -главное в том, что они «всё, что хотите» поглотят.
Но ярче всего в «Бесах» нарисован, конечно, революционный проект, который разработал Шигалев и который позднее был последовательно внедрен в России. «Шигалев гениальный человек!... У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем и все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное - равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями... Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство» [Достоевский 1957. С. 436-437].
«Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. "Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого" - вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний» [Достоевский 1957. С. 437].
Главное состоит в том, что Шигалев «предлагает, в виде конечного разрешения вопроса - разделение человечества на
ПО
две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [Достоевский 1957. С. 422-423]. Между прочим, этот «проект» успешно продолжает развиваться и в наше время, только избранную «одну десятую» составляет уже не прежняя коммунистическая номенклатура, а номенклатура новая, ненасытная в своем стремлении поглотить все ресурсы России и сделать остальные «девять десятых» безгласным стадом. А в масштабах всего мира есть «золотой миллиард» и все остальные. Не предвидел ли и это Достоевский?
Развивая идеи Шигалева, Петруша Верховенский говорит о «наших», которые разлагают общество и готовят его самоуничтожение: «Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю... учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Я поехал — свирепствовал тезис Littre, что преступление есть помешательство; приезжаю - и уже преступление не помешательство, а именно здравый смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. "Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!" Но это лишь ягодки. Русский бог уже спасовал перед "дешевкой". Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах:

"двести ро-
111
зог, или тащи ведро"» [Достоевский 1957. С. 439]. Не слишком ли это описание, сделанное более 130 лет тому назад, напоминает современную Россию?
Для тех, кого не убеждают пророческие образы, нарисованные Достоевским в «Бесах», и кто продолжает сомневаться в способности великого русского (и всемирного) писателя предвидеть и предчувствовать будущее, приведем еще несколько мест из «Дневника писателя», в которых Достоевский выступает уже не как писатель, а как публицист и философ. Здесь многое сказано вполне определенно и точно, выявлены основные симптомы той нравственной болезни, которой Россия болеет до сих пор. Проявляется эта болезнь, в частности, в невинном, казалось бы, стремлении к простоте, **в маниакальном поиске исключительно простых, прямолинейных решений.** «Эта удовлетворенность наша простейшим, малым и ничтожным, по меньшей мере поразительна... Какая прямолинейность, какая скорая удовлетворенность мелким и ничтожным на слово, какая всеобщая стремительность поскорее успокоиться, произнести приговор, чтоб уж не заботиться больше, и — поверьте, это чрезвычайно еще долго у нас простоит» [Достоевский 2004а. С. 461-462]. Не стоит напоминать, что это маниакальное стремление к простоте решения сложных проблем в свое время привело народовольцев к убийству царя-освободителя Александра II, большевиков — к революции 1917 года, до основания разрушившей Россию и в итоге погубившей их самих, Сталина — к великому террору, уничтожившему генетический фонд нации, брежневскую номенклатуру — к застою и отупению, Горбачева - к распаду СССР, Ельцина и новую постсоветскую номенклатуру — к коррупции и разграблению страны, нынешних правителей — к уничтожению последних человеческих и природных ее ресурсов. И каждый раз люди в России «маниакально» стремятся к простым решениям сложных проблем — решениям, которые оборачиваются в итоге тяжелейшими, катастрофическими последствиями.
Но эта «простота», которая хуже воровства, есть только один из симптомов более глубокой болезни. Достоевский видел главную беду России в **невыделанное™ человека, в его** веч-
112
ной незрелости, безответственности, в лакействе перед чужой мыслью, в самосознании «недоросля». «По-моему, одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители: "слишком-де много уж было деспотизму, надо свободы", а свобода эта ведет огромное большинство лишь к лакейству перед чужой мыслью, ибо страх как любит человек все то, что подается ему готовым. Мало того: мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с *недоделанными* людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные. Вот в этой-то неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы проявиться наш гражданин. С этой-то великодушной работы над собой и начинать надо, чтоб поднять потом нашу "Новь", а то незачем выйдет и подымать ее» [Достоевский 20046. С. 50].
Отсюда, из этой невыделанности, незрелости человека в России вытекают многие свойства русской интеллигенции, включая нигилизм, самоубийственное стремление к радикализму, нетерпимость, раскол внутри одного поколения и раскол между поколениями — вечная российская драма «отцов» и «детей». «Для меня же лично, одно из самых ужасных опасений за наше будущее, и даже за ближайшее будущее, состоит именно в том, что, на мой взгляд, в весьма уже, в слишком уже большой части интеллигентного слоя русского по какому-то особому, странному... ну хоть предопределению всё более и более и с чрезвычайною прогрессивною быстротою

укореняется совершенное неверие в свою душу и в ее бессмертие. И мало того, что это неверие укореняется убеждением (убеждений у нас еще очень мало в чем бы то ни было), но укореняется и повсеместным, странным каким-то индифферентизмом к этой высшей идее человеческого существования, индифферентизмом, иногда даже насмешливым, бог знает откуда и по каким законам у нас водворяющимся, и не к одной этой идее,
ИЗ
а и ко всему, что жизненно, к правде жизни, ко всему, что дает и питает жизнь, дает ей здоровье, уничтожает разложение и зловоние. Этот индифферентизм есть в наше время даже почти русская особенность сравнительно хотя бы с другими европейскими нациями. Он давно уже проник и в русское интеллигентное семейство и уже почти что разрушил его. Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные "высшие" идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают»* [Достоевский 2004а. С. 531]. И далее: «Спросят: что такое эта *случайность* и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте еще: эта идея, эта вера — может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из детей впоследствии сами бы от нее отказались, по крайней мере, исправили бы ее для своих уже детей, но всё же самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи — есть уже начало порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка. Тогда как в наше время этого-то порядка и нет, ибо нет ничего общего и связующего, во что бы все отцы верили, а есть на место того или: во-1-х, поголовное и сплошное отрицание прежнего (но зато лишь отрицание и ничего положительного); во-2-х, попытки сказать положительное, но не общее и связующее, а сколько голов, столько умов, — попытки, раздробившиеся на единицы и лица, без опыта, без практики, даже без полной веры в них их изобретателей... Наконец, в-3-х, ленивое отношение к делу, вялые и ленивые отцы, эгоисты: "Э, пусть будет, что будет, чего нам заботиться, пойдут дети, как и все, во что-нибудь выровняются, надоедают только они очень, хотя бы их вовсе и не было!" Таким образом, в результате — беспорядок, раздробленность и *случайность* русского семейства, а — надежда — почти
114
что на одного бога: "Авось, дескать, пошлет нам какую-нибудь общую идейку, и мы вновь соединимся!"» [Достоевский 20046. С. 197—198]. Очевидно, что здесь Достоевский указал на тот кризис семьи, отношений между «отцами» и «детьми» в России, который в его время только намечался, но который в полной мере выявился только сейчас, на рубеже XX—XXI вв. И одну из наиболее глубоких причин этого кризиса Достоевский видел в «неверии в свою душу и ее бессмертие», которое характерно уже не только для «интеллигентных», но и для большинства остальных семей в России. Кто же осмелится сказать после этого, что Достоевский не предвидел будущего?

Итак, цель приведенного краткого обзора некоторых (далеко не всех!) «пророческих» мест из произведений Достоевского состоит в том, чтобы показать удивительную современность его идей, объясняющуюся способностью великого русского писателя (на самом деле больше, чем писателя, — философа и пророка) предчувствовать и прозревать грядущее. Очень многое из того, о чем писал Достоевский, о чем он пытался предупредить людей, осуществилось; его прозрения и предчувствия справедливы и для современного мира, и для современной России начала XXI в. Но по-прежнему нет пророка в своем отечестве, как нет его и в других отечествах. Достоевского ценят в лучшем случае как художника (что, разумеется, справедливо), но не как философа, исследователя человеческой души и провидца. А между тем человечество, отказавшись от подлинной веры и подлинного стремления к высшему, медленно, но неуклонно сползает к роковой

черте, за которой маячит духовная деградация и физическая гибель. И всё-таки жизнь и творчество Достоевского сами по себе свидетельствуют о том, что пробудиться и противостоять надвигающемуся злу для каждого человека вполне возможно.

1.6. Эволюционная парадигма в историческом прогнозировании

Приведенные выше примеры философско-исторического и художественно-философского предвидения будущего, на

115

наш взгляд, свидетельствуют о справедливости вынесенной в качестве эпиграфа мысли Ортеги-и-Гассета о возможности человеческой мысли прозревать «общий каркас будущего». Поэтому мы довольно подробно остановились на прозрениях великих мыслителей прошлого, еще не скованных рутиной узкой специализации и способных преодолевать многочисленные барьеры, перегородки и «железобетонные» стены, разделяющие единое познание. Однако мы живем совсем в другую эпоху, когда идеалом является именно узкоспециализированное научное познание, позволяющее проникнуть далеко вглубь исследуемого предмета, но теряющее из виду целое.

Философское и художественно-интуитивное осмысление будущего, о котором речь шла выше, нацелено на создание целостной картины грядущего, на выявление таких процессов и явлений, значение которых не поддается чисто формальному анализу. В то же время преимущественно интуитивное философское или художественное мышление нередко противостоит строгому научному мышлению, основанному на анализе фактов и тенденций. В результате образуется пропасть между философско-художественным и научным постижением будущего, и вместо целостной и глубокой его картины мы получаем разрозненные фрагменты. Нам представляется, что перекинуть мост через эту пропасть в некотором отношении мог бы междисциплинарный эволюционный подход к прогнозированию, основанный на принципах научного анализа, но не замыкающийся в узких формальных рамках простой экстраполяции известных тенденций. Такой эволюционный подход к прогнозированию, с нашей точки зрения, должен учитывать качественное изменение и эволюционное усложнение социальной системы в ходе ее исторического развития, включающее возникновение принципиально новых структур, тенденций и ритмов. Будущее социальной системы при этом описывается не как результат действия какой-либо одной («ведущей») тенденции (например, тенденции перехода от одной общественно-экономической формации к другой) или одного «ведущего» ритма (например, кондратьевских циклов), а как результат наложения и взаимодействия множества тенденций,

116

множества ритмов развития. Рассмотрение и анализ подобного наложения и взаимодействия различных по своей природе тенденций и ритмов дает возможность, с одной стороны, научно исследовать настоящее и будущее, а с другой стороны, избежать узости и односторонности формального научного анализа, которая неизбежно ведет к крупным ошибкам и провалам в прогнозировании развития человека и общества.

На первый взгляд, против такого эволюционного подхода к прогнозированию вряд ли кто-либо будет возражать. В большинстве учебников и научных исследований признается необходимость комплексного подхода к анализу социальных процессов и явлений, который учитывал бы реальную их сложность и описывал бы интегральное развитие как результат взаимодействия различных тенденций. Однако, как только речь заходит об исследовании конкретных социальных явлений и процессов, всё тут же меняется. Обнаруживается, что анализ реального взаимодействия различных тенденций превращается в простое их перечисление, причем в зависимости от вкусов и предпочтений того или иного автора на первый план выдвигается та или иная тенденция общественного развития. Более того, как только речь заходит о будущем, оно моделируется путем линейной экстраполяции тех или иных тенденций, наблюдаемых в настоящем, а прошлое при этом кажется «не актуальным». В качестве примера можно привести широко распространенные в политической науке концепции «демократического транзита». Согласно этим концепциям, основанным на так называемом «Вашингтонском консенсусе» (соглашении ведущих американских политологов), переход («транзит») к демократии является одной из наиболее важных тенденций социально-

политического развития в конце XX — начале XXI в. Были описаны и проанализированы основные фазы перехода кдемократии [O'Donnell, Schmitter 1986; Schmitter, Karl 1994], причем авторы, предложившие модели «демократического транзита», проиллюстрировали свои теоретические положения примерами политических изменений в странах Латинской Америки, Восточной Европы, Южной Африки. Казалось бы,

117

все хорошо, и эти модели можно использовать для прогнозирования политического развития «новых демократий», но жизнь показала их практическую ограниченность, а во многих случаях и теоретическую несостоятельность [Капустин 2001].

Во-первых, авторы моделей «демократического транзита» не учли (или не пожелали учесть) волнообразности процессов развития и распространения демократии в мире, т.е. чередования периодов (волн) подъема демократизации и периодов ее отката, описанных С.Хантингтоном [Хантингтон 2003а]. Между тем в начале XXI в. в мире начался откат демократии и демократизации, сопровождающийся усилением авторитарных тенденций, причем не только в странах «третьего мира» (например, в Африке, в Южной Азии или на Ближнем Востоке), не только в России или в Украине, но после 11 сентября 2001 пив США, а также в некоторых странах Европы. Разумеется, этот откат выражен в разных странах в разной степени: наиболее ощутим он в странах с нестабильной экономикой и политикой и менее ощутим в развитых странах, где сильны демократические традиции. Однако тот факт, что даже самое богатое государство, считающее себя образцом демократии, - США - вынуждены были ввести у себя фактическое ограничение свободы слова, объединить все спецслужбы в единое сверхведомство, поощрять доносы, прослушивать телефоны и контролировать сообщения в сети Интернет, говорит о многом. Тем более распространение международного терроризма и общее нарастание экономической и политической нестабильности не могло не сказаться на многих других странах, включая Россию.

Во-вторых, помимо тенденций распространения демократии значительное влияние на политическое развитие разных обществ оказывают процессы экономической, социальной, политической, культурной модернизации, которые отнюдь не всегда совпадают с процессами демократизации, а также межэтнические и межцивилизационные конфликты, которые, как правило, ведут к деградации и разрушению демократии. Обострение этих конфликтов в начале XXI в., спровоцирован -

118

ное резкими диспропорциями в демографическом и социально-экономическом развитии различных регионов мира, угрожает не только существованию демократии в разных странах, но и безопасности как отдельных людей, так и целых обществ. Выяснилось, что демократическое западное общество образца 1990-х гг. оказалось не готовым к новым условиям начала третьего тысячелетия, и потому все изысканные, детально разработанные теории «демократического транзита» обнаружили свою ограниченность или несостоятельность.

В-третьих, процессы глобализации, с которыми связывались и до сих пор часто связываются надежды на глобальное распространение демократии, выявили всю свою неоднозначность и противоречивость. Финансовая, экономическая и информационная глобализация порождает тенденции принудительной унификации мира, которые, в свою очередь, неизбежно наталкиваются на противоположные тенденции сопротивления этой унификации. Эти последние выражаются в возникновении различных социально-политических движений — от антиглобалистов до фундаменталистов и международных террористов. Иными словами, в современном мире процессы демократизации и «демократического транзита» играют весьма ограниченную роль, и прогнозирование дальнейшего развития мира на основании концепций «транзита» чрезвычайно затруднительно.

В то же время несомненно, что концепции «демократического транзита», как и теории модернизации, формационный или цивилизационный подход, ухватывают отдельные

стороны исторического и современного развития и потому должны не отбрасываться, а включаться в более широкий теоретический контекст. Иными словами, необходимо интегрировать различные доказавшие свою эффективность концепции и подходы таким образом, чтобы они не зачеркивали, а дополняли друг друга. Это возможно сделать в рамках эволюционного подхода к анализу и прогнозированию развития социальных систем, который, как уже было сказано, исходит из того, что результирующее развитие человека и общества представляет собой наложение и взаимодействие множества тенденций и ритмов различной природы.

119

Одной из теоретических предпосылок, позволяющих глубже понять процессы эволюционного усложнения общества, его модернизации и перехода в новые состояния (в том числе от авторитаризма к демократии), является допущение о необходимости для существования и развития социально-политической системы (подобно эволюционирующим биологическим системам) целого ряда взаимосвязанных и постоянно циркулирующих ресурсных потоков, тем более многочисленных и дифференцированных, чем сложнее и динамичнее система. В самом деле, для функционирования социально-политических систем с примитивной организацией власти (власть вождя или деспота) необходима достаточно простая и неизменная регуляция ресурсных потоков, в то время как в современных сложных социально-политических системах с детальным разделением властных функций и полномочий она является гораздо более сложной.

Какого же рода ресурсные потоки обеспечивают генезис и эволюционное усложнение социально-политических систем? В общем виде это могут быть потоки всех видов ресурсов, от материальных (например, энергетических, сырьевых или продовольственных) до «идеальных», например, ресурса доверия населения к власти, ее легитимности (этот последний ресурс может быть конвертирован во вполне реальные политические действия, в политическую власть) и т.д. Направление потоков может быть различным — от общества к власти и от власти к обществу, от периферии к центру и обратно, но главное состоит в том, что такие потоки должны функционировать постоянно и непрерывно, поскольку всякое нарушение этой непрерывности ведет к сбоям в функционировании экономической и социально-политической системы, к недееспособности и деградации определенных (в том числе жизненно важных) структур и институтов данного общества.

Следовательно, всякое эволюционное усложнение социально-политической системы, проявляющееся в возникновении новых структур и институтов, в их дифференциации и специализации обусловлено возрастанием интенсивности и диверсификации ресурсных потоков. Очевидно, что последнее

120

невозможно без усиления ресурсного обеспечения социально-политической системы, зависящего от общего уровня экономического развития. Поэтому, в частности, более дифференцированные и сложно организованные демократические политические системы, основанные на отделении власти от собственности, разделении властей, экономической независимости граждан от государства, развитом правовом регулировании возникающих конфликтов и т.п., являются стабильными лишь при достаточно высоком уровне.экономического развития и высоком уровне доходов на душу населения, что отмечалось многими авторами. «Самое всеобъемлющее статистическое исследование данной проблемы провели политологи Адам Пшеворский и Фернандо Лимоньи, рассмотрев положение различных стран мира в период 1950—1990 годов. Было подсчитано, что там, где доход на душу населения не превышает 1500 долларов (по современному курсу), демократический режим в среднем имел ожидаемую "продолжительность жизни" не более восьми лет. При доходе от 1500 до 3000 долларов он мог просуществовать в среднем 18 лет. Только при среднедушевом доходе свыше 6000 долларов демократия становится по-настоящему жизнеспособной» [Закария 2004. С. 64]. Иными словами, стабильная демократия требует значительного и стабильно пополняемого ресурсного обеспечения, при котором оказывается возможной дифференциация и, если так можно выразиться, индивидуализация политической жизни общества.

Но дело заключается не только в росте общественного богатства, который происходит эволюционно и тесно связан с эволюцией других подсистем общества — политической, культурной, социальной (социетальной). Развитие общества и появление у него возможности перехода к устойчивой демократии тесно связаны с эволюционным изменением системы базовых ценностей данного общества, с эволюцией системы мобилизации и распределения ресурсов, с эволюцией психологии и поведения политической элиты и массовых групп населения. Эволюция всех этих подсистем общества не может быть линейно-поступательной, поскольку она сопряжена с внутренними противоречиями, кон-
121
фликтами, периодическим исчерпанием и новым накоплением сил и ресурсов для дальнейшего поступательного развития. Поэтому эволюция общества в целом носит ярко выраженный нелинейный, пульсирующий, циклически-волновой характер [Long Waves 1984; Шлезингер 1992; Волновые процессы 1992; Пантин 2004]. Возникновение ритмов и волн в развитии человека и общества является, таким образом, не «отклонением от нормы», а внутренним механизмом эволюции.

Описанный вкратце эволюционный подход имеет самое непосредственное отношение к особенностям социально-политического и культурно-цивилизационного развития России, с которыми связаны и некоторые из проблем, поднятых Ф.М. Достоевским. В России социально-политическое развитие происходит путем своеобразных «пульсаций» или ритмов (циклов) реформ - контрреформ [Янов 1991; Янов 1997; Пан-тин, Лапкин 1991; Пантин 2004]. Только за последние два века Россия пережила целый ряд циклов реформ - контрреформ, в ходе которых волны (периоды) либерализации, усложнения социальной и политической системы, попыток формирования гражданского общества многократно сменялись волнами (периодами) подавления прав и свобод широких слоев населения, усиления государственного контроля во всех областях общественной жизни, упрощения социальной и политической системы, попыток принудительно сформировать идеологическое, культурное, политическое единообразие. Вслед за либеральными реформами Александра I следовали контрреформы Николая I, реформы Александра II сменялись контрреформами Александра III, после реформ Витте — Столыпина в качестве реакции на прежнюю стратегию модернизации последовал «военный коммунизм», за нэпом - сталинский «великий перелом» и «великий террор», за хрущевской «оттепелью» — брежневский «застой» и новые реформы, начатые Горбачевым. Сегодня, в начале XXI в., Россия вплотную подошла к завершению фазы либеральных реформ и готова вступить в новую полосу контрреформ. Между прочим, актуальность для России конца XX - начала XXI в. многих наблюдений и описаний Достоевского, сделанных им для России второй половины
122
XIX в., связана — наряду с другими факторами — именно с отмеченной «цикличностью» или, точнее, волнообразностью ее социально-политического развития.

Несмотря на кажущееся возвращение «на круги своя», каждый цикл реформ — контрреформ существенно меняет характер российской политической системы, привнося в нее принципиально новые черты: качественно меняется состав правящей элиты, возникают новые политические институты, меняются цели и методы осуществления внутренней и внешней политики. Разумеется, можно выявить и инварианты движения в чередующейся последовательности реформ и контрреформ: сохраняющийся, несмотря на все изменения, самодержавный характер власти, слабое и неустойчивое разделение власти и собственности, преобладание государственного патернализма и др. Но в целом, несмотря на драматизм и неизбежные социальные потрясения и потери, следует отметить эволюционный характер этого циклически-волнообразного развития, приводящего российскую социально-политическую систему каждый раз в новое состояние.

Очевидно, что подобный тип развития мог реализоваться лишь при наличии огромных человеческих и природных ресурсов; слабая дифференцированность и низкая эффективность использования ресурсных потоков до поры с лихвой покрывалась их масштабами.

Но сейчас ситуация принципиально меняется в силу ограниченности демографических ресурсов в современной России. И это неизбежно должно привести либо к переходу России на новый, менее расточительный и менее тяжелый режим развития, либо к ее деградации и распаду. Рассмотренный циклически-волновой механизм российской модернизации имеет самое прямое отношение к прогнозированию развития России в первой половине XXI в.; но для развития России характерны и некоторые другие ритмы, которые будут описаны в главе 6. Именно эволюционный подход, основанный на сочетании разных ритмов общественного развития, дает в итоге наиболее адекватную картину будущего. Это справедливо, на наш взгляд, не только в случае исследования политического, экономического и социального раз-

вития России, где эволюционный подход к прогнозированию уже показал свою эффективность, но и для прогнозирования развития других обществ и государств, а также для прогнозирования развития международной системы в целом. Но это тема последующих глав книги.

Таковы в самом кратком изложении основные положения развиваемого нами эволюционного подхода к прогнозированию социально-экономического и политического развития. Более полное изложение этого подхода к прогнозированию, основанного на эволюционных ритмах и циклах, представлено в главе 2 (п. 2.5), а конкретным результатам его использования посвящены главы 5, 6 и 7.

Глава 2
ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

2.1. Понятие исторического прогнозирования

Многие историки считают, что определение перспектив будущего развития и прогнозирование не имеет никакого отношения к истории и исторической науке. С их точки зрения, дело истории и историков — копаться в прошлом, выискивая новые факты и их подтверждения, но ни в коем случае не касаться ни настоящего, ни будущего. Именно такой подход нередко выдается за «единственно научный» в истории. Однако реально ли полностью оторвать прошлое от настоящего и будущего, возможно ли смотреть только назад, не оглядываясь по сторонам и не задумываясь о том, что впереди? В мышлении любого историка настоящее и будущее обязательно присутствуют, именно сквозь эту призму он смотрит на события и факты прошлого. Более того, существует и обратная зависимость, своего рода «обратная перспектива»: наиболее крупные историки, например, В.О. Ключевский, А.Дж. Тойнби, М. Блок, Ф. Бро-дель, И. Валлерстайн, не только исследовали прошлое, но и смотрели из этого прошлого на настоящее и будущее. Однако узкие специалисты, которых много среди историков, говорят, что упомянутые крупные историки в действительности выходили за рамки истории и мыслили как социологи, экономисты, политологи, философы. Однако кто определил рамки истории? Почему история должна заниматься исключительно отдельными фактами прошлого, а не тенденциями исторического развития, которые могут продолжаться в настоящем и будущем? На эти вопросы никто из узких специалистов-исто-

риков пока что не дал внятного ответа. И всё же для тех, кто не может отрешиться от представления, что история занимается исключительно прошлым, назовем ту область, о которой будет идти речь в этой главе, философией исторического прогнозирования, имея в виду, что историческое прогнозирование выходит за рамки традиционного понимания истории и относится к более широкому и целостному взгляду на человека и общество, который дает подлинная философия. В то же время подчеркнем, что речь здесь и далее будет идти не об абстрактных рассуждениях, а о вполне конкретных положениях и выводах, которые имеют прямое отношение не только к философии, но и к науке, к научному знанию.

Поскольку само представление об историческом прогнозировании до сих пор не

утвердилось в научной теории и поскольку, как уже отмечалось, в настоящее время существует пропасть между историками, занятыми исключительно исследованием прошлого, с одной стороны, и прогнозистами или футурологами, занятыми исследованием будущего, — с другой, необходимо прежде всего определить сущность и методологию исторического прогнозирования. **Историческое прогнозирование состоит в выявлении и анализе наиболее существенных тенденций общественного развития, которые действуют не только в прошлом, но и в настоящем, и скорее всего будут действовать в тот период будущего, к которому относится данный прогноз.** При этом необходимой предпосылкой исторического прогнозирования является хорошее знание истории того общества или цивилизации, будущее которых исследуется и прогнозируется; это знание, однако, состоит не только во владении множеством отдельных исторических фактов, но и в понимании взаимосвязей, существующих между различными историческими событиями, явлениями, процессами. Именно это последнее условие и является наиболее трудным как для профессиональных историков, так и для профессиональных футурологов — благодаря чему историческое прогнозирование развивается столь медленно и используется лишь от случая к случаю. Однако примеры таких исследователей, как Н.Д. Кондратьев, Ф. Бродель, А.М. Шлезингер-старший и А.М. Шле-

зингер-младший, Ф. Клингберг, С. Хантингтон и др., в свое время сделавших основанные на знании истории и уже оправдавшиеся прогнозы, показывают, что понимание исторических взаимосвязей, о котором идет речь, вполне возможно.

Теоретические основания и предпосылки исторического прогнозирования можно найти у О. Шпенглера, А.Дж. Тойн-би, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, о глубоких предвидениях и прогнозах которых речь шла в главе 1. Приведем лишь некоторые их высказывания, имеющие прямое отношение к принципам исторического прогнозирования. В этих высказываниях, в отличие от тех, что были приведены в главе 1, речь идет не о конкретных прогнозах, а о методологии и общих принципах исторического прогнозирования. С ними, как и с концепциями указанных авторов, можно спорить и не соглашаться; но игнорировать их, как это часто делается, нельзя. Далеко не случайно эти авторы, во многом полемизировавшие друг с другом, писали — каждый по-своему — о понимании и предвидении будущего исходя из истории, т.е. по существу о возможности и необходимости исторического прогнозирования. Так, у Шпенглера в самом начале «Заката Европы» можно найти следующее фундаментальное положение: «В этой книге впервые предпринята попытка предугадать историю. Речь идет о том, чтобы проследить судьбу одной культуры, а именно западноевропейско-американской, которая — единственная на планете — пребывает сейчас в совершенной форме, причем проследить ее на стадиях, этой культурой еще не пройденных» [Шпенглер 2003а. С. 18]. И далее: «Так задача, первоначально охватывавшая лишь ограниченную проблему нынешней цивилизации, раздвигает свои рамки вплоть до новой философии, и именно философии будущего, поскольку таковая может произрасти на метафизически истощенной почве Запада. Однако это — единственная философия, принадлежащая по крайней мере к *возможностям* западноевропейского духа на его последующих стадиях, выходя на *идею морфологии всемирной истории, мира как истории,* которая в противоположность морфологии природы, бывшей доныне единственной темой философии, охватывает в себе все обра-

зы и движения мира в их глубочайшем и окончательнейшем смысле, и хотя делает это повторно, однако в совершенно ином порядке, обобщая всё познанное не в собирательную картину, но в образ жизни как таковой, в образ не ставшего, но становящегося» [Шпенглер 2003а. С. 21].

Шпенглер идет дальше и даже говорит о возможности рассчитать последующие стадии развития западной цивилизации на основании анализа соответствующих стадий,

пройденных другими цивилизациями: «Итак, мы видим, что существуют также и вполне определенные *более поздние* состояния, нежели нынешнее западноевропейское, и в протекшей доныне истории они встречались уже не один раз, так что будущее Запада — это не безбрежное восхождение по фантастическим временным пространствам в направлении наших нынешних идеалов, но *строго ограниченное в смысле формы и продолжительности, неотвратимо предопределенное единичное событие истории продолжительностью в несколько столетий, которое можно обозреть и в основных его чертах рассчитать на основании имеющихся примеров...* Громадное углубление естественной и необходимой для нас картины мира знаменуется тем, что ту всемирно-историческую ситуацию, в которой мы пребываем ныне и которую мы до сих пор научились прослеживать как органическое целое в попятном направлении, теперь можно будет в основных чертах прослеживать также и вперед» [Шпенглер 2003а. С. 62—63]. С этими суждениями Шпенглера, повторим, можно не соглашаться (особенно это относится к предопределенности будущего развития общества), но с ними необходимо считаться, поскольку многие прогнозы Шпенглера, как уже отмечалось выше, сбылись (см. главу 1, п. 1.4).

Важные соображения по поводу роли истории в прогнозировании и определении перспектив будущего содержатся у А.Дж. Тойнби. В этом плане весьма показательно начало уже цитировавшейся статьи «Повторяется ли история»: «Повторяется ли история? В XVIII и XIX веках этот вопрос у нас на Западе обычно дебатировался в качестве академического упражнения. Зачарованные и ослепленные процветанием, которым наша цивилизация наслаждалась в то время, наши деды соста-

вили о себе странное фарисейское представление, что они "не таковы, как иные люди"; они решили, что западное общество застраховано от повторения тех ошибок и неудач, которые приводили к гибели другие цивилизации, чья история от начала и до конца представляется нам открытой книгой. Для нашего же поколения старый вопрос приобрел неожиданно новое и весьма практическое звучание. У нас открылись глаза на истину (подумать только, как это мы вообще были слепы в этом вопросе!), что человек Запада и все его труды ничуть не менее уязвимы, нежели в угасших цивилизациях ацтеков или инков, шумеров или хеттов. Так что сегодня мы с некоторым беспокойством вглядываемся в анналы прошлого, пытаясь понять, не содержат ли они какого-либо указания, урока, который нам стоило бы расшифровать» [Тойнби 1996. С. 35]. И далее, чуть ниже следует знаменитое сравнение исторического прогнозирования с навигационной картой морехода, которое уже приводилось выше (глава 1, п. 1.4).

Тойнби также настаивал на переориентации западного исторического мировоззрения в направлении включения в него всей истории других цивилизаций ради понимания собственного будущего: «Первое, что я бы предложил, — мы должны переориентировать собственное историческое мировоззрение в том же направлении, что и образованные представители родственных обществ нескольких последних поколений. Наши незападные современники осознали тот факт, что в результате недавней унификации мира *наша* прошлая история стала неотъемлемой частью *их* собственной. Теперь и мы, всё еще дремлющие западные люди, должны со своей стороны понять, что благодаря той же революции, которую мы сами, в конце концов, и устроили, прошлое наших соседей готовится стать жизненно важной частью западного будущего» [Тойнби 1996. С. 65]. К сожалению, важнейшая и верная (хотя по видимости парадоксальная) мысль Тойнби о том, что «прошлое наших соседей готовится стать жизненно важной частью западного будущего», так и не была воспринята на Западе. А между тем это предупреждение и предвидение уже понемногу воплощается в современной действительности; и речь здесь идет не

только об усилении влияния незападных культур и традиций внутри самих западных

обществ (за счет роста числа выходцев из незападных стран в государствах Европы и Северной Америки), не только об усилении экономического и политического влияния стран Азии в мире, не только о постепенной «ориен-тализации» современного мира, но и о том, что судьбы западной и незападных цивилизаций отныне теснейшим образом связаны, и кризис одной из цивилизаций, обусловленный ее прошлым, сильнейшим образом сказывается на всех остальных. Конкретное подтверждение этому — современный кризис исламской цивилизации, порождающий распространение международного терроризма по всему миру и оказывающий воздействие на развитие всех остальных цивилизаций.

Идея необходимости исторического прогнозирования содержится и у К. Ясперса: «Историческая концепция человеческого существования в его целостности должна включать в себя и будущее. Этому соответствует христианское видение истории, границами которой являются сотворение мира и день страшного суда. В нем заключена истина, и она остается незыблемой даже для тех, кто уже не верит в это христианское видение. Ибо отказ от будущего ведет к тому, что образ прошлого становится окончательно завершенным и, следовательно, неверным. Без осознания будущего вообще не может быть философского осознания истории... Будущее же скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и примысливаем его в реальных возможностях. По существу, в основе нашего мировоззрения всегда лежит осознание будущего. Это осознание будущего не следует конкретизировать в воображаемых картинах, отражающих наши чаяния или страхи; в основе нашего видения будущего должно быть научное проникновение в прошлое, а также непредубежденное постижение настоящего. Всё дело в том, чтобы в происходящей на наших глазах борьбе, сквозь нее, ощутить ту глубинную борьбу, от исхода которой зависит существование человечества вообще» [Ясперс 1994. С. 155]. Итак, согласно Ясперсу, «в основе нашего видения будущего должно быть научное проникновение в прошлое, а также непредубежденное постижение настоящего». Разумеется, и то, и дру-

гое встречается в истории и в других гуманитарных науках не столь уж часто, но без того и другого невозможен верный прогноз, невозможно адекватное понимание будущего.

Вместе с тем следует заметить, что Ясперс расходился со Шпенглером в вопросе о предопределенности будущего. «Для хода вещей существенно, выдерживает ли индивидуум неопределенность или ищет спасения в достоверности. Достоинство человека, пытающегося осмыслить будущее, находит свое выражение как в прогнозировании возможного, так и — в сочетании с ним — в незнании, основанном на знании, принцип которого гласит: мы не знаем, что нас ждет. Чувство, воодушевляющее нас в нашем существовании, заключается в том, что мы не знаем будущего, но участвуем в его реализации и видим его в его целостности и непредвиденности. Знание о будущем было бы для нас духовной смертью» [Ясперс 1994. С. 164—165]. Может показаться, что Ясперс здесь говорит главным образом о моральном долге человека, а не об отсутствии неизбежности в общественном развитии; но дело в том, что развитие общества зависит от множества выборов, которые совершают отдельные люди, а также оттого, насколько «запрограммирован -но» они воспринимают свое будущее. Шпенглер, выдвинувший плодотворную в целом идею морфологии всемирной истории, вместе с тем оказался под гипнозом собственной идеи, и пренебрег реальной непредсказуемостью поступков отдельных людей, составляющих общество. Но Ясперс, соглашавшийся со Шпенглером, что будущее не может быть «каким угодно» и что оно вырастает из прошлого, в то же время ясно видел человеческую, а не только «морфологическую» природу всемирной истории.

Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего, являющаяся основной предпосылкой исторического прогнозирования, была очевидна и для Х. Ортеги-и-Гассета: «И в этом смысле следует признать, что прошлое — это настоящее, что мы суть его итог, а то настоящее, в котором мы живем, — производное от прошлого. Последнее в таком случае всегда актуально, поскольку служит недрами, основою современности... Нужно

уяснить себе, что прошлое не уходит бесследно, что мы
131
не висим в воздухе, а стоим на чужих плечах, другими словами, находимся во вполне определенном прошлом — на пути, пройденном человечеством до сего времени. Сам этот путь, бесспорно, мог быть иным, но, раз он явился таким, каков есть, он бесповоротен, реален. Таково наше настоящее, где мы, так или иначе, обречены плыть, выбиваясь из последних сил, терпя жизненное крушение» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 270]. Ключевая мысль здесь «прошлое не ушло бесследно», т.е. оно реально живет и действует в настоящем и будет жить в будущем. А раз это так, то для понимания настоящего и будущего необходимо прежде всего понять прошлое, выявить его «следы» и «структуры», чтобы по ним отыскать тропы, ведущие в будущее, дать действительный, а не «висящий в воздухе» прогноз.

Отметим также, что Ортега, как и Ясперс, категорически не соглашался со Шпенглером в том, что будущее развитие обществ и цивилизаций в целом предопределено. «Я не верю в абсолютную историческую неизбежность. Напротив, я думаю, что жизнь, и в том числе историческая, складывается из множества мгновений, относительно независимых и непредрешенных, и каждый миг действительность колеблется, pietine sur place (топчется на месте, -*фр.),*- словно выбирая ту или иную возможность. Эти метафизические колебания и придают всему живому неповторимый трепет и ритм» [Ортега-и-Гассет 1997. С. 86]. Тем не менее, как и Ясперс, Ортега настаивал на необходимости в полном объеме учитывать всю прошедшую историю при понимании настоящего и прогнозировании будущего.

О многообразном взаимодействии прошлого, настоящего и будущего размышляли не только философы истории, но и наиболее крупные профессиональные историки. Хорошо известны слова видного французского историка, одного из основоположников знаменитой исторической школы Анналов Марка Блока, ставшие своего рода афоризмом: «История — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской». Выдающийся русский историк В.О. Ключевский многократно высказывал мысль о необхо-
132
димости истории для понимания настоящего и будущего. В дневнике 1867-1877 гг. он, например, писал: «Самая строгая наука не обязывает быть равнодушным к интересам настоящего. Если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее. В этом отношении интересы текущей жизни, уроки ее, могут служить надежной руководящей нитью, готовым указанием на то, что наиболее требует разъяснения в своих началах и развитии, а равно и готовой поверкой этого развития» [Ключевский 1990. С. 286]. В дневниковых записях Ключевского 1902—1911 гг. содержатся и такие суждения: «Эстетическое, нравоучительное и автогностическое применение истории. Последнее — понимание наличных нужд и потребностей (различие между ними) и средств для удовлетворения тех и других, и как результат понимания — чутье перелома, когда действовавшее сочетание начинает меняться и в какую сторону» [Ключевский 1990. С. 349]. «Изучение нашего прошлого небесполезно — с отрицательной стороны. Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь» [Ключевский 1990. С. 359].

Выдающийся французский историк Ф. Бродель, который также был одним из основателей исторической школы Анналов, подходил к проблеме исторического прогнозирования через обнаружение долговременных исторических тенденций. Говоря о ритмах и циклах конъюнктуры и, в частности, о вековой тенденции, он отмечал: «Согласно признанным в настоящее время данным, различают в применении к Европе четыре последовательных вековых цикла: 1250 [1350] — 1507— 1510гг.; 1507-1510 [1650] - 1733-1743 гг.; 1733-1743

[1817]-1896 гг.; 1896 [1974?] - ... Для нас проблема заключается не в этом, повторим, она в том, чтобы знать, отмечает ли или по меньшей мере освещает ли такое движение, недоступное глазу современника, долговременную судьбу миров-экономик; знать, завершаются ли последние, несмотря на всю свою ве-
133
сомость и продолжительность, такими вот движениями, поддерживают ли их, подвергаются ли их воздействию и, объясняя их, объясняются ли в то же время ими» [Бродель 1992. С. 73]. По существу Бродель здесь поставил вопрос, можно ли на основании долговременных исторических тенденций (например, вековой тенденции) прогнозировать будущее развитие «миров-экономик» — сообществ государств, тесно связанных друг с другом в экономическом, политическом и культур-но-цивилизационном отношениях (например, Европы). И ответ его был в целом положительным.
Между прочим, именно глубокое изучение истории капиталистических обществ позволило Броделю в эпоху глубокого структурного кризиса 1970-х гг. сделать верный прогноз о том, что капитализм не только переживет этот кризис, но и выйдет из него более сильным и обновленным. «Никто, вне сомнения, не будет отрицать, что нынешний кризис, начавшийся в 70-е годы нашего столетия, угрожает капитализму. Он посерьезнее кризиса 1929 г. и, вероятно, поглотит фирмы первой величины. Но капитализм как система имеет все шансы на то, чтобы пережить его. В *экономическом* плане (я не говорю — в *идеологическом)* он даже может выйти из него окрепшим. В самом деле, мы видели, какова бывала обычная роль кризисов в доиндустриальной Европе: заставить исчезнуть мелкие (мелкие по капиталистическим масштабам), хрупкие предприятия, созданные в пору экономической эйфории, или, напротив, предприятия устаревшие - и, следовательно, смягчить, а не усилить конкуренцию и сосредоточить важнейшую часть экономической деятельности в немногих руках. С этой точки зрения, ничего сегодня не изменилось. На национальном, как и на международном уровне происходит перераспределение, "новая сдача карт" - но к выгоде сильнейших» [Бродель 1992. С. 647]. Таким образом, крупнейший историк Бродель развивал и идеи исторического прогнозирования.
Современный американский политический историк А.М. Шлезингер-младший писал: «Закон ускорения устремляет нас в неведомое будущее. Но он не может стереть память о прошлом. История не оставляет в покое даже те поколения, ко-
134
торые отказываются от изучения истории. Циклы, последовательности, преемственности выплывают из давно забытых времен, с тем чтобы сформировать настоящее и придать окраску тому, что грядет. Наука и технология революционизируют нашу жизнь, но наши действия обусловлены памятью, традицией и мифом. Изгнанная потоком перемен из индивидуального сознания, история мстит людям тем, что отмечает коллективное бессознательное печатью привычек, ценностных установок, ожиданий и мечтаний. Диалектическая связь между прошлым и будущим продолжает формировать нашу жизнь» [Шлезингер 1992. С. 11]. В этом фрагменте работы Шлезингера по сути содержится обоснование возможности и необходимости исторического прогнозирования, т.е. прогнозирования, основанного на знании прошлого и выявлении наиболее существенных для настоящего и будущего исторических тенденций. Более того, Шлезингер предупреждает о том, к чему приводит «изгнание истории» из настоящего и будущего, чем чреват разрыв между прошлым и будущим — полным непониманием того и другого.
И всё же, несмотря на то что идеи исторического прогнозирования в течение долгого времени буквально носятся в воздухе, само представление об историческом прогнозировании, как уже говорилось выше, не утвердилось ни в социологии, ни в политической науке, ни в истории, ни в прогностике или футурологии. Объясняется это прежде всего глубоким разрывом между различными областями гуманитарного знания, а также убежденностью многих исследователей, что будущее, даже в основных или некоторых своих чертах, принципиально непредсказуемо, и история тут ничего не может

дать. Тех, кто так считает, не интересует, что многие прогнозы, основанные именно на знании и понимании истории, сбылись (например, прогнозы О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, К. Ясперса, Х. Орте-ги-и-Гассета, А.М. Шлезингера, Ф. Клингберга, о которых шла речь во введении и в главе 1). Предвидения этих и других «старомодных» мыслителей упорно игнорируются или в крайнем случае рассматриваются как случайные совпадения.

В действительности историческое прогнозирование в том смысле, как оно понимается в данной работе, широко приме-

нялось и применяется при определении перспектив будущего развития. Более того, большинство прогнозов в явном или неявном виде учитывают те или иные тенденции исторического развития и более или менее сознательно переносят их на будущее. В итоге получается ситуация, подобная ситуации героя Мольера: он, как известно, не знал, что говорит прозой. Точно так же многие крупные исследователи делали и продолжают делать исторические прогнозы, но сами не знают об этом и не осознают собственной методологии. Хрестоматийным примером в этом отношении является знаменитое и часто цитируемое место из известной работы А. де Токвиля «Демократия в Америке»: «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы. Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе... В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России - рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» [Токвиль 1992. С. 296]. (Напомним, что Токвиль писал свою книгу в 1830-е гг., когда в России господствовало крепостное право, поэтому его слова о рабстве в России не следует понимать слишком широко.)

Токвиль здесь основывается, хотя и в неявном виде, на исторических тенденциях развития Соединенных Штатов, России и Европы, экстраполируя их на будущее. Отметим в скобках, что Токвиль безусловно угадал некоторые важные тенденции мирового исторического развития и сделал в общем-то верный прогноз, но не оговорил периода времени, к которому он относится. Это в значительной мере обесценило сделанный им вывод, хотя он оказался полностью справедливым для пе-

риода 1945 — 1985 гг. Произошло это прежде всего потому, что глубокий исследователь и тонкий наблюдатель Токвиль по сути не задумывался об историческом масштабе развития того, что исследовал: для него история существовала в основном в «свернутом» виде, в виде наблюдаемого им настоящего, и координата времени, хронологическая составляющая истории практически им не анализировалась. Подобный недостаток, к сожалению, свойствен многим историческим прогнозам, авторы которых часто не рефлектируют относительно шкалы времени, хотя улавливают реальные исторические тенденции, которые действуют не только в прошлом и в настоящем, но справедливы и для будущего. Иными словами, историческое прогнозирование давно используется в общественных науках и — шире — в гуманитарном знании, но используется оно часто не вполне осознанно и не полноценно. Именно с этим обстоятельством и связана в первую очередь необходимость более точного определения сущности и методологии исторического прогнозирования.

Итак, выявление и анализ наиболее существенных тенденций общественного развития — это только первый, хотя и весьма важный этап исторического прогнозирования. Следующий этап, требующий от исследователя сочетания трезвого критического анализа и интуиции, основанной на целостном понимании процессов, состоит в критическом

осмыслении выявленных тенденций и проверке их действенности в настоящем и ближайшем будущем. Этот этап является чрезвычайно важным, поскольку от правильного ответа на вопрос о справедливости распространения выявленных тенденций на настоящее и будущее (правомерности экстраполяции) зависит адекватность всего прогноза. Сколько было случаев в прогнозировании и футурологии, в общественных науках в целом, когда правильно выявленные тенденции прошлого и настоящего неправомерно распространялись на будущее! Одним из самых ярких и показательных примеров такого рода является судьба теории К. Маркса. Маркс правильно выявил реально существовавшую в первой половине XIX в. тенденцию обострения в странах Западной Европы классовых конфликтов между рабо-
137
чими и буржуазией, а также тенденцию интернационализации и глобализации капитализма, его последовательного распространения на всё новые регионы мира. Но линейная экстраполяция этих тенденций на будущее развитие, которое якобы неминуемо должно завершиться пролетарской социалистической революцией (экстраполяция, в которой больше повинны последователи марксизма, в первую очередь большевики, нежели сам Маркс), привела в итоге к глубоко ошибочным выводам, к подмене научной теории утопией, к трагедии марксизма как такового. Эта трагедия между прочим состоит в том, что многие глубокие и весьма актуальные положения теории Маркса (например, об отчуждении и отчужденном труде как о сущности капитализма, о разрушительных для природы, общества и культуры последствиях господства капиталистического рынка, о необходимости самоорганизации общества для отпора разрушительным последствиям рыночного хозяйства, о все-мирности и глобальной природе капитализма) оказались девальвированы и во многом забыты. В результате большинство человечества, особенно ограбленные и обездоленные слои населения во всем мире, в идейном и практически-политическом плане оказалось обезоруженным и вынужденным прибегать к различным формам религиозного и социального фундаментализма, фактически воскрешающим худшие черты средневековья. Пришедший же на смену марксизму глобально-имперский неолиберализм, который следовало бы отличать от более плодотворного социального и реформистского либерализма, уже приводит и будет приводить в дальнейшем (если не произойдет его ограничения и уравновешивания другими научными и политическими течениями) к не менее разрушительным, чем большевизм, последствиям.

Судьба марксизма в этом плане является скорее не исключением, а правилом. Очень многие концепции, вскрывавшие реально существовавшие тенденции, оказывались несостоятельными, когда их механически и линейно экстраполировали на будущее. Вспомним хотя бы об уже упоминавшихся прогнозах американской советологии в 1960-е — 1980-е гг., о прогнозах Римского клуба и др. Здесь мы постепенно переходим
138
к третьему этапу исторического прогнозирования, который состоит в нелинейной экстраполяции выявленных и критически проанализированных на предмет их действенности в настоящем и ближайшем будущем тенденций исторического развития. Необходимость нелинейной, немеханической экстраполяции исторических тенденций связана с тем принципиально важным обстоятельством, что все сложные неравновесные системы, к которым относится общество или какая-то его подсистема, как правило, подчиняются принципам нелинейной динамики [Капица, Курдюмов, Малинецкий 2001]. В силу этого многочисленные и, казалось бы, естественные попытки линейно экстраполировать на будущее наблюдаемые тенденции исторического развития оказываются, как правило, неверными. Да, на очень коротких промежутках времени иногда удается правильно спрогнозировать изменение того или иного параметра развития общества и даже количественно описать его, но для более или менее перспективного (в том числе среднесрочного и долгосрочного) прогнозирования линейная экстраполяция совершенно не пригодна. Этот простой, казалось бы, вывод до сих пор никак не может

утвердиться в сознании многих теоретиков и прогнозистов, продолжающих заниматься линейной экстраполяцией. Дело тут не только в косности и инерции мышления, но и в сложности нелинейной экстраполяции по сравнению с линейной. Линейно экстраполировать — значит просто продолжить наблюдаемую тенденцию в виде прямой линии или в виде траектории, близкой к прямой. Нелинейная экстраполяция предполагает множество принципиально различных способов и путей дальнейшего развития человека и общества. Здесь могут быть и циклы, и волны, и колебания, накладывающиеся на поступательное или регрессивное развитие социальной системы; здесь могут быть и периоды хаотического развития, и критические переломные периоды, и многое другое. Выбрать наиболее вероятный вариант развития или несколько таких вариантов действительно трудно, но необходимо, если мы хотим получить реальный прогноз, а не псевдопрогноз или набор всех возможных и невозможных вариантов. Помочь в этой сложной ситуации может прежде все-

го знание долговременных (например, волновых) тенденций исторического развития и определение конкретной фазы какой-либо из этих волновых тенденций, которой соответствует в данный период развитие данной страны или мира в целом.

В то же время в современных прогностических исследованиях немалую роль играют модели, основанные на исторических сравнениях и аналогиях. Несмотря на относительность и принципиальную ограниченность любых исторических аналогий, они позволяют в ряде случаев уловить некоторые принципиально важные моменты в развитии социально-политических систем, которые воспроизводятся при наличии ряда сходных или подобных условий. Поэтому основные подходы к историческому прогнозированию мы начнем с рассмотрения некоторых таких сравнений и аналогий.

2.2. Основные подходы к историческому прогнозированию: исторические сравнения и аналогии

Очевидно, что далеко не все явления общественной жизни (особенно те из них, которые принадлежат к разным историческим эпохам и ситуациям) можно сравнивать в плане их сходства и сопоставимости. Каждое историческое явление по-своему уникально и прежде всего требует конкретного исследования и анализа. Однако элементы повторяемости и сущностного сходства в явлениях общественной жизни всё же прослеживаются, и связано это в первую очередь с ограниченностью количества принципиально различных типов исторических ситуаций.

По этому поводу уместно привести следующую характеристику метода прогнозирования по аналогии (компаративизма), принадлежащую В.Ф. Ли: «В международных исследованиях опора на метод компаративистики предполагает, в первую очередь, обращение к тождественным, родственным, однотипным и иным близким ситуациям, укладывающимся в понятие ис-торико-сравнительной аналогии (политические перевороты, социальные революции, реформы "сверху", межгосударственные конфликты, мировые войны и т.п.). В этом плане вполне сопоставимы, например, промышленная, научно-техническая

и постиндустриальная революции. Методом целостного компаративистского анализа можно охватить социальные перевороты прошлого и будущего. В наше время вполне корректно проводить сравнительные прогностические поиски возможных последствий реформирования и демократизации в различных постсоциалистических обществах. Важные результаты дает сопоставление потенциальной эволюции различных цивилизационных массивов. Вместе с тем не все явления общественной жизни, в том числе и международного развития, могут рассматриваться в рамках исторической и логической аналогии. Сходство и сопоставимость явлений и процессов должны носить сущностный характер, иначе исследователь может оказаться в дебрях ложной, мифической, нереальной аналогии, результаты анализа которой могут иметь не более чем нулевое значение» [Ли

2002. С. 20].
Иными словами, возможность сопоставления различных исторических ситуаций определяется как сущностными их чертами, так и конкретной задачей исследователя, тем ракурсом рассмотрения и анализа сложных, многоплановых исторических процессов и ситуаций, который задан проблемой, стоящей перед ученым или философом. Если эта проблема связана с прогнозированием, то обычно выделяют *модельную* (более известную, проанализированную в общих чертах) и *прогнозируемую* (еще не вполне состоявшуюся и не вполне исследованную) исторические ситуации. При этом для прогнозирования важно выявить некоторые неслучайные, имманентно присущие модельной исторической ситуации тенденции развития, которые с определенными оговорками можно перенести на прогнозируемую историческую ситуацию. Сделать это, полностью избежав субъективности, которая задана самой личностью исследователя и стоящей перед ним задачей, практически невозможно, хотя описано множество рецептов, как снизить до минимума эту субъективность. Дж. Мартино в свое время писал по этому поводу: «Это довольно сложная процедура. Для проведения сравнения необходимо установить совокупность аспектов, по которым будут анализироваться обе ситуации. В эту совокупность должны входить все аспекты,
141
которые могут оказаться существенными при сравнении рассматриваемых ситуаций. Во многих случаях при сопоставлении можно пренебречь некоторыми аспектами как не влияющими на исход ситуации и различия в этих аспектах... Однако две ситуации необходимо сравнить на сходство или различие по тем аспектам, которые признаны существенными» [Мар-тино 1977. С. 81].
Важно подчеркнуть, что сравнение исторических ситуаций предполагает выявление не только существенных черт сходства или подобия, но и существенных черт различия. Отсюда следует, что прогноз, основанный на историческом сравнении, должен включать не только те тенденции и явления, которые вытекают из сходства модельной и прогнозируемой исторических ситуаций, но и те тенденции и явления, которые отличают прогнозируемую ситуацию от модельной. Однако выявление только черт различия между прошлым и будущим во многом бессмысленно, если у них нет некоторых общих или подобных базовых структур или тенденций. Поэтому сравнение, как правило, начинается с выявления общих черт, но на этом не заканчивается. Напротив, именно после обнаружения некоторых важных черт сходства между историческими ситуациями можно глубже понять и те механизмы, которые обусловливают существенные различия между ними. Так, выявление некоторых общих черт между современной глобализацией и процессами универсализации в эпоху поздней античности позволяет понять и различия в их глубинных механизмах. Соответственно прогноз развития современной глобализации должен учитывать эти различия.
В исследованиях, так или иначе связанных с прогнозированием, исторические сравнения и сопоставления, которые на первый взгляд выглядят нестрогими, встречаются довольно часто. В качестве одного из недавних и довольно актуальных примеров можно привести работу французского исследователя Эмманюэля Тодца «После империи. Pax Americana — начало конца», ставшую международным бестселлером. В этой книге на основе конкретного социологического и антропологического анализа показано, что могущество Соединенных Штатов
142
Америки постепенно начинает сходить на нет из-за процессов, происходящих внутри американского общества. Вместе с тем автор свой прогноз отчасти основывает и на аналогии процессов, происходящих в современных Соединенных Штатах, с процессами, происходившими в Римской империи. Свой сравнительно-исторический подход в применении к Древнему Риму и современным Соединенным Штатам Тодд кратко сформулировал следующим образом: «Для тех, кто интересуется современной

экономической глобализацией, осуществляемой под американским руководством, сравнение с античными моделями дает в плане как сходства, так и различия богатый материал для извлечения уроков» [Тодд 2004. С. 76].

Приведя точку зрения тех, кто сравнивает развитие Соединенных Штатов с древнегреческими Афинами, Тодд далее отметил: «Более многочисленными являются сторонники ссылок на римский империализм, которые подчеркивают, что история американской империи началась не в 1948 году, после пражского переворота, и не в ответ на создание советской сферы влияния. Американская система оформилась в 1945 году, после окончания Второй мировой войны, во время которой Соединенные Штаты утвердили свое промышленное и военное превосходство. Главным завоеванием американской системы, которая утверждается в 1945 году, является установление протекторатов в Германии и Японии, явившихся важным приобретением в силу их экономической значимости. Германия была второй индустриальной державой накануне войны, Япония является таковой сегодня. И, опираясь именно на военную систему, Соединенные Штаты установили свое господство над этими двумя опорными пунктами, играющими важнейшую роль в обеспечении контроля над мировой экономической системой. Вот это и сближает наш случай с Римской империей. По Риму мы имеем больше экономической и социальной документации, чем по Афинам. Она позволяет нам оценить изменения в социальной структуре, происшедшие в результате аккумуляции в политическом центре богатств, произведенных на пространстве, находящемся под военным господством» [Тодд 2004. С. 75].

143

Тодд следующим образом характеризует те изменения в социальной структуре Римской империи, которые имеют прямое отношение к социальным изменениям, происходящим в Соединенных Штатах. «В течение 100 лет, последовавших за решающей победой над Карфагеном по завершении второй Пунической войны, Рим стал быстро распространять свое влияние на Востоке и вскоре стал хозяином всего Средиземноморского бассейна. Он располагал отныне неограниченными ресурсами земель, денег, рабов. Со всех покоренных территорий он взимал денежные ресурсы и осуществлял массовый импорт продуктов питания и готовых изделий. Крестьяне и ремесленники Италии стали бесполезными в рамках этой средиземноморской экономики, глобализированной в результате политического господства Рима. Общество поляризовалось: с одной стороны — экономически невостребованный плебс, с другой — хаотическая плутократия. Пресыщенное богатством меньшинство возвышалось над пролетаризированным населением. Средние классы сошли на нет, и этот процесс повлек за собой исчезновение республики и утверждение империи в полном соответствии с анализом Аристотеля относительно важности промежуточных социальных категорий с точки зрения сохранения стабильности политических систем. Так как нельзя было устранить непокорный, но занимавший центральное географическое положение плебс, пришлось его кормить хлебом и развлекать играми за счет империи» [Тодд 2004. С. 75-76].

Согласно Тодду, экономика США в эпоху современной глобализации движется примерно в том же направлении, что и экономика Италии в эпоху Римской империи. А именно: современные США потребляют значительно больше, чем производят, т.е. в итоге используют военно-имперские методы обеспечения потребностей своего внутреннего рынка и своего населения. «Миру приходится всё больше производить, чтобы обеспечить американское потребление. Никакого равновесия между американским экспортом и импортом достичь не удается. Автономная в первые послевоенные годы, с объемом производства, превышающим собственные потребности, Америка превратилась в сердцевину системы, в которой призва-

144

нием стало потребление, а не производство. Список стран, с которыми у США торговый дефицит, впечатляет, так как в нем фигурируют все крупные страны мира. Перечислим их

по состоянию на 2001 год: с Китаем дефицит составлял 83 млрд. долларов, с Японией — 68, с Европейским Союзом — 60, в том числе с Германией - 29, с Италией - 13 и с Францией - 10 млрд. долларов. Дефицит в торговле с Мексикой составил 30 млрд. долларов, с Кореей — 13 млрд. долларов. Даже Израиль, Россия и Украина имели положительное сальдо в торговле с Соединенными Штатами: 4,5, 3,5, 0,5 млрд. долларов соответственно... Это падение экономической мощи не компенсируется деятельностью многонациональных корпораций. Уже с 1998 года прибыли, которые они переводят в Америку, ниже тех, которые действующие на ее территории иностранные предприятия репатриируют в соответствующие страны» [Тодд 2004. С. 77-79].

Соответственно охарактеризовал Тодд и социальные изменения, происходящие в современных США и являющиеся следствием «империализации» их экономики и политики: «"Имперская" эволюция экономики, которая не может не напомнить нам развитие Рима после овладения Средиземноморским бассейном, по-разному затронула различные секторы американского общества и отрасли американской промышленности. Наиболее сильный удар пришелся по промышленности и рабочему классу, который, как считалось, интегрировался со средними классами. Их частичная дезинтеграция напоминает деградацию римского крестьянства и класса ремесленников, чье положение оказалось подорвано притоком сельскохозяйственных продуктов и изделий с Сицилии, из Египта и Греции. Относительно американских рабочих 1970-х — 1990-х годов можно говорить об их относительной, а порой и абсолютной пауперизации.

Не входя в детали экономических механизмов и оставаясь на определенном уровне обобщения, следует констатировать, что имперская мутация экономики ведет к трансформации высших страт американского общества в высшие страты имперского (глобального — на современном языке) общества,

выходящего за рамки государства. Это глобализирующееся общество на первом этапе включало в свой состав весь свободный мир, а после крушения коммунизма виртуально — всю планету... Но, продолжая параллель с историей Рима, мы поражаемся совпадению фазы II эволюции американского общества, отличающейся более равномерным увеличением доходов, с огромным ростом внешнеторгового дефицита Соединенных Штатов, возросшего примерно со 100 млрд. долларов в 1993 году до 450 млрд. в 2000 году. Система имперского налога достигла своей зрелости, и весь народ может извлекать свою прибыль. В 1970 — 2000 годах в Соединенных Штатах четко просматривается процесс социальной поляризации римского типа, сочетающий рост плутократии и расширение плебса в том смысле этого слова, который оно имело в имперскую эпоху. Понятия плутократии и плебса обозначают здесь не только разрыв в уровне доходов, но и тот факт, что эти доходы — большие и незначительные — являются не результатом непосредственно производительной деятельности, а следствием политического господства над внешним миром» [Тодд 2004. С. 87— 90].

Интегральный прогноз Тодда, сделанный им на основании исторического сравнения развития Римской империи и современных США, выглядит следующим образом: «Исторически две характерные черты, связанные между собой функциональными отношениями, были присущи подлинным имперским образованиям:

— империи рождаются на основе военного принуждения, и это принуждение позволяет получать дань, за счет которой кормится центр;

— центр в конечном счете начинает обращаться с покоренными народами, как с обычными гражданами, а с обычными гражданами — как с покоренными народами. Динамика власти ведет к развитию универсалистского эгалитаризма, в основе которого — не свобода всех, а угнетение всех. Развиваясь, этот универсализм, являющийся порождением деспотизма, превращается в чувство ответственности за всех подданных на политическом пространстве, где уже больше не существует

принципиальных различии между народом-завоевателем и покоренными народами...
Под углом зрения каждого из двух критериев у Соединенных Штатов есть заметные недостатки, анализ которых позволяет с уверенностью предсказать, что к 2050 году американская империя исчезнет. Америке не хватает "имперских" ресурсов двух видов: *ее возможности военного и экономического принуждения недостаточны,* чтобы сохранить нынешний уровень эксплуатации планеты; *ее идеологический универсализм* находится на стадии заката и не позволяет ей одинаково обращаться с людьми и народами, чтобы обеспечить мир и благополучие, так же как и эксплуатировать их» [Тодд 2004. С. 93—94].
В целом достаточно аргументированный (здесь по понятным причинам приведена лишь малая часть аргументации) социально-экономический и политический анализ Тодда, основанный на сопоставлении ситуации в Римской империи и в современных США, позволяет увидеть некоторые важные стороны современного развития, о которых по разным причинам умалчивает «объективная» американская наука.
Вместе с тем нам представляется, что сопоставление процессов, характерных для современных Соединенных Штатов, и процессов, наблюдавшихся в Римской империи, является лишь частью, фрагментом более общего сопоставления современной картины мира и картины мира в эпоху поздней античности. Несмотря на все различия современной «информационной» и античной цивилизаций, сопоставление некоторых тенденций политического и культурного развития этих двух эпох, на наш взгляд, дает возможность не только по-новому взглянуть на происходящие в начале XXI в. процессы, но и разглядеть некоторые перспективы будущего глобального развития. Оговоримся, что выбор объекта сравнения определяется прежде всего целью исследования, и в этом плане можно сравнивать разные и даже далеко отстоящие друг от друга во времени исторические ситуации по тем аспектам, которые признаны существенными [Мартино 1977. С. 81]. В нашем случае целью анализа и прогноза являются современные процессы интеграции и универсализации, а также сопровождающие их

кризисы и потрясения; поэтому и «референтная» историческая ситуация должна характеризоваться ярко выраженными интеграционными процессами в области политики, экономики, культуры, тенденциями к универсализму, а вместе с тем, как следствие, — крупными социально-политическими потрясениями. Такие явления и процессы в значительной степени были характерны для эпохи поздней античности (I в. н.э. — IV в. н.э.), и именно эту эпоху, несмотря на ее отдаленность и кажущуюся несопоставимость с современной, представляется уместным выбрать в качестве «референтной». Кстати, одним из первых, но далеко не единственным опытом сопоставления Нового времени с поздней античностью является классическое сочинение Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи» [Гиббон 2002].
В данном случае цель нашего исследования состоит в том, чтобы сопоставить некоторые тенденции международного политического развития в современную эпоху и в эпоху поздней античности. Правомерность такого сопоставления, помимо перечисленных выше причин, обусловлена также следующими важными обстоятельствами. Во-первых, интеграция и универсализация в политике, экономике и культуре достигли в эпоху поздней античности небывало высокой степени, и Римская империя в период своего расцвета являла собой в пределах тогдашней Средиземноморской ойкумены как бы венчающий всё предшествующее историческое развитие политический универсум, объединивший многочисленные народы, принадлежащие к различным культурам и цивилизациям, представляя как бы прообраз грядущего глобального мира. В современную же эпоху процессы интеграции и универсализации получили еще большее развитие и в ряде областей общественной жизни достигли настолько высокого уровня, что сегодня речь идет о формировании на новой индустриально-капиталистической основе единого меж-цивилизационного образования, включающего Западную, Центральную и Восточную Европу, Северную Америку, Японию, ряд «новых индустриальных стран» Юго-

Восточной Азии и Латинской Америки, которое точнее всего следовало
148
бы назвать «универсальной цивилизацией» или «сверхцивилизацией».
Во-вторых, при всех очевидных различиях существуют вполне конкретные параллели между поздней античностью и современной эпохой в геополитическом, геоэкономическом и геокультурном планах. Так, с одной стороны, с III в. н.э. в пространствах «Pax Romana» наметился постепенный переход от экономического доминирования западных областей империи (Рим, Италия) к доминированию восточных провинций (Греция, Анатолия, Сирия, Египет и др.), а с другой стороны, в современную эпоху также намечается постепенный переход от экономического доминирования Запада (Западная Европа, США) к экономическому доминированию Востока (Япония, «тигры» Юго-Восточной Азии, Китай). Напомним, что в первом случае этапами стали разделение Римской империи на Западную и Восточную, перенос столицы из Рима в Константинополь, наконец, на завершающем этапе — резкое ослабление и гибель Западной Римской империи под натиском варваров. Во втором случае соответствующие тенденции пока что проявились в феномене «японского экономического чуда» 1960-х — 1970-х гг., в возникновении азиатских «тигров», в резком экономическом и политическом усилении Китая. Более того, целый ряд авторов в настоящее время говорят и пишут об «ориентализации» мира в современную эпоху как о свершившемся факте [Перес 1994; Frank 1998; Неклесса 2001]. При этом, несмотря на то что США в начале XXI в. в целом продолжают сохранять роль мирового лидера, их финансовое и экономическое положение, как показали кризисные потрясения последних лет, не столь уж неуязвимо.
В-третьих, существовавший в эпоху поздней античности очевидный экономический и культурный разрыв между развитыми цивилизациями Средиземноморья, Китая, Индии, с одной стороны, и окружавшей их «варварской периферией», с другой, в некоторых отношениях сопоставим с существующим в современную эпоху разрывом между наиболее развитыми государствами («золотым миллиардом») и так называемым «третьим миром». В то же время очевидно, что при всех парал-
149
лелях между поздней античной и современной эпохами существуют и принципиальные различия между ними, которые проявляются в разных путях и механизмах эволюции международной политической системы, в характерных для нее ответах на вызовы, порождаемые ее же собственной экспансией. Выделяя черты сходства, мы вместе с тем обретаем возможность более четко уяснить и различия, существующие между двумя эпохами, для того чтобы глубже понять направление и характер трансформации мирового порядка в современную эпоху, определить перспективы мирового развития.
Основные параллели и наиболее важные черты сходства (аналогии) исторической ситуации в эпоху поздней античности и той ситуации, которую мы наблюдаем в начале XXI в., можно представить в следующем виде (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика миропорядка эпохи поздней античности и современной эпохи

Pax Romano	*Pax Americana*
частное римское право, формальные и универсальные институты гражданства и управления, эффективная система коммуникации и превосходство римской военной организации	пронизывающая все общество система частноправовых отношений, формальные и глубоко дифференцированные институты власти, экономическое, технологическое и военно-стратегическое лидерство США

резкое политическое, экономическое, культурное разделение на римских граждан (вместе с гражданами союзных государств) и «варваров»	резкое политическое, экономическое, культурное разделение на «золотой миллиард» и остальное человечество
первоначальное доминирование в Средиземноморье древнегреческих полисов, игравших роль своеобразных торгово-колониальных «протоимперий», сменяется доминированием Римской державы	первоначальное доминирование торгово-колониальных держав Западной Европы (Испании, Португалии, Голландии, Великобритании, Франции) сменяется доминированием глобальной державы — США

150

Продолжение табл. 1

Pax Romano	*Pax Americana*
характерная для зрелого единого Римского мира тенденция к новой геоэкономической и геополитической дифференциации, к размежеванию между Западной и Восточной Римскими империями	намечающаяся в рамках единого западного сообщества (Запада как единого политического и цивилизационного образования) новая геоэкономическая и геополитическая дифференциация между США и Объединенной Европой '
характеризующий эпоху поздней античности поворот от экономического доминирования «молодых и динамичных» западных областей Средиземноморья к экономическому доминированию его восточных провинций, консолидировавших потенциал классических цивилизаций Ближнего Востока	намечающийся на рубеже XX—XXI вв. поворот от экономического доминирования «молодого и динамичного» Запада к экономическому доминированию Востока
протекающая параллельно с «им-периализацией» политических институтов Рима постепенная деградация республиканского правления при сохранении его внешних атрибутов (сенат, формальное участие плебеев в управлении, сохра-	элементы кризиса и деградации демократии в странах Запада (усиление манипулирования общественным мнением через СМИ, падение интереса широких слоев населения к традиционным демократическим политическим ин-

«Пришло время перестать делать вид, что у европейцев и американцев один и тот же взгляд на мир и даже что они живут в одном и том же мире...» — так начинает свою ставшую уже широко известной статью «Power and \Nfeakness», опубликованную в Policy Review. 2002. No 113 и переведенную российским журналом Pro et Contra, Роберт Кейган [Кейган 2002. С. 127]. Ему вторит и российский исследователь В. Максименко: «...Американские специалисты по внешней политике... серьезно рассматривают тезис о том, что главный вызов глобальному доминированию США в начале XXI века представляет собой не исламский мир, не Китай, а объединенная Европа, стратегическое партнерство с которой уступает место геополитическому состязанию... В том, что превращение Европейского Союза в новую сверхдержаву противопоставило его Соединенным Штатам, никто уже не сомневается» [Максименко 2002. С. 49].

151

Продолжение табл. 1

Pax Romano	*Pax Americana*
нение прав и свобод римских граждан)	статутам и политическим партиям, кризис политического участия, рост политического абсентеизма граждан и вмешательства силовых структур в политику и т.п.) при со-

	хранении ее внешних атрибутов
относительно высокое (по сравнению с предшествующей эпохой ранней античности и последующей средневековой эпохой) хозяйственно-технологическое развитие Древнего Рима (водопровод, высокая агротехника, образцовые дороги, коммуникации, успехи в организации делопроизводства и формировании сферы частного права) и Ханьской империи в Китае («Великий шелковый путь», высокая культура земледелия и ремесла, уникальная и в течение многих столетий непревзойденная по своей продуктивности технология заливного рисоводства на Юге Китая, успехи в организации всеобъемлющей системы государственного управления) при резком разрыве с уровнем экономического развития «варварской» периферии	высочайшее хозяйственно-технологическое развитие США и стран «золотого миллиарда» (наукоемкие производства, средства коммуникации, новейшие средства силового контроля и принуждения, высокоразвитое сельское хозяйство, масс-медиа и на этой основе технология культурной экспансии и «экспорта ценностей») при резком разрыве с уровнем экономического развития и технологических возможностей остального мира
нарастающее политическое и военное противостояние Древнего Рима и Китая с «варварами»	намечающееся противостояние США и ряда других государств с исламским миром и «странами-изгоями», принадлежащими к другим цивилизационным общностям
демографические сдвиги внутри Римской империи, рост удельного веса в ее населении рабов, вольноотпущенников и «варваров»	демографические сдвиги внутри развитых стран современного Запада, рост удельного веса в их населении иммигрантов из стран «третьего мира»

Продолжение табл. 1

Pax Romano	*Pax Americana*
утрата веры и религиозности в Древнем Риме, смешение разных культов, эклектика в культуре	утрата веры и религиозности на Западе, «мультикультурализм», постмодернизм, эклектика в культуре, кризис традиционной западной идентичности
духовный кризис в Римской империи при одновременном быстром интеллектуальном развитии в области науки и философии, вызревание условий для возникновения и распространения христианства	элементы духовного кризиса в США, Западной Европе, России, возможное вызревание условий для нового духовного, общекультурного движения (в т.ч. различные версии антиглобализма, нонконформизма, культурного традиционализма и фундаментализма)

Какие же перспективы и прогнозы вытекают из сделанного сравнения исторических ситуаций в эпоху поздней античности и в современную эпоху? Во-первых, это прогноз о высокой вероятности постепенного вырождения либеральной демократии, конституционного порядка и международного права в результате имперской экспансии и насильственного насаждения угодных имперскому центру политических режимов. Говоря более конкретно, это означает, что подобно тому, как демократические институты в Древнем Риме по мере его превращения в великую империю становились всё более фор-

мальными и теряли свое значение, демократические институты в современных США и целом ряде других стран по мере усиления имперской составляющей функционируют всё более формально и неэффективно, а международное право постепенно размывается и превращается в право сильного навязывать свою волю более слабым. В начале XXI в. этому существуют многочисленные подтверждения (см., например: [Тодд 2004; Хаттон 2004; Закария 2004; Кейган 2004]).

Во-вторых, подобно тому, как в эпоху поздней античности постепенно расходились пути развития Западной и Восточной Римских империй, в современную эпоху будут постепенно рас-

ходиться пути развития США и Европейского Союза. Хотя это расхождение пока что не слишком заметно, о его необратимости пишут многие авторы, в том числе И. Валлерстайн, Э. Тодд, Р. Кейган, М. Делягин.

В-третьих, тенденции деградации высокой культуры, религии и нравственности в странах Запада и Востока можно рассматривать как параллель упадку культуры и нравов в Римской империи и империи Хань в Китае в эпоху поздней античности. Если эта параллель верна, то можно прогнозировать, что эти процессы продолжатся и дальше, но вместе с тем могут возникнуть и новые очаги культурного, нравственного и духовного возрождения — подобно тому, как в эпоху поздней античности возникли и начали распространяться христианство и христианская философия, в Китае — чань-буддизм (дзен-буд-дизм), а в Индии в первые века нашей эры наблюдался культурный подъем. Правда, в современную эпоху глобализации пока что доминируют процессы культурной и нравственной деградации, а очаги культурного возрождения не просматриваются. Но это не значит, что так будет всегда.

В-четвертых, тенденции усиления «нового варварства» в лице международного терроризма, религиозного и социального фундаментализма в определенной мере аналогичны тенденциям «варваризации» Римской империи, Китая и Индии в эпоху поздней античности. Отсюда следует, что эти процессы отнюдь не случайны и будут развиваться дальше, поскольку их питают упадок культуры и падение рождаемости в развитых странах на фоне усиленной миграции из развивающихся стран, переживающих рост рождаемости.

Именно на фоне этих и других аналогий между эпохой поздней античности и современной эпохой существуют и важные различия, которые необходимо учитывать при прогнозировании. Одно из таких существенных различий состоит в наличии новых, неимперских форм социально-политического и экономического развития, которые представлены Европейским Союзом, Японией и «тиграми» Юго-Восточной Азии. Так, при всей унификации правовых норм и экономических институтов разнообразие политических систем и культур внутри

Европейского Союза отнюдь не исчезает. Немецкий исследователь Ульрих Бек писал в этой связи: «Возникнув как ответ на конкуренцию на мировом рынке с Соединенными Штатами и Японией, самоформирующаяся институциональная структура Европы оказывается уже не просто внутренним рынком. С введением евро не только открывается общее валютное пространство, результатом этого становится также политически-административная необходимость решать проблемы согласования всего, что с этим связано, политическим путем. Таким образом, всё еще отгороженные друг от друга страны и культуры — Франция, Германия, Испания и др. - как бы изнутри раскрываются и принудительно объединяются. Становится зримым то, что прежде было скрыто: существует не одна Европа, а много Европ: Европа государств, Европа регионов, Европа цивилизаций, Европа христианств и т.д.» [Бек 2001. С. 122-123].

Феномен объединенной Европы, сохраняющей политическое и культурное многообразие, безусловно отличает современную эпоху от поздней античности, для которой было ха-

рактерно доминирование унификации. Вместе с тем не следует забывать, что новая Европа существует всего лишь около полувека — по историческим меркам срок весьма небольшой, даже с учетом значительного ускорения исторического развития в последние века и десятилетия. Имперские традиции в Европе насчитывают многие века — от империи Карла Великого до Германской империи Бисмарка и третьего рейха. Кроме того, значительным испытанием для Европейского Союза, бесспорно, станет вступление в него новых членов — стран Восточной Европы, принадлежащих к регионам, которые в историческом и культурном плане заметно отличаются от Западной Европы. Еще более трудным испытанием на прочность для Европейского Союза станет рост удельного веса выходцев из стран исламского мира и их потомков, которые в культурном и социально-политическом плане резко отличаются от коренного европейского населения. В ближайшие десятилетия выяснится на практике, является ли модель Европейского Союза действительно современной, способной сочетать универсальность и национально-цивилизационные особенности

или же она представляет собой одну из многих региональных моделей, способную к тому же существовать лишь под прикрытием военно-политического «зонтика» США. По-видимому, многое в развитии Европы будет зависеть от характера и глубины начавшихся экономических и политических потрясений, от того, как будут решаться проблемы иммигрантов из стран Азии и Африки, как будут складываться отношения Европейского Союза с США и Россией.

В отличие от эпохи поздней античности, сегодня экономическая, политическая и культурная интеграция не только Средиземноморья, но Западной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, Японии, Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии и др. выражена чрезвычайно сильно. Если во времена поздней античности связи между Средиземноморьем, Китаем и Индией, несмотря на существование Великого шелкового пути и других видов межцивилизационных контактов, были ограниченными и не слишком регулярными, то в современную эпоху глобализации экономические, политические, информационные связи достигли небывалой интенсивности. Иными словами, к концу XX в. были найдены средства, позволяющие включить некоторые принципиально гетерогенные социальные общности в целостную и эффективно функционирующую глобальную общность, контролируемую всепроникающим глобальным саморегулирующимся рынком. Именно этим, в частности, объясняются поразительные успехи, которых добились на этом рынке Япония и «тигры» Юго-Восточной Азии, страны, принявшие «западные» ориентиры экономического и политического развития, но соединившие их со своими собственными культурно-цивилизационными основами. В результате эти страны стали одной из основных движущих сил развития мировой экономики и сумели обрести на этом пути экономическое могущество, но при этом им удалось во многом сохранить свою культурную самобытность и ярко выраженную цивилизационную специфику. Данный феномен, в силу господствующего «западоцентризма», до сих пор по-настоящему не осмыслен, ему придается, как правило, периферийное, второстепенное значение. Между тем вполне вероятно, что

на наших глазах в Японии и наиболее развитых странах Юго-Восточной Азии происходит формирование ведущего центра экономической и политической силы (центра-лидера) нового типа. Его отличительными чертами являются децентрализация и делокализация, высокая адаптивность к изменениям мировой конъюнктуры, гибкость во внешней и внутренней политике, а также эффективная геоэкономическая стратегия, исключающая или минимизирующая военное вмешательство и осуществление имперского курса. При этом кризис, который на рубеже XX—XXI вв. пережили Япония и «тигры», стимулировал поиск новых механизмов экономического развития и новых способов быстрой адаптации к глобальным сдвигам. В настоящее время, однако, эти поиски еще далеко не завершены,

и будущее нового центра мирового экономического и политического развития пока что в полной мере не определено.

Мы остановились столь подробно на сравнении исторических ситуаций в эпоху поздней античности и в современную эпоху только для того, чтобы проиллюстрировать на этом примере некоторые эвристические возможности анализа и прогнозирования с помощью исторических сравнений и аналогий. Разумеется, существует немалое множество других, не менее важных прогнозов, основанных на исторических сравнениях и аналогиях. Еще раз подчеркнем, что у этого подхода к историческому прогнозированию существуют свои ограничения, связанные с тем, что «всякое сравнение хромает». Каждая историческая ситуация по-своему уникальна, хотя уникальна не абсолютно, поэтому в общем случае от исследователя требуются развитая интуиция и глубина мышления, чтобы не обмануться внешним сходством и поверхностными аналогиями.

2.3. Основные подходы к историческому прогнозированию: линейная экстраполяция исторических тенденций

Несмотря на то что в большинстве случаев линейная экстраполяция наблюдаемых исторических тенденций ведет к некорректным, неправомерным выводам, она всё же широко

157

использовалась и используется в разных областях общественных наук. При этом в ряде случаев удается более или менее верно спрогнозировать развитие отдельных сторон общественной жизни, хотя прогнозам такого рода всё же присущи некоторые принципиальные ограничения — даже если их авторами являются выдающиеся исследователи. Среди этих ограничений следует особо выделить следующие:

1) Выявление лишь самых общих тенденций и «мегатрен-дов», их фиксация в самой обобщенно-абстрактной, исторически неконкретной форме.

2) Отсутствие конкретной датировки или определения временного интервала прогнозируемых событий, явлений и процессов, их характеристика как «вечно» продолжающихся в будущем.

3) Абстрактный и «всеобщий» характер прогнозов, часто встречающееся отсутствие четкого указания не только временной, но и пространственной их локализации.

Отмеченные ограничения и недостатки особенно хорошо видны на примере рассмотренных выше прогнозов Алексиса де Токвиля. Однако они характерны практически для всех прогнозов, основанных на линейной экстраполяции исторических тенденций. Можно сказать, что в общем случае линейная экстраполяция является первым шагом в прогнозировании, который позволяет в самом общем виде обрисовать возможные перспективы будущего развития, вытекающие из обнаруженных тем или иным исследователем тенденций. Но этот первый шаг недостаточен. За ним должны последовать другие шаги, включающие нелинейную экстраполяцию, учет взаимодействия разных тенденций и построение более сложных прогностических моделей. К сожалению, большинство исследователей ограничиваются первым шагом, и потому их прогнозы часто являются абстрактными, односторонними, не локализованными во времени и пространстве. Тем не менее существуют примеры, когда даже линейная экстраполяция исторических тенденций, обнаруженных крупным исследователем, приводила к плодотворным результатам в определении перспектив будущего развития.

158

Приведем некоторые продуктивные примеры исторического прогнозирования, основанного на линейной экстраполяции наблюдаемых тенденций. Одним из наиболее ярких примеров такого рода является прогноз выдающегося социолога, экономиста и политолога Макса Вебера о неуклонном нарастании рационализации и бюрократизации в различных сферах общественной жизни, об усилении роли бюрократии в капиталистическом обществе и ее господства над другими слоями населения. Вебер

обосновывал неизбежное усиление господства бюрократии общим усложнением процессов управления, растущей потребностью в профессионалах-управленцах с узкой специализацией и строго регламентированными функциями. Это относится не только к государству с его «классической» бюрократией, но и к политическим партиям, в которых по мере роста их численности формируется своя партийная бюрократия, к крупным корпорациям с их корпоративной бюрократией, к профсоюзам, различного рода ассоциациям и т.п. Согласно Веберу, ни капитализм, связанный с либерализмом, ни государственный социализм с его приверженностью к справедливости не могут обойтись без бюрократического господства. Веберу принадлежит, например, следующая краткая характеристика идеологии социализма: «Социализм будущего — фраза, необходимая для рационализации экономики путем сочетания процесса дальнейшей бюрократизации с администрацией, осуществляемой союзами целевого назначения с помощью заинтересованных лиц» [Вебер 1990. С. 600].

В связи с этим Вебер сделал прогноз о том, что неотвратимой перспективой всех демократических государств является тотальная бюрократизация общественной и государственной жизни. На смену классическому капитализму, по мнению Вебера, придет не социализм, а общество, предельно бюрократизированное в целях рационального управления. В частности, один из сбывшихся конкретных прогнозов Вебера состоял в том, что диктатура пролетариата в Советской России неизбежно превратится в диктатуру бюрократии.

В целом прогноз Вебера относительно неизбежности рационализации и бюрократизации общества (причем не толь-

ко западного, но и российского, а также многих восточных обществ) подтвердился. Вместе с тем этот прогноз, как это свойственно всем прогнозам, основанным на линейной экстраполяции, носит слишком общий и фатальный характер, в нем указана доминирующая тенденция, но не намечены основные фазы и этапы ее реализации. Кроме того, очевидно, что помимо тенденции рационализации и бюрократизации действуют и противоположные тенденции, связанные с развитием мелкого и среднего бизнеса, местного самоуправления, структур гражданского общества и др. К тому же в современном мире всё более остро стоит вопрос об управляемости процессов экономического, социального, политического развития, о том, что бюрократия всех уровней не хочет и не может справиться с острыми кризисами, потрясающими как отдельные страны и цивилизации, так и всё мировое сообщество. Поэтому, в частности, веберовский «идеальный тип» бюрократии всё больше отдаляется от реальности, а его место занимает тип бюрократии коррумпированной, циничной, преследующей свои частные корпоративные цели.

Обратимся теперь к прогнозам, вытекающим из концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Хантинг-тоновские прогнозы глобального политического развития основаны главным образом на линейной экстраполяции исторических тенденций второй половины XX в., но фактически — на более длительных тенденциях исторического развития западной и других цивилизаций, намеченных в упоминавшихся выше работах А.Дж. Тойнби. В самом сжатом виде эти исторические тенденции сформулированы Хантингтоном в виде краткого изложения содержания пяти частей его книги:« *Часть I:* Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделяется от "вестерни-зации" — распространения западных идеалов и норм, которое не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации не-западных обществ. *Часть II:* Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивили-

заций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для

мусульманских стран и их соседей; не-за-падные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур. *Часть НГ.* Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций. *Часть IV:* Универсалистские претензии Запада всё чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным — с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью — между мусульманами и не-мусульманами, вызывают "сплочение родственных стран", угрозу дальнейшей экспансии конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны. *Часть V:* Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также от их объединения для сохранения цивилизации против вызовов не-западных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания» [Хантингтон 20036. С. 15-16].

Из этих исторических тенденций, по Хантингтону, вытекают следующие прогнозы будущего мирового политического развития (напомним, что его книга «Столкновение цивилизаций» на английском языке вышла в 1996 г., т.е. задолго до событий 11 сентября 2001 г. и всего последовавшего за этими событиями). «Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира, хотя и крайне маловероятна, но не исключена. Подобная война, как мы предположили, может произойти в результате эскалации идущей по линии разлома войны между группами, принадлежащими к различным цивилизациям, и наиболее вероятно, что с одной стороны в ней будут участвовать мусульмане, а с другой — не-мусульмане. Вероятность расширения войны окажется выше,

если честолюбивые мусульманские стержневые страны будут соперничать между собой в оказании поддержки своим выстроившимся в боевой порядок единоверцам. Вероятность эскалации будет меньше, если у родственных стран второго и третьего уровней не будет заинтересованности в своем участии в войне. Более опасная причина глобальной межцивили-зационной войны — изменение расстановки сил между цивилизациями и их стержневыми странами. Если этот процесс будет продолжаться, то возвышение Китая и растущая самоуверенность "самого крупного игрока в человеческой истории" окажет огромное влияние на международную стабильность в начале двадцать первого века. Появление Китая как наиболее влиятельной силы в Юго-Восточной Азии войдет в противоречие с американскими интересами в том виде, как их исторически интерпретировали» [Хантингтон 20036. С. 515 - 516].

Первая часть приведенного прогноза Хантингтона, касающаяся дестабилизации мусульманского мира, во многом уже подтвердилась. Не исключено, к сожалению, что может осуществиться и вторая его часть, связанная с последствиями возвышения Китая. Вместе с тем следует напомнить, что прогноз Хантингтона основан на линейной экстраполяции процессов конца XX в. и поэтому не вполне адекватен более отдаленному будущему, когда основное направление глобальных и локальных процессов может существенно измениться. Так, дестабилизация многих стран исламского мира во многом связана с бумом рождаемости в них, и в случае его преодоления, которое, возможно, произойдет в 2020-х гг., в этих странах изменится и социально-политическая ситуация. То же самое относится и к Китаю, но с той поправкой, что в ближайшие десятилетия Китай, претендующий на роль сверхдержавы, вряд ли сможет ограничить свою экспансию во все прилегающие к нему регионы мира, включая и Россию.

Итак, линейная экстраполяция исторических тенденций, несмотря на присущие этому подходу принципиальные ограничения, в ряде случаев дает возможность обрисовать перс-

пективы будущего развития и позволяет создать основу для разработки более конкретных, локализованных во времени и

в пространстве прогнозов. Особенно это справедливо в случае исследований крупных ученых, которые видят картину в целом и вьщеляют принципиально важные, долговременные исторические тенденции. Однако и в этом случае линейная экстраполяция должна рассматриваться как необходимый, но лишь первый шаг на пути конкретного прогнозирования; за этим шагом должны следовать другие шаги, связанные с учетом взаимодействия различных тенденций, которые в целом определяют нелинейный характер социально-исторического развития. К сожалению, очень часто даже крупные ученые останавливаются на линейной экстраполяции выделенных ими тенденций, что в итоге создает основу для упрощенного и искаженного понимания прошлого, настоящего и будущего. Чтобы преодолеть эти ограничения, необходимо перейти к нелинейной экстраполяции исторических тенденций.

2.4. Основные подходы к историческому прогнозированию: нелинейная экстраполяция, основанная на ритмах и циклах истории

Поскольку историческое развитие в целом носит нелинейный характер («история не тротуар Невского проспекта»), для адекватного прогнозирования необходима нелинейная экстраполяция выявленных исторических тенденций. Однако в общем случае такая нелинейная экстраполяция достаточно сложна и неопределенна: действительно, в отличие от линейной экстраполяции, нелинейно экстраполировать можно как угодно, и при этом непонятно, какой именно вариант нелинейной экстраполяции окажется близким к истине. Чтобы выйти из этой сложной ситуации, необходимо сделать определенные допущения относительно характера нелинейной динамики социально-исторических систем. Одним из таких допущений является гипотеза о наличии колебательной составляющей исторического развития, проявляющейся в различных ритмах, циклах и волнах, присущих эволюции общества. Само же наличие колебательной составляющей исторического развития связано с тем, что, с одной стороны, на эволюцию со-

циально-исторических систем влияют природные колебания, ритмы и циклы, а с другой стороны, социально-историческая система порождает собственные ритмы развития за счет периодического исчерпания и возобновления своих ресурсов. В случае выявления подобных ритмов и циклов число вариантов нелинейной экстраполяции резко уменьшается, и появляется возможность структурирования исторического развития. Хотя такое допущение является лишь одним из возможных способов нелинейной экстраполяции исторических тенденций, оно играет важную роль в историческом прогнозировании.

Мы не будем здесь показывать и доказывать само наличие ритмов, циклов и волн исторического развития, так как этой проблеме посвящено множество работ (см., например: [Schum-peter 1939; Long Waves 1984; Бродель 1992; Шлезингер 1992; Волновые процессы 1992; Пантин 1996; Волны и циклы 2002; Пантин 2004]). Отметим лишь, что ритмы и циклы в развитии общества не имеют такого строго регулярного характера, как это свойственно природным ритмам и циклам, их периодичность может меняться по мере эволюционного усложнения общественной системы. Более того, поскольку речь при анализе исторического развития идет о выделении его колебательной составляющей, существующей наряду с поступательной, возможны различные способы выделения и структурирования ритмов и циклов. Вместе с тем сказанное вовсе не означает, что ритмы и циклы исторического развития — результат субъективного взгляда того или иного автора на историю; как будет показано ниже, существование конкретных ритмов и циклов можно проверить, сопоставив прогнозы, вытекающие изданной циклически-волновой модели, с реальностью.

Итак, в отличие от прогнозов, основанных на линейной экстраполяции наблюдаемых исторических тенденций, прогнозирование, базирующееся на ритмах и циклах истории, тесно связано с временными, темпоральными характеристиками развития человека и общества.

Более того, сам этот подход к историческому прогнозированию исходит из четкого структурирования анализируемых процессов во времени, благодаря
164
чему результирующие прогнозы имеют достаточно конкретную и точную датировку.
Поскольку использование колебаний, ритмов и циклов исторического развития в прогнозировании будущего является чрезвычайно важной, фундаментальной и в то же время не слишком изученной проблемой, на ней стоит остановиться подробнее. Сделать это тем более необходимо, что на этот счет существует множество предрассудков и неверных толкований самой природы колебаний, ритмов, волн и циклов исторического развития. Большинство этих толкований так или иначе связаны с упрощенным, механистическим пониманием ритмов развития человека и общества, с отделением колебательной составляющей исторического развития от его поступательной (или регрессивной) составляющей, а также с превращением колебаний, ритмов, циклов социальной эволюции в некие жесткие конструкции, которые якобы однозначно определяют, жестко детерминируют ход истории. При этом нередко наблюдается ситуация, когда авторы подобных упрощенных толкований, превратив в своем сознании ритмы исторического развития в жестко детерминирующие конструкции, затем отважно борются против самой идеи существования любых ритмов, волн и циклов в развитии общества и человека, а также возможности что-либо прогнозировать на основании этих ритмов, волн или циклов. И их нисколько не смущает тот факт, что прогнозы, сделанные на основании ритмов и циклов исторического развития, многократно сбывались в прошлом и продолжают сбываться в настоящем.
Рассмотрим характерный образец подобного рода «опровержений» самой возможности прогнозирования с использованием ритмов и циклов общественного развития, опровержений, основанных на упрощенном, механистическом понимании этих ритмов и циклов. Мы подробно останавливаемся на этом «образце» рассуждений только потому, что они являются типичными и в них выражены основные предрассудки относительно ритмов, циклов и колебаний в общественно-историческом развитии. «Политическая наука еще только высвобождается из оков долгое время доминировавшего жестко-
165
го детерминизма вульгаризированного марксизма, а ей уже готовятся не менее жесткие оковы циклического детерминизма. Прежде прогноз будущего предопределялся непреодолимыми законами общественного развития, теперь эта функция возлагается на неотвратимые циклы. Прежде люди творили историю, но только в строгих рамках объективных законов, теперь они свободны в выборе форм и направлений своей деятельности, но лишь в заданном пространстве циклов, неумолимо влекущих их в заранее уготованную колею истории» [Красин 2003. С. 125].
Итак, сначала ритмы, волны и циклы общественного развития превращаются автором «опровержения» в роковые, жестко детерминирующие всё и вся конструкции, а затем они разоблачаются как не соответствующие реальной сложности исторического развития, как игнорирующие осознанную субъективную деятельность людей (отметим, что в свое время то же самое проделывалось с марксизмом). Но если так поступать с любым научным понятием или методом исследования, доводя их до абсурда, то окажется, что невозможны не только какой-либо научный прогноз, но и само познание реальности, — поскольку все доведенные до абсурда понятия и методы «не работают» и дают невероятно искаженную, принципиально неверную картину происходящего. Нам уже приходилось писать о том, что представления о ритмах и циклах истории не являются фатально детерминистскими, что они не исключают, а, напротив, предполагают вероятностную природу будущего и свободу человека. «Печальный опыт учит нас, что многие достижения и открытия человеческой мысли подвергаются радикальному искажению. Обычный прием такого искажения состоит в том, что сознательно или невольно абсолютизируются отдельные стороны той или иной концепции, благодаря чему нарушаются все пропорции, и теоретическое построение становится ложным, не истинным. Всё изложенное... при желании может быть истолковано как проповедь фатализма и предрешенности в истории,

как констатация бессилия человека изменить что-либо в циклически-волновом развитии... Но законы Истории задают только направление, вектор движения
(причем и этот вектор меняется при переходе от одной фазы исторического цикла к другой). Само наполнение исторического движения, глубина падения или высота взлета в каждом цикле эволюции зависит от человека, от народа, от человечества. Поэтому, в частности, вывод о приближающейся фазе великих потрясений, которая будет трудным испытанием для человечества, России и каждого отдельного человека, следует воспринимать не как призыв к тому, чтобы сложить руки и ждать "конца с ужасом", а как предупреждение о необходимости собрать все силы, чтобы противостоять предстоящим бурям» [Пан-тин 1996. С. 152]. Однако всё это, к сожалению, проходит мимо сознания исследователей, предвзято относящихся к самой возможности что-либо прогнозировать на основании ритмов и циклов исторического развития.

И далее автор «опровержения» рассуждает уже вовсе любопытным образом: «Сказанное выше не означает, что цикличность и стадиальность не имеют отношения к теории международного прогнозирования. Важно другое: определить границы их применимости в прогностике, не ставить их выше анализа реальных тенденций развития. Иначе возможны необоснованные предсказания неизбежной полосы "великих потрясений" с 2005 по 2017 гг., а затем "революции международного рынка"... и неубедительные утверждения, будто США уже втягиваются "в полосу циклического структурного кризиса". Конечно, не исключено, что в первой декаде наступившего столетия в мире действительно начнутся "великие потрясения". Но если это произойдет, то не потому, что так предначертано роковым циклом, а потому, что у нынешних государственных лидеров не хватит разума для проведения адекватной существующим реальностям политики, а у человечества — понимания масштаба надвигающихся угроз и воли для активных действий, чтобы им воспрепятствовать. Не исключено также, что в настоящее время американское общество втягивается в структурный кризис. Но этот прогноз должен обосновываться не ссылками на циклическую предопределенность, а опять-таки на конкретный анализ реальных процессов» [Красин 2003. С. 125].

166

167

Здесь всё перевернуто с ног на голову и, как следствие, полно противоречий. Прогнозы, вытекающие из циклически-волновых моделей, возможно, верны, поскольку реально происходящие события подтверждают их, но они же и не верны только потому, что основаны на представлениях о ритмах и циклах общественного развития. Однако речь идет вовсе не о причинно-следственных связях между представлениями о циклах общественного развития и наступлением каких-либо реальных событий; напротив, именно реальные события, их взаимосвязи и порождают представления о ритмах и циклах общественного развития. На деле ритмы и циклы общественного развития являются не **причиной** будущего наступления великих потрясений или структурного кризиса, а **способом описания** реальных тенденций исторического развития, **аналитической конструкцией,** позволяющей описывать и прогнозировать это развитие. Представлять же ритмы и циклы в виде причины каких-либо событий или сдвигов — значит трактовать их сугубо механистически и детерминистски, как в свое время трактовался марксизм с его общественно-экономическими формациями и т.п.

В свое время такой крупный исследователь, как И. Валлер-стайн, в частности, отмечал по этому поводу: «Почему, в конце концов, мы интересуемся циклами? Конечно, циклы — это аналитическая конструкция. По-видимому, некоторые статистики считают, что сказать это — значит вынести приговор циклам как чему-то нереальному. Но все наши понятия являются аналитическими конструкциями, способами рассмотрения и интерпретации реального мира. Мы не можем говорить о реальности или даже думать о ней без таких конструкций. Очевидно, что всякая аналитическая конструкция должна иметь эмпирическое основание, она должна отличаться от фантазии. Но конструкция — это

интерпретирующий аргумент, которому может быть противопоставлен альтернативный и даже противоположный интерпретирующий аргумент. Его оправдание состоит в его применимости и его эвристической ценности» [Wallerstein 1983. P. 4-5].
В этой связи следует заметить, что существуют и чисто психологические факторы скептицизма по отношению к ритмам,
168
циклам и волнам исторического развития. Один из этих факторов — сложность совмещения в сознании человека различных временных интервалов, т.е. удерживания в сознании «временной развертки» исторического процесса. Человеку свойственно жить настоящим и воспринимать каждый данный момент времени отдельно от других моментов, не связывая их друг с другом воедино. Поэтому, в отличие от таких «аналитических конструкций», как общество, государство, власть, политическая система и т.п., каждую из которых можно представить как структуру, существующую вне времени, такие «аналитические конструкции», как ритмы, циклы, волны и т.п., требуют совмещения разных моментов времени и «временной развертки» протекающих процессов, — подобно тому, как это происходит на экране осциллографа. С этим обстоятельством и связано встречающееся у некоторых исследователей упорное неприятие на бессознательном уровне ритмов, циклов и волн исторического развития.
Особо следует остановиться на том принципиально важном обстоятельстве, что любые, в том числе циклически-волновые или колебательные, тенденции социально-исторического развития во многом являются не продуктом единой осознанной воли всего общества или какого-то лидера, а результатом стихийного столкновения и взаимодействия множества разнонаправленных индивидуальных, групповых, общенациональных и глобальных процессов. Это обстоятельство упорно игнорируется теми исследователями (не говоря уже о публицистах, журналистах и деятелях массовой культуры), которые всё сложное и противоречивое развитие общества сводят к субъективной деятельности отдельных людей или социальных групп, а в пределе — к единой направляющей воле одного государственного лидера или нескольких мировых лидеров. Так, автору процитированного выше фрагмента не приходит в голову, что «у нынешних государственных лидеров не хватит разума для проведения адекватной существующим реальностям политики» не потому, что они изначально «обделены разумом», а прежде всего потому, что они находятся в сетях частных, корпоративных, олигархических и тому подобных интересов мно-
169
жества индивидов, принадлежащих к власть имущим, а сами эти интересы возникают и борются между собой достаточно стихийным образом, хотя и по определенным «правилам игры». Точно так же у человечества не хватает «понимания масштаба надвигающихся угроз и воли для активных действий» не потому, что человечество просто глупо или безвольно, а прежде всего потому, что человечество внутренне разъединено, и индивиды действуют прежде всего в соответствии со своими ближайшими кратковременными интересами и целями, не в силах справиться со стихийно и неизбежно возникающими глобальными и локальными проблемами, являющимися следствием этого глубокого разъединения человечества и отчуждения людей друг от друга, от нормального общения, от власти и собственности, от труда, от высокой культуры и многого другого. Между тем о стихийно возникающем и господствующем в обществе отчуждении писали не только Карл Маркс и марксисты, но и Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Теодор Адорно, а также многие другие крупные мыслители. Благодаря этим формирующимся в обществе силам отчуждения историческое развитие носит стихийный характер, подчиняющийся определенным тенденциям и закономерностям, в том числе «пульсирующим», колебательным, циклическим, волнообразным.
Вместе с тем основная сложность прогнозирования, основанного на ритмах и циклах истории, заключается в том, чтобы правильно оценить значение тех или иных выявленных ритмических, колебательных или циклически-волновых тенденций развития. Дело в том,

что, как уже неоднократно отмечалось выше, колебательная составляющая общественного развития существует не отдельно, а лишь вместе с поступательной его составляющей, в связи с чем верно оценить роль и значение этой колебательной составляющей бывает довольно сложно. Именно это обстоятельство и порождает скептицизм в отношении существования колебаний, ритмов, волн и циклов исторического развития. Однако в общем случае этот скептицизм совершенно не оправдан: можно сомневаться по поводу существования или значения какой-либо конкретной колебательной или циклически-волновой тенденции, но непродуктивно вообще иг-

норировать работоспособность многих моделей, основанных на существовании такого рода тенденций.

То, что циклы и волны в развитии социально-исторических систем — это не метафоры, а реально существующие явления, видно, в частности, из следующего. Существует целый ряд циклов и волн, наличие которых трудно оспаривать даже самым заядлым скептикам. Это, например, эмпирически наблюдаемые деловые циклы (бизнес-циклы), циклы изменения конъюнктуры, циклы оборота капитала, циклы воспроизводства, месячные или полумесячные циклы оплаты труда, электоральные и другие политические циклы, циклы циркуляции элит, циклы реформ — контрреформ и др. Это также четко фиксируемые демографические волны, волны изменений моды, волны преступности, волны демократизации, волны модернизации, волны терроризма и т.п. Существование перечисленных циклов и волн хорошо известно специалистам, работающим в соответствующих областях; с этими феноменами приходится считаться и использовать их на практике. Приведем лишь один пример такого рода, который связан с анализом и прогнозированием политических рисков, имеющим не только теоретическое, но и важное практическое значение: «Крайне перспективным подходом к анализу политических рисков в условиях переходных процессов является теория политических циклов деловой активности — изучение эффектов взаимодействия электоральных циклов (как наиболее четко фиксируемых политических циклов) и внутристрановой конъюнктуры» [Джус 2002. С. 8].

Между прочим, обоснование возможности использования ритмов и циклов общественно-исторического развития для прогнозирования будущего содержится в работах А.Дж. Тойн-би, у себя на родине столь поспешно объявленного «старомодным»: «Думается, напрашивается вывод, что история человечества действительно временами повторялась, в значительной мере даже в тех сферах человеческой деятельности, где желание и воля человека были ближе всего к овладению ситуацией и менее всего зависели от влияния природных циклов. Должны ли мы теперь заключить, что детерминисты в кон-

це концов правы и то, что выглядит как свобода воли, есть лишь иллюзия? По мнению автора статьи, правильный вывод как раз противоположен этому. С его точки зрения, эта тенденция к повторению, утвердительно проявляющаяся в деятельности человека, есть выражение хорошо известного механизма творческой способности... Если история человечества повторяется, то лишь в соответствии с общим ритмом Вселенной; но значение этой модели повторений заключается в том, какой масштаб она определяет для движения вперед процесса творения. В этом свете повторяющийся элемент в истории проявляется как инструмент творческой свободы и не означает, что Бог или человек является рабом судьбы» [Тойнби 1996. С. 39].

Во введении к настоящей книге уже приводились два фрагмента из книги крупного американского историка и политолога А.М. Шлезингера-младшего «Циклы американской истории»; в этих фрагментах говорилось о верных, осуществившихся прогнозах, сделанных именно на основании определенных ритмов и циклов исторического развития. Напомним, что в первом фрагменте речь шла о прогнозах, сделанных отцом автора — Шлезингером-старшим на основании циклов чередования периодов либеральных реформ

и периодов консервативной реакции во внутренней политике США. Прогнозы Шлезингера-старшего о наступлении в США эры либеральных реформ после 1932 г., о начале периода консервативной реакции после 1947 г. и о начале нового периода либеральных реформ с начала 1960-х гг. полностью подтвердились.

Во втором фрагменте говорилось о прогнозах относительно внешней политики Соединенных Штатов, сделанных Ф.Л. Клингбергом на основании циклов чередования фаз активной внешней экспансии США (фаз «экстраверсии») и фаз ослабления американской внешней экспансии в связи с обострением внутренних социальных и экономических проблем (фаз «интроверсии»). В частности, Клингберг еще в 1978 г. предсказал, что очередной период активной внешней политики США начнется примерно с 1983 г., что и произошло при Рейгане и его преемниках. Подробнее об этих последних, весьма важных для всего мира циклах и об их корреляции с конд-

ратьевскими циклами будет идти речь в главе 5 (п. 5.1). Здесь же лишь отметим, что знание ритмов и циклов внутри- и внешнеполитического развития США дало американским аналитикам возможность не только успешно прогнозировать определенные периоды в политическом развитии своей страны, но и использовать эти ритмы и циклы на практике. Стоит ли после этого отрицать их существование и возможность прогнозирования на их основе?

Однако еще до Шлезингера-старшего и Клингберга верный прогноз, основанный на знании циклов экономического развития, сделал выдающийся русский социолог и экономист Н.Д. Кондратьев. В середине 1920-х гг. он опубликовал работу о «больших циклах мировой конъюнктуры» (позже названных кондратьевскими циклами или кондратьевскими длинными волнами), из которой следовало, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. мировая рыночная экономика переживет глубокий кризис с последующим периодом низкой конъюнктуры. Уже после наступления кризиса 1929 г. и «великой депрессии» 1930-х гг. концепция кондратьевских циклов привлекла к себе большое внимание на Западе. Еще раз концепция кондратьевских циклов («длинных волн») позволила спрогнозировать период экономических кризисов конца 1960-х — начала 1980-х гг. Как будет показано в главе 5, эта концепция при некоторой модификации дает возможность также прогнозировать важные события и процессы будущего.

Существуют и другие многочисленные примеры успешного прогнозирования на основании ритмов, циклов и волн экономического, социального, политического и культурного развития — бизнес-циклов, демографических волн, волн преступности, циклов политического развития и т.п. В то же время реальные ритмы и циклы общественного развития, как правило, представляют собой не полностью повторяющиеся колебания, они вписаны в эволюцию данного социума и, более того, являются формой и внутренним механизмом его эволюционных изменений. Поэтому целесообразно перейти к рассмотрению понятия «эволюционный цикл» и его использования в историческом прогнозировании.

2.5. Понятие эволюционного цикла и его использование в историческом прогнозировании

Реальное общественное развитие включает как поступательное движение социума, его эволюционное усложнение, так и колебательное движение, элементы повторяемости. По словам В.Ф. Ли, «каждая новая историческая фаза или этап развития зарождается в недрах прежних циклов развития, что обусловливает так называемую "повторяемость" самого цикла на ином, более высоком витке циклического прогресса» [Ли 2002. С. 17]. Поэтому наиболее адекватное и реалистичное прогнозирование должно основываться на одновременном учете поступательной и колебательной составляющих социально-исторической динамики. Возможность такого учета дает прогнозирование, основанное на эволюционных циклах (ритмах) развития данного общества. Подчеркнем при этом, что

эволюционный цикл (эволюционный ритм) в истории развития общества принципиально отличается от природного цикла. В отличие от природных циклов (например, годовых), общество, социально-историческая или политическая система в результате прохождения эволюционного цикла претерпевает необратимые изменения и не возвращается в исходное, а переходит в новое, но по ряду важных параметров подобное исходному состояние. Эволюционный цикл — это такой ритм развития, в результате прохождения которого меняются некоторые параметры социально-исторической системы или же она переходит в качественно новое состояние, которое, однако, в некоторых важных отношениях подобно тому, в каком она находилась в начале данного цикла. После прохождения очередного эволюционного цикла политическая или социально-экономическая система отнюдь не возвращается в исходное состояние, в ней происходят количественные и качественные изменения, иногда включающие важные «мутации» традиционных или заимствованных институтов, которые имеют значение не только для развития данного общества, но и для развития других обществ и мирового развития в целом. В общем эволюционный цикл представляет собой своего рода «шаг» или звено эво-
люционного процесса, выделение и анализ которого помогает постичь сложную динамику социально-исторических систем. Эвристическое значение понятия «эволюционный цикл» состоит в том, что оно помогает выявить форму и механизм качественного изменения той или иной системы, ее перехода в новое состояние.

Примерами эволюционных циклов могут служить политические циклы (например, электоральные циклы, «волны демократизации и отката демократии» С. Хантингтона, российские циклы реформ — контрреформ, циклы внутренней политики США А.М. Шлезингера и циклы внешней политики СШАФ. Клингберга), экономические циклы (например, бизнес-циклы, большие кондратьевские циклы (длинные волны) мировой конъюнктуры), социальные и психологические циклы (волны изменения социально-политических настроений и ориентации в данном обществе) и др. Так, каждая из «волн демократизации», описанных С. Хантингтоном [Хантингтон 2003а] (о концепции «волн демократизации» Хантингтона кратко шла речь в главе 1, п. 1.6), на деле является частью очередного эволюционного цикла, состоящего из «повышательной волны» развития и распространения демократических институтов и «понижательной волны», в ходе которой наблюдается «откат» демократии и демократизации. Если руководствоваться датировкой Хантингтона, то первый такой цикл включал «повышательную волну» 1828—1926гг. и «откат» 1922—1942 гг., когда в Европе возобладали авторитарные и тоталитарные режимы (период 1921—1926 гг., который попадает и в «повышательную волну», и в «откат», следует рассматривать как переходный); второй эволюционный цикл развития демократии в мире состоял из «повышательной волны» 1943—1962 гг. и «отката» демократизации 1958-1975 гг., когда в мире снова возросло количество авторитарных режимов (период 1958-1962 гг. снова является, по Хантингтону, переходным). Третий эволюционный цикл начался с «повышательной волны», которая началась в 1974 г.; однако в начале 2000-х гг. (условно с 2001 г.), по-видимому, начался новый «откат», хотя, возможно, мы еще переживаем очередной переходный период, когда тенденции

развития демократии и ее деградации сосуществуют, причем ни та, ни другая тенденция не доминирует в полной мере. В то же время нельзя не видеть, что «формализация» и профанация демократии всё больше усиливается и в развивающихся, и в развитых странах, а под видом распространения демократии США и их союзники на деле насаждают полуавторитарные, но в то же время прозападные режимы.

Не будем сейчас дискутировать по поводу точности приведенных Хантингтоном дат и согласимся, что эти волны отражают некоторые общие тренды развития политических систем в Европе, Америке, Азии и Африке. Если это так, то волны развития и «отката»

демократии по сути образуют циклы эволюционного усложнения политических систем, поскольку, несмотря на все «откаты», эти системы никогда не возвращаются в исходное состояние, а качественно и необратимо меняются, эволюционируют. Более того, «откаты» демократии также выполняют свою необходимую роль в развитии и совершенствовании демократии: в периоды «отката» происходит отбор и развитие наиболее перспективных и адаптированных к изменившимся условиям демократических институтов, которые после «доводки» распространяются в периоды «подъема» по всему миру. Следует также отметить, что «подъемы» и «откаты» («повышательные» и «понижательные» волны) в действительности представляют собой определенные, закономерно возникающие фазы эволюции и качественного преобразования как отдельных политических систем (отдельных государств), так и международной политической системы в целом.

Что же конкретно дает использование эволюционных циклов для понимания исторического развития и перспектив демократии? Важный вывод, который следует из анализа рассмотренных эволюционных циклов, состоит в том, что при переходе от одного цикла к другому качественно меняется само содержание демократии и представлений о ней. В самом деле, демократия первого эволюционного цикла — это демократия не для всех, а для избранных: в самых демократических в то время странах — Великобритании, США, Франции — до начала XX в. реальных избирательных прав были лишены широкие слои на-

селения (женщины, негры, неимущие слои). Институты этой демократии носили ярко выраженный сословный или классовый отпечаток (парламент в Великобритании был парламентом для богатых и знатных, конгресс США контролировался сначала рабовладельцами, затем магнатами и миллионерами). Отнюдь не случайна неустойчивость такой демократии, которая ярко проявилась в период «отката» 1920-х — 1940-х гг. (в Великобритании и в США в этот период были широко распространены симпатии к нацистам, во Франции демократический режим продемонстрировал свою неэффективность, которая привела к его падению в 1940 г.). Однако именно в этот период при Ф.Д. Рузвельте была выработана новая модель демократии — не сословная или классовая, а социальная. Именно эта модель позволила Соединенным Штатам выйти из глубокого кризиса и сделала их после Второй мировой войны мировым лидером. Подобная модель развивалась и распространялась в Западной Европе и в Японии вплоть до начала 1960-х гг., когда обнаружились ее ограничения, связанные с неэффективным доминированием государства в экономике; в результате в период 1958—1975 гг. наметилась дестабилизация демократических режимов во Франции и Италии, распространились кризисные явления, породившие массовые выступления («революции») 1968—1969гг. в США и в Европе. Однако в 1960-е — 1970-е гг. на Западе была выработана новая, более эффективная модель либеральной демократии, которая в итоге способствовала падению многих авторитарных режимов в мире после 1974 г.

Вместе с тем с 1990-х гг. наблюдаются новые кризисные явления в функционировании демократии и демократических институтов, и не где-нибудь, а в «самой демократической стране мира» — в США. Об этих кризисных явлениях свидетельствуют, например, данные, приведенные Ф. Закария в его книге с характерным названием «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами: «Иностранец удивится, услышав, что самая мощная в мире демократия переживает кризис веры, но это действительно так. Если эти слова кажутся преувеличением, рассмотрим самую простую и совершенно неопровержимую статистику падения доверия к

символу политической системы государства — его столице. В начале 1960-х годов преобладающее большинство американцев — более 70 процентов — было согласно с утверждением: " Правительству в Вашингтоне можно доверять, поскольку оно всегда или в большинстве случаев поступает правильно". Спустя 30 лет соответствующая цифра

упала до 30 процентов. Социологические опросы не продемонстрировали роста доверия к федеральному правительству и после событий 11 сентября 2001 года... Реакция на утверждение "официальным должностным лицам всё равно, что думают такие люди, как я" указывает на практически аналогичное падение по сравнению с 1960-ми годами. По данным службы Харриса, "индекс отчужденности" поднялся со среднего уровня 34 процента в 1960-е годы до приблизительно 60 процентов в 1990-е годы. Все проводимые измерения общественного доверия указывают в неблагоприятном направлении» [Закария 2004. С. 172-173].

Очевидно, что необходимо не насильственное распространение модели демократии, ставшей в новых условиях во многом неэффективной, а ее качественное преобразование и совершенствование. Однако такое изменение доминирующей модели демократии, как следует из приведенной выше концепции эволюционных циклов, возможно только через очередной период «отката», который, по-видимому, уже начался и будет продолжаться примерно до 2020-х гг. Именно в ходе этого «отката» может сформироваться новая модель демократии, которая будет более эффективно работать в различных регионах мира. Таким образом, представление об эволюционных циклах развития различных подсистем общества (в данном случае развития демократии и ее институтов) позволяет увидеть некоторые перспективы будущего.

В качестве еще одного примера важного значения, которое имеет выделение эволюционных циклов в исследовании особенностей развития данного общества, остановимся подробнее на российских циклах реформ - контрреформ, которые были кратко охарактеризованы в главе 1 (п. 1.6). Для того чтобы стало ясно значение этих эволюционных циклов для понимания российской политической истории и прогнозиро-

вания развития России, имеет смысл подробнее остановиться на их описании и характеристике.

В наиболее отчетливом, классическом виде эти эволюционные циклы российской модернизации проявляются начиная с эпохи Александра I, т.е. с первых десятилетий XIX в. В самом общем виде внешний ход событий на протяжении каждого цикла таков. Достигнув крупных успехов в усилении власти, укреплении более или менее централизованного хозяйственного и политического режима внутри страны и статуса великой державы на международной арене, российское государство, играющее роль основного субъекта преобразований в стране, «вдруг» теряет инициативу, впадает в застой и начинает терпеть ощутимые неудачи в сфере мировой политики. Эта ситуация подготавливает постепенный поворот к реформам, призванным ослабить государственное закрепощение всех слоев общества внутри страны, разбудить задавленную частную инициативу, оживить общество в идейно-политическом плане, дать некоторую свободу рыночным отношениям и предпринимательству. При этом оживление идейно-политической жизни всегда происходит за счет частичного демонтажа прежней государственной идеологии и прежнего политического диктата государства, а активизация предпринимательской деятельности — на основе частичной деструкции государственного сектора, прежнего более или менее огосударствленного хозяйства. Тем самым подспудная социокультурная, идейно-политическая и имущественная дифференциация, существовавшая и прежде, но подавлявшаяся государством, высвобождается и концентрируется в политической сфере. А это, естественно, нежелательно и для реформаторов, и для государственной бюрократии в целом, и для многих граждан, не готовых к такому быстрому развитию социальной и политической дифференциации, чреватому расколом. И вот постепенно, через ряд переходных колебаний общественных настроений и период политической нестабильности, страна вступает в новую фазу, или волну, цикла — начинается движение к контрреформам.

Важно подчеркнуть, однако, что контрреформы в России — это не «реформы со знаком минус», это своеобразное следствие

реформ в том виде, как они проведены, и одновременно способ разрешения общественных противоречий, реформами порожденных. Непоследовательная, неподготовленная либерализация и вызываемая ею резкая социальная и политическая поляризация всякий раз фатально не столько лечат российское общество, сколько раскалывают, а порою и взрывают его, прокладывая дорогу очередному контрреформатору. Вместе с тем контрреформы — это продолжение начавшегося витка модернизации государственной административной, военной и хозяйственной системы, но уже средствами, которые используют жесткие авторитарные или тоталитарные режимы. Ценою нового более или менее радикального государственного закрепощения различных слоев общества, путем удушения ранее «дарованных» государством свобод и послаблений частному хозяйственному интересу, посредством хищнического использования людских и природных ресурсов эти режимы добиваются успеха в осуществлении краткосрочных целей модернизации внутри и вовне, но, увы, через какое-то время с неизбежностью обнаруживается историческая недолговечность успехов такой модернизации. И после фазы застоя страна вновь вступает в эпоху подготовки к новым реформам.

Чтобы показать, как именно реализуются циклы модернизации, о которых идет речь, рассмотрим в кратком виде историческую последовательность российских реформ и контрреформ. Первое десятилетие XIX в. после воцарения Александра I ознаменовалось реформами и проектами реформ в либеральном духе («дней александровых прекрасное начало»). Правда, многие из этих либеральных реформ встретили столь ожесточенное сопротивление, что Александру и окружавшим его реформаторам пришлось похоронить наиболее радикальные из планировавшихся преобразований (так, Александр предполагал постепенно ограничить и затем отменить крепостное право, а позднее — дать конституцию сначала Польше, а потом и всей России). Тем не менее, в 1802 г. была проведена важная реформа государственного управления — вместо петровских коллегий были учреждены министерства, просуществовавшие в Российской империи вплоть до 1917 г.; был также преобразован

Сенат. В 1803 г. был издан Указ о вольных хлебопашцах, призванный стимулировать помещиков к добровольному освобождению крестьян. В 1809 г. известный реформатор М.М. Сперанский составил, по указанию царя, «План государственных преобразований», который намечал масштабные и довольно радикальные по тем временам преобразования государственного устройства России. Наконец, в 1810 г. был учрежден Государственный совет, который также просуществовал до 1917 г. На этом, однако, волна либеральных реформ в России практически иссякла, хотя Александр и позднее пытался провести преобразования, в частности, дал конституцию Польше, чем вызвал недовольство российского дворянства.

В чем же дело? Почему реформы прекратились, несмотря на стремление Александра I проводить их дальше, почему они постепенно выродились по сути дела в контрреформаторские, антилиберальные проекты вроде «военных поселений», почему Аракчеев и другие приближенные, сначала помогавшие Александру готовить либеральные реформы, вдруг с тем же усердием стали осуществлять проекты прямо противоположного свойства? Ответ состоит в том, что проводившиеся реформы и сама либеральная атмосфера, в которой они происходили (время молодого Пушкина, Лунина, декабристов), вызвали раскол дворянства на большинство непримиримых консерваторов-крепостников, не желавших никаких реформ, и меньшинство радикальных реформаторов в лице декабристов. Этот раскол, угрожавший целостности и стабильности российского дворянского общества, а также внешнеполитические события — война с Наполеоном, создание Священного Союза, призванного охранять статус-кво в Европе, — вынудили правительство и Александра уступить консервативному большинству.

Но поскольку сохранить существующее положение вещей ни внутри страны, разбуженной

реформами, ни тем более вне ее, где вновь усиливались революционные движения, было в принципе невозможно, российское государство постепенно дрейфовало от реформ к охранительству, подавлению либеральных настроений, а затем к контрреформам. Выступление декабристов лишь усилило и радикализовало этот переход, а

новый царь Николай I, ничем не связанный с предшествовавшим либеральным периодом, провел довольно радикальные контрреформы: в 1826 г. были учреждены корпус жандармов и III Отделение, был введен новый цензурный устав, прозванный «чугунным», была осуществлена жесткая централизация государственного управления, повсюду вводились военная муштра и мундиры и т.п. Тем не менее, контрреформы Николая I парадоксальным образом продолжили процессы, начавшиеся при либеральном Александре I: рост чиновничества и государственной бюрократии нового образца, стоявших над неслужащим дворянством, был инициирован реформами Александра и ускорен контрреформами Николая; то же самое произошло с разночинцами - предшественниками российской интеллигенции - они впервые появились при Александре I и численно выросли при Николае I; мануфактуры и российская промышленность, развившиеся в эпоху континентальной блокады английских товаров при Александре I, еще быстрее развивались при Николае I; продолжалась модернизация армии и т.п. В итоге модернизация, происходившая при Александре I, не была прекращена, но развитие получили лишь отдельные ее составляющие, а другие составляющие были «заморожены» или даже повернуты вспять, к состоянию, характерному для традиционного или псевдотрадиционного общества. Таким образом, модернизационный процесс не был остановлен, он продолжался, но лишь в некоторых, важных для бюрократии, но не для общества, направлениях, что в итоге не могло не привести к усилению диспропорций, отставанию по многим важным позициям, своеобразному параличу и общества, и государства.

Во многом сходная ситуация повторилась и в следующем цикле реформ Александра II - контрреформ Александра III. Великие реформы 1860-х годов, которые включали отмену крепостного права, отмену телесных наказаний, земскую и судебную реформы, реформу городского управления, наконец, военную реформу, были действительно комплексными и всеохватывающими, чего никогда не происходило в России. Но и их проводила высшая государственная власть, руководствуясь
своими представлениями «о прекрасном», вопреки желаниям большей части помещиков и при пассивности подавляющего большинства остального населения. К тому же, проводя реформы, самодержавие все же исключило одну важнейшую область, а именно политическую, и это неизбежно породило политическую радикализацию наиболее молодой и образованной части общества — студенчества, разночинцев. В результате образованное дворянско-разночинное общество снова раскололось на консерваторов — охранителей прежних устоев и радикалов (считавших проведенные реформы, в том числе крестьянскую, обманом народа) — народников, из среды которых позднее вышли народовольцы. Оказалось, что большинство представителей образованного общества снова недовольно, одни — излишней, по их мнению, радикальностью реформ и уступками крестьянам, другие, наоборот, — недостаточной радикальностью реформ, «обманом и ограблением народа». Раскол и политическая радикализация российского образованного общества привели к убийству Александра II, в котором, как ни парадоксально, «партия контрреформ» была заинтересована не меньше, чем «революционная партия».

Ставший императором Александр III, опиравшийся на «партию контрреформ» во главе с К.П. Победоносцевым и на настроения «охранительства», усилившиеся после убийства Александра II, проводил умеренные контрреформы, которые не зачеркивали предшествующие реформы, но существенно ограничивали и модифицировали их действие, похоронив к тому же все надежды на политические преобразования. В 1881г. был опубликован Манифест о незыблемости самодержавия, надолго «заморозивший»

политическое устройство общества, в 1886 г. издан закон о найме на сельхозработы, в 1889 г. учрежден институт земских начальников, в котором современники видели новое частичное закрепощение крестьян, были упразднены мировые судьи в деревне и ограничен суд присяжных. Одновременно при Александре III проводилась энергичная политика, направленная на привлечение иностранного капитала и на развитие отечественной крупной тяжелой индустрии, — осуществилось то, что замышлялось, но не реализо-
182
183
валось в эпоху реформ Александра П. Оказалось, что эпоха великих реформ лишь подготовила почву для важнейшего этапа модернизации — индустриализации России, но реально эта индустриализация началась лишь после утверждения более жесткого режима Александра III и проведения контрреформ, усиливших податное и иное давление на крестьянство.

Снова модернизация России пошла совсем не тем путем, как это происходило на Западе и как предполагали сделать либеральные реформаторы: вместо индустриализации как логического продолжения развития частного предпринимательства на основе частной собственности, политических прав и свобод граждан в России началась индустриализация, основанная на опеке и контроле со стороны государства надо всем хозяйством и всем предпринимательством, на привлечении посредством государственных займов иностранных капиталов и инвестиций и т.п. Все это происходило при отсутствии гарантированных прав и свобод, включая и важнейшее право частной собственности, при всевластии самодержавного государства, по воле которого то даровались некоторые послабления и свободы неоднородному, расколотому, все более поляризовавшемуся обществу, то отнимались у него. По сути государство продолжало относиться к обществу — и прежде всего к не имевшему почти никаких прав крестьянству, составлявшему более 80 % населения, — как к незрелому ребенку, которого нужно во всем опекать и контролировать. А это, в свою очередь, лишало самые широкие слои общества самостоятельности, инициативы, привычки бороться за свои права, т.е. обрекало их на действительную незрелость — культурную, экономическую, политическую. Всё это играло роковую роль не только в начале XX в., но и на всем его протяжении вплоть до настоящего времени.

Третий, самый драматичный для России цикл реформ — контрреформ начался с успехов виттевской индустриализации в 1890-х гг. и постепенного смягчения режима после воцарения Николая П. Вместе с тем это привело к росту аппетитов, жажде быстрого обогащения и борьбе интересов внутри самой высшей власти — чему Николай II за все время своего царство-
184
вания никак не противодействовал и что в итоге оказалось одной из главных причин падения самодержавия. Результатом стала корейская авантюра, которая обернулась войной с Японией. Проигранная война и начавшиеся революционные события вынудили Николая под нажимом С.Ю. Витте и других государственных деятелей дать, наконец, стране политические свободы, а затем и всерьез затронуть «святая святых» порядка в российской деревне — крестьянскую общину (реформа П.А. Столыпина). Драма России, однако, заключалась в том, что это было сделано слишком резко (по российским критериям) и слишком поздно. Политическая и экономическая либерализация сразу же высвободила долго скрываемую, копившуюся веками разрушительную энергию многочисленных противоречий и антагонизмов российского общества, которое не смогло их выдержать, особенно в условиях мучительной, хотя и не проигранной Россией Первой мировой войны. На это нало-жилось (и чрезвычайно усугубило ситуацию) радикальное взаимное непонимание образованной элиты и крестьянства, «верхов» и «низов». Так, Февраль 1917 г., свергнувший самодержавие, экономическая и политическая элита российского общества восприняла как разрешение всех проблем, мешавших России перейти на путь европейской

либеральной демократии, в то время как «низы» видели в Февральской революции лишь **начало** решения своих проблем — прежде всего проблем земли и мира. В условиях распада прежних социальных и экономических связей, прогрессирующей анархии к власти под лозунгами радикального переустройства общества пришли большевики.

Первые шаги, сделанные сразу после победы Октябрьской революции большевиками в союзе с левыми эсерами и отдельными представителями меньшевиков, — отмена помещичьего землевладения, отделение церкви от государства, ликвидация сословий, провозглашение социальных и политических прав трудящихся, переход к новому календарю и др. — объективно находились в русле модернизации государства и общества и знаменовали собой ликвидацию средневековых пережитков. Очень скоро, однако, стихия национализации, конфискации

собственности, нарушения законов и прав человека, пробуж-деннная идеологическими установками и действиями большевиков, полностью захлестнула страну, что неизбежно привело к усилению хаоса и в качестве реакции на это — к ужесточению диктатуры. Диктатура большевиков, и прежде всего развязанный ими террор, независимо от их желаний и ожиданий, еще больше стимулировали распад и деградацию общества, его «варваризацию» и изменение социального положения всех прежних слоев, классов и сословий. Жизнь отдельного человека, а значит, и миллионов людей в огне гражданской войны полностью обесценилась. Целые классы и сословия — дворяне, буржуазия, мещане — перестали существовать, рабочий класс был уничтожен или деклассирован более чем наполовину. Радикально изменилась и сама партия большевиков — вместо малочисленной партии интеллигентов и рабочих она стала многочисленной партией «выходцев» из всех, в том числе маргинальных и люмпенизированных, слоев общества, «выходцев», стремящихся командовать и воевать, как это было в гражданскую войну. В основном сохранилось как класс только общинное крестьянство, но его черед просто еще не наступил.

То была уже не привычная для России реакция на либеральные реформы в виде обычных контрреформ, а долговременные радикальные контрреформы, означавшие полный переворот в обществе. На этом пути, предопределенном гражданской войной, нэп стал лишь временной тактической уступкой крестьянству, хотя в других условиях и при другой политической власти он мог бы сыграть важную роль в реформировании общества, действительно продвинуть его по пути модернизации. Но путь уже был выбран — вместо более или менее органичной и комплексной модернизации общества во главу угла была поставлена индустриализация без рынка и неслыханная прежде милитаризация экономики. Такого рода сужение модернизации и подмена ее культивированием внешне современных, но по сути архаичных укладов были характерны и для прежних российских контрреформ, но никогда еще сужение не было столь радикальным. В принципе этот курс поддерживали и Троцкий, и Сталин, и даже Бухарин, но вместо

«перманентной революции» Троцкого Сталин использовал более эффективное средство — «перманентный террор и перманентную гражданскую войну». И когда в 1929 г. пришел черед многомиллионного российского крестьянства превратиться в колхозников, вновь, как и в 1918 г., начал раскручиваться маховик террора, борьбы с вездесущими «классовыми врагами», всеобщей милитаризации и т.п., действовавший вплоть до начала 1950-х гг. Тем не менее, невиданная прежде в истории индустриализация без рынка, ставшая основой военной и государственной мощи СССР, ценой гигантских жертв, лишений и террора была осуществлена, однако в итоге это не только не продвинуло российское общество по пути модернизации, но во многих важных отношениях отбросило его назад, в «варварство».

Важная особенность российской модернизации, впрочем, состоит в том, что, раз

начавшись и выработав определенные механизмы, инварианты своего развития, она приобретает огромную инерцию и может существенно модифицировать, но не меняет эти механизмы и инварианты. Индустриализация как важная сторона модернизации российского общества началась еще при Александре II, но получила специфическое развитие в виде большевистской безрыночной индустриализации, чтобы дальше постепенно приближать российское общество к индустриальному обществу. Механизм модернизации через волны реформ и контрреформ, раз возникнув, не мог быть отменен даже в результате революции.

Поэтому после смерти Сталина реформы советского общества в направлении смягчения прежней нерыночности и прежних диктаторски-террористических методов были неизбежны — это понимали все соратники Сталина, включая Берию и Маленкова. То, что в результате политической борьбы в советском руководстве победил Хрущев, наложило заметный отпечаток на сами реформы, но не на общую их направленность. Важнейшей реформой было освобождение не только узников ГУЛАГа, но и большей части населения — колхозного крестьянства — от государственного крепостничества, предоставление колхозникам возможности получить паспорт и уйти

из своего колхоза. Эти реформы, резко усилившие процесс урбанизации, были действительно важными и глубокими, они изменили облик советского общества, хотя прежний курс на продолжение индустриализации при подавлении рынка и рыночных отношений в целом был сохранен. Но это предопределило и быстрый конец реформ, несмотря на то что в дальнейшем некоторые попытки реформировать советское общество в направлении постепенного развития товарно-денежных, рыночных отношений предпринимались Косыгиным.

На данном витке модернизации поворот к контрреформам был вызван не столько расколом общества, сколько реакцией «в верхах» на беспорядочные метания Хрущева, тщетно пытавшегося сделать сверхцентрализованное управление огромной страной более эффективным. Поэтому сам переход к контрреформам и их осуществление были сравнительно мягкими. Эпоха застоя, плавно перешедшая в конце 1970-х гг. в кризис, была эпохой умеренных, «охранительных» контрреформ, проявлявшихся в жесткой идеологической линии Суслова, в неслыханном росте военно-промышленного комплекса и развертывании новых видов вооружений, в широкой внешней экспансии в «третьем мире». Однако «охранительные» контрреформы Брежнева, как и Александра III, проводившиеся веком раньше, в эпоху бурных перемен во всем мире лишь маскировали накапливавшиеся диспропорции и противоречия, не давая им разрешиться естественным образом. В результате и в том, и в другом случае «охранительство» лишь подготавливало надвигавшийся крах всей социально-политической и экономической системы.

Если в 1917 г. потенциал антирыночных и антилиберальных контрреформ в России оказался чрезвычайно велик, то в начале 1990-х гг. в результате действия принципа компенсации оказалось, что потенциал рыночных и либеральных реформ был существенно большим, чем предполагала прежняя верхушка общества, попытавшаяся форсировать переход к контрреформам. Маятник не просто качнулся в другую сторону, он качнулся так далеко, что возвращение к прежнему советскому строю (как в свое время — к самодержавному) оказа-

лось попросту невозможным. Вместе с тем продолжение (или начало) радикальных либерально-рыночных реформ после 1991 г. сопровождается такой социальной дифференциацией и политической поляризацией общества, что вполне реальным представляется вытекающий из логики волнообразной модернизации новый поворот к контрреформам весьма радикального свойства.

Таким образом, несмотря на всю уникальность исторических ситуаций, ясно прослеживаются некоторые общие моменты в проведении реформ и контрреформ в России, независимо от эпохи и конкретной исторической ситуации; это, в свою очередь,

свидетельствует об инвариантах осуществления мо-дернизационного процесса в российских условиях, о воспроизводящихся вновь и вновь ключевых его механизмах. К числу таких инвариантов можно отнести следующие. Во-первых, всякий раз, приступая к реформам, российское общество разрывается между потребностью преобразований и отсутствием эффективных средств общественной самоорганизации. Сказывается традиционная для России незрелость и несформи-рованность гражданского общества, слабость организованных снизу, а не сверху динамичных социально-политических структур [Левин 1996]. Это приводит к тому, что общество оказывается не в состоянии эффективно воздействовать на власть и само отдает инициативу преобразований государственному бюрократическому аппарату.

Во-вторых, в самом государственном аппарате происходят характерные процессы: поначалу наряду с сохраняющимися, но временно отступающими в тень старыми, бюрократическими структурами формируется команда реформаторов-либералов из среды, близкой бюрократии, но все же отличающейся от нее, будь то аристократы — сподвижники Александра I, творцы крестьянской реформы при Александре II, далекий от столичных интриг бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин или же молодой номенклатурный теоретик Е. Гайдар. Эта команда, как правило, и проделывает наиболее рискованную, непопулярную часть организационной работы по разрушению старых, отживших структур власти, которые (что яв-

ляется характерной чертой российского государственного аппарата) сами, без усилий реформаторов, пришедших «извне», не могут сойти со сцены, несмотря на очевидную свою непригодность для новых условий. Одновременно готовится и, наконец, начинает реализоваться «главная» реформа, которая, по мнению высшей бюрократии и образованной части общества, призвана решить основные проблемы, стоящие перед Россией.

В результате кратковременного периода «бури и натиска» наиболее одиозные структуры бюрократического аппарата исчезают или модернизируются. Но при этом сразу же исчезают условия как для работы команды реформаторов, готовых идти дальше, но чуждых бюрократическому аппарату, так и вообще для последовательного продолжения курса реформ. Парадоксальная закономерность состоит в том, что, как только реформы начинают осуществляться, команда реформаторов сходит с политической сцены, а сами реформы происходят лишь по инерции, без массовой поддержки снизу и без сильной поддержки сверху. Естественно, при таких условиях общество не просто раскалывается, все остаются недовольны: одни — отсутствием последовательности в проведении реформ, другие — тяжелыми социальными последствиями половинчатых реформ, третьи — самим фактом их проведения, разрушившего прежний, казавшийся устойчивым порядок.

Драма российского реформаторства заключается в том, что в силу грандиозности встающих перед ними задач реформаторы сталкиваются с практически неодолимыми трудностями и, пытаясь разрушить старые, косные социально-экономические уклады, вынуждены прибегать к насилию над обществом. Ослабление централизованной власти, которое реально происходит в России в эпохи реформ, оказывается чреватым самыми опасными последствиями, что толкает реформаторов к восстановлению политической централизации. С другой стороны, необходимость насильственного насаждения нового социально-экономического уклада, ориентированного на рынок и на Запад, наряду с сохранением прежних укладов, невзирая на социальные последствия их сосуществования, также заставляет

реформаторов укреплять централизованную власть и тем самым сдаться на милость слегка обновленной бюрократии. При этом российские реформаторы, как правило, оказываются нечувствительны или мало чувствительны к тем физическим и нравственным страданиям, которые переживают широкие слои населения, чрезвычайно болезненно воспринимающие происходящую социальную и имущественную дифференциацию. Испытывая дефицит времени и средств, теряющие социальную поддержку реформаторы всё больше рассчитывают лишь на силу государственного аппарата и тем самым окончательно отчуждаются от

общества. Государственная же бюрократия лишь выжидает благоприятный момент, чтобы избавиться от ставших ненужными реформаторов и перейти к курсу контрреформ. Так в исторически сжатые сроки, при сохранении видимости либерализма и демократии в политике формируется жесткий правительственный экономический курс, усиливающий поляризацию общества и подготавливающий идейные и политические основы контрреформ.

Проведение контрреформ всякий раз начинается после некоторого переходного периода, для которого характерны изменение или вырождение курса реформ, метания власти, пытающейся соединить несоединимое — всё более ужесточающийся идеологический и политический режим с сохранением элементов или хотя бы видимости либерализма. Активная фаза контрреформ начинается с верхушечного переворота, в результате которого к власти приходят «новые люди». Как правило, широкие слои общества, в том числе образованные, первоначально приветствуют этот переворот, воспринимая приход «новых людей» как свидетельство усиления верховной власти, преодоления непоследовательности и колебаний. Всё это способствует тому, что команда контрреформаторов, чувствуя поддержку или молчаливое одобрение большинства общества, проводит активную политику, используя в своих целях то, что было достигнуто в результате предшествовавших реформ. Именно в этот начальный период контрреформ при активном участии государства в какой-то мере решаются те проблемы, которые не могли решить либеральные реформаторы, в част-

ности, проблемы уменьшения социальной и имущественной дифференциации, технического и военного перевооружения, частичной модернизации производства и нового более или менее экстенсивного роста экономики.

Проведение подобных преобразований отнюдь не возвращает российское общество и государство к дореформенному состоянию. Напротив, как ни парадоксально, только после осуществления этих контрреформаторских преобразований то, что достигнуто и удержано российским обществом в результате предшествовавших реформ, приобретает действительно необратимый характер. Российское общество и государство в целом переходят на новый уровень развития, возвращение с которого на пройденные уровни принципиально невозможно. Роль первоначальной фазы контрреформ, при всех ее издержках и общей антилиберальной направленности, заключается в закреплении достигнутого обществом и государством в предшествующий период реформ — того, к чему действительно оказывается готовым большинство российского общества.

Вскоре, однако, после первых успешных действий укрепившийся режим, оказавшись неконтролируемым, еще более ужесточается, причем в результате борьбы за власть происходит отсев людей, пытающихся сочетать реформы с контрреформами, а также сторонников умеренных контрреформ. У власти оказываются люди, рассматривающие в качестве наиболее эффективного средства решения всех проблем организованное государственное насилие, что ведет к неизбежному усилению и выдвижению на первый план репрессивно-карательных органов, получающих статус «государства в государстве». Очень скоро основным источником общественного согласия становится не поддержка проводимого курса со стороны широких социальных слоев, а страх перед репрессивной мощью государства. В то же время утвердившийся авторитарный или тоталитарный режим по логике своего развития вновь и вновь должен демонстрировать свою силу внутри и вовне. Это столь же неизбежно ведет к тому, что высшее руководство начинает получать всё более искаженную информацию о положении дел внутри страны и за рубежом — информацию, основанную преж-

де всего на стремлении угодить правящему режиму. В результате режим, лишившись представления о реальном положении дел, о собственных ресурсах и о силе внешних противников, всё больше полагает себя непогрешимым и ввязывается в авантюры, одна из которых заканчивается для него плачевно. С другой стороны, общество, уставшее за время контрреформ от «железных объятий» государства, вновь обращается к реформам, которые сдвинули бы его с мертвой точки и запустили новый виток модернизации. К

власти опять приходят «новые люди», которые после сомнений и колебаний переходят к осуществлению курса более или менее либеральных реформ.

Подчеркнем, что описываемая логика циклически-волнообразного движения модернизации не исключает, а предполагает постепенное решение задач модернизации и переход от одного витка социальной эволюции к другому. Волны реформ — контрреформ в России представляют собой не повторение одной и той же ситуации, а закономерные витки модерниза-ционного процесса со своей внутренней логикой и временной структурой. Каждый виток реформ — контрреформ не возвращает общество и государство в исходное состояние, а продвигает их по пути модернизации, хотя и односторонним образом. Так, в результате реформ Александра I и контрреформ Николая I в России вместо дворянски-абсолютистского государства возникло более приспособленное к изменившимся условиям бюрократическое государство, появилось сословие разночинцев, сыгравшее немалую роль в дальнейших политических событиях. В итоге реформ Александра II и контрреформ Александра III в России были созданы условия для начала индустриализации и усложнения политической системы. В результате реформ Витте — Столыпина и, казалось бы, полностью перечеркнувших их революционных и послереволюционных преобразований был осуществлен гигантский социальный и политический переворот — на месте сословного государства и во многом патриархального общества возникло новое государство, проводившее форсированную индустриальную модернизацию, и новое бессословное (хотя и не бесклассовое) общество. Наконец, кажущиеся непродуктивными реформы

Хрущева — Косыгина и брежневский контрреформенный «застой» на деле привели к тому, что общество в России впервые стало урбанизированным, индустриальным, способным развиваться более динамично на основе политической и социальной дифференциации. Таким образом, в политическом и социальном развитии российского общества налицо не хождение по замкнутому кругу, как это иногда представляется либеральным публицистам, а постепенное продвижение по пути модернизации.

Какие же прогнозы вытекают из рассмотренной модели российских реформ — контрреформ? Прежде всего из нее следует, что либеральные, но антисоциальные реформы, которые переживало российское общество в конце 1980-х и в 1990-х гг., сменятся контрреформами, проводимыми более или менее жестким авторитарным режимом. Переход к контрреформам будет происходить (и уже происходит в начале 2000-х гг.) через промежуточную фазу, в которой сочетаются демократия и авторитаризм, либеральная экономическая политика и антилиберальные действия государства. Если судить по прежним циклам реформ — контрреформ, то этот промежуточный период должен завершиться где-то около 2008—2010 гг., когда созреют предпосылки для зрелых нелиберальных контрреформ. При этом тенденция к усилению авторитаризма во внутренней политике будет проявляться всё более явно, кто бы ни возглавлял государство. Вместе с тем установление тоталитарного режима в России маловероятно, и в условиях современного мира появляются новые возможности для более плодотворного соединения сильной, социально ориентированной государственной политики и элементов либерализма. Однако, будут ли использованы эти возможности и выйдет ли Россия из очередного цикла реформ — контрреформ без социальной и политической катастрофы, пока что сказать трудно.

Таким образом, с точки зрения эволюционно-историче-ского подхода к прогнозированию, для выработки прогноза или предсказания прежде всего нужно выделить эволюционный ритм или цикл, который является ключевым «шагом» изменения для данного аспекта общественного развития, являюще-

гося объектом прогноза. Для этого необходим не только тщательный и глубокий анализ предшествующего исторического развития в данной сфере (например, в сфере

политического развития), но и поиск возможных связей и возможной корреляции развития в исследуемой сфере с развитием в других сферах общественной жизни (например, корреляции между развитием политики и экономики). Если такая корреляция действительно существует, то эволюционный ритм, найденный для одной сферы (например, экономики), может быть использован для выделения соответствующего эволюционного ритма в другой сфере (например, в сфере политического развития, политической модернизации).

Подобный подход в определенной мере синтезирует и интегрирует некоторые элементы описанных выше подходов к историческому прогнозированию — использования исторических аналогий и сравнений (сравнение состояний социальной системы на разных «витках» ее развития), линейной экстраполяции исторических тенденций (выделение «линейного ме-гатренда» эволюционного усложнения рассматриваемой системы, несмотря на все «откаты» и зигзаги ее развития), прогнозирования, основанного на ритмах и циклах исторического развития (элементы повторяемости и периодичности, которые присутствуют в концепции эволюционных циклов). Поэтому, как представляется, он обладает значительным прогностическим потенциалом и нуждается в дальнейшем развитии.

Глава 3
ПРИМЕРЫ ПРОГНОЗОВ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XXI ВЕКА

3.1. Прогнозы Э. Тоффлера, И. Валлерстайна и С. Хантингтона

Разумеется, в рамках данной главы, да и книги в целом нет возможности рассмотреть и проанализировать все имеющиеся в современной научной литературе прогнозы глобального развития на ближайшие полвека. Поэтому здесь мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых наиболее важных, с нашей точки зрения, подходов к прогнозированию глобального развития, которые, с одной стороны, уже показали свою работоспособность, а с другой — концептуально оформлены и обоснованы. Рассмотрение этих концепций, обладающих значительным прогностическим потенциалом, тем более интересно, что их можно соотнести с прогнозами авторов данной книги, которые изложены в главах 4—7 и основаны на совершенно иных концептуальных положениях.

Прежде всего рассмотрим некоторые прогнозы глобального развития, сделанные таким видным и широко известным футурологом, как Элвин Тоффлер. В своей нашумевшей книге «Третья волна», изданной еще в 1980 г. и в определенном смысле являющейся ключевой для всей его концепции, Тоффлер выделил три волны глобальных перемен, которые пережило или переживает человечество: первую волну, вызванную переходом к оседлому земледелию и скотоводству около 10 тысяч лет назад; вторую волну перемен, связанную с промышленной революцией XVIII—XX вв., и третью волну глобальных изменений, начавшуюся в конце XX в. Сразу же заметим, что
на деле подобных глобальных волн изменений в истории человечества было значительно больше, но Тоффлер выделил наиболее значимые из них с технологической точки зрения и с точки зрения изменения всего образа жизни людей, их культуры и политического устройства. «Вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромные волны перемен, и каждая из них в основном уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен — сельскохозяйственная революция — потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна — рост промышленной цивилизации — заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне возможно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий. Те, кому довелось жить на нашей планете в этот взрывной период, в полной мере почувствуют влияние Третьей волны на себе» [Тоффлер 2002. С.

32-33].
Отметим, что Тоффлер несколько неточен, когда пишет, что первая и вторая волны перемен в основном уничтожали более ранние культуры и цивилизации. Вторая волна изменений (индустриальная революция) не уничтожила более ранние культуры (западноевропейскую, российскую, конфуцианскую, индуистскую, исламскую и др.), а скорее преобразовала их (правда, в Северной и Южной Америке были уничтожены существовавшие там культуры ацтеков и инков, но это произошло еще до наступления эпохи индустриального общества). Есть основания предполагать, что и в случае первой волны («сельскохозяйственной революции») дело обстояло подобным же образом. Так, древнейшие египтяне или подобные им цивилизации не уничтожали все остальные культуры, а использовали их достижения в своих целях. Отметим также, что, хотя Тоффлер и преуменьшил продолжительность новой глобальной волны изменений, которая явно займет не менее, а может быть, и более полувека, сам факт резкого ускорения технологического, экономического и политического развития всё же налицо. Но в этом-то и состоит главная опасность для выжи-

вания человека и человечества: и культура, формировавшаяся веками, и человек, и семья, и общество сейчас (по-видимому, впервые в истории) действительно не успевают адаптироваться к бешеному и всё возрастающему темпу технологических перемен. Поэтому в жертву «Третьей волне» могут быть принесены и все существовавшие до сих пор культуры, и человек, каким он стал начиная с «осевого времени», и семья, и общество. Таков основной прогноз, который вытекает из концепции Тоффлера, и, как показывает реальное развитие, он не слишком далек от истины.
Однако сам Тоффлер, как и положено американцу, тем не менее полон оптимизма: «Эта новая цивилизация, поскольку она противостоит старой, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик постимпериалистического мира. Она требует новых, более простых, эффективных и демократических правительств... Но прежде всего, как мы увидим в дальнейшем, цивилизация Третьей волны начинает стирать исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем... По этой, а также многим другим причинам она могла бы (при некоторой разумной помощи с нашей стороны) превратиться в первую — во весь известный нам период истории — истинно человеческую цивилизацию» [Тоффлер 2002. С. 34].
Большинство этих оптимистических прогнозов на деле не подтвердилось. За прошедшие со времени опубликования книги четверть века бюрократия нигде не опрокинута, напротив, она количественно и качественно выросла, не изменив своих худших черт (бюрократия Европейского Союза или современная американская бюрократия, например, ничем не лучше всех остальных бюрократий, существовавших до них). Роль национального государства в целом уменьшилась или изменилась, но можно ли это считать благом, большой вопрос. Правительства отнюдь не стали более простыми, эффективными и демократическими, скорее наоборот. Разрыв между производителем и потребителем в «новой экономике» не только не сократился, а скорее возрос. Поэтому назвать формирующуюся
цивилизацию «Третьей волны» истинно человеческой было бы большой насмешкой.
Но если оптимистические ожидания Тоффлера, как и иллюзии многих других оптимистов, во многом не оправдались, то его прогноз о быстрых и радикальных изменениях в различных областях общественной жизни в целом оказался верен. И это заставляет внимательнее присмотреться к его описанию некоторых важных тенденций в политической сфере и к глобальным последствиям прогнозируемых им изменений. Во-первых, Тоффлер справедливо указывал, что в эпоху «Третьей волны» должен измениться тип политического лидера, который способен эффективно осуществлять необходимый

обществу политический курс. «При этих контрастах "самый сильный" лидер Первой волны, помещенный в политическую структуру Второй волны, оказался бы даже более слабым, смущенным, неустойчивым и неуместным, чем "самый слабый" лидер Второй волны. Подобным образом сегодня, когда мы мчимся на новый этап цивилизации, Рузвельт, Черчилль, де Голль, Аденауэр (или хотя бы Сталин) — "сильные" лидеры индустриальных обществ — выглядели бы так же неуместно и глупо, как Безумный король Людвиг в Белом доме... Возникающая цивилизация Третьей волны требует поэтому абсолютно нового типа руководства. Необходимые качества лидеров Третьей волны еще не вполне ясны. Вероятно, сила заключается не в самоуверенности лидера, а именно в его или ее способности слушать других, не в бульдозерной мощности, а в воображении; не в мегаломании, а в осознании ограниченной природы лидерства в новом мире» [Тоффлер 2002. С. 635—636]. Если мы посмотрим на сегодняшних политических лидеров, то увидим, что в чем-то Тоффлер ошибался, а в чем-то оказался прав. Действительно, такие политические лидеры, как Джордж Буш-младший или Сильвио Берлускони, обладают скорее самоуверенностью, наглостью и «бульдозерной мощностью», чем воображением и «осознанием ограниченной природы лидерства в новом мире». Точно такими же качествами, а также «мегаломанией» (манией величия) обладали Рейган и Тэтчер. Но Тоффлер прав в том, что качества современного

198

199

политического лидера иные, чем в XIX или в XX в., и этот лидер в чрезвычайно сложном и неустойчивом мире должен прежде всего уметь слушать других, договариваться с другими, понимать других. Именно дефицит этих качеств у современных политических лидеров, наряду с другими причинами, ведет к общей дестабилизации ситуации в мире. Впрочем, дефицит этих же качеств наблюдается у большинства современных людей, и это является чрезвычайно серьезной, возможно, главной угрозой для существования человека и человеческого общества на Земле.

Во-вторых, согласно Тоффлеру, существующие политические системы не приспособлены к быстрому решению множества взаимосвязанных задач. И это неизбежно порождает серьезные сбои в функционировании основных политических институтов, утрату доверия к ним. «Быстрый моральный износ наших политических систем Второй волны в мире, ощетинившемся ядерным оружием и аккуратно балансирующем на грани экономической или экологической катастрофы, создает чрезмерную угрозу для всего общества: не только для "аутсайдеров", но и для "инсайдеров", не только для бедных, но и для богатых и неиндустриальных частей мира. Ведь непосредственная опасность для всех нас заключается не столько в умышленном применении силы теми, кто ею обладает, сколько в неумышленных побочных эффектах решений, разработанных политико-бюрократическими машинами для принятия решений, настолько опасно анахроничными, что даже самые лучшие намерения могут привести к убийственным результатам» [Тоффлер 2002. С. 653].

Казалось бы, предупреждения Тоффлера сейчас не слишком актуальны для западного «организованного общества», которое вроде бы успешно решает экономические и экологические проблемы. Но это иллюзия: «неумышленные побочные эффекты решений, разработанных политико-бюрократическими машинами», обнаруживаются на каждом шагу. Привлечение в страны Европы дешевой иностранной рабочей силы из Северной Африки и Ближнего Востока обернулось «исла-мизацией» Европы. Решение об оккупации Косово войсками

200

НАТО лишь усилило албанские мафиозные группы, снабжающие Европу наркотиками. Решение Буша о проведении после 11 сентября 2001 г. операции против международного терроризма в Афганистане привело к тому, что весь Афганистан стал работать на производство наркотиков. Решение об оккупации Ирака войсками США привело к усилению международного терроризма, междоусобной гражданской войне в Ираке и усилению исламского фундаментализма. Решение о быстром расширении Европейского Союза за счет приема новых членов привело к тому, что международные монополии стали переносить

производство в Польшу, Чехию, Венгрию, в результате чего в Германии и Франции стали ликвидироваться рабочие места, возросла безработица и усилилась социальная напряженность. Но это лишь некоторые частные примеры. Суть же дела состоит в том, что ни одна глобальная проблема современного мира (глобальный экологический кризис, диспропорции демографического развития между развитыми и развивающимися странами, контроль над ядерным оружием, безопасная переработка ядерных отходов, финансовая нестабильность и угроза глобального кризиса перепроизводства, распространение СПИДа и др.) не только не решается ни самыми богатыми странами мира, ни международными организациями, но даже и не рассматривается в качестве первоочередной. Вместо этого разрабатываются ненужные и опасные технологии информационной «промывки мозгов», рекламы, манипулирования сознанием, изменения пола, клонирования людей, легализуются однополые браки, наркотики, педофилия, ведущие к моральному разложению человека и общества. В результате огромные силы и ресурсы человечества тратятся на всё, что угодно, кроме реального решения насущных проблем. И это является неизбежным следствием работы анахроничных политико-бюрократических машин.

В-третьих, для решения обостряющихся глобальных и локальных проблем Тоффлер предложил ориентироваться на формирование новых политических институтов «Третьей волны», основанных на принципах власти меньшинств (управление, при котором в расчет принимаются не только интересы

большинства, но и интересы различных меньшинств), полупрямой демократии (сочетание представительной и прямой демократии) и разделения решений (перераспределение полномочий принимать решения на разных уровнях). «Чем скорее мы начнем проектировать новые политические институты, основанные на трех принципах, описанных выше, — власти меньшинств, полупрямой демократии и разделении решений, — тем больше у нас шансов на мирный переход. Именно попытка блокировать эти перемены, а не сами перемены, повышает уровень риска. Именно слепая попытка защитить устаревшее создает опасность кровопролития. Это означает, что для *избежания* насильственной реконструкции мы сейчас должны начать сосредоточиваться на проблеме структурного политического морального износа во всем мире. И мы должны поставить эту проблему не только перед экспертами, специалистами в области конституции, юристами и политиками, но и перед общественностью — гражданскими организациями, торговыми союзами, церквями, женскими группами, этническими и расовыми меньшинствами, учеными, домохозяйками и бизнесменами» [Тоффлер 2002. С. 695].

Читая этот пассаж из книги Тоффлера, невозможно отделаться от ощущения жестокой иронии истории. Казалось бы, американские администрации Клинтона и Буша-младшего действительно сосредоточились «на проблеме структурного политического морального износа во всем мире», всюду насаждая угодные им режимы, соответствующие представлениям американской правящей элиты о «демократии», «эффективности управления» и «власти меньшинств». Но всё дело в том, что подобные способы не только дискредитируют демократию, эффективность управления и новые политические институты, но и ведут к прямо противоположным результатам: не-демократии, неэффективности управления, дисфункциям политических институтов. Это происходит не только в странах исламского мира, на постсоветском пространстве или в Южной Африке, но — в итоге — и в самих развитых странах, хотя степень недемократичности и неэффективности здесь несколько ниже, чем в странах «второго» и «третьего» мира. Разумеется, не вина Тоффлера, что проблемы «структурного политического морального износа», которые действительно существуют и обостряются во всем мире, решаются подобным образом. Но это свидетельствует и о том, что даже самые «продвинутые» прогрессистские проекты, ориентированные на учет реальных изменений в мире (а «проект» Тоффлера бесспорно принадлежит к их числу), могут использоваться для вполне конъюнктурных целей и при этом оборачиваться огромными издержками и жертвами.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что внимательный и чуткий исследователь

Тоффлер уловил многие важные моменты будущего, и прежде всего беспрецедентную быстроту и радикальность происходящих во всем мире перемен. Поэтому, несмотря на многие очевидные несоответствия, основной прогноз Тоффлера о «Третьей волне» глобальных изменений оказался верным. Но вот многие оптимистические ожидания Тоффлера, связанные с присущей американцам идеологией «прогрессизма» и убежденностью в своей миссии по распространению прогресса во всем мире, не оправдались. Среди этих оптимистических ожиданий не оправдалось главное — представление о том, что цивилизация «Третьей волны» станет первой «истинно человеческой» цивилизацией, стирающей разрыв между производителем и потребителем, ликвидирующей отчуждение между властвующей элитой и управляемыми. В настоящее время, спустя четверть века после выхода книги Тоффлера, считать так нет никаких оснований. За прошедшее время развились и безмерно усложнились информационные технологии, невероятно далеко шагнула практика манипулирования сознанием, резко усилилась принудительная унификация, ведущая к деградации всех культур, — но разделение человечества на всемирную элиту и большинство «низших» классов только углубилось. Значит ли это, что так будет всегда? Для таких утверждений также нет никаких оснований. Скорее всего, мы проходим трудную переходную фазу, когда в результате этого перехода резко обостряются все старые и новые проблемы, когда новые технологии используются чрезвычайно односторонне и в интересах отдельных групп. Но боль-

шая часть человечества вряд ли будет долго мириться с таким положением, и никакие самые «продвинутые» технологии манипулирования сознанием не смогут увековечить новый разрыв между «золотым миллиардом» и остальным населением Земли. И всё же главный вопрос, что произойдет с человеком, с человеческой культурой, со всеми духовными достижениями человека, остается открытым, его решение не предрешено и зависит от всех живущих на нашей планете.

Теперь кратко остановимся на прогнозах глобального развития, принадлежащих таким крупным ученым, как историк и экономист Иммануил Валлерстайн, один из основоположников мир-системного подхода, и видный американский политолог, консервативный теоретик и представитель цивили-зационного подхода к исследованию международной политики и мирового развития Сэмюэл Хантингтон. Необходимость обращения к творчеству этих действительно крупных исследователей связана с тем, что их глобальные прогнозы своеобразно соотносятся и взаимодействуют друг с другом. В результате такого взаимодействия картина будущего мирового развития становится более объемной и более содержательной. Кроме того, прогнозы глобального развития, о которых идет речь, дают представление о существующей методологии, принципах и возможностях прогнозирования в целом, а также о тех концепциях, которые в настоящее время имеют широкое распространение и оказывают влияние на научное и массовое сознание.

Начнем с прогноза глобального развития, представленного классиком мир-системного подхода И. Валлерстайном. Согласно прогнозам Валлерстайна на первый план выступает перспектива «грандиозной политической борьбы» между двумя лагерями — теми, кто хочет сохранить международную систему, обеспечивающую привилегированное положение Запада, и теми, кто хотел бы создать новую, более демократическую международную систему [Валлерстайн 2002. С. 78].

В другой статье «Мир, в который мы вступаем: 2000—2050» Валлерстайн зафиксировал следующие важные тенденции, легшие в основу его прогнозов: «Усиление социально-эконо-

мической и демографической поляризации мира вызвало нескончаемый поток переселенцев с Юга на Север. Этот поток существенно превышает значения, допускаемые

государствами Севера. Результат оказался двояким: а) ужесточаются ограничения на въезд (впрочем, они неэффективны); б) процент переселенцев с Юга (включая страны "третьего мира"), постоянно проживающих на Севере, непрерывно растет в Северной Америке, Западной Европе и даже Японии. В ближайшие 50 лет количество таких переселенцев составит от 15 до 40 % населения, если не больше. Как следствие в странах Севера возникнет серьезный социальный конфликт между исторически господствующими слоями и теми, кто солидаризируется по этническому принципу и, находясь в экономическом и социальном плане в самом низу, будучи лишен политических прав, борется за получение гражданства... Если каждую из этих проблем в отдельности Север политически в состоянии контролировать (что он и делал до настоящего времени), то одновременное возникновение многообразных проблем (как разного характера, так и сложных проблем одного вида) может стать серьезным препятствием для политической и военной способности Севера сдерживать мировой беспорядок» [Валлерстайн 2001. С. 73].
Далее Валлерстайн отмечал: «Возможно, последует новый А-цикл, в котором инновации в ведущих отраслях промышленности (информатика, биотехнология, новые источники энергии) будут монополизироваться и станут весьма прибыльными. Борьба в триаде за главное место в этих отраслях будет по-прежнему острой. Возможно, в начале XXI в. Япония и Европейский Союз преуспеют больше, чем США. В итоге Америка и Япония объединят свои экономические усилия, чтобы успешно противостоять европейской угрозе... В первой половине XXI в. Китай и Россия будут играть ключевые роли в экономическом соревновании в рамках триады. Каждая из этих стран велика по территории и населению,.обладает мощным военным потенциалом и стремится к дальнейшему развитию. Обе страны имеют три преимущества для мирового капитала: крупные потребительские рынки, низкий уровень зарплаты,

привлекательные сферы капиталовложений. Если каждое из государств сохранит национальную целостность, они смогут вести переговоры о благоприятных условиях интеграции в региональные экономические комплексы (Китай — в зону Япония - США, Россия - в западноевропейскую зону). Такая интеграция может уменьшить способность других стран, не входящих в триаду, стать основными регионами для новых вложений. Китай и Россия будут по-прежнему находиться в состоянии противоречия между стремлением стать частью Севера и неудовлетворенностью от принадлежности к Югу» [Валлерстайн 2001. С. 71].
Еще в одной своей работе «Конец знакомого мира: Социология XXI века» Валлерстайн в главе под названием «Возвышение Восточной Азии, или Миро-система в XXI веке» описал сходный сценарий глобального развития, несколько конкретизировав его в следующих тезисах:
«В ближайшем будущем мы станем свидетелями очередной восходящей кондратьевского цикла, в основе которой будут лежать новые виды продукции, производство которых началось в последние двадцать лет.
Между Японией, Европейским Союзом и Соединенными Штатами возникнет жесткая конкуренция за лидерство в производстве этой новой продукции.
Одновременно обострится конкурентная борьба между Японией и Европейским Союзом за статус страны-гегемона, утрачиваемый Соединенными Штатами.
Так как в ходе жесткой конкуренции триада обычно превращается в биполярную конструкцию, наиболее вероятным станет сближение Соединенных Штатов и Японии для противостояния Европейскому Союзу, сближение, основанное как на хозяйственных, так и на (что парадоксально) культурных факторах.
Этот альянс вернет нас к классической модели противоборства державы, которая контролирует море и воздух и имеет поддержку со стороны прежнего гегемона, и сухопутной державы; и в этом случае геополитические и хозяйственные факторы дают основание предсказать в итоге победу Японии.

Каждый член триады будет продолжать укреплять экономические и политические связи с определенными регионами: Соединенные Штаты — со странами Северной и Южной Америки, Япония — с Восточной и Юго-Восточной Азией, Европейский Союз — со странами Восточной и Центральной Европы и бывшего СССР.
Наиболее сложными политическими проблемами в ходе этого геополитического реструктурирования стали бы инкорпорирование Китая в японско-американскую зону, а России -в зону Европейского Союза, причем условия, на которых такое инкорпорирование станет возможным, несомненно, могут быть выработаны.
В рамках такого сценария лет через пятьдесят можно ожидать серьезного обострения отношений между Европейским Союзом и Восточной Азией и, возможно, успеха Восточной Азии. Сможет ли Китай в этих условиях отнять у Японии доминирующую роль в новой структуре, остается неясным» [Валлерстайн 2003. С. 65 - 66].
Наиболее непривычными здесь являются тезисы об утрате статуса страны-гегемона Соединенными Штатами и о конечном переходе лидерства к Японии через ее союз с США. На первый взгляд такая перспектива кажется не слишком вероятной. Однако, если приглядеться внимательнее, многое работает именно на такую перспективу. Во-первых, США имеют серьезные экономические (из-за невыгодных условий финансирования Европой американской экономики, конкуренции доллара и евро и др.) и политические (из-за войны в Ираке, нежелания США считаться с интересами своих европейских партнеров и т.п.) противоречия с Европейским Союзом, но не с Японией. Япония как бы держится в тени Соединенных Штатов, но, в отличие от них, она не портит отношений ни с Европой, ни с исламским миром, ни с Китаем. Во-вторых, «тандем» США — Япония более выгоден Японии, чем Соединенным Штатам, поскольку Япония предоставляет США совершать дорогостоящую военную и политическую экспансию по всему миру, а сама в определенной мере пользуется плодами этой экспансии. В-третьих, Япония вместе с «тиграми»

Юго-Восточной Азии уже превратилась в главный двигатель мировой экономики, в наиболее динамичную ее часть. Медленное, но верное проведение реформ, направленных на повышение эффективности японской экономики, постепенно дает о себе знать. В этих условиях союз Японии с США дает больше выгод и преимуществ Японии, которая использует все ресурсы и возможности такого союза.
Сказанное отнюдь не означает, что между Японией и США вообще нет или не будет никаких противоречий. Эти противоречия есть, но они до поры до времени не афишируются и как бы спрятаны от постороннего наблюдателя. На фоне нарастания общей напряженности в мире, многочисленных конфликтов и столкновений Япония предстает «островком стабильности» в бушующем море. А между тем в мире, по мнению Валлерстайна, постепенно развертывается грандиозная политическая и экономическая борьба, свидетельствующая о нестабильности, современной капиталистической мир-системы.
Отметим, что перспектива грядущей грандиозной политической борьбы как внутри развитых стран, так и на международной арене логически вытекает из мир-системной концепции Валлерстайна, согласно которой «центр» мир-системы в основном включает страны Запада, а «периферия» и «полупериферия» — страны не-Запада. Соответственно изменения мир-системы, которые прогнозирует Валлерстайн в XXI в., предполагают переходный период конфликтов и столкновений между преимущественно западным «центром» и преимущественно незападной «периферией». События 11 сентября 2001 г., операции США и их союзников в Афганистане и в Ираке в определенном смысле можно рассматривать как начало «грандиозной политической борьбы», о которой пишет Валлерстайн. Не менее важным, однако, представляется появление в связи с войной в Ираке признаков политического раскола внутри самого Запада - между США и странами Западной Европы (прежде всего Германией и Францией), внутри Европейского Союза и

даже внутри самих США. Всё это делает глобальный прогноз Валлерстайна в целом актуальным

и содержательным, хотя, разумеется, далеко не полным. Мы еще вернемся к этому прогнозу при рассмотрении глобальных ритмов дифференциации — интеграции, поскольку в нем содержатся важные указания на вероятное усиление в ближайшие десятилетия процессов политической и экономической дифференциации, которое вытекает из анализа глобальных ритмов.

У другого крупного американского исследователя С. Хантингтона можно найти как прогнозы, основанные на его концепции «волн демократии», так и прогнозы, основанные на концепции «столкновения цивилизаций». И в том, и в другом случае Хантингтон рассматривал перспективы глобального политического развития. Несмотря на то что в своей более ранней работе «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991) Хантингтон в целом исходил из несколько модифицированной, но в целом весьма односторонней концепции «демократического транзита» (глава 1, п. 1.6), от него не укрылась волнообразная природа развития демократии, являющаяся частным случаем ритмически-волнообразного развития общества, его политической, экономической, социальной и культурной систем. Поэтому, в частности, его работа не потеряла своего научного и прогностического значения. На фоне царившей в начале 1990-х гг. эйфории (достаточно вспомнить «Конец истории» Ф. Фукуямы) Хантингтон не побоялся спрогнозировать очередной откат демократизации, который неизбежно наступит после «третьей волны» ее подъема и распространения (согласно Хантингтону, первая волна демократизации продолжалась с 1828 по 1926 г., после чего в период 1922—1942 гг. наблюдался ее откат, затем возникла вторая волна демократизации (1942—1962 гг.) с очередным откатом в период 1958—1975 гг. и, наконец с 1974 г. началась третья).

Правда, Хантингтон в начале 1990-х гг. вряд ли мог предвидеть, что реальный откат демократизации в мире начнется уже на рубеже XX—XXI вв. и что одним из источников этого «отката» станет стремление США навязывать свои представления о демократии всем остальным странам и цивилизаци-

ям. На деле же в настоящее время, начиная с конца 1990-х гг., наблюдается новый откат демократии и демократизации, причем не только в развивающихся странах и «новых демократиях», но — по ряду параметров - и в развитых странах, включая США, любящие выставлять себя эталоном демократии. Но глобальная империя, увы, несовместима с полноценной демократией, поскольку «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Используя более общий подход, следует отметить, что сама неизбежность происходящего отката демократизации обусловлена дисфункциями и противоречиями той модели демократии, которая возобладала в ходе «третьей волны» и которую активно насаждают по всему миру Соединенные Штаты.

Анализ предшествующих волн и откатов демократизации позволил Хантингтону сформулировать следующие важные соображения относительно потенциальных причин третьего отката, которые, как показывает политическое развитие в начале XXI в., становятся весьма актуальными: «(1) Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может повредить их легитимности... (2) Если говорить конкретнее, общий международный экономический кризис вроде того, какой случился в 1929—1930гг., может во многих странах лишить демократию легитимности. Великую депрессию 1930-х гг. большинство демократических государств пережили. Но некоторые всё же пали ее жертвой, и вполне может статься, что некоторые демократические государства так же падут жертвой какой-либо похожей экономической катастрофы в будущем. (3) Переход к авторитаризму какой-либо демократической или демократизирующейся великой державы может привести в действие эффект "снежного кома" и вызвать такие же процессы в других странах. Уж конечно, поворот в сторону

авторитаризма в России или Советском Союзе оказал бы самое разрушительное влияние на демократизацию в других советских республиках, Болгарии, Румынии, Югославии и Монголии... А установление авторитарного режима в Индии произвело бы значительный эффект в других странах третьего мира. (4) Даже если не случится возвращения к авто-
210
ритаризму какой-нибудь великой державы, переход нескольких недавно демократизировавшихся стран к диктатуре из-за отсутствия многих необходимых для демократии условий может повредить демократии в других странах, где эти условия достаточно сильны. "Снежный ком" покатится в обратную сторону. (5) Если какое-либо недемократическое государство наберет силу и начнет экспансию за пределы своих границ, это тоже может стимулировать движение в сторону авторитаризма в других странах... В прошлом все крупные державы, достигнув высокого экономического развития, стремились также расширить свою территорию. Если Китай, сохраняя авторитарную систему правления, экономически разовьется в грядущие десятилетия и станет расширять свое влияние и контроль в Восточной Азии, демократические режимы в этом регионе могут значительно ослабнуть. (6) Так же как в 1920-е и 1960-е гг., могут возникнуть различные формы авторитаризма, отвечающие, как будет казаться, нуждам своего времени» [Хантингтон 2003а. С. 312-314].

Здесь необходим небольшой комментарий. Во-первых, Хантингтон прямо указал на возможность глобального экономического кризиса и даже провел аналогию с международным кризисом 1929—1930 гг. и последовавшей великой депрессией. Во-вторых, наблюдаемые с середины 1990-х гг. тенденции перерождения демократии в США в связи с их превращением в глобальную империю и экспансией в различных регионах мира создают благоприятные условия для «ренессанса» псевдодемократических авторитарных режимов. «Экспорт демократии» оборачивается в итоге экспортом различных форм авторитаризма. Примерами псевдодемократических авторитарных режимов могут служить дружественный США режим Мушарафа в Пакистане, полуоккупационный режим в Афганистане, оккупационный режим в Ираке после свержения Хусейна, режим Ющенко в Украине и др. Поэтому пятый пункт рассуждения-прогноза Хантингтона («если какое-либо недемократическое государство наберет силу и начнет экспансию за пределы своих границ, это тоже может стимулировать движение в сторону авторитаризма в других странах») вполне мо-
211
жет быть отнесен к политике США, хотя сам Хантингтон, разумеется, этого не подозревал и никак не имел в виду. В то же время остается вполне вероятной и перспектива территориальной экспансии авторитарного коммунистического Китая.

Далее, говоря о различных формах авторитаризма (авторитарный национализм в странах Восточной Европы, религиозный фундаментализм на Ближнем и Среднем Востоке, олигархический авторитаризм в странах Латинской Америки, популистские диктатуры советского типа, этнический или расовый авторитаризм в странах Азии и Африки), Хантингтон допустил возможность появления новых «современных» форм авторитаризма. «Все эти формы авторитаризма существовали и в прошлом. Но человеку вполне по силам в будущем придумать новые. Может, например, появиться технократическая электронная диктатура, при которой авторитарное правление будет возможно и легитимировано благодаря способности манипулировать информацией, средствами массовой информации и высокоразвитыми средствами коммуникации. Ни об одной из всех этих старых и новых форм авторитаризма нельзя сказать, что она в высшей степени вероятна, но ни об одной также нельзя сказать, что она полностью невозможна» [Хантингтон 2003а. С. 315]. В начале XXI в. можно утверждать, что ростки «технократической электронной диктатуры, при которой правление будет возможно и легитимировано благодаря способности манипулировать информацией, средствами массовой информации», о чем писал Хантингтон в 1991 г., уже существуют в целом ряде развитых и развивающихся стран.

С другой стороны, уже частично рассматривавшийся выше «цивилизационный» прогноз С. Хантингтона (п. 2.3) также исходит из перспективы глобальных изменений мирового порядка. «Под влиянием модернизации глобальная политика сегодня выстраивается по-новому, в соответствии с направлением развития культуры. Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части. Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотив-

шимся на основе общности культуры и цивилизации. Политические границы всё чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными, этническими, религиозными и цивилизаци-онными. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен "холодной войны", и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике» [Хантингтон 20036. С. 185].

Помимо уже приводившегося прогноза Хантингтона о высокой вероятности дестабилизации исламского мира и столкновения отдельных его частей с другими цивилизациями, а также о возможности политической и военной экспансии Китая в первые десятилетия XXI в., обращает внимание следующий вывод американского ученого: «Короче говоря, чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн, стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Несомненно, с этой истиной некоторым государствам, в особенности США, будет трудно смириться. Это *правило воздержания,* когда стержневые страны воздерживаются от вмешательства в конфликты в других цивилизациях, является первым необходимым условием сохранения мира в полицивилизационном, многополюсном мире. Второе условие, *правило совместного посредничества,* состоит в том, что стержневым странам необходимо договариваться между собой с целью сдерживания или прекращения войн по линиям разлома между государствами или группами государств, относящимися к их цивилизациям» [Хантингтон 20036. С. 523]. Принципиально важной идеей, идущей вразрез с широко распространенными на Западе и в России представлениями, кажется также характеристика Хантингтоном самой природы западной цивилизации и ее будущей роли в мире: «Вера в то, что не-западным народам нужно усвоить западные ценности, институты и культуру, аморальна, если подумать о том, что необходимо для реализации такой задачи... Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада. На Западе с

крушением Советского Союза полагают, что их цивилизация достигла беспрецедентного господства, в то время как более слабые азиатские, мусульманские и другие страны начинают набирать силу... Все цивилизации проходят через сходные процессы возникновения, возвышения и упадка. Запад отличается от прочих цивилизаций не тем, как он развивался, а особенным характером своих духовных ценностей и общественных институтов. Среди них наиболее яркими являются западное христианство, плюрализм, индивидуализм и верховенство закона, что позволило Западу создать современный мир, осуществить мировую экспансию и превратиться в объект зависти других стран... Именно они делают западную цивилизацию уникальной, и западная цивилизация ценна не потому, что универсальна, а потому, что действительно уникальна. Следовательно, главная ответственность западных лидеров состоит вовсе не в том, чтобы пытаться изменять другие цивилизации по образу и подобию Запада — что выше его клонящегося к упадку могущества, — но чтобы сохранить, защитить и обновить уникальные качества западной цивилизации. Поскольку Соединенные Штаты Америки — наиболее могущественная страна Запада, то ответственность за это ложится главным образом именно на них» [Хантингтон 20036. С. 511-514].

Следует констатировать, что в настоящее время Соединенные Штаты, да и весь западный мир действуют прямо противоположным образом, совсем не так, как советовал Хантингтон, умудренный опытом бурного XX века. И это является одним из важнейших источников уже

наступающих великих потрясений во всем мире. Слепая вера в западный универсализм, соединенная с безудержным самодовольством и одновременно страхом, превращается на наших глазах в мину замедленного действия, подведенную под здание всех цивилизаций (включая и западную) и угрожающую всему человечеству. Западные лидеры не справляются с той ответственностью, о которой пишет Хантингтон, и это ведет к неуклонному расползанию очагов конфликтов и международного терроризма. Можно лишь уповать на то, что после неизбежных потрясений под давлением более здравых сил в западных обществах

новые лидеры окажутся способными проводить более гибкий и соответствующий реальности политический курс. Но не будет ли тогда уже слишком поздно?

Интересно отметить, что, несмотря на очевидное различие в идейно-политических ориентациях (Валлерстайн тяготеет к «левому» крылу западных интеллектуалов, в то время как Хантингтон является убежденным консерватором), оба исследователя ставят под вопрос неоспоримость политического и экономического доминирования Запада, прогнозируя крупные потрясения, связанные с изменением мирового порядка. В то же время большинство западных авторов, мыслящих в рамках удобных и привычных представлений о «неизбежном» превосходстве Запада, прогнозируют лидерство США и Западной Европы на протяжении всего XXI в. В этом отношении и Валлерстайн, и Хантингтон являются на Западе скорее исключением, чем правилом, однако исключением весьма важным и красноречивым.

3.2. Прогнозы развития процессов глобализации

В отличие от Валлерстайна, Хантингтона и ряда других авторов, которые прогнозируют драматические столкновения и глобальные кризисы, связанные с переходом к новому мировому порядку, в отечественной и зарубежной литературе широко распространены прогнозы глобального развития, основанные на постепенном, эволюционном ходе изменений. В качестве одного из характерных примеров такого рода рассмотрим «умеренно-оптимистический» вариант прогноза развития глобализации, принадлежащий российскому экономисту А.Б. Веберу. Основные положения этого прогноза выглядят следующим образом:

«1) Как технологический и экономический процесс, глобальная интеграция необратима, ее нельзя отменить или остановить. Это значит, что процессы глобализации будут продолжаться, хотя, возможно, и не столь бурными темпами, как в последние 10—15 лет. Влияние глобализации на внутреннее положение втянутых в нее стран будет возрастать, сопровож-

даясь, в частности, и негативными эффектами, связанными, например, с проблемами иммиграции, межэтнических противоречий и т.п.

2) Экономическое возвышение Китая и ряда других крупных государств, обострение международной конкуренции и борьбы за доступ к ресурсам будет способствовать повышению роли региональных интеграционных объединений, а также, возможно, усилению протекционистских или даже изоляционистских тенденций как со стороны ведущих промышленных государств, так и других стран, заинтересованных прежде всего в развитии внутреннего рынка.

3) Явное и неявное сопротивление политике неолиберальной глобализации на данном историческом этапе будет усиливаться. По-видимому, транснациональным корпорациям и международным финансовым организациям придется в ближайшее время иметь дело с дальнейшей активизацией протест-ных движений как леводемократического, так и ультраправого, националистического толка.

4) Западные государства и международные финансовые организации вынуждены будут в большей мере учитывать интересы других стран, вовлекаемых в глобализационные процессы...

5) В результате сопротивления "культурной среды", действий противников неолиберализма и изменений в управленческой политике корпораций глобализационные процессы будут в большей мере приобретать форму, отражающую местные особенности, обычаи и традиции...

6) Глобальное неравенство сохранится, но постепенно будет расширяться круг стран, в пределах которого разрыв по доходам и по доступности элементарных жизненных благ стабилизируется или станет уменьшаться в результате более действенных мер по

сокращению нищеты и создания для менее развитых стран возможностей более эффективного использования технического прогресса, а также вследствие завершения демографического перехода — стабилизации численности населения...
7) Ввиду угрозы экологических катастроф и истощения невозобновляемых природных ресурсов сохранится актуаль-
216
ность принципа устойчивого развития, более того, она будет возрастать, эта задача будет становиться всё более настоятельной... Механизм достижения целей устойчивого развития должен быть запущен в этом столетии — большего времени человечеству не дано.
8) Создавая всё более плотную сеть мировых взаимосвязей и взаимозависимости обществ, глобализация повысит шансы кооперативной системы международной безопасности и стабильности, опирающейся на поддержку США, Китая, Европейского союза, России, других крупных держав. Это позволит удерживать под контролем конфликтные ситуации и угрозы, избегать перерастания конфликтов в крупномасштабную войну с применением оружия массового уничтожения. Можно ожидать становления более действенной институциональной системы управления глобальными процессами — прежде всего в сфере финансовой деятельности, экономической и экологической безопасности, борьбы с нищетой, СПИДом и т.п.» [Вебер2002. С. 58-60].
Мы остановились столь подробно на прогнозе А.Б. Вебера главным образом потому, что он является типичным в ряду множества сходных прогнозов, основанных на линейной экстраполяции наблюдаемых в настоящее время тенденций глобального развития. Очевидно, что глобальный прогноз А.Б. Вебера исходит из постепенных, эволюционных изменений, причем скорее количественных («влияние будет возрастать», «будет способствовать повышению роли», «будет усиливаться», «иметь дело с дальнейшей активизацией», «в большей мере учитывать», «постепенно будет расширяться круг стран», «становление более действенной системы глобального управления» и т.п.), чем качественных. Принципиально новые тенденции или повороты в глобальном развитии в приведенном прогнозе практически отсутствуют, и это является характерным для прогнозов подобного типа, широко распространенных как в отечественной, так и в западной литературе. Отдавая дань осторожности А.Б. Вебера и других исследователей, склонных к линейной экстраполяции современных тенденций, позволим себе всё же усомниться в возможности подобных плавных и посте-
217
пенных изменений в первые десятилетия XXI в., на которые придутся резкое обострение (вопреки утверждению А.Б. Вебе-ра) демографической ситуации в развивающихся странах, серьезные климатические сдвиги, усиление экономической и военной мощи Китая и вместе с тем нарастание глубоких диспропорций и кризисных явлений в Поднебесной, экономическая и финансовая нестабильность на мировых рынках, превращение международного терроризма в глобальную угрозу, переход от демократии к авторитаризму или хаосу в целом ряде крупных стран мира. Слишком благостными выглядят прогнозы плавного развития глобализации, постепенного изменения глобальной картины мира.
По поводу демографической ситуации в развивающихся и в развитых странах в первой половине XXI в. можно привести, в частности, следующие данные, почерпнутые российским исследователем Ю.В. Шишковым из исследований ООН и других солидных международных организаций. «Хотя пик *темпов* прироста населения Земли (2,04 % в год) был пройден во второй половине 60-х годов прошлого столетия, а пик его *абсолютного прироста* (86 млн человек в год) — в конце 1980-х годов, общая масса населения планеты столь велика, что даже при убывающей фертильности продолжает расти с ускорением. В 2000—2005 гг. среднегодовой его прирост составляет около 75 млн чел., т.е. равен населению Германии... Однако в любом случае демографическое давление на природные ресурсы, на экологию в целом и сопряженные с этим геоэкономические и геополитические *кризисы от перенаселенности Земли* будут нарастать еще около полустолетия, прежде чем этот пресс начнет ослабевать... Трудность предстоящего испытания усугубляется тем, что в силу различий в

темпах роста населения развитых и развивающихся стран в течение предстоящих полутора веков произойдут существенные сдвиги в географическом распределении населения Земли. Доля нынешних ведущих индустриальных и постиндустриальных регионов (Европы и Северной Америки) снизится по среднему сценарию с 18 % в 2000 г. до 9 % в 2150 г.; доли Латинской Америки и Индии сохранятся почти в нынешних пределах; доля Китая уменьшит-
218
ся более чем на 40 %, а остальной части Азии — несколько возрастет. А вот удельный вес африканцев в мировом населении может удвоиться и достичь 24 %...
В таких условиях нельзя исключать того, что мировое лидерство может переместиться с Запада на Восток, а точнее — в Юго-Восточную Азию (Японию и ближайшие к ней новые индустриальные страны), либо в Индию, которая уже сегодня становится одной из ведущих стран в области программного обеспечения компьютерных технологий, либо, наконец, в Китай. Вопрос в том, когда и каким образом будет происходить эта возможная смена мирового авангарда. Будет ли она носить характер мягкого перенесения центра тяжести из одного региона планеты в другой или же породит соперничество и напряженность между прежним и новым лидером? На эти вопросы пока нет ответов» [Шишков 2002. С. 67—73].
Еще более жесткий и пессимистический прогноз вытекает из концепции глобализации М.Г. Делягина. В своей работе «Мировой кризис: Общая теория глобализации» Делягин исходит из внутренней противоречивости и несбалансированности процессов экономической и финансовой глобализации, которые ведут к кризису глобализации в ее нынешнем виде. Согласно Делягину, мировой лидер глобализации — США экспортируют нестабильность и глобальную неустойчивость по всему миру. Истоки этой нестабильности лежат в самой социальной организации американского общества, расколотого по этническим, социальным и ценностным признакам: «Сегодняшние США давно уже перестали быть "плавильным котлом" наций. Не только жесткие этнические, но и невероятно четкие социальные границы придают американскому обществу кастовость, объективно делающую его прогресс односторонним и в конечном счете тормозящую всё его развитие» [Делягин 2003. С. 376]. Поэтому США должны постоянно прибегать к внешней экспансии как средству сплотить и мобилизовать разрозненную нацию. Так, характеризуя американскую внутреннюю и внешнюю политику после террористических актов 11 сентября 2001 г., Делягин, в частности, писал: «Однако главным результатом теракта 11 сентября 2001 года стало не про-
219
сто восстановление единства американского общества, но и его долговременное цементирование непреходящей и неопределенной (и оттого еще более эффективной) внешней угрозой. Оно было мобилизовано при помощи постоянной угрозы — и, соответственно, постоянной сверхзадачи. Неопределенность врага сделала его исключительно удобным, так как создала возможность его произвольного назначения (а то и вовсе конструирования информационными методами) и произвольных манипуляций с ним — от одержания грандиозных (но никогда не окончательных) побед, до возникновения с его стороны новых чудовищных (и вновь мобилизующих и объединяющих общество) угроз» [Делягин 2003. С. 382].
Результаты такой «стратегии управляемых кризисов» в долговременной перспективе, однако, не слишком благоприятны для Соединенных Штатов, поскольку экспорт нестабильности создает такие мировые проблемы, которые оказывают негативное влияние на сами США. «Таким образом, стратегия экспорта нестабильности при длительном применении не только дискредитирует США, но и подрывает свою собственную эффективность, так как создаваемые США зоны нестабильности за их пределами начинают оказывать всё большее дестабилизирующее воздействие и на них самих. В частности, смягчая и отдаляя внешние проявления кризиса американской экономики, стратегия экспорта нестабильности дестабилизирует весь мир и объективно обостряет общемировые проблемы, от которых, просто в силу своих масштабов и ключевой роли, страдают и сами США. В полном объеме ограниченность и даже исчерпанность стратегии экспорта нестабильности проявилась в период после болезненной коррекции фондового рынка в апреле 2000 года, знаменовавшей собой крах "новой экономики", построенной, как

оказалось, на перепроизводстве ожиданий» [Делягин 2003. С. 393].
В связи с этим Делягин приводит прогнозы американских и российских специалистов относительно нарастания угрозы целостности и единству американского общества: «Американские специалисты конца 90-х годов, учитывающие этот фактор, называли в качестве периода наибольшей опасности дезинтегра-

ции США 2008—2015 годы. Современные российские аналитики с учетом теракта 11 сентября 2001 года, повысившего общественное единство США, относят этот период на поколение — примерно на 2020-2025 год» [Делягин 2003. С. 380].
Можно спорить с Делягиным, с «американскими специалистами» или «современными российскими аналитиками» по поводу остроты грядущих кризисов в США и во всем мире. Однако нельзя отмахнуться от глубокого структурного кризиса развитых экономик и информационного «кризиса перепроизводства», на которые указывает Делягин. «Вместе с тем структурный кризис имеет и главную, фундаментальную причину, общую для самых различных стран и отраслей: резкий, непредставимый для неподготовленного человека рост эффективности информационных технологий, связанный с переходом крупнейшей экономики мира — США — на постиндустриальную, информационную модель развития. Этот рост эффективности привел к **классическому "кризису перепроизводства" информационных услуг,** понимаемых в широком смысле слова, — не только коммуникаций и исследований, но и создания и поддержания соответствующих ожиданий и, более того, соответствующего образа мыслей и типа сознания. В этом смысле информационное перепроизводство — это "перепроизводство ожиданий" и, более широко, "перепроизводство представлений"... Именно в этом взрывообразном увеличении предложения заключается наиболее глубокая причина системного, структурного кризиса, охватившего экономики развитых стран и мировую экономику в целом. При всей специфике в основе его лежит обычный кризис перепроизводства, традиционный для смены доминирующих типов технологий. Расширение глобальных и национальных рынков не успевает за ростом информационного предложения отнюдь не только из-за чрезмерной быстроты последнего, но и вследствие сдерживания увеличения спроса на информационные услуги двумя серьезнейшими факторами: барьером благосостояния и культурным барьером» [Делягин 2003. С. 543-544].
По поводу последнего фактора, сдерживающего увеличение глобального спроса на информационные услуги, — куль-

туры и культурного барьера — следует поговорить особо. Тема культуры, ее перспектив и ее роли в глобальном развитии чрезвычайно важна и требует самого пристального внимания. Если барьер благосостояния в ближайшие десятилетия в какой-то мере можно преодолеть за счет повышения уровня жизни населения бедных стран и снижения цен на продукцию информационных отраслей и информационные услуги, то культурный барьер вряд ли по-настоящему преодолим. В этом смысле дело обстоит иначе, чем в случае развития автомобильной промышленности в 1920-е — 1940-е гг., которое также натолкнулось не только на барьер благосостояния, но и на культурный барьер. Тот культурный барьер, связанный с отсутствием технических навыков и традиций в большинстве обществ, удалось после 1940-х гг. довольно легко преодолеть. Это произошло за счет широкого распространения идеологии техницизма, представлений о комфорте и скорости передвижения. Однако в случае распространения продукции информационных технологий дело обстоит иначе. Несмотря на быстрое первоначальное распространение персональных компьютеров, Интернета, мобильных телефонов со встроенной сложной техникой и т.п., их реальное использование подавляющим большинством потребителей не превышает нескольких процентов от их технических возможностей. Так, персональные компьютеры используются большинством молодежи в основном для компьютерных игр. Сложная техника неизбежно, в силу существующих

культурных стереотипов, используется примитивно и односторонне. Более того, первоначальное быстрое распространение информационной техники существенно замедляется из-за быстрого насыщения рынков. Большинство людей не только не успевают ориентироваться в море сложной и постоянно усложняющейся техники, требующей постоянного обслуживания специалистами, но и не хотят этого. Распространение современной техники тормозится как относительно низким образовательным уровнем современного массового человека, так и нестыковкой этой техники с реальными человеческими потребностями.

Но главное заключается даже не в этом. Если форма информационных услуг в какой-то мере воспринимается или

способна восприниматься в будущем людьми разных культур и цивилизаций, то содержание большей части передаваемой информации может восприниматься лишь людьми, принадлежащими к западной и, желательно, к англосаксонской культуре. Об этом, в частности, свидетельствует крылатая фраза, описывающая суть сложившейся ситуации: «CNN останавливается там, где с легкостью проходит "Форд"». И дело отнюдь не только в разных языках, хотя и языковые барьеры играют немалую роль в ограничении распространения информации и информационных услуг. Дело в том, что «технологии пропаганды и даже обработки информации, разработанные для одной цивилизационной парадигмы, в рамках другой могут либо не восприниматься в принципе, либо восприниматься совершенно по-другому (из-за чего, например, пропагандистские усилия могут обернуться своей противоположностью)» [Делягин 2003. С. 545].

Культура, вернее, многообразие и богатство культур, таким образом, становится препятствием на пути развития информационных технологий. «Культурный барьер, попросту не ощущаемый относительно примитивными индустриальными технологиями, оказывается роковым для сверхэффективных информационных технологий и особенно для технологий формирования сознания» [Делягин 2003. С. 545]. Более того, культура (вернее, многообразие культур) становится ограничителем и самой глобализации с ее тенденциями унификации и синкретизма: «...Мы можем синтезировать знание отцов церкви и великих мыслителей Индии, но не христианский опыт первых и индуистский опыт вторых; мы можем объединить всё, кроме основ. Наша культура складывается, таким образом, не из примиренных культур прошлого, но из непримиримых их частей» [Мальро 1989. С. 255].

Какой же вывод отсюда делают связанные с информационными технологиями и услугами транснациональные корпорации, которые наделе давно уже являются, по словам М.Г. Делягина, глобальными монополиями? Этот вывод прост: если культура и культурное разнообразие мешают, то надо их уничтожить, унифицировать. И это делается не только путем ин-

формационной экспансии, но и военным путем. Однако насильственно сломать прежнюю культуру можно, а вот создать новую, даже относительно примитивную — нет. «Культура создается веками», поэтому все попытки создать за пару десятилетий новую, удобную для глобальных информационных монополий унифицированную псевдокультуру на деле оборачиваются разрушением культуры. Но, как известно, разрушение многообразия во всех сферах природной и общественной жизни в итоге ведет к прекращению развития, толкает к деградации и резкому упрощению всей природной или социально-исторической системы. «Упрощение» культуры, «упрощение» человека реально грозит их вырождением, и признаки этого вырождения уже наблюдаются.

В этом состоит трагизм и чрезвычайная опасность нынешней глобальной ситуации. Многие культуры, включая российскую, европейскую и даже американскую, испытывают глубокий кризис из-за напора «технологий формирования сознания», из-за попыток унифицировать, упростить все культуры, убрав из них всё мешающее информационной унификации. Но культуры сопротивляются, не желая унифицироваться и упрощаться. Исход этого ключевого

противостояния Культуры, подразумевающей сохранение и развитие культурного разнообразия, и Антикультуры, подразумевающей унификацию и примитивизацию человека, неизвестен. Многое решается именно сейчас, в начале XXI века, и многое зависит от каждого отдельного человека, от его способности развивать в себе творческое начало, сопротивляясь превращению в сытого, послушного робота. Если высокая культура с ее поисками и прозрениями исчезнет полностью, ее уже не удастся возродить: человечество потеряет критерии различения истины и лжи, прекрасного и безобразного, нравственного и безнравственного. И кончится всё это массовым вырождением человека. Поэтому так важно сохранить, хотя бы на индивидуальном уровне, «элементы» высокой культуры прошлого и попытаться возродить их на новой основе.

Возвращаясь к прогнозам М.Г. Делягина, еще раз обратим внимание на высокую вероятность мирового экономического

кризиса, вытекающую из одностороннего развития процессов глобализации и связанного с этим перепроизводства информационных услуг. При этом Делягин справедливо предупреждает о неадекватности попыток во всех событиях видеть начало глобального кризиса. Мировой кризис должен вызреть. «Попытки скоропалительно "назначить" на "должность" глобального катаклизма каждую трагедию — то 11 сентября 2001 года, то войну в Афганистане, то агрессию США в Ираке — не оправданы. Глобальный кризис еще не созрел, он еще только разворачивается, и мы, находясь в его начале, не можем предвидеть пути и тем более механизмы его разрешения.

Сегодня можно лишь предположить, что, как и 70 лет назад, гроза с наибольшей вероятностью придет из наиболее развитой технологически страны мира — США. Возможно, она, как это было показано выше, окажется связана с развернувшейся после весны 2000 года корректировкой их фондового рынка после некоего подобия эры prosperity конца 20-х годов XX века.

Точные прогнозы всё еще неуместны.

Нам остается лишь надеяться, что лидеры человечества (к которым больше уже не относится наша страна), как и 70 лет назад, увидят надвигающийся кризис первыми и сообщат о нем остальным устами своих стратегов и городских сумасшедших» [Делягин 2003. С. 553].

С приведенными соображениями Делягина относительно необходимой осторожности при определении начала грядущего глобального кризиса в основном можно согласиться, но последняя фраза вызывает некоторое недоумение. Во-первых, страны, относившиеся к лидерам человечества 70 лет назад (наша страна и тогда к ним не относилась), сообщили о мировом кризисе, начавшемся в США в 1929 г., «устами своих стратегов и городских сумасшедших», но это ни к чему хорошему не привело. Эти «лидеры человечества» (США, Великобритания, Франция), ответственные и за чудовищный Версальский договор, и за возникший после эры «prosperity» мировой кризис, сделали всё возможное и невозможное, чтобы переложить его бремя на самые неблагополучные страны — Германию, Японию, Китай,

СССР и стравить их между собой. Если и сейчас США постоянно перелагают свои экономические проблемы на плечи европейцев и всех остальных народов, экспортируя свою внутреннюю нестабильность, то нетрудно догадаться, как они поведут себя, когда глобальный кризис наконец разразится. Китай будут натравливать на Россию, Россию — на Китай, США будут бряцать оружием, оккупировать страны Ближнего Востока и совершать всевозможные провокации. В такой ситуации России и большинству других стран надо не надеяться на «стратегов и городских сумасшедших», а рассчитывать прежде всего на свои собственные силы. Впрочем, и внутри России «лидеры человечества» будут использовать в своих интересах отечественных «стратегов» и «городских сумасшедших». Основной вопрос состоит не в том, когда «лидеры человечества» соизволят сообщить всем о наступлении глобального кризиса, а в том, хватит ли у России сил не поддаться сильнейшему нажиму со стороны этих «лидеров человечества» и не втянуться в чужую игру в качестве пешки, как это уже не раз бывало в российской истории (например, в период Первой мировой войны). Иными словами, России необходимо любой ценой

удержаться от участия в военных авантюрах в союзе с «лидерами человечества» или против них, — поскольку любые авантюры такого рода будут для России самоубийственными.

Следует также отметить, что, хотя само наступление глобального структурного кризиса будет признано большинством специалистов и рядовых граждан лишь после крупного финансового и экономического краха, его истоки, как следует из логики Делягина, наделе связаны с глубоким кризисом культуры и кризисом внутреннего мира человека, вызванным использованием новых информационных технологий для манипулирования сознанием. Иными словами, грядущий экономический кризис, как, впрочем, и его предшественники, станет очередным проявлением более глубокого и всеобъемлющего кризиса, связанного с характером использования новейших технологий в современном капиталистическом обществе. Однако на сей раз речь идет о защите внутреннего мира человека от посягательств манипуляторов сознанием, от попыток превратить человека в

производящего и потребляющего биоробота, лишенного подлинной культуры, самостоятельного мышления, не способного отличать прекрасное от безобразного, истинное — от ложного, нравственное — от безнравственного. Поэтому грядущий глобальный кризис может стать поворотным в развитии человека: либо человек преодолеет «болезни цивилизации», «болезни роста» новых технологий и найдет новые, менее разрушительные для себя способы использования новых технических средств, либо он потеряет свою человеческую природу.

Согласно Делягину, единственный выход из глобального структурного кризиса состоит в массовом использовании так называемых «закрывающих» (т.е. заменяющих собой целые существующие отрасли производства) технологий, развитие и распространение которых сдерживается глобальными монополиями. «Единственным выходом из современного структурного кризиса является распространение "закрывающих" технологий, — но не сознательно направляемое кем-либо, а стихийное, медленное, напоминающее просачивание через преграды, воздвигаемые глобальными монополиями, и в силу своей медленности незаметное и в каждый отдельный момент незначительное. Распространение этих технологий начнется с отдельных случаев их скрытого, неафишируемого распространения среди средних компаний, в первую очередь наиболее сильных экономически неразвитых стран... Первоначально указанные технологии начнут распространяться в недрах соответствующих глобальных монополий — основных, чтобы не сказать единственных, субъектов современной истории. Они вынуждены будут обращаться к "закрывающим" технологиям по отдельности, не признаваясь в этом даже собственным сотрудникам, вынужденно, под давлением мирового экономического кризиса всё более явной ограниченности спроса...

В целом описанный процесс может занять долгие годы. Он будет идти неравномерно в различных отраслях и странах... Произойдет определенное перераспределение богатств в пользу неразвитых сегодня стран, которые смогут упрочить свое положение и получить новые реальные шансы на технологический и социальный прогресс и в конечном счете — на

развитие. Зияющий технологически обусловленный разрыв между различными группами стран будет снижен, богатство и, что значительно более важно, возможности будут распределены более равномерно. Соответственно человечество, несмотря на сохраняющиеся этноцивилизационные различия, станет более единым» [Делягин 2003. С. 565 - 567].

Такой сценарий мирового развития в перспективе возможен, но его осуществление невероятно без стимулирующего воздействия мирового экономического кризиса. И в этом заключается смысл предстоящего кризиса: только после его наступления глобальные монополии, возможно, начнут действовать не только деструктивным, но и

конструктивным образом. Очевидно, однако, что до той поры, пока глобальные монополии начнут развивать действительно революционные «закрывающие» технологии, произойдет огромное количество событий, в том числе весьма тяжелых. Как показывает опыт предшествующего исторического развития, включая опыт великой депрессии 1930-х гг., на который ссылается Делягин, правительства и монополии стремятся сделать всё кроме того, чтобы найти действительное и долговременное решение тех проблем, которые стоят перед обществом, цивилизацией и всем человечеством. И только после невероятных жертв, растраты огромных ресурсов, кровопролитных войн и социальных потрясений, когда всё балансирует на краю пропасти, правящие круги под нажимом пробудившегося от спячки общества начинают, наконец, руководствоваться не только своими корыстными сиюминутными интересами, но и более долговременными интересами широких слоев населения. К сожалению, слишком многое свидетельствует о том, что и в ближайшие десятилетия глобальная экономическая и политическая ситуация будет развиваться аналогичным образом.

3.3. Другие прогнозы глобального развития

Среди других прогнозов глобального развития обращают на себя внимание прогностические элементы, содержащиеся в концепциях крупного российского ученого-экономиста ака-

демика Д.С. Львова и специалиста по международным отношениям В.Ф. Ли. Академик Львов, в частности, рассмотрел характер функционирования современной глобальной финансовой системы. В условиях современной глобализации лишь незначительная часть мировой финансовой системы (не более 10—15 %) связана с реальным производством и товарооборотом, в то время как остальная часть денежного капитала переключена на спекулятивное биржевое обогащение финансово-экономической элиты развитых стран, оперирующей к тому же не столько реальными, сколько виртуальными деньгами. «Мировая финансовая система превратилась по существу в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран "золотого миллиарда"... Опасность разрастания этой финансовой чумы XX века становится всё более очевидной. Если ее не остановить, то, как предсказывают прогрессивные мыслители современности, она может разразиться в глобальный мировой кризис XXI века» [Львов 2001. С. 15].

Отметим, что мировая финансовая система безусловно обладает значительной эластичностью и опирается на различные страховочные механизмы, резервные фонды и т.п. С этим обстоятельством и связана уверенность многих либеральных и неолиберальных экономистов, что повторение «великой депрессии» 1930-х гг. при современном состоянии мировой экономики и мировых финансов невозможно. В связи с этим их не пугает ни отделение основной части денежного капитала от реального производства и реального товарооборота, ни «виртуализация» денег. Однако любой крупный сбой в этой системе наделе чреват глобальными последствиями для всей мировой экономики, и кризисные явления в одной сфере или в одной стране, в силу эффекта «снежного кома», могут начать распространяться по всему миру. При этом отдельные кризисные явления (вроде экономического кризиса 2000—2002 гг. в США) еще не достаточны для вызревания глобального финансового и экономического кризиса; для этого необходимо так-

же, чтобы американская экономика «надорвалась» под бременем военных и других расходов, чтобы в нее перестали верить инвесторы. Поэтому все усилия идеологов и функционеров глобального неолиберализма направлены на то, чтобы не допустить «кризиса ожиданий», т.е. до самого последнего момента пропагандировать миф о «вечном» процветании американской экономики, о выгодности вложений денег в нее и

т.п. Насколько эти усилия бескорыстны и насколько они соответствуют действительному положению вещей, судить читателю.

Д.С. Львов, как и ряд других (в том числе западных) авторов, поставил правильный диагноз болезни мировой финансовой системы, но дело в том, что эта болезнь, эта «чума» давно уже считается нормой. Доказать и показать всем, что это всё же болезнь, а не норма, может только «глобальный мировой кризис XXI века»; трагизм ситуации состоит в необходимости глобального кризиса для признания болезни болезнью и последующего ее лечения. Очевидно, что до тех пор, пока болезнь будет признаваться «нормой» и, более того, «последним словом экономического прогресса», надежды на излечение беспочвенны. Разумеется, это обстоятельство нисколько не умаляет заслуг наиболее прозорливых и совестливых мыслителей, специалистов, ученых, которые не боятся сказать правду уже сегодня и, вопреки всем препятствиям и существующим либерально-цензурным ограничениям, пытаются образумить общество и власть имущих. Но, как мы знаем из всего предшествующего исторического опыта, дело это крайне неблагодарное и опасное: общество недовольно тем, что его осмеливаются оторвать от привычной суеты, а власть имущие в лучшем случае затыкают уши, а в худшем — просто уничтожают того, кто пытается предупредить о гибельности избранного ими пути.

Из других прогностических суждений Львова обращает на себя внимание его прогноз о неизбежности крупных конфликтов и столкновений, основанный на том, что за столкновением этносов и цивилизаций на деле стоят прежде всего глобальные социально-экономические противоречия. «Политика социальной деградации, оттеснения большей части

трудоспособного населения на периферию мировой цивилизации заведомо обречена на провал. Она будет выступать мощным очагом возникновения всё новых социальных конфликтов, региональных столкновений и локальных войн, которые при достижении определенной критической массы могут превратиться в глобальное противостояние между странами и народами мира» [Львов 2001. С. 14]. Действительно, экономическая глобализация, втянувшая, наконец, практически все страны и народы в мировую капиталистическую систему, сделала их зависимыми от ее спроса на рабочую силу, от ее технического развития и конъюнктуры. Но при этом значительная часть рабочей силы и в странах «Севера», и особенно в странах «Юга» остается невостребованной, «лишней». Это относится отнюдь не только к пожилым людям, но и к молодежи, не только к необразованным слоям населения, но и к интеллигенции, интеллектуалам, квалифицированным работникам. Отсюда и проистекает «политика социальной деградации», которая проводится не только в России и других государствах на постсоветском пространстве, но и в странах Европы, в США, в странах Азии, Латинской Америки и Африки. Во многом повторяется ситуация, описанная в не потерявшей своей актуальности книге К. Поланьи «Великая трансформация»: если общество не может защитить себя от проводимой капиталом политики социальной деградации, то горе этому обществу.

В этой связи следует коротко остановиться на вопросе о судьбе национального государства (точнее, нации-государства) и проводимой им социальной и экономической политики. Как известно, существует точка зрения, что в эпоху глобализации значение нации-государства резко снижается, а многие его функции начинают выполнять транснациональные корпорации, региональные, международные и наднациональные организации (см., например: [Obmae 1995]). Наделе нации-государства не столько утрачивают свои функции, сколько видоизменяют и модифицируют их. Однако угроза утраты нацией-государством контроля над экономической и социальной политикой в условиях глобализации действитель-

но возрастает. Поэтому обоснованными представляются следующие суждения

специалиста по международному прогнозированию В.Ф. Ли: «Необходимо особо отметить здесь, что только национально-суверенная государственная власть обладает реальным потенциалом, который позволяет проводить глубокие структурные реформы, преобразование национального рынка, предпринимать ключевые защитительные акции, причем нередко вопреки некоторым излишне жестким императивам глобализации. Только национальное государство способно эффективно применять необходимые процедуры по защите своего народного хозяйства, амортизировать негативные последствия мировых и региональных кризисов, регулировать внешнеэкономические связи... Другими словами, в условиях крайне асимметричных вызовов глобализации, как об этом убедительно свидетельствует опыт "мирового Юга", государство представляет единственный и, возможно, последний бастион национально-суверенного развития. Только оно в состоянии наиболее эффективно отражать деструктивные последствия глобализации, направляя их в русло оптимальной амортизации» [Ли 2002. С. 142—143].

Отсюда вытекает вывод, что попытки разрушить нации-государства и элиминировать их социально-экономические функции сопряжены с тяжелейшими социальными, экономическими и политическими последствиями, с социальной и культурной деградацией целых народов и обществ. Разумеется, понимание этого обстоятельства нисколько не уменьшит стремления глобальных монополий и их рекламно-информационной обслуги разрушать все общества и культуры, но оно должно мобилизовать все силы самосохранения в обществах, подвергающихся натиску глобализации и глобальных монополий. Если, например, российское государство под натиском глобальных монополий и собственного коррумпированного чиновничества стремится «сбросить» с себя все социальные и суверенно-экономические функции, окончательно разрушить под видом «реформ» культуру, образование, науку, здравоохранение, семью и др., то все силы российского общества должны быть мобилизованы для противодействия такой полити-

ке, для изменения и подлинного реформирования этого государства. В противном случае и без того тяжелая ситуация в России усугубится до такой степени, что произойдет полный разрыв самой ткани общества и культуры, распад государства или его деградация.

Имеет также смысл коротко остановиться на прогнозе глобального развития, который вытекает из концепции экономической истории канадского исследователя А. Г. Франка. В результате объективного и многостороннего анализа мирового экономического развития в средние века Франк пришел к выводу, что центр мировой экономики в X—XVIII вв. находился не в Европе, а в Азии, точнее в Китае и Индии. В противоположность доминирующей до сих пор европоцентристской точке зрения на экономическую историю Франк показал, что роль Европы в мировой экономике вплоть до начала XIX в. была подчиненной по отношению к роли азиатских экономик. Критикуя взгляды Ростоу, Джонса, Броделя, Вал-лерстайна и других западных историков, Франк, в частности, писал: «Тщательное изучение мировой истории показывает, что эти и другие европейские историки не правы и их европоцентристская теория не имеет никаких исторических оснований. Наоборот, существовавшая долгое время мировая экономика и "мировая система", с ее международным разделением труда и торговли, расширилась и углубилась за этот длительный период преимущественно азиатской экспансии. Правда, различные секторы и регионы занимали, как обычно, разные места в этой системе накопления, производства, обмена и потребления — de facto, в зависимости от "серебряного стандарта"... Китай был крупнейшим "резервуаром", где скапливалось серебро, ибо эта страна с ее самой высокой производительностью и соревновательностью притягивала к себе деньги подобно магниту. Здесь, как и повсюду, приток денег генерировал рост платежеспособного спроса производства и потребления, а это влияло на увеличение народонаселения» [Франк 2002. С. 199].

Согласно Франку, великие географические открытия, включая открытие Америки, формирование «протестантской

233
этики» и экспансию европейцев по всему миру, отнюдь не сразу сделали Западную Европу центром тяжести мирового экономического развития. «В конце концов Европа заняла какое-то место в мировой экономике — после трехвековых усилий, направленных на то, чтобы заниматься бизнесом в Азии (после 1500 г.), и более ранних попыток добраться до богатств Востока с помощью крестовых походов и т.д. Причины начавшегося после 1800 г. "расцвета Запада" и "упадка Востока" можно и должно объяснить с точки зрения мировой экономики и демографии. Комбинация демографического и микро-, макроэкономического анализа подтверждает демографические изменения и рост уровня производства, которые и привели к тому, что Азия и Европа "поменялись местами" в мировой экономической системе между 1750 и 1850 гг.» [Франк 2002. С. 201].
Отсюда, по Франку, вытекает относительная кратковременность экономического доминирования Западной Европы и Запада в целом, которое продлилось около двух веков (примерно с 1800 по 2000 г.). Азия в лице Японии, «тигров» Юго-Восточной Азии и Китая берет «реванш», и центр тяжести мировой экономики перемещается обратно с Запада на Восток. Критикуя концепции Ф. Фукуямы, Б. Барбера, Р. Каплана, Р. Кейгана и других западных авторов, возвещающих незыблемость доминирования Запада в XXI в., Франк прогнозирует в недалеком будущем новое экономическое и политическое возвышение Азии: «Вышеупомянутые авторы пускают в ход европоцентристскую теорию в качестве идеологической "легитимизации" своих сеющих распри пророчеств... Интеллектуальные корни этого лежат в игнорировании или отрицании единой мировой истории, в которой Азия играла главную роль... На самом деле у этой теории нет никакого фундамента в реальности, ибо мировая история возвращается на круги своя, к своему первичному центру — Азии. В XIX в. "гегемония" сместилась в западном направлении — в Европу и Северную Америку, в XXI в. она, похоже, вернется к исходной точке, обогнув Земной шар» [Франк 2002. С. 202].
234
Справедливости ради, следует заметить, что концепцию А.Г. Франка и вытекающие из нее прогнозы разделяют далеко не все авторы, и она в определенной мере считается «экзотикой» в море западной научной и публицистической литературы, утверждающей «вечное» экономическое и политическое превосходство Запада над Востоком. Однако в истории научной и философской мысли «экзотика» не раз становилась истиной. К тому же исторический анализ в целом подтверждает правоту Франка: Азия на протяжении последних трех тысячелетий действительно была осью мирового экономического развития. Завоевания Александра Македонского и римские завоевания имели своей целью присвоение богатств Азии. Даже в эпоху Римской империи, в период относительного доминирования Запада, богатства, накапливавшиеся в результате международной торговли, оседали в основном не в Риме, а в Индии и Китае. Точно также завоевания европейцев в XVI—XIX вв. были направлены прежде всего на присвоение азиатских богатств. Такой же в целом остается и глобальная политика США. Но вряд ли Соединенным Штатам в течение долгого времени удастся присваивать себе финансовые средства, накопленные в Японии, странах Юго-Восточной Азии, Китае, Индии и на Ближнем Востоке. Экономический и политический подъем крупнейших стран Азии в долговременной перспективе является необратимым. Недаром Япония, Китай и Индия рассматриваются многими западными специалистами как главные центры экономической и политической мощи в XXI в.
Весьма важным представляется также прогноз долговременного глобального развития, принадлежащий уже цитировавшемуся выше российскому исследователю Ю.В. Шишкову. В отличие от массы западных исследователей и многих российских ученых, увлеченных экономическим «main stream» (основным течением в той или иной области науки), Ю.В. Шишков опирается не на догму о «вечном превосходстве Запада» над Востоком (или «Севера» над «Югом»), а на трезвый анализ фактов и тенденций экономического развития. При этом, однако, в отличие от множества российских и других

исследователей, вы-
235
дающих желаемое за действительное, Ю.В. Шишков основывается на анализе реальных тенденций и не страдает антизападничеством. Тем более важны прогнозы, вытекающие из проделанного Шишковым анализа объективно существующих тенденций, свидетельствующих о постепенном сокращении экономического разрыва между «Севером» и «Югом»

Ю.В. Шишков, в частности, отмечает: «По мере развития на "Юге" промышленности и упрочения рыночных методов хозяйствования темпы экономического роста здесь всё больше опережают темпы промышленно развитых стран. В 80-х и 90-х годах такое опережение приняло устойчивый характер. С 1980 г. по 2000 г. объем промышленного производства в странах "Юга" увеличился в 2,8 раза, тогда как в странах "Севера" — в 1,4 раза, а объем реального ВВП соответственно в 2,4 раза и 1,6 раза... По оценкам экспертов Всемирного банка, на поддержание и развитие своей инфраструктуры (электроэнергетики, шоссейных и железных дорог, телекоммуникации, водоснабжения и коммунальных услуг) развивающиеся страны в первой половине 90-х годов тратили ежегодно в среднем 4 % своего ВВП. Ожидается, что в дальнейшем эти расходы возрастут. На период 2005—2010 гг. у стран с низким уровнем подушевых доходов прогнозируются ежегодные затраты на создание новых инфраструктурных объектов в размере 3,2 % ВВП и на поддержание действующих — еще 3,7 % ВВП. У остальных развивающихся стран — соответственно 2,6 и 2,5 % их ВВП. Это позволит первой группе развивающихся стран в 2005— 2010гг. наращивать инфраструктурные мощности в среднем *на 2,3 % в* год, а второй группе — на 3,5 % (при их росте в развитых странах на 1,4 %)» [Шишков 2004. С. 164, 168].

Отсюда вытекает сложная картина современного экономического развития: «Так складывается многоступенчатая лестница, по которой развивающиеся страны одна задругой взбираются к вершинам глобальной технологической пирамиды, повышая свой экономический и социокультурный уровень и сокращая отрыв от "Севера". Правда, различные страны пользуются такой "лестницей" с разным успехом. Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Китай, Вьетнам сумели удач-
236
но вписаться в современную мировую систему и еще в 80-х годах по темпам роста ВВП на душу населения стали более чем вдвое опережать страны "Севера". В 90-х годах эта группа государств пополнилась Индией, Мьянмой, Чили, Шри-Ланкой, Доминиканской Республикой, Ямайкой и некоторыми другими странами.

За этим эшелоном следует группа стран, которые по темпам роста подушевых доходов опережают мировой авангард от 1,5 до 2 раз. Они достаточно быстро сокращают свой отрыв от головы "колонны". Затем идет эшелон, где подушевые доходы растут в диапазоне от 1 до 1,5 раз быстрее, чем у мирового авангарда. Им удается сокращать отрыв медленнее либо лишь сохранять дистанцию. Четвертый эшелон образуют развивающиеся страны, где подушевые доходы растут медленнее, чем у развитого авангарда, и, следовательно, продолжают отставать от него. Наконец, у наиболее отсталых стран доходы надушу населения продолжают сокращаться. Их удельный вес в общей массе населения "Юга" резко возрос в условиях энергетического и долгового кризисов 80-х годов. В 90-х годах он уменьшился в 2,7 раза, но всё же остается неприемлемо большим» [Шишков 2004. С. 175-176].

Таким образом, вопреки господствующим до сих пор взглядам, значительное число стран «Юга» не отстают от развитых стран «Севера», а постепенно догоняют их. При этом усиливается дифференциация между странами самого «Юга». Значимость этих тенденций трудно переоценить, поскольку они свидетельствуют о том, что «центр» и «полупериферия» капиталистической мир-системы (в терминах И. Валлерстайна) могут расширяться за счет включения стран, принадлежащих не только к западной, но и к другим цивилизациям. Иными словами, барьер между развитыми и развивающимися странами в действительности проницаем и преодолим для незападных стран, а миф об

абсолютной исключительности цивилизации Запада является только мифом. Об этом свидетельствуют и прогностические оценки, сделанные Ю.В. Шишковым на основании описанных тенденций: «Отмеченные выше тенденции свидетельствуют о том, что образовавшийся в XVIII—XX вв. отрыв

индустриального авангарда от мировой аграрной или аграр-но-сырьевой периферии с 80-х годов прошлого столетия начал постепенно сокращаться. Процесс этот в силу многих обстоятельств идет крайне трудно и болезненно, преодолевая множество экономических, технических, политических и психологических препятствий... В условиях быстрого растекания по планете знаний, промышленных сервисных и управленческих технологий, повсеместного вытеснения традиционных укладов и иных докапиталистических экономических отношений капиталистическими социумы, расположенные между головой и хвостом упомянутой "колонны", эшелон за эшелоном подтягиваются к ее авангарду. И по качеству человеческого капитала, и по технико-технологической вооруженности кадров, и по уровню производительности труда и капитала. Нет никаких серьезных оснований опасаться замедления этих закономерных процессов эволюции отставших в свое время социумов. Напротив, как показано выше, следует ожидать их ускорения. В сочетании со снижающимися темпами прироста населения в развивающихся регионах мира это будет означать подтягивание подушевых доходов населения таких регионов к уровню доходов мирового авангарда... Повышение жизненного уровня задержавшихся в своем технико-экономическом и социокультурном развитии социумов, в свою очередь, будет способствовать позитивным сдвигам в их менталитете, общественном строе, в их отношении к другим народам и к окружающей природной среде... В XXI в. расстояние между авангардом и арьергардом глобальной экономики существенно сократится. Голова "колонны" будет разбухать, хвост — укорачиваться и утоньшаться, а сама она, используя известную метафору Н.В. Гоголя, станет всё более напоминать редьку хвостом вниз. Но обратно перестроиться из колонны в шеренгу международное сообщество уже никогда не сможет» [Шишков 2004. С. 177-180].

Шишков оговаривается, что обрисованные им тенденции не относятся к наиболее отсталым странам, в основном располагающимся в Африке южнее Сахары. В 49 таких странах проживает около 10 % всего населения планеты. Однако, как

ни печально, список стран, находящихся в чрезвычайно тяжелом, если не отчаянном положении, может существенно расшириться. Пока что неясна дальнейшая судьба таких стран с переходной экономикой и социально-политической системой, как Россия, Беларусь, Украина, Молдова, Румыния, Казахстан, Армения, Грузия. В этих странах, принадлежащих к бывшим советским республикам или к бывшему «социалистическому лагерю», традиционно весьма сильна государственная бюрократия (точнее, старая и новая номенклатура) и чрезвычайно слабо гражданское общество. В условиях тотальной коррупции, низкой рождаемости и высокой смертности, массовой эмиграции господство обновленной номенклатуры, обладающей властью и собственностью, оборачивается вымиранием населения, лишенного собственности, и разрушением системы образования, здравоохранения, науки и культуры. Кроме того, не следует забывать, что Китай и Индия, демонстрирующие высокие темпы экономического развития, как показывает их многовековая история, отнюдь не застрахованы от неожиданных социальных взрывов, вызванных перенаселением и экологическими катастрофами. Поэтому некоторые оценки и прогнозы Ю.В. Шишкова, несмотря на то что в целом они основаны на реальных тенденциях, на наш взгляд, иногда выглядят чрезмерно оптимистичными. И всё же, повторим, они заслуживают самого серьезного внимания.

Итак, несмотря на существующее разнообразие прогнозов глобального развития, многие из них имеют также и некоторые общие черты. В частности, из приведенных прогнозов Тоффлера, Валлерстайна, Хантингтона, Делягина вытекает, что в первые десятилетия XXI

в. с высокой вероятностью может разразиться мировой экономический и политический кризис. Этот кризис скорее всего породит глобальные геоэкономические, геополитические и геокультурные сдвиги, которые приведут к изменению общей ситуации в мире. Кроме того, разные исследователи указывают на тенденцию перемещения центра мирового экономического развития с Запада на Восток, которая приведет к многочисленным послед-
239
ствиям для всех стран и цивилизаций. Однако сама эта тенденция является частью более долговременных «мегатрендов» исторического развития, включающих периодическое перемещение центра мирового экономического и политического развития. Анализу некоторых из этих мегатрендов посвящена глава 4.

Часть II
РИТМЫ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Глава 4
ГЛОБАЛЬНЫЕ РИТМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ - ИНТЕГРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

4.1. Общее представление о ритмах глобального развития. Длинные волны дифференциации — интеграции

Понятие ритмов мирового, глобального развития (в отличие от ритмов местных, локальных изменений) еще далеко не утвердилось ни в глобалистике, ни в теориях мировой экономики, мировой политики и международных отношений, ни в международном прогнозировании. Тем не менее после работ таких исследователей, как Н.Д. Кондратьев, И. Шумпетер, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А.М. Шлезингер, после множества исследований, посвященных кондратьевским циклам мировой конъюнктуры, длинным волнам в политике и экономике, «вековым» трендам, большим периодам мировой истории, влиянию глобальных климатических циклов на историческое развитие и т.п., игнорировать наличие ритмов глобального развития в истории человечества было бы по меньшей мере неплодотворно. Подобно всем остальным сторонам развития человека и общества, глобальное политическое, экономическое, социальное и культурное развитие носит во многом «импульсный», пульсирующий, ритмический характер, который определяется периодическим изменением природных и социальных условий, сменой парадигм, мировоззрения, культурных образцов, упадком прежних и возвышением новых госу-
242
дарств и цивилизаций. Иными словами, наряду с поступательной («прогрессивной») составляющей в глобальном развитии присутствует и колебательная, ритмическая («циклически-волновая») составляющая. Учет этой последней составляющей является необходимым условием сколько-нибудь адекватного прогнозирования мирового, глобального развития.

Принять это положение мешают прежде всего распространенные представления об исключительно поступательном, прогрессивном характере глобального развитии человека и общества, свойственные современной технической цивилизации с ее

пренебрежительным отношением ко всему прошлому опыту человечества, с ее самодовольным ощущением своего превосходства и своей исключительности. При этом идеологов непрерывного научно-технического и социального прогресса нисколько не смущает то обстоятельство, что само развитие науки и техники носит ритмический характер и происходит импульсами, в результате периодической смены доминирующей научной парадигмы [Кун 1977], периодических научно-технических, технологических революций [Perez-Perez 1984; Глазьев 1993], периодических социальных сдвигов, политических реформ и переворотов [Шлезингер 1992; Поляков 1994]. Узкий, «прогрессивно-технократический» взгляд на глобальное развитие человека и общества в прошлом и настоящем ведет к неверной оценке перспектив, к провалам в стратегии политического, экономического и социального развития, чреватым в эпоху глобализации крупными катастрофами, затрагивающими не только отдельные страны, но и весь мир. Эти провалы и катастрофы уже налицо, и если не изменятся подходы к пониманию самого характера глобального развития и его перспектив, то человечеству угрожают величайшие и серьезнейшие потрясения.

В первую очередь это касается понимания разнообразных ритмов исторического развития и выявления грядущих критических точек, моментов перелома в экономическом, социальном и политическом развитии. В нашу задачу, однако, не входит рассмотрение и анализ всех описанных в литературе ритмов мирового развития; мы остановимся здесь на ритмах

самой глобализации, точнее, на длинных и сверхдлинных ритмах дифференциации — интеграции, которые прослеживаются в истории и в современности. Внимание к этим ритмам связано в первую очередь с их значением для долгосрочного прогнозирования мирового развития в XXI в.

Начать следует с длинных ритмов (волн) дифференциации — интеграции, которые отчетливо прослеживаются на протяжении последних двух - трех веков. Если ограничиться периодом становления и развития индустриального общества, то можно выделить следующие четко выраженные волны относительного усиления интеграции («глобализации»): 1750-е -1810-е гг., 1870-1914 гг., 1970-е - 2000-е гг. - и чередующиеся с ними волны относительного ослабления интеграции (усиления глобальной экономической и политической дифференциации): 1810-е - 1870-е гг., 1914-1970 гг. и, возможно, 2010-е - 2020-е гг. Действительно, во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. вся Европа (включая Россию) во многих отношениях была единой, образованные классы говорили на одном (французском) языке, все европейские монархи составляли одну «семью», которую не мог разрушить даже «выскочка» Наполеон. В Азии, Африке и Америке господствовали Британская империя, Франция, Испания и Португалия, а Китайская империя пребывала в благостном ощущении своего единства, мощи и презрения к европейским «варварам». Иными словами, мир был поделен между несколькими гигантами и в целом стабилен. Однако ситуация резко изменилась после наполеоновских войн. В период 1810-х - 1870-х гг., когда началось бурное формирование национальных государств (наций-государств) в США, Германии, Италии, странах Латинской Америки и др., произошло резкое усиление национализма, и прежний «концерт европейских держав» во многом распался. Россия перессорилась с Австрией, Францией и Великобританией. Англия и Франция нанесли поражение России в Крымской войне, Франция нанесла поражение Австрии в австро-франко-сардинской войне, Пруссия - Австрии и Франции. Китайская империя в результате «опиумных войн» перестала пребывать в

благостном упоении своим величием и испытала великие потрясения в ходе восстания тайпинов, направленного против вторжения европейцев. В Латинской Америке еще в 1820-е гг. рухнуло испанское владычество, и образовался ряд формально независимых государств. В США в 1860-е гг. разразилась гражданская война между Севером и Югом. Однако в 1870-е гг. глобальная ситуация в мире вновь изменилась. В результате до-

минирования политики «империализма» мир снова оказался поделенным между десятком крупных держав-империй, интернациональные картели контролировали большую часть мировой экономики: интеграция, глобализация и взаимозависимость снова усилились. После Первой мировой войны прежний мировой порядок распался, из него выпала сначала Россия, затем Италия, Япония, Германия и многие другие страны; начались почти непрерывные военные столкновения за передел мира. С 1914 по 1970 г. в результате двух мировых войн, великой депрессии, великих революций, распада колониальных систем и «холодной войны» весь мир радикально изменился. В эту эпоху в мире доминировала политическая и экономическая дифференциация, связанная с распадом почти всех прежних империй, экономической нестабильностью и военными столкновениями. После 1970 г. по мере ослабления «холодной войны», бурного развития транснациональных корпораций, технологических успехов Запада и нарастания внутреннего кризиса в СССР постепенно возникали условия для современной глобализации. Период 1990-х гг., наступивший после распада Варшавского пакта, а затем и СССР, знаменовал собой наивысшее развитие интеграционных процессов во всем мире. При этом, в отличие от прежних эпох, современные процессы экономической и политической интеграции основаны не на господстве нескольких империй, а на доминировании одной сверхдержавы, являющейся нетрадиционной мировой империей, — США; в то же время множество формально независимых государств в экономическом и политическом отношении оказались тесно привязаны к государству-лидеру (США) и к нескольким наиболее развитым государствам мира (ФРГ, Великобритании,

Японии). Однако после 2000г., наряду с продолжением интеграционных процессов, постепенно усиливается общая экономическая и политическая нестабильность в мире, свидетельствующая о приближении новой фазы доминирования процессов культурной, политической и экономической дифференциации. Очевидно, что описанное чередование коротких волн дифференциации — интеграции не отменяет общей тенденции к усилению интеграции и глобализации и происходит на фоне этой тенденции. Здесь, как и при анализе любых социальных процессов, необходимо выделять наряду с поступательной также и колебательную (циклически-волновую) составляющую социальной динамики. В качестве подтверждения описанных колебаний (чередования волн относительного усиления дифференциации и относительного усиления интеграции) можно привести хотя бы следующую констатацию И. Валлерстайна: «В том, что сейчас называется "глобализацией", нет ничего нового. Это просто естественный способ функционирования капиталистической мир-системы... Если вышеизложенное утверждение правильно, то нет доказательств того, что сегодня мир-экономика "глобализирована" больше, чем в более ранние периоды, в первую очередь в период между 1873 и 1914 гг.». Вместе с тем из приведенных слов Валлерстайна не следует, что глобализация за последние 100—150 лет не развивалась; просто период 1873—1914гг. действительно соответствовал взлету процессов глобальной интеграции, за которым последовали относительный спад и новый взлет. Подтверждением этого являются количественные оценки волн глобальной экономической интеграции, приведенные в работе Л.М. Синце-рова [Синцеров 2000. С. 56—64]. Согласно Синцерову, первая волна глобальной интеграции, запущенная промышленной революцией, охватила период 1846—1914 гг. и сформировалась на базе английской машинной индустрии, а также достижений в развитии морского и железнодорожного транспорта. После 1914 г. начался «период дезинтеграции» (1914—1946 гг.), за которым последовал период медленного восстановления международного обмена, длившийся до 1970-х гг. Только с 1980-х гг. отчетливо проявилась новая волна глобальной ин-

теграции, в ходе которой вывоз капитала из развитых стран (3,3 % от ВВП) впервые превысил соответствующий показатель 1913 г. Таким образом, некоторые важные

количественные показатели глобальной интеграции достигли уровня 1913г. лишь к концу XX в.

Ответ на вопрос о причинах и факторах возникновения этих волн интеграции — дифференциации достаточно сложен. Некоторый свет может пролить анализ ситуации, складывающейся в мире в ситуации наивысшего подъема интеграции, например, накануне 1914 г. К 1914 г. весь мир был поделен между 13 империями, внутренний рынок которых был ограничен, что и вынуждало их к непрерывной экспансии вовне, к борьбе за передел мира. Экономическое и политическое развитие в прежних имперских формах вело в тупик, к мировой войне. Тем самым было продемонстрировано, что далеко зашедшее одностороннее развитие процессов интеграции при резком отставании процессов дифференциации, являющихся необходимыми для развития внутреннего рынка, конкуренции, технологического обновления, политической и социальной модернизации, чревато глубоким кризисом и сильнейшими потрясениями. Понадобились две мировые войны, которые привели к распаду прежних империй и к новой политической и экономической дифференциации мира, чтобы произошло существенное обновление социальных институтов, а также переход к более динамичной и гибкой социальной структуре. Это дало новые ресурсы и открыло новые возможности для развития глобализации.

Современная глобализация, связанная с доминированием новой волны интеграции, разумеется, во многом отличается от глобализации конца XIX — начала XX в., причем не только в количественном, но и в качественном плане. Однако и ее ресурсы отнюдь не безграничны. Технологическая, политическая, информационная унификация мира, уменьшение его культурного и социального разнообразия таит в себе угрозу фактической монополии немногих транснациональных корпораций, немногих кланов политической и информационной элиты при одновременном замедлении технологического об-

новления, выпадении огромных масс людей из политической и экономической жизни, резком нарастании диспропорций между различными регионами мира, постепенном культурном одичании и интеллектуальной деградации всех слоев общества, глобальном распространении коррупции, криминальных структур, терроризма. Начавшиеся потрясения во всем мире свидетельствуют о нестабильности сложившегося мирового порядка и будут нарастать до тех пор, пока не удастся предложить и реализовать принципиально новые решения для возникающих и обостряющихся проблем. Что же касается вытекающих отсюда прогнозов, то следует обратить внимание на то, что после каждой волны интеграции следуют достаточно крупные политические и военные потрясения (наполеоновские войны, революции и реакция в Европе после волны интеграции второй половины XVIII — начала XIX в., Первая мировая война и революция в России после «империалистической» волны интеграции 1870—1914 гг.). По-видимому, не станет исключением и период 2010—2020 гг., когда скорее всего произойдет переход к новой волне дифференциации. В повышенной вероятности крупных политических и военных потрясений в ближайшие десятилетия и состоит одна из главных опасностей, с которыми может столкнуться мир в первой четверти XXI в.

4.2. Сверхдлинные глобальные волны дифференциации — интеграции и их прогностическое значение

Помимо описанных выше длинных волн существуют и так называемые «сверхдлинные» глобальные волны дифференциации — интеграции. Подобные сверхдлинные ритмы выявляются в результате структурирования глобальной истории, выделения в ней крупных периодов, соответствующих доминированию определенных экономических укладов, политических институтов, форм социальной и культурной жизни. В научной литературе имеется немало косвенных указаний на существование сверхдлинных волн исторического развития протяженностью около полутысячи лет, причем началу и концу каждой

их этих волн соответствуют крупнейшие исторические сдвиги и переломы. Речь идет, в частности, о переломах, наблюдаемых в первые века и в середине каждого тысячелетия. Российский исследователь А. Неклесса, например, отмечал: «История имеет внутренний ритм. Причем ее длинные волны иной раз удивительно точно совпадают с границами миллениумов или значимых их частей (половин), обладающих собственной картографией исторического пространства и времени. Первый такой рубеж в истории новой цивилизации, обозначивший конец эры Pax Romana, относится к V—VI вв. — времени крушения Западной Римской империи и начала Великого переселения народов. Предыдущий fin de millennium и начало второго тысячелетия — также весьма непростой рубеж в истории цивилизации... Распавшийся незадолго до рубежа тысячелетий земной круг империи Каролингов был в последующем частично заменен более локальным универсализмом Священной Римской империи германской нации. В начале второго тысячелетия Византийская империя, кажется, достигшая к этому моменту пика своего могущества ("золотой век" Македонской династии), сталкивается с новой и, как показало будущее, смертельной угрозой — турками-сельджуками, вступая на путь утраты земного могущества, балканизации и нисхождения в историческое небытие... Середина второго тысячелетия — также значимый рубеж в истории цивилизации. Это время зарождения современного мира, т.е. мира Модерна (Modernity), формирования новой социальной, политической, экономической, культурной семантики миропорядка. В тот период произошла смена вех, утвердился новый, гуманистически ориентированный мир, где падший человек становился " мерой всех вещей "... Одновременно это было время крушения остатков Восточной Римской империи (1453) и выхода на подмостки истории иного спутника западноевропейской цивилизации — Нового Света (1492)» [Неклесса 2001. С. 129-130].

Сходным образом при обсуждении проблем многофакторной периодизации всемирной истории западный исследователь П. Стерна пришел к необходимости выделения периодов продолжительностью около тысячи лет (500 г. до н.э. — 500 г. н.э.

и 500—1500гг. н.э.): «Между 500г. до н.э. и 500г. н.э. полностью оформился первый период Всемирной истории как противоположный периоду формирования и экспансии цивилизации. В течение этого периода системы верований стали более разработанными, а их выраженность в культуре более многосторонней, и в некоторых случаях, таких как Индия и Средиземноморье, развивалась тенденция монотеизма. По мере расширения торговой деятельности устанавливались структуры господства и зависимости и в Средиземноморье, и в еще большей степени в Индийском океане. Основанное на коммерции, культурное влияние Индии было особенно сильным, хотя также должно быть отмечено проникновение египетско-средиземноморского влияния на область Верхнего Нила и греко-римское воздействие на Западную Европу.

Затем последовало тысячелетие, оказывавшееся особым вызовом в преподавании мировой истории и обретающее особую яркость благодаря схеме многофакторной периодизации. Есть возможность связать этот период 500— 1500 гг. н.э. с предшествующим периодом, рассматривая в едином материале формативную эволюцию традиций великих цивилизаций и связанный с этим расцвет аграрного общества... Период, простирающийся с VI по XIVили XVв., отмеченный и в начале, и в конце продолжительными центральноазиатскими нашествиями, имеет как содержательный, так и педагогический смысл» [Стерна 2001.С. 165-166].

Анализ глобальной истории показывает, что при всем своеобразии развития различных регионов мира само это развитие в значительной мере синхронизировано и описывается масштабными тысячелетними ритмами («циклами»), состоящими из двух волн, продолжительность каждой из которых составляет около 500 лет. Первая волна каждого тысячелетнего ритма означает доминирование процессов политической, экономической и

социальной дифференциации («децентрализации»), а следующая за ней вторая волна — доминирование процессов интеграции («централизации»). При этом описанные выше точки, приходящиеся на середину и на начало очередного тысячелетия, соответствуют не началу, а *пику,* апофе-

250

озу данной волны. Так, середина I тыс. до н.э. (500 г. до н.э.), середина I тыс. н.э. (500 г. н.э.) и середина II тыс. н.э. (около 1500 г.) соответствуют пикам глобальных процессов дифференциации (децентрализации, распада мировых империй, полицентризма), а рубеж I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. (около 1 г. н.э.), рубеж I и II тыс. н.э. (1000 г.), рубеж II и III тыс. н.э. (2000 г.) соответствуют пикам глобальных процессов интеграции (централизации, усиления мировых империй, глобализации, моноцентризма). Границы же сверхдлинных глобальных волн дифференциации — интеграции, основываясь на эмпирическом анализе исторического материала, можно определить следующим образом [Пантин 2003].

Таблица 2

	Волна дифференциации	**Волна интеграции**
I Античный цикл (VIII в. до н.э. — II в. н.э.)	**VIII— IV вв. до н.э. (пик VI— V вв. до н.э.)**	**III в. до н.э. — II в. н.э. (пик I в. до н.э. — I в. н.э.)**
II Средневековый цикл (III-XIII вв. н.э.)	**III-VII вв. н.э. (пик V— VI вв. н.э.)**	**VIII-XIII вв. н.э. (пик IX— X вв. н.э.)**
III Цикл Нового времени (XTV-XXI(XXII)BB.)	**XIV-XVIII вв. (nmcXV-XVlBB.)**	**XIX-XXI (XXII) вв.**

Каждый цикл протяженностью около тысячи лет состоит из сверхдлинной волны дифференциации длительностью около пятисот лет и сверхдлинной волны интеграции также длительностью около пятисот лет (сокращение волны интеграции в третьем цикле до двух с половиной — трех веков, по-видимому, связано с общим ускорением процессов социального, экономического и политического развития). Отметим, что эмпирически выделенные таким образом циклы описывают не только процессы образования и распада мировых империй, не только процессы экономической и политической интеграции —

251

дезинтеграции, но и эволюцию глобальной экономической системы, а также эволюцию политических институтов и форм социальной организации. Чередование протяженных исторических волн дифференциации и интеграции определяется прежде всего периодической сменой доминирующих в данном глобальном историческом цикле форм экономической, социальной, культурной и политической организации. В каждом цикле дифференциации — интеграции происходит зарождение, развитие, распространение и исчерпание определенного способа производства, соответствующего определенному типу взаимодействия человека и природы, а также связанных с ним социальных, политических, культурных форм и институтов. При этом в ходе глобальной волны дифференциации новый способ производства и новые формы социально-политической и культурной организации зарождаются и развиваются первоначально локально, а в ходе последующей глобальной волны интеграции этот способ и эти формы получают максимальное (по сути глобальное) распространение вплоть до своего исчерпания и деградации.

Для первого глобального цикла дифференциации — интеграции таким способом производства стал античный (рабовладельческий) способ, возникший вместе с полисной социальной и политической организацией, а также вместе с уникальной античной культурой; для второго цикла — феодально-крепостнический (в том числе государственно-крепостнический) способ производства, возникший вместе с сословной социальной организацией и теократической монархией (или деспотией) в политике, а

также вместе со средневековой христианской, исламской и индуистской культурой; для третьего цикла — капиталистический способ производства, возникший вместе с классовой социальной организацией, политической организацией в виде нации-государства и буржуазной культурой Нового времени. При этом заметим, что вопрос о «первичности» или «вто-ричности» форм экономической, социальной, политической и культурной жизни, о разделении этих форм на «базис» и «надстройку» — проблема, которой столько внимания уделял вульгаризированный марксизм-ленинизм, является во многом на-
252
думанной: в действительности имеет место **соответствие** определенных исторических форм социальной и политической жизни существующим в данный период формам экономической жизни, включая доминирующий способ производства.

В результате масштабного и глубокого кризиса, который всегда предшествует наступлению сверхдлинной волны дифференциации, открывающей новый глобальный цикл, возникает и формируется новый способ производства, новый способ взаимодействия человека и природы вместе с новой социальной и политической организацией. Открывается новый цикл глобального развития волной дифференциации потому, что для возникновения нового в экономике, политике, культуре и социальной сфере всякий раз необходимо разнообразие и наличие многих центров развития (полицентризм); это разнообразие и этот полицентризм могут возникнуть только в условиях дифференциации, децентрализации, распада прежних мировых империй и появления возможностей для свободной конкуренции и поиска новых форм жизни. Кроме того, для появления нового нужна дезинтеграция прежних экономических, социальных, политических и культурных форм, которая происходит в ходе крушения доминировавших ранее империй и универсальных государств. Поэтому возникновение феодально-крепостнической и сословно-монархической организации (III-VII вв. н.э.) сопровождалось крушением Хань-ской империи в Китае, Западной Римской империи в Средиземноморье и империи Гупт в Индии - трех великих империй, на которых держался порядок античного мира, а возникновение капиталистической организации общественной жизни (XIV-XVIII вв.) сопровождалось крушением Арабского халифата, Сунской империи в Китае, Византийской империи и Монгольской державы, на которых держался средневековый мировой порядок.

В то же время новые формы экономической, социальной, политической и культурной организации, возникшие в результате конкуренции, которая была обеспечена полицентризмом, и утвердившиеся локально в ходе сверхдлинной глобальной волны дифференциации, стремятся к расширению, распрост-
253
ранению и экспансии, реализуя свой универсалистский потенциал. Для такого распространения наиболее эффективной оказывается интеграция ранее раздробленных политических и экономических образований, этносов и цивилизаций, сопровождающаяся масштабной социальной и культурной интеграцией. Такая интеграция, как правило, достигается путем образования нескольких крупных «сверхимперий» или «универсальных государств», внутри которых и между которыми происходит быстрое распространение возникших в предшествующую эпоху дифференциации форм общественной организации. Именно распространение этих новых экономических, политических, культурных и социальных форм является «скрытой пружиной» образования великих мировых империй и универсальных государств. Так, в ходе сверхдлинной волны интеграции третьего цикла, которая началась на рубеже XVIII—XIX вв. и продолжается до сих пор, капиталистические формы общественной организации сначала распространялись в рамках необъятной Британской империи (занимавшей около 40 % земной поверхности) и еще нескольких крупных империй, а сейчас распространяются в рамках глобализированного Pax Americana, по сути представляющего собой новую, хотя и нетрадиционную мировую (глобальную) империю с центром в США. Однако по мере исчерпания возможностей для развития распространяющихся форм общественной организации внутри великих империй

начинается глубокий социальный и экономический кризис, который в конце концов приводит их к падению под ударами извне и изнутри. Не является исключением и Pax Americana, кризис которого уже начался и будет развиваться дальше.

Важно также подчеркнуть, что описанные ритмы (циклы) глобального развития в целом соответствуют трем важнейшим периодам мировой истории. Первый цикл (VIII в. до н.э. — II в. н.э.) в основном соответствует античному периоду, причем рубеж IV—III вв. до н.э. между волной дифференциации и волной интеграции отделяет эпоху расцвета полисов Древней Греции от эпохи эллинистических государств и господства Рима. Второй цикл (III в. н.э. — XIII в. н.э.) в целом соответствует

периоду упадка античности и средним векам, причем рубеж VII—VIII вв. н.э., разделяющий две волны этого цикла, отделяет эпоху раннего средневековья от эпохи зрелого и позднего средневековья. Третий цикл (с XIV в. по настоящее время) соответствует эпохе Возрождения и Новому времени, а рубеж XVIII—XIX вв. разделяет эпохи доиндустриального и индустриального капитализма.

Более того, внутри каждой из описанных сверхдлинных волн дифференциации и волн интеграции можно выделить три фазы, соответствующие разному состоянию мирового порядка, причем смена этих фаз всякий раз является закономерной [Пантин 2003. С. 235—244]. Так, внутри каждой из сверхдлинных волн интеграции можно выделить три фазы. Первая фаза — это фаза доминирования мировой империи или ряда империй, возникших в самом конце предшествующей волны дифференциации. Продолжительность этой фазы составляет 150—200 лет. Для волны интеграции античного цикла этой фазе соответствует период между 300 и 150 гг. до н.э., когда в Средиземноморье доминировали эллинистические государства — наследники державы Александра Македонского, в Китае утверждалась гегемония империи Цинь, а затем пришедшей ей на смену Хань-ской империи, в Индии возникла империя Маурьев. Конец этой фазы отмечен почти синхронным рядом событий: завоеванием Македонии Римом, концом независимости греков, постепенным ослаблением и началом распада крупнейшего эллинистического государства — державы Селевкидов, разрушением Карфагена, распадом империи Маурьев в Индии. Для волны интеграции средневекового цикла — это период между 700 и 900 гг. н.э., для которого характерно доминирование Арабского халифата, империи Каролингов в Западной Европе и Танской империи в Китае; в конце этой фазы происходит распад всех этих империй. Наконец, для волны интеграции цикла нового времени эта фаза соответствует периоду между 1800 и 1945 гг., когда в мире доминировали британская и в меньшей мере французская колониальные империи.

Вторая фаза сверхдлинной волны интеграции, соответствующая наивысшему развитию экономической и политической

глобализации в мире, представляет собой период восходящего развития и первоначального доминирования нового гегемона (или нескольких государств-гегемонов). В этой фазе продолжительностью около 100—150 лет на мировую политическую арену стремительно выходит новая «сверхдержава», немало позаимствовавшая у своего предшественника. Для волны интеграции античного цикла таким новым гегемоном явилась Римская держава, ставшая наследником державы Селевкидов и других эллинистических государств: первый период утверждения Рима в качестве мировой «сверхдержавы» соответствует периоду между 150 г. до н.э. и первыми десятилетиями новой эры, когда в Риме еще сохранялись республиканские принципы управления. На этот же период приходится правление династии Старшая Хань в Китае. Интересно отметить, что окончательный переход от республики к империи в Риме при правлении пасынка Октавиана Августа Тиберия (14-37 гг. н.э.), переход от Старшей Хань к Младшей Хань в Китае (17—25 гг. н.э.) и образование Кушанской империи в Центральной Азии, в состав которой вскоре вошла значительная часть Индии (15— 45 гг. н.э.), произошли практически одновременно, знаменуя переход от второй к третьей фазе античной волны интеграции. Для волны интеграции средневекового цикла вторая фаза соответствует периоду

между 900 и 1050 гг., когда доминирование Арабского халифата сменилось доминированием Византии, в Западной Европе доминирование империи Каролингов сменил ось доминированием ее прямой наследницы — Священной Римской империи, а в Китае вместо Танской утвердилась Сунская империя (во всех этих случаях новый гегемон многое позаимствовал у старого). Наконец, для волны интеграции цикла Нового времени вторая фаза — это период между 1945 г. и первыми десятилетиями XXI в., когда новым гегемоном в мире стали США, немало позаимствовавшие у прежнего гегемона — Великобритании. В то же время из-за отмеченного выше общего ускорения развития продолжительность второй фазы в современном цикле сократилась почти вдвое, и наступление XXI в. уже отмечено началом серьезных и глубоких изменений и в США, и во всем «глобализированном» мире.

Третья фаза сверхдлинной волны интеграции включает нисходящую «ветвь» развития утвердившегося во второй фазе государства-гегемона (или нескольких государств-гегемонов) с постепенным нарастанием внутреннего кризиса и последующей утратой доминирования. Для античной волны интеграции это был период между первыми десятилетиями новой эры и началом III в. н.э., когда Римская империя после достижения пика своего могущества обнаружила явные признаки глубокого внутреннего кризиса; то же самое относится к империи Хань в Китае и к Кушанской империи в Средней Азии и Северной Индии, которые распались уже в конце II — начале III в. н.э. Для средневековой волны интеграции третья фаза — это период между 1050 и 1300гг. В этот период происходил упадок Византии в Малой Азии и Юго-Восточной Европе, Священной Римской империи в Западной Европе и империи Сун в Китае; параллельно с этим выдвигались новые державы — Монгольская империя и империя турок-сельджуков. Наконец, в случае современной волны интеграции эта, пока еще не наступившая фаза скорее всего начнется с 2010-х гг., а ее продолжительность (если учесть ускорение общественного развития) может составить от 50 до 100 лет. По-видимому, это будет период нарастания внутреннего кризиса в США и выдвижения новых лидеров — скорее всего азиатских государств.

Выделенные таким образом сверхдлинные ритмы (волны) дифференциации — интеграции дают возможность определить некоторые важные тенденции глобальной истории, которые обычно рассматривают как случайные или необъяснимые процессы. Одной из таких важных «сквозных» тенденций, проходящих через века и тысячелетия, является чередование доминирования Востока и Запада при переходе от одного глобального цикла дифференциации - интеграции к другому. Действительно, для первого античного (VIII в. до н.э. — II в. н.э.) цикла дифференциации — интеграции (в отличие от предыдущего цикла (XVIII—IX вв. до н.э.), который здесь не рассматривается) в целом было характерно культурное, экономическое, политическое и военное доминирование Запада в лице полисов Древней Греции, эллинистических государств и Рим-

ской державы; Китай и Индия, игравшие немалую экономическую и культурную роль, в эту эпоху всё же располагались «на краю Ойкумены», на периферии тогдашнего цивилизованного мира, центром которого были Средиземноморье и Ближний Восток. Для второго (средневекового) цикла дифференциации - интеграции (III-XIII вв. н.э.), напротив, в целом было характерно культурное, экономическое, политическое и военное доминирование Востока — Византийской империи, Арабского халифата, Китая и Монгольской державы, которые составляли центр тогдашнего мира и контролировали важнейшие торговые пути. Напомним в этой связи, что античное культурное наследие средневековая Европа получила через арабов и Византию, что в военном отношении до XIII в. арабы и монголы не знали себе равных, что в экономическом отношении страны Востока были гораздо богаче Европы, которая была экономической и политической периферией тогдашнего мира. Для третьего цикла дифференциации — интеграции Нового времени (XIV—XXI или XXII вв.) характерно культурное, экономическое, политическое и военное доминирование стран Запада — сначала различных государств Западной Европы, затем США. Однако уже сейчас появляются явные признаки будущего доминирования

стран Востока — в лице Японии и «тигров» Юго-Восточной Азии, Китая, Индии — доминирования, которое скорее всего реализуется в полной мере в следующем, четвертом цикле дифференциации — интеграции (этот четвертый глобальный цикл из-за общего ускорения общественного развития может начаться уже во второй половине XXI в. или в первой половине XXII в.). Не случайно многие авторы уже сейчас рассматривают Китай, Японию, Индию как главные державы XXI века [Kennedy 1989; Frank 1998; Неклесса 2001].

При этом важно отметить, что поворот к доминированию Востока (или, соответственно, к доминированию Запада) происходит постепенно и как бы в два этапа. На первом этапе, совпадающем с волной дифференциации, происходит поворот самого вектора развития — с Востока на Запад (в античном цикле—в эпоху VIII—IV вв. до н.э., когда центр международной политики и культуры переместился из Ассириии и Вавилона в

Грецию; в цикле Нового времени — в эпоху XIV—XVIII вв., когда центр международной политики и экономики переместился с Ближнего Востока, из Китая и Индии в Западную Европу) или с Запада на Восток (в средневековом цикле — в эпоху III— VII вв. н.э., когда центр международной политики, экономики и культуры переместился из Западной Римской империи в Восточную (Византию) и на Ближний Восток; в будущем цикле - начиная с середины XXI в., когда центр международной политики, экономики и культуры скорее всего переместится из США и Европы в Юго-Восточную Азию, Индию и Китай). На втором этапе, совпадающем с волной интеграции, доминирование, лишь наметившееся на предыдущем этапе, получает свое полное развитие: в античном цикле это эпоха III в. до н.э. — II в. н.э., когда доминирование Запада в лице эллинистических государств и Римской державы было несомненным; в средневековом цикле это эпоха VIII—XIII вв., когда доминирование Востока в лице Арабского халифата, Византии, Китая, Монгольской империи было столь же полным; в цикле Нового времени это эпоха XVIII—XXI вв., когда доминирование Западной Европы и США представляется полным и «окончательным». Однако никакое доминирование не является вечным, и приближается новая эпоха поворота вектора мирового развития.

Очевидно, что «европоцентризм» и «западоцентризм», преобладающий в современной исторической, экономической и политической науке, с точки зрения глобальной истории, не является сколько-нибудь адекватным и правомерным. Он базируется лишь на истории последних нескольких столетий, но не учитывает многократные повороты вектора глобального исторического развития и многократные перемещения центра культурного, политического и экономического доминирования с Востока на Запад и обратно — с Запада на Восток. Причины преобладания «западоцентризма» в науке связаны как с узостью мышления, так и с идеологическими причинами, не имеющими ничего общего с истиной. Преодоление «западоцентризма» возможно в рамках глобальной экономической, политической и культурной истории, которая рассматривает

развитие человека и общества в целом, во всем богатстве взаимосвязей, а не с частичных и локальных позиций того или иного «избранного» народа или государства.

Другая «сквозная» тенденция состоит в том, что глобальные волны дифференциации соответствуют периодам бурного расширения мира, вовлечения в развивающееся международное сообщество новых регионов, территорий и народов, а глобальные волны интеграции в основном соответствуют периодам экономического, политического и культурного освоения уже вовлеченных регионов и территорий. Действительно, волна дифференциации античного цикла VIII—IV вв. до н.э. совпадает с эпохой сначала финикийской (среди путешествий финикийцев следует упомянуть путешествие вокруг Африки из Египта около 600 г. до н.э., путешествие из Карфагена к Британии около 550—500 гг. до н.э. и плавания в Индию), а затем Великой греческой колонизации, результатом которой стало включение в Ойкумену Причерноморья, Италии, Пиренейского

полуострова, а также с вовлечением в «цивилизованный мир» Закавказья (возвышение и распад государства Урарту), Ирана (образование и гибель державы Ахеменидов) и некоторых других регионов. Последующей волне интеграции (III в. до н.э. — II в. н.э.) соответствует главным образом освоение уже втянутых в Ойкумену территорий и народов. Волна дифференциации средневекового цикла (III—VII вв. н.э.) включала Великое переселение народов, вовлечение кельтов, германцев, славян в международное общение, а также включение Аравии, степей Евразии и Балтийского региона в международный рынок. Последующая волна интеграции (VIII—XIII вв.) характеризовалась прежде всего упорядочением и структурированием великого брожения народов, их оседанием и возникновением новых государств. Наконец, в период волны дифференциации цикла Нового времени (XIV—XVIII вв.) произошли великие географические открытия, в орбиту мирового рынка были втянуты Северная и Южная Америка, Центральная и Южная Африка, Север Евразии (Сибирь и российский Дальний Восток), Австралия и Океания. Для последующей волны интеграции (XIX—XXI вв.) было характерно прежде все-

го экономическое и политическое освоение новых территорий, эксплуатация ресурсов всего мира ради накопления капитала и развития технической цивилизации. Любопытно, что в современных условиях относительной перенаселенности мира уже возникают и даже частично реализуются проекты освоения мирового океана, пустынных и трудных для проживания территорий Земли. Однако скорее всего в полной мере подобные проекты будут осуществляться уже в ходе новой глобальной волны дифференциации (открывающей четвертый цикл дифференциации — интеграции), т.е. после середины XXI в.

Еще одна важная «сквозная» тенденция, которую позволяют уловить описанные выше глобальные волны дифференциации — интеграции, состоит в своеобразном чередовании периодов централизации и децентрализации экономической, социальной, политической и культурной жизни в глобальном развитии Запада и Востока. Так, для волны дифференциации античного цикла (VIII—IV вв. до н.э.) было характерно развитие множества полисов и городов-государств, причем не только в Греции или Италии, но и в Малой Азии, Финикии, Индии, Китае. В период последующей волны интеграции (III в. до н.э. — II в.н.э.) наступила централизация политической и экономической жизни, которая в итоге привела к глубокому кризису и распаду великих античных империй. На протяжении волны дифференциации средневекового цикла (III в. — VII в. н.э.) происходили не только распад великих империй античности, но и общая децентрализация политической, социальной, экономической и культурной жизни. Население крупнейшего мегаполиса античности — Рима, превышавшее миллион человек в IV—V вв. н.э., уменьшилось в десятки раз; после нашествия варваров крупные города (за исключением Константинополя и еще нескольких) практически перестали существовать. Подобная децентрализация и делокализация в этот период наблюдалась не только в Средиземноморье, но и на Ближнем Востоке, в Китае и в Индии. Однако с наступлением новой волны интеграции (VIII—XIII вв.) после образования Арабского халифата процессы централизации на Ближнем

Востоке резко интенсифицировались; параллельно они усиливались в Танской и сменившей ее Сунской империи в Китае, в Западной Европе (образование империи Каролингов, а затем Священной Римской империи, усиленный рост европейских городов вXI—XIII вв.), в Новгородской и Киевской Руси — «стране городов» (IX-XII вв.), в Северной Индии. На протяжении последующей волны дифференциации (XIV—XVIII вв.) наблюдалась децентрализация политической и отчасти экономической жизни, которую несколько неточно называют «феодальной раздробленностью» и началом образования национальных государств. Действительно, в XIV—XVIII вв. в Западной Европе происходило ослабление и децентрализация Священной Римской империи; в результате к концу этого периода только на

территории Германии существовало несколько десятков самостоятельных государств и княжеств. Во Франции XIV—XV вв. были временем междоусобиц и Столетней войны, в XVI в. разразились войны между католиками и гугенотами, в XVII в. после кардинала Ришелье наступило время Фронды, и лишь после окончательного воцарения Людовика XIV (1660-е гг.) примерно на 120 лет утвердилась абсолютная централизованная монархия. Вообще XIV—XVIII вв. в Европе и в Северной Америке были временем восстаний, гражданских и междоусобных войн, революций и переворотов. Прежние централизованные империи и в Европе, и в Азии трещали и распадались: на Ближнем Востоке после распада халифата господствовали раздробленность и междоусобицы; с XIII по XVII в. в Китае трижды менялись империи, причем эти смены сопровождались кровопролитными войнами и восстаниями, распадом прежней централизованной экономической и политической системы; в Индии одни нашествия сменяли другие. Даже на Руси, где формировалось единое централизованное государство, в XIV в. происходила ожесточенная борьба между князьями за ханский ярлык, в первой половине XV в. разразилась война за великокняжеский престол (параллельно происходили распад и раздробление Золотой Орды); затем после века централизации при Иване III, Василии III и Иване IV (Грозном) наступил период Смуты и фактического распада государства. Лишь с середины XVII в. в
России окончательно закрепился централизованный самодержавный режим, который при Петре I трансформировался в империю; однако крупные города вместе с бюрократией в России по-настоящему начали развиваться лишь в XIX—XX вв. Наконец, в период новой волны интеграции (XIX — середина XXI в.) в связи с бурным развитием капитализма происходит существенная централизация экономической (формирование монополий и олигополии, затем транснациональных корпораций), социальной (формирование крупных предпринимательских организаций и профсоюзов, бурная урбанизация и рост мегаполисов), политической (формирование общенациональных политических партий, национальных и транснациональных политических организаций) и культурной (развитие культурного и научного обмена, формирование централизованной системы образования, превращение английского языка в язык международного общения, формирование «единого информационного пространства», развитие средств массовой информации и коммуникации и т.п.) жизни. Однако уже сейчас, в начале XXI в., наблюдаются некоторые признаки децентрализации и делокализации, свидетельствующие о приближении новой глобальной волны дифференциации. Среди этих признаков — формирование «сетевых» структур и «сетевого» (а не иерархически организованного централизованного) общества [Castells 2004]; разукрупнение многих промышленных предприятий, развитие системы филиалов и специализированных подразделений в производстве, торговле, на транспорте; уменьшение числа мегаполисов в США и некоторых других развитых странах, рост числа небольших поселков и городков; делокализация управления и делопроизводства с помощью Интернета и др. В то же время следует учитывать, что эти признаки, выражающие тенденции долговременного порядка, в настоящее время — в период еще продолжающейся сверхдлинной волны интеграции - накладываются на присущие этой волне тенденции централизации, бюрократизации, концентрации ресурсов. Подобное наложение различных, разнонаправленных тенденций создает достаточно сложную картину, характерную для переходных эпох и периодов.
262
263
В свете всего сказанного становится ясным значение концепции чередования сверхдлинных волн дифференциации и сверхдлинных волн интеграции для прогнозирования и определения перспектив мирового развития. Так, в ближайшие десятилетия, и особенно с середины XXI в., будут усиливаться тенденции дифференциации и децентрализации (делокализа-ции) в экономической, политической, социальной и культурной сферах; именно децентрализация и делокализация позволят более быстро и более гибко реагировать на постоянно меняющиеся экономические, политические, социальные условия и дадут возможность избегать длительных депрессий и спадов. Параллельно центр мировой экономики и политики будет всё больше перемещаться с

Запада (из США и Европы) на Восток (в Японию, Юго-Восточную Азию, Индию и Китай). Это перемещение не будет плавным и безболезненным; напротив, оно будет сопровождаться значительными потрясениями в экономике, политике и социальной сфере. Рост населения Земли в ближайшие полвека будет угрожать глобальной экологической катастрофой; эта угроза будет стимулировать переход к новым технологиям и альтернативным источникам энергии, а также подталкивать к освоению новых «ниш» жизни и хозяйственной деятельности человека, включая пустынные районы, мировой океан и, возможно, даже космос.

Еще одной, весьма важной тенденцией, которая будет играть определяющую роль в XXI в., является постепенное переструктурирование глобальной системы мировых центров политической и экономической силы, включающее формирование нового делокализованного центра-лидера мирового экономического развития, который располагается в Юго-Восточной Азии и включает Японию, «тигров» Юго-Восточной Азии (Южную Корею, Тайвань, Сингапур, Гонконг), а также, возможно, Таиланд, Малайзию и некоторые другие страны. Поскольку понятие системы мировых центров политической и экономической силы принципиально важно с точки зрения перспектив мирового развития и значимо для последующего изложения, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать его. Система мировых центров политической и экономической силы — это эволюционирующая и усложняющаяся иерархическая система мировых центров и связей между ними. Эта система охватывает модернизирующиеся государства-поли-тии, которые обладают эффективными механизмами мобилизации ресурсов и играют роль ключевых, базисных элементов мирового политического и экономического порядка [Лапкин, Пантин 2004. С. 37—39]. К числу мировых центров политической и экономической силы относятся не просто экономически развитые или крупные страны, а государства, обладающие мощной системой мобилизации ресурсов, способные разрабатывать и внедрять инновации во всех основных областях жизни общества и играющие роль великих держав в мировой политике. В XVII — XVIII вв. центрами-предшественниками были Голландия и Франция, в индустриальную эпоху в систему мировых центров вошли Великобритания, Германия, США, Россия, Япония, Китай, Индия. В известном смысле через систему мировых центров политической и экономической силы реализуются наиболее важные процессы политического и экономического развития, осуществляется мировая политика, распределяются и концентрируются основные ресурсы, происходит политическое и хозяйственное освоение всех регионов мира. В то же время в рамках этой системы присутствуют и элементы «равноположенного» развития и конгломеративной структуры [Богатуров, Виноградов 1999]. Внутри глобальной системы центров существуют сложные взаимоотношения и связи, важнейшими из которых являются отношения *«центр-лидер» — «про-тивоцентр»,* связанные с наличием двух во многих отношениях полярных типов модернизации — более органичного и комплексного, основанного на экономическом и политическом доминировании среднего класса, отделении собственности от власти, развитии демократии и гражданского общества (центр-лидер), и частичного, фрагментарного, основанного на доминировании имперской бюрократии, сращенности собственности и власти, сохранении и воспроизводстве несовременных, имперских политических структур (противоцентр). При этом центр-лидер — это ведущий мировой центр политической и экономической силы, являющийся в данную эпоху

мировым технологическим, организационным, финансовым, политическим и, как правило, военным лидером, задающим соответствующий «образец» модернизации, социально-экономического и политического развития. В XVII — начале XVIII в. таким ведущим центром-лидером была Голландия — по выражению К. Маркса, «образцовая капиталистическая страна» того времени; не случайно в своих преобразованиях Петр I

ориентировался прежде всего на Голландию — тогдашний «образец» модернизации. В то же время на протяжении XVII и в начале XVIII в. постепенно формировался центр-лидер нового типа (Англия, затем Великобритания), по многим характеристикам отличавшийся от Голландии. С начала XVIII в. до середины XX в. роль центра-лидера играла Великобритания, причем эпоху ее лидерства и мировой гегемонии, совпавшую с процессами зарождения крупной промышленности и индустриализации в большинстве будущих мировых центров политической и экономической силы, можно разделить на доиндустриальный (начало XVIII в. — началоXIX в.) и индустриальный (начало ХГХ в. — середина XX в.) периоды. После 1945 г. на смену Великобритании в качестве центра-лидера пришли США, которые, несмотря на культурную, экономическую и политическую близость к Великобритании, в геополитическом и геоэкономическом плане во многом отличались от нее (так, вместо торгово-колони-альной империи, которая была характерна для Голландии и Великобритании, США сформировали нетрадиционное имперское образование в виде целого ряда политических, военных и экономических союзов, где Америка играет ключевую роль). В то же время сейчас в Юго-Восточной Азии начинает формироваться новый центр-лидер (Япония и «тигры»), который уже занимает ведущие позиции в мировой экономике. Для всех центров этого типа, который условно можно назвать англо-американским или «островным», характерно активное участие в мировой океанской торговле, наличие сильного и многочисленного среднего класса, эффективное государство, инновационный тип политической и экономической элиты.

Противоцентр же - это мировой центр политической и экономической силы, являющийся в данную эпоху антагони-

стом центра-лидера и претендующий на мировое политическое господство (гегемонию). Центр-лидер и Противоцентр образуют своеобразную симбиотическую пару мировых центров политической и экономической силы, представляющих в данную эпоху два альтернативных и во многих отношениях полярных типа модернизации. В XVII - начале XVIII в. (ранний модерн) такой парой были Голландия и противостоявшая ей абсолютистская Франция, причем преимущество более совершенной и эффективной системы мобилизации хозяйственных и политических ресурсов Голландии было столь велико, что позволяло ей - довольно небольшому по территории, природным и человеческим ресурсам государству - успешно противостоять величественной и могущественной Франции. Во второй половине XVIII - начале XIX в. центру-лидеру, которым стала Великобритания, снова противостояла королевская и наполеоновская Франция. В конце XIX — начале XX в. новая держава — Германия — бросила вызов Великобритании, колониальная империя которой пошатнулась и стала распадаться. На смену Великобритании в качестве центра-лидера пришли США, и драма Второй мировой войны стала апофеозом противостояния «старого имперского противоцентра» — Германии, молодого противоцентра в лице СССР и нового центра-лидера - США; это противостояние завершилось крахом Германской империи («третьего рейха») и вступлением ее на путь устойчивого демократического развития. После Второй мировой войны Соединенным Штатам, ставшим политической, военной и экономической сверхдержавой, а также лидером объединенной мощи Запада, противостоял Советский Союз, претендовавший на создание альтернативной «социалистической» модели модернизации. После распада СССР, связанного с тем, что советская модель модернизации не смогла приспособиться к принципиально изменившимся в конце XX в. условиям, на роль будущего противоцентра претендует резко усилившийся Китай, который обладает более гибкой экономической системой, чем СССР. В то же время на рубеже XX-XXI вв., ввиду временного отсутствия явного и зрелого противоцентра, его роль, наряду с Китаем, частично играют некоторые страны

Ближнего Востока, поддерживающие исламский фундаментализм и международный

терроризм.
Всем перечисленным государственно-политическим системам, в разное время игравшим роль противоцентра (эта роль является функциональной, а не постоянно характеризующей данное государство), - Франции при Людовике XIV, Людовике XV и Наполеоне, Германии при Бисмарке и в период между двумя мировыми войнами, России (СССР) при Сталине, Хрущеве и Брежневе, Китаю в первой половине XXI в. - присущи общие черты. Каждая из этих государственно-политических систем представляет собой модернизирующуюся континентальную империю с многочисленным крестьянством, мощной армией и бюрократией, со слабым или попавшим в тяжелое положение (как это было во Франции во второй половине XVIII в. или в Германии в 1920-е — 1930-е гг.) средним классом, с монополизированной промышленностью и торговлей, авторитарным или тоталитарным режимом, а также со сращен-ностью власти и собственности. Обновляя посредством частичной («догоняющей») модернизации присущую им систему мобилизации ресурсов, такие политические системы оказываются в состоянии до поры до времени приспосабливать процессы трансформации политических и экономических институтов, да и саму модернизацию к целям собственного сохранения и последующей военно-политической экспансии.
В дальнейшем, однако, каждый раз обнаруживается ограниченность и даже тупиковость этого одностороннего и фрагментарного типа модернизации. После достижения пика свое-го политического и экономического могущества противо-центр сталкивается с глубокими кризисами и потрясениями. В итоге это ведет к политическому и военному поражению бывшего противоцентра и его радикальной трансформации в мировой центр политической и экономической силы, осуществляющий более органичную и глубокую модернизацию. Так произошло с Францией после 1871 г. и с Германией после 1945 г., когда они после военного поражения перестали играть роль противоцентра и полностью интегрировались в сообщество наиболее развитых демократических государств. В случае

России эта трансформация еще почти не началась, хотя Россия после распада СССР фактически перестала играть роль противоцентра по отношению к США и потеряла статус «сверхдержавы». Россия в настоящее время находится в чрезвычайно сложном переходном состоянии, подвергаясь мощному давлению как с Запада (со стороны США и Европейского Союза), так и с Востока (со стороны исламского мира и Китая). В этой ситуации остро стоит вопрос о дальнейшем существовании России как современного общества и суверенного государства, и пока что перспективы выживания России выглядят неутешительно. Впрочем, подробно перспективы развития России в ближайшие десятилетия будут обсуждаться в главах 5, 6 и 7.
Учитывая сказанное, можно прогнозировать масштабную перестройку и глубокое переструктурирование всей системы мировых центров политической и экономической силы, включая изменение природы (децентрализацию и делокализацию) будущего центра-лидера. Перемещение центра-лидера в Юго-Восточную Азию и его делокализация будут иметь далеко идущие последствия для всей системы мировых центров политической и экономической силы. Существенно изменятся соотношение сил и расстановка внутри этой системы. Так, к середине XXI в. США, доминирующие сейчас в мире в технологическом, информационном, финансовом, политическом и военном плане, станут играть более скромную роль: скорее всего, они останутся политическим и военным лидером, но утратят лидерство в финансовой сфере, в сфере внедрения новых технологий и — в меньшей мере — в сфере распространения информации и массовой коммуникации.
Итак, постепенное исчерпание волны дифференциации третьего цикла Нового времени, по-видимому, будет сопровождаться глобальными изменениями внутри системы мировых центров политической и экономической силы, изменением характера взаимодействия между этими центрами и появлением вокруг каждого из них дополнительных («вспомогательных») центров — подобно тому, как «тигры» Юго-Восточной Азии

группируются вокруг Японии, поддерживая в то же время тес-
269
ные отношения с США. Внутри Европейского Союза также складывается аналогичная структура — вокруг Германии, Франции и Соединенного Королевства группируются «вспомогательные» центры (Северная Италия, Бенилюкс, Ирландия и др.). Подобная «делокализованная» структура системы мировых центров не только является более гибкой и динамичной, она лучше приспособлена для формирования нового способа производства, основанного на новых «постиндустриальных» технологиях, и новой системы социальных, экономических, политических и культурных институтов, которые по-настоящему разовьются лишь в следующем, четвертом цикле дифференциации — интеграции.

4.3. Перспективы мирового развития с точки зрения ритмов дифференциации - интеграции

Поскольку в этой главе рассматриваются наиболее длительные глобальные ритмы дифференциации - интеграции, в данном, завершающем главу параграфе анализируются лишь самые общие тенденции и перспективы вероятного будущего развития, причем картина этих перспектив дается как бы «с птичьего полета». Более конкретный, детальный и одновременно более обоснованный прогноз дается в последующих главах. Смысл же описываемой здесь «картины с птичьего полета», на наш взгляд, состоит в том, чтобы предварительно наметить некоторые существенные штрихи к весьма вероятному сценарию будущего глобального экономического и политического развития, обратить внимание читателя на важные моменты этого сценария.

Итак, с точки зрения длинных и сверхдлинных ритмов дифференциации - интеграции, которые были рассмотрены выше, вырисовываются некоторые, самые общие перспективы мирового развития в XXI в. Наиболее важным фактором является, с одной стороны, наступление новой длинной волны дифференциации, которая начнется с 2005--2010 гг. и продлится, судя по всему, около 15—20 лет, а с другой стороны — постепенное приближение новой сверхдлинной глобальной волны
270
дифференциации, которая сменит нынешнюю глобальную волну интеграции где-то в середине или в конце XXI в. Наступление первой (длинной) волны дифференциации, как и в период предшествующей длинной волны дифференциации 1920-х - 1940-х гг., скорее всего, будет сопровождаться расстройством мировой финансовой системы, основанной надол-ларе США, появлением различных финансовых «зон» — зоны евро, зоны иены, зоны доллара и т.п. Собственно говоря, эти процессы «дифференциации» финансовой системы уже начались, и вряд ли их можно предотвратить или приостановить. Предпосылкой грядущего кризиса мировой финансовой системы является фактическое наличие своеобразной финансовой пирамиды, в результате которой США живут за счет притока капиталов со всего мира и пользуются монопольным правом время от времени печатать доллары, служащие мировой валютой [Тодц 2004. С. 102-117]. Основной вопрос состоит в том, насколько глубоким и длительным будет расстройство мировой финансовой системы, какая валюта (или система из нескольких валют) придет на смену доллару, куда переместятся основные потоки капиталов. Исходя из концепции длинных волн дифференциации — интеграции, можно прогнозировать, что международная финансовая система восстановится на новой основе примерно в 2020-е гг. При этом скорее всего произойдет значительное перемещение капиталов в Юго-Восточную и Южную Азию, а также в некоторые другие регионы.

Особый и весьма существенный вопрос заключается в том, какие именно события послужат спусковым крючком к мировому финансовому кризису. Нам представляется, что среди этих событий немалую роль будут играть возможные политические потрясения в США, в России, на Ближнем Востоке или в странах Юго-Восточной Азии. Речь в данном случае идет не только о новых вспышках международного терроризма, но и о возможных внутренних или международных политических кризисах и даже об отдельных военно-

политических конфликтах в каком-либо из этих регионов. Разумеется, военно-политические конфликты будут развертываться не в США, а в других регионах (на Ближнем Востоке, на территории бывшего
271
СССР, в странах Южной или Юго-Восточной Азии), но благодаря глубокой вовлеченности США в мировую политику и наличию у них стратегически важных интересов во всех регионах мира любые серьезные конфликты и потрясения за пределами США отзовутся и на внутренней американской политике. В итоге политические потрясения, начавшиеся за пределами Соединенных Штатов, рано или поздно переместятся в них самих, что при достижении определенного порога экономической и политической нестабильности может вызвать обвал финансовой системы США и всего мира.

Однако финансовые потрясения, по-видимому, станут лишь началом общей дезорганизации и частичного распада прежней системы экономических и политических связей, прежнего мирового порядка. Неизбежно обострится борьба за рынки сбыта и прежней, и новой высокотехнологичной продукции. Процессы технологического и организационного обновления под влиянием экономического кризиса резко ускорятся и приобретут новое качество. Вместе с тем следует учитывать, что выход из экономического и политического кризиса произойдет лишь в результате новой геоэкономической и геополитической революции, за счет полноценного и комплексного вовлечения в мировой капиталистический рынок новых регионов с дешевой и эффективной рабочей силой. Но такая геоэкономическая и геополитическая революция неизбежно окажется сопряжена с серьезными потрясениями в мировой политике и экономике, и прежде всего с существенным изменением ее ядра — Pax Americana. Исчерпание этой длинной волны дифференциации и наступление новой длинной волны интеграции в соответствии с изложенной концепцией должно произойти примерно в 2020-е гг. Тогда, как можно полагать, произойдет новая консолидация мирового рынка и международного сообщества, в общих чертах сформируется новый мировой порядок. Прежний Pax Americana существенно видоизменится в направлении делокализации и перемещения центра тяжести экономического и политического развития в Юго-Восточную и Южную Азию.
272
Вместе с тем, если исходить из изложенной выше концепции сверхдлинных волн дифференциации — интеграции, предстоящие в 2005—2020-х гг. сдвиги и потрясения станут прелюдией к более масштабным геополитическим и геоэкономическим сдвигам, которые начнутся в середине XXI в. и будут знаменовать приближение новой сверхдлинной волны дифференциации, открывающей новый глобальный цикл дифференциации — интеграции. Напомним, что в этом новом цикле постепенно должен возникнуть новый способ производства, должны появиться новые формы экономической и культурной организации, новая система политических и социальных институтов. Разумеется, из-за отдаленности подобных сдвигов такая перспектива может показаться не имеющей отношения ни к нашему времени, ни даже к ближайшим десятилетиям. Однако это было бы заблуждением. Дело в том, что, как показывает исторический анализ, всякий раз приближение очередной сверхдлинной волны дифференциации (и нового глобального цикла дифференциации — интеграции) начинает ощущаться задолго до ее наступления. Так было в конце античного цикла — в I—II вв. н.э., когда великие античные империи вступили в полосу своего кризиса, сопровождавшегося глубокими культурными, религиозными и иными размежеваниями, а варварские народы начали свое движение, завершившееся натиском на эти империи. Так было и в конце средневекового цикла—в XII—XIII вв., когда великие средневековые империи (Арабский халифат, Византийская империя) начали клониться к упадку, дробиться, размежевываться и появились претенденты на их наследие в лице монголов и турок-османов. В итоге конец волны интеграции

и начало волны дифференциации всякий раз сопровождались крупнейшими геополитическими и геокультурными размежеваниями, а также геоэкономическими сдвигами (например, изменением торговых путей), растягивавшимися на несколько веков. Современная эпоха также является переходной по своему характеру и включает как процессы интеграции, так и развертывающиеся процессы дифференциации, сопровождающиеся глубокими размежеваниями и расколами. В начале XXI в.
273
отчетливо прослеживаются следующие важные линии дифференциации — геополитического, геоэкономического и циви-лизационного размежевания. Во-первых, это начавшееся размежевание внутри Запада между Северной Америкой во главе с США и объединенной Европой во главе с ФРГ и Францией, размежевание, которое, по-видимому, является серьезным, длительным и необратимым. Несмотря на все заверения в «атлантической солидарности», обе стороны в лице своих наиболее проницательных аналитиков понимают всю глубину расхождений между Америкой и Европой. Вот как выглядит картина американо-европейских отношений с точки зрения американца Р. Кейгана: «Именно поэтому основные стратегические и международные вопросы сегодняшнего дня американцы решают под знаком Марса, а европейцы — под знаком Венеры: у них мало точек соприкосновения, и они понимают друг друга всё хуже и хуже. Такое положение дел не есть что-то преходящее, скажем, следствие очередных выборов в Америке или какого-то одного катастрофического события. Трансатлантический раскол имеет глубинные, давно назревшие причины и вряд ли будет смягчаться» [Кейган 2002. С. 127]. А вот как выглядит та же картина с точки зрения европейца Э. Тод-да: «Американская война против терроризма, грубая и неэффективная по своим методам, неясная по своим действительным целям, привела к проявлениям настоящего антагонизма между Европой и Америкой. Неустанное разоблачение "оси зла", постоянная поддержка Израиля, презрение к палестинцам постепенно изменили восприятие Америки европейцами. Бывшая до этого фактором мира, Америка стала источником опасений. Европейцы, бывшие долгое время законопослушными детьми уважаемой патерналистской державы, стали подозревать верховную власть в возможно опасной безответственности. И свершилось немыслимое — постепенное, конечно, еще незавершенное сближение на международной арене между французами, немцами и британцами» [Тодд 2004. С. 193]. При этом Тодд подчеркивает, что наметившееся в последние годы явное расхождение между Европой и Америкой является результатом длительных процессов: «Со времен вой-
274
ны отношение европейских руководителей к США амбивалентно, так же как отношение вашингтонских руководителей к европейскому строительству. Американцы нуждались во франко-германском примирении, чтобы обеспечить сплоченность Атлантического альянса на континенте перед лицом русских, однако они никогда ранее не предполагали, что примирение приведет к рождению конкурирующей стратегической общности. Их постепенный переход от симпатии и поддержки к подозрительности, затем к досаде и, наконец, к оппозиции является вполне понятным процессом» [Тодд 2004. С. 196]. Во-вторых, серьезное ценностное размежевание, как показали президентские выборы 2004 г. в США, наблюдается и в самом американском обществе. При этом речь идет не о классическом разделении на демократов и республиканцев, которое является традиционным для американского общества, а именно о ценностном размежевании, — поскольку в данном случае столкнулись не просто партии и их лидеры, а различные ценностные установки и ориентации (либеральные у демократов и социально-консервативные у республиканцев). Это размежевание, явственно обнаружившееся на президентских выборах в 2000 г., во многом воспроизвелось и четыре года спустя, причем противостояние приверженцев различных ценностных ориентации было весьма острым, настолько острым, что некоторая часть сторонников проигравшего Дж. Керри захотела уехать из своей страны в Канаду, а другая часть чувствует себя растерянной и

подавленной. Нет никаких оснований полагать, что подобное ценностное размежевание не воспроизведется и в 2008 г. В этой ситуации не исключено, что Дж. Буш-младший использует обычный американский прием для сплочения нации: будет найден очередной «внешний враг», против которого будет развернута мощная информационная война и пропагандистская кампания, предшествующая военной операции. Выбор «внешних врагов» у американской администрации при этом весьма широк — от Сирии и Ирана до Северной Кореи и Кубы.

В-третьих, несмотря на все тенденции к усилению интеграции, ценностное и политическое размежевание будет усиливать-

275

ся также и в самой Европе. Речь идет не только о значительных экономических, культурных, социальных различиях между европейскими странами, которые вряд ли исчезнут в ближайшее время. Более серьезным и глубоким является размежевание между иммигрантами, принадлежащими к исламскому миру, и основной массой европейского населения. Здесь «столкновение цивилизаций», о котором писал С. Хантингтон, происходит внутри самих европейских обществ, причем, в отличие от США, которые долгое время были «плавильным котлом», Европа не приспособлена к интеграции массовых групп представителей других цивилизаций. Временным выходом из этих противоречий является быстрое, но не органичное расширение Европейского Союза на восток и юг. Однако тем самым за счет включения народов Восточной Европы, Балкан, многочисленных иммигрантов из Северной Африки и Азии стремительно размываются система доминирующих ценностей западноевропейской цивилизации, ее культурные и поведенческие нормы. Поэтому в долговременной перспективе наличие различных систем ценностей, укладов жизни и традиций подготавливает грядущие кризисы и столкновения внутри Европы.

В-четвертых, глубокая линия размежевания наблюдается в исламском мире, причем пролегает она не только между «благополучными» и «неблагополучными» исламскими странами, но и внутри каждой из этих стран. Внутри исламских обществ существует и усиливается размежевание на традиционную элиту, которая опирается на традиционные уклады, и контрэлиту, которая опирается на массы маргиналов и «лишних» людей, не востребованных ни традиционными, ни современными укладами. Демографический рост в исламском мире, который будет наблюдаться по крайней мере до 2020-х гг., приводит к опасному увеличению числа «лишних» людей, которые не могут найти себе место в обществе и выбирают путь религиозного фундаментализма, насилия, терроризма.

В-пятых, геополитическое, геокультурное и цивилизацион-ное размежевание происходит в странах СНГ—в Украине (между Восточной Украиной, ориентирующейся на Россию, и Западной Украиной, ориентирующейся на Европу и США), в Мол-

276

дове (между сторонниками ориентации на Россию и на Румынию), в Грузии (между сторонниками ориентации на США и на Россию), в Азербайджане (между сторонниками ориентации на Россию и на Турцию) и др. Даже в самой России усиливается размежевание внутри элиты и внутри массовых слоев на сторонников прозападного экономического и политического курса и на «государственников», многие из которых выступают за продолжение имперского курса. Хотя подобное размежевание и не является чем-то новым для России, в ближайшие десятилетия оно может достигнуть критического уровня, после достижения которого становится вероятным и распад бывших советских республик, и распад самой России.

Наконец, в-шестых, в начале XXI в. даже в Китае, мощно и быстро развивающемся государстве-империи, резко усиливаются диспропорции между динамичными и относительно богатыми восточными провинциями, с одной стороны, и по-прежнему бедными, полудепрессивными западными провинциями, с другой. Подобные диспропорции могут довольно долго сдерживаться за счет подавления любых проявлений недовольства сильной централизованной властью, но рано или поздно они дадут о себе

знать. В истории Китая уже много раз глубокие социальные конфликты выливались либо во внутренние междоусобицы и восстания, либо во внешнюю экспансию. Скорее всего, на сей раз это выльется в масштабную (не обязательно военную) внешнюю экспансию и на Запад (в Киргизию и Казахстан), и на Север («тихое» освоение китайцами российского Дальнего Востока и Сибири), и на Восток (попытки присоединения Китаем Тайваня, спорных с Японией и другими восточноазиатскими государствами территорий). Перечисленные геополитические, геоэкономические, геокультурные и цивилизационные размежевания сейчас, в начале XXI в., только намечаются, но они будут развиваться и усиливаться на протяжении ближайшего полувека. Их практически невозможно обратить вспять, хотя можно на время «заморозить» или смягчить. Основная проблема состоит в том, чтобы не дать этим размежеваниям выйти из-под контроля и

обернуться масштабными межэтническими и межцивилизаци-онными конфликтами.
Еще один принципиально важный прогноз, вытекающий из концепции глобальных циклов дифференциации — интеграции, заключается в том, что после Британской империи и Pax Americana новой мировой империи, контролирующей основные ресурсы Земного шара, в ближайшие десятилетия и даже века уже не возникнет. Этот довольно смелый и даже рискованный прогноз, по нашему мнению, всё же обоснован. На смену имперскому или неоимперскому центру-лидеру в ближайшие полвека скорее всего придет центр-лидер нового «де-локализованного» и более современного (неимперского) типа. Это не значит, что центр-лидер рассыплется или «растворится» среди других государств, что исчезнет концентрация и централизация капитала и т.п., это означает лишь, что новый центр-лидер, который, как уже говорилось, скорее всего будет расположен в Юго-Восточной Азии, сможет создавать более гибкие («децентрализованные») сети циркуляции финансовых средств, технологий, информации, причем эти сети будут поддерживаться благодаря формированию вспомогательных, «дочерних» центров экономического, финансового и технологического развития. Пример Японии и «тигров» Юго-Восточной Азии является в этом плане весьма важным и показательным, хотя это всего лишь начало радикального изменения мирового рынка и международной политической системы.
Таким образом, как следует из описанной выше концепции глобальных ритмов дифференциации — интеграции, в ближайшие полвека с высокой вероятностью произойдут глобальные геоэкономические, геополитические и геокультурные сдвиги, которые в целом приведут к уменьшению роли Запада (прежде всего США) и к возрастанию значения Востока (прежде всего Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии). Постепенно внутри «глобализированного» мира будут нарастать тенденции дифференциации, которые проявятся в более или менее мирном столкновении различных систем ценностей и различных векторов политического развития внутри Европы, США, России, исламского мира. На протяжении первой по-

ловины XXI в. мировой рынок и международная политическая система станут более «делокализованными», а прежнее противостояние центра-лидера и противоцентра может стать менее острым. Это, однако, не приведет к смягчению конфликтов, а сделает их более разнообразными и более многочисленными. Само же нарастание конфликтности в современном и будущем мире во многом связано, с одной стороны, с принудительной унификацией, которую осуществляют транснациональные корпорации и стоящий за ними нынешний центр-лидер США, а с другой — с потребностью в экономической дифференциации и культурном разнообразии для формирования нового способа производства, связанного с новыми «постиндустриальными» технологиями, и новой системы социальных, экономических, политических и культурных институтов. Можно полагать, что это противоречие, за которым стоит столкновение разных тенденций и разных стратегий мирового развития, по мере приближения к середине XXI века будет проявляться всё более явно. Как бы то ни было, первая половина XXI века будет весьма бурным периодом в истории человечества, когда может встать вопрос о самом

дальнейшем существовании человека и общества в том виде, как они возникли в эпоху «осевого времени» (VIII—IV вв. до н.э.). Более конкретные прогнозы, основанные на тенденциях ритмооб-разного, циклически-волнового развития, содержатся в последующих главах книги (главы 5—7).

Глава 5
ЗНАЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ЦИКЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

5.1. Концепция Кондратьева и прогнозы мир-системного подхода. Отличие концепции эволюционных циклов международной экономической и политической системы

Большие циклы мировой конъюнктуры (кондратьевские циклы, длинные волны Кондратьева, названные так, поскольку в их изучение большой вклад внес выдающийся русский ученый Н.Д. Кондратьев) представляют собой чередующиеся длительные периоды повышения и понижения конъюнктуры мирового хозяйства. Эти циклы занимают совершенно особое место среди других известных ритмов общественного развития. Во-первых, они описывают экономическое и политическое развитие не одной страны, а международного рыночного сообщества в целом, т.е. большого числа стран с более или менее развитой рыночной экономикой или хотя бы втянутых в мировой рынок. Это обстоятельство дает возможность анализировать и предсказывать не только изолированное развитие отдельных обществ, но и развитие их более сложных образований, например, интегрального сообщества взаимодействующих друг с другом государств. Во-вторых, продолжительность кондратьевских циклов не слишком мала и не слишком вели-

ка; в среднем она составляет около 40—60 лет, что позволяет исследовать и прогнозировать процессы экономического, социального и политического развития в масштабе десятилетий. Заметим в этой связи, что если ритм общественного развития слишком мал, значительно меньше среднеисторического периода одного поколения (около 25 лет), то он подобен микроскопу, позволяющему хорошо разглядеть мелкие детали, но не дающему возможности увидеть картину в целом. Если же ритм слишком велик, то он больше похож на телескоп — с его помощью видны глобальные процессы и тектонические сдвиги, но пропадают из виду менее масштабные процессы и явления, которые в итоге привели к этим сдвигам. В-третьих, весьма важно, что кондратьевские циклы описывают не только одну сторону развития человеческого общества (например, экономическую), но и целый ряд других сторон — технологическую, политическую, социальную, культурную и т.д. [Room 1984. P. 237-244].

Многосторонний характер кондратьевских циклов связан с тем, что долговременные изменения мировой конъюнктуры, описываемые этими циклами, не могут не оказывать значительного влияния на многие социально-политические процессы. Сам Н.Д. Кондратьев так описывал связь общественных конфликтов и политических изменений с процессами технологического и экономического развития: «Бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп, внутри создает предпосылки для обострения борьбы против устарелых и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов. Вот почему, как мы видим, в действительности период длительного

повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства, с полосой частых войн и революционных потрясений» [Кондратьев 1989. С. 219-220].
Структура кондратьевских циклов достаточно проста. Каждый цикл (его продолжительность, согласно Н.Д. Кондратьеву, составляет 40—60 лет) состоит из двух примерно равных по длительности частей, или волн: повышательной волны и по-
281
нижательной. Повышательная волна — это период длительного преобладания высокой хозяйственной конъюнктуры в международной рыночной (капиталистической) экономике, когда эта экономика развивается и растет особенно бурно, сравнительно легко и без длительных депрессий преодолевая относительно кратковременные кризисы. Понижательная волна — это период длительного преобладания низкой хозяйственной конъюнктуры, когда, несмотря на временные подъемы, доминируют депрессия и вялая деловая активность, в результате чего мировая рыночная экономика развивается неустойчиво. Кондратьевский цикл начинается с повышательной волны, которая, однако, не может продолжаться неограниченное время и неизбежно сменяется понижательной волной, в ходе которой мировое рыночное хозяйство как бы накапливает силы и ресурсы для нового рывка, нового цикла эволюции. Согласно другой, более общей трактовке, наблюдается закономерная смена повышательных и понижательных волн, чередование без отнесения их к началу или к концу очередного цикла — подобно тому, как происходит чередование морских приливов и отливов без начала и без конца.
Во избежание возможных недоразумений, еще раз подчеркнем, что повышательная волна не означает отсутствия кризисов и экономических спадов, точно так же, как понижательная волна не означает отсутствия экономических подъемов. В таких сложных системах, как международный рынок, этого просто не может быть. Речь идет именно о результирующей тенденции многих кратковременных подъемов и спадов, которая для повышательной волны означает экономический подъем и рост в существенно большей степени, чем для волны понижательной. Это происходит вследствие того, что кризисы в период повышательной волны не имеют таких разрушительных и долговременных последствий в виде депрессий, как в период понижательной волны. Поэтому все возражения против существования кондратьевских циклов (длинных волн), основанные на указании, что кризисы-де существуют в периоды как повышательных, так и понижательных волн, не являются убедительными. Как говорится, есть кризисы и кризисы.
282
Зимой бывают оттепели и даже краткие периоды теплой погоды, а летом бывают похолодания, но это не отменяет существенных различий между зимой и летом, которые можно зафиксировать, например, с помощью значительной разницы между среднелетней и сред незимней температурами.
Какова же датировка повышательных и понижательных волн кондратьевских циклов? Несмотря на некоторые различия в определении границ повышательных и понижательных волн, большинство исследователей придерживаются датировки (таблица 3), близкой к приведенной самим Кондратьевым (разумеется, за исключением IV цикла, который Кондратьев, погибший в 1938 г., описать не мог) [Кондратьев 1993. С. 24—83].

Таблица 3 Датировка повышательных и понижательных волн кондратьевских циклов

Цикл	Повышательная волна	Понижательная волна
1	с конца 1780-х гг. до 1810-1817 гг.	с 1810-1817 гг. до конца 1840-х - начала 1850-х гг.
II	с конца 1840-х — начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.	с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг.
III	с середины 1890-х гг. до 1914—1921 гг.	с 1914— 1921 гг. до середины 1940-х гг.

IV	с середины 1940-х гг. до конца 1960-х - начала 1970-х гг.	с конца 1960-х — начала 1970-х гг. до (?..)

Вопросительный знак в конце таблицы связан с тем обстоятельством, что в конце XX в. - начале XXI в. многие западные, а вслед за ними и многие российские экономисты, политологи, социологи стали довольно скептически относиться к пригодности кондратьевских циклов (длинных волн) для описания экономического, политического и социального развития международного сообщества в современную эпоху. Подобный скептицизм во многом объясняется неожиданно возникшим несоответствием прежней (классической) концепции

283

Кондратьева реальному мировому экономическому и политическому развитию. При этом существование больших циклов мировой конъюнктуры и их влияние на различные стороны социально-политической жизни в предшествующую эпоху (конец XVIII в. — первая половина XX в.) большинством объективных исследователей не отрицается, поскольку статистический материал, собранный Н.Д. Кондратьевым и другими авторами, трудно опровергнуть. Однако многочисленные попытки использовать для анализа мирового экономического и политического развития кондратьевские циклы с равными по продолжительности повышательной и понижательной волнами по 25—30 лет каждая, начиная с 70-х годов XX в., оканчиваются неудачей. Действительно, после повышательной волны, начавшейся в середине 1940-х гг. и закончившейся в конце 1960-х гг., последовала понижательная волна, которая, согласно классической концепции Кондратьева, должна была продолжаться также около четверти века и завершиться в середине 1990-х гг. Однако в действительности наблюдалось нечто иное. Кризисы и депрессии, регулярно сменявшие друг друга на протяжении 1970-х и начала 1980-х годов (мировой финансовый кризис 1969—1971 гг., «энергетический кризис» 1973—1975 гг., вялый экономический рост в 1978-1980 гг., кризис 1981—1982гг.) после 1982г. сменились бурным экономическим ростом большинства развитых и развивающихся стран мира вплоть до 2000г. (кроме небольшого кризиса 1991-1992 гг.), компьютерной и информационной революцией, беспрецедентным обогащением США в период 1992—2000 гг. Иными словами, мировая конъюнктура в 1983—2000 гг. в целом была высокая, а не низкая, как это следовало из классической теории кондратьевских циклов. Точно так же бурные политические события этого периода (массовое крушение авторитарных политических режимов в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, крах «социалистической» системы в Восточной Европе, распад СССР и Югославии, глубокие реформы в большинстве стран мира) скорее соответствовали приведенному выше описанию Н.Д. Кондратьевым событий повышательной, а не понижательной волны («бурный рост новых

284

производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп, внутри создает предпосылки для обострения борьбы против устарелых и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов»). В то же время, согласно классической концепции кондратьевских циклов, с конца 1990-х — начала 2000-х гг. должна была начаться новая повышательная волна, однако вместо этого конец 1990-х — начало 2000-х гг. ознаменовались чередой кризисов в экономике развитых и наиболее динамично развивающихся стран, сменяемых весьма вялым экономическим ростом и общим преобладанием низкой конъюнктуры.

Интересно отметить, что последовательными сторонниками классической концепции кондратьевских циклов являются И. Валлерстайн и некоторые другие представители мир-системного подхода. Несмотря на очевидные расхождения между теорией и практикой, Валлерстайн на протяжении целого ряда лет упорно говорит и пишет о понижательной волне (в терминологии мир-системного подхода — о «В-цикле») кондратьевского цикла, которая якобы охватывает весь период 1970-х — начала 2000-х гг., а также о том, что ее скоро сменит очередная повышательная волна (в терминологии мир-системного подхода — «А-цикл»). Вот одно из многочисленных утверждений подобного рода: «Период 1970—2000 гг. был одним долгим кондратьевским В-циклом. За это время прибыли от производственной деятельности сократились, что привело к двум основным результатам: а) возникла острая борьба за про-

изводственные прибыли в триаде, государства которой стремились экспортировать друг другу последствия спада, особенно безработицу; б) наметился сдвиг от накопления капитала через производственные прибыли к накоплению капитала путем финансовых манипуляций, в которых США сохранили преимущество благодаря роли доллара как резервной валюты. Этот В-цикл еще не закончился... Возможно, последует новый А-цикл, в котором инновации в ведущих отраслях промышленности (информатика, биотехнология, новые источники энергии) будут монополизироваться и станут весьма прибыль-
285
ными. Борьба в триаде за главное место в этих отраслях будет по-прежнему острой. Возможно, в начале XXI в. Япония и Европейский союз преуспеют больше, чем США. В итоге Америка и Япония объединят свои экономические усилия, чтобы успешно противостоять европейской угрозе» [Валлерстайн 2001].

Итак, согласно Валлерстайну, понижательная волна («В-цикл»), начавшаяся с 1970-х гг., не кончилась и в начале 2000-х гг. Мимо Валлерстайна как будто прошла технологическая — на сей раз компьютерная и информационная — революция, которая всегда соответствует повышательной, а не понижательной волне кондратьевского цикла. Такие радикальные технологические революции (технологические перевороты) были характерны для повышательной волны первого кондратьевского цикла — технологическая революция парового двигателя и паровых машин (рубеж XVIII и XIX вв.), а также для повышательной волны третьего кондратьевского цикла — технологическая революция электричества, двигателя внутреннего сгорания и нефтехимии (рубеж XIX и XX вв.); очередной радикальный технологический (компьютерно-информационный) переворот произошел на рубеже XX и XXI вв. Что же касается рассуждений Валлерстайна о том, что сдвиг в сторону накопления капитала путем финансовых манипуляций соответствует понижательной волне («В-фазе») кондратьевского цикла, то в данном случае они представляются не слишком обоснованными. Именно в конце XIX — начале XX в., когда бесспорно наблюдалась повышательная волна мировой конъюнктуры, больше всего говорили и писали о господстве финансового капитала, о биржевых и финансовых спекуляциях и т.п. (достаточно хотя бы вспомнить о книге Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», идеи которой произвели огромное впечатление на В.И. Ленина и стали краеугольным камнем ленинской «теории империализма»). Точно так же бурный рост финансовых спекуляций и махинаций наблюдался в Западной Европе в конце XVIII — начале XIX в., т.е. также в эпоху повышательной волны кондратьевского цикла (достаточно вспомнить неслыханные финансовые спекуляции во Франции в эпоху революции и наполеоновских
286
войн). Более того, именно перечисленные эпохи повышательных волн рубежа веков, для которых характерным является очередной технологический переворот и развитие новых отраслей производства, сопровождаются одновременным резким ростом финансового капитала: влияние и роль финансового капитала временно усиливаются на гребне происходящего технологического переворота. Затем, однако, неизбежно следует сокрушительный финансовый крах, связанный с чрезмерным раздуванием финансовых спекуляций, но следует он уже в период понижательной волны (как это произошло, например, в 1929 г.). В период же 1980-х — 1990-х гг. такого сокрушительного финансового краха не было, что дополнительно свидетельствует о том, что в этот период наблюдалась повышательная волна мировой конъюнктуры. Финансовый крах еще впереди, и наступит он в разгар новой понижательной волны.

По Валлерстайну получается, что в ближайшее время (в начале XXI в.) должна начаться повышательная волна, а вместе с ней — бурный экономический рост западных стран, очередное усиление их экономического и политического доминирования в мире, стабильность глобальной экономики и политики. Этот вывод противоречит не только реально наблюдаемым тенденциям мирового развития, он противоречит также многим положениям концепции самого Валлерстайна — в частности, его выводу о нарастании

глубокого кризиса капиталистической мир-системы и др. [Валлерстайн 2003]. К сожалению, приходится констатировать, что приверженность догме о неизменной продолжительности кондратьевских циклов толкает на сомнительные и весьма противоречивые выводы даже таких крупных ученых, как И. Валлерстайн.

В то же время, в отличие от Валлерстайна и мир-системного подхода в целом, большинство западных экономистов и политологов предпочитают вообще игнорировать кондратьевские циклы, поскольку они якобы не описывают реальное экономическое и политическое развитие в современную эпоху. Наблюдается странная ситуация: концепция Кондратьева во многом работала на протяжении почти 200 лет, а затем неожиданно «перестала работать». Многие авторы поспешили объяс-

287

нить это обстоятельство вступлением наиболее развитых стран и мирового рыночного сообщества в целом в принципиально новую стадию развития «технотронного», «постиндустриального», «информационного» и т.п. общества. Однако такое объяснение является не слишком убедительным: в истории, в том числе в экономической, крупные изменения происходят далеко не одномоментно, а растягиваются на целые переходные периоды. Кроме того, как показывает анализ современной реальности, несмотря на существенные технологические и социальные сдвиги в конце XX — начале XXI в., основные механизмы и принципы функционирования экономической и политической системы в целом остаются теми же, что и в XIX-XX вв. Более того, многие исследователи в начале XXI в. отмечают «возвращение» или «возрождение» целого ряда важных тенденций и особенностей развития, которые были присущи мировому капитализму в XIX—XX вв.: здесь и новое усиление монополий на внутреннем и мировом рынке, и доминирование антисоциального либерализма (теперь в виде «неолиберализма») в экономике, и отчетливое возрождение имперских тенденций (в США, Китае и некоторых других странах), и резкое расслоение общества в развитых и развивающихся странах, и формирование нового «внутреннего пролетариата» в лице иммигрантов, гастарбайтеров, представителей этнических и культурных меньшинств, и многое другое. Что же касается, например, глобализации, то достаточно заглянуть в «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, чтобы увидеть почти полную тождественность тамошнего описания всемирных тенденций развития буржуазного мира современным глобализационным процессам и самой идеологии глобализма. Сказанное отнюдь не означает, что со времен К. Маркса или Н.Д. Кондратьева ничего существенно не изменилось; изменилось многое, но эти изменения генетически связаны с эпохой конца XVIII — середины XX в. и являются прямым ее продолжением. Поэтому слухи о смерти индустриального капиталистического общества и связанный с этим вывод о смерти теории кондратьевских циклов представляются сильно преувеличенными.

288

Однако структура и природа кондратьевских циклов действительно требуют существенного пересмотра. Прежде всего нуждается в критической переоценке представление о неизменной продолжительности этих циклов в эпоху стремительного ускорения социально-экономических и политических процессов. Такая переоценка, разумеется, должна быть основана на анализе реальных экономических и политических процессов и соответствовать основным фактам, в том числе важным поворотным моментам и переломным точкам в развитии мировой экономики и политики. Наши исследования показывают, что в действительности наблюдается постепенное (точнее, пошаговое) сокращение понижательных волн кондратьевских циклов, но это сокращение во второй половине XVIII — первой половине XX в. происходило незаметно, и лишь со второй половины XX в., когда само это сокращение стало соизмеримым с длительностью понижательной волны, обнаружилось со всей очевидностью. С этим обстоятельством и связан тот факт, что кондратьевские циклы, принимавшиеся за примерно постоянные по свой продолжительности, хорошо описывали мировое экономическое и политическое развитие вплоть до второй половины XX в., а затем «перестали» ему соответствовать.

Более того, выяснилось, что в начале XXI в. мы живем уже не в четвертом, а в пятом (если считать с конца XVIII в.) кондратьевском цикле, причем в период перехода от завершившейся повышательной к начинающейся понижательной волне. Подробнее об этом речь будет идти чуть ниже, там же приведена и уточненная в соответствии с пошаговой моделью сокращения понижательных волн датировка кондратьевских циклов и циклов эволюции международной экономической и политической системы.

Но самое главное состоит в переосмыслении самого характера и значения кондратьевских циклов. В концепции самого Кондратьева и в трактовке многих других авторов чередование длинных волн мировой конъюнктуры предстает как некое закономерное, но не вполне понятное явление, как некая игра множества факторов, из которых ни один как следует не объясняет механизма возникновения кондратьевских циклов и их роли в развитии мировой экономики. Между тем, как мы уже

показывали в наших предшествующих работах [Умов (Пан-тин), Лапкин 1992; Пантин 1996], кондратьевские циклы не только тесно связаны со сменой технологических укладов и технико-экономических парадигм, с эволюцией экономических, социальных и политических институтов, но и представляют собой форму временной (хроноэкономической и хроно-политической) организации этого эволюционного процесса. Иными словами, кондратьевский цикл с его повышательной и понижательной волнами всякий раз составляет лишь часть (точнее, половину) полного **эволюционного цикла международной (рыночной) экономической и политической системы,** в ходе которого происходит полное обновление доминирующего технологического уклада (технико-экономической парадигмы), доминирующих в мире политических, социальных и финансовых институтов. Полный эволюционный цикл международной экономической и политической системы (или, что то же самое, полный цикл эволюции международного рынка) включает два следующих друг за другом кондратьевских цикла или, что то же самое, две повышательных и две понижательных волны мировой конъюнктуры.

Необходимость же использования для анализа мирового развития не двух-, а четырехфазных эволюционных циклов («сдвоенных кондратьевских циклов») определяется тем, что, как отмечали некоторые исследователи, кондратьевские циклы, при всем сходстве друг с другом, подразделяются на два типа. Кондратьевские циклы первого типа, которые условно можно назвать «циклами рубежа веков» (сюда относятся первый цикл, выделенный Н.Д. Кондратьевым, длившийся с конца XVIII до середины XIX в., третий цикл Кондратьева, длившийся с конца XIX до середины XX в., и пятый (выделенный нами) кондратьевский цикл, начавшийся с конца XX в.), отличаются рядом особенностей от кондратьевских циклов второго типа, которые условно можно назвать «циклами середины века» (к этому типу относятся второй цикл Кондратьева, длившийся с середины XIX до конца XIX в., и четвертый цикл Кондратьева, длившийся с середины XX до конца XX в.) [Корольков 1991; Умов (Пантин), Лапкин 1992. С. 91-92]. Кондратьевские циклы первого типа начинаются с радикальной про-мышленно-технологической революции (фазы **технологического переворота),** создающей принципиально новые технологии и отрасли массового производства, основанные на новых способах использования, передачи и преобразования энергии или информации; поэтому, в частности, рубежXVШ—XIX вв., XIX— XX вв. и XX—XXI вв. — это время глубокого технологического переворота, сопровождающегося радикальными социальными изменениями и политическими революциями. Однако после бурного периода технологического переворота, соответствующего повышательной волне кондратьевского цикла первого типа («рубежа веков»), рост новых отраслей наталкивается на различного рода ограничения, связанные с устаревшими отношениями, препятствующими развитию нового формирующегося технологического уклада и связанных с ним экономических, социальных, политических институтов. Наступает период неустойчивого экономического роста и следующей за ним глубокой депрессии,

который соответствует понижательной волне — фазе **великих потрясений** в мировой экономике и политике. Именно этой фазой — во многих отношениях тяжелой, сопровождающейся разрушениями в экономике, политике и социальной сфере, но в итоге создающей условия для нового подъема - завершается кондратьевский цикл рубежа веков. Вслед за фазой великих потрясений начинается новый кондратьевский цикл второго типа («середины века»), который открывается повышательной волной — геополитической и геоэкономической революцией **(революцией международного** рынка), создающей благоприятные геополитические и геоэкономические условия для распространения новых технологий и отраслей производства, нового сформировавшегося в предшествующем кондратьевском цикле технологического уклада и соответствующих экономических, социальных, политических институтов. При этом распространяющиеся по всему миру новые технологии и отрасли промышленности, новые институты развиваются вплоть до исчерпания своих возможностей служить двигателем мирового экономического, социального и политического развития. В итоге в связи с этим исчерпани-
290
291
ем повышательная волна завершается, и начинается понижательная волна — фаза **структурного кризиса** (кризиса всей отраслевой и технологической структуры мирового хозяйства, социальной и политической структуры общества, его институтов и форм государственно-политической организации). Этот структурный кризис в итоге инициирует новую промыш-ленно-технологическую революцию, новый технологический переворот, внедрение новых технологических и социальных нововведений, которые ранее по тем или иным причинам не использовались и которые «созревают» для их использования на протяжении фазы структурного кризиса. Тем самым полный цикл эволюции международной экономической и политической системы замыкается, и начинается новый эволюционный цикл (виток) мирового технологического, экономического, политического, социального развития. Иными словами, повышательные кондратьевские волны в действительности имеют существенно различную природу и бывают двух типов: первый тип — это кондратьевские волны, которые мы называем фазами технологического переворота, второй тип — это кондратьевские волны, которые условно можно назвать фазами революции международного рынка. Аналогично понижательные волны также бывают двух типов: первый тип — это кондратьевские волны, которые мы называем фазами великих потрясений в мировой экономике и политике, и второй тип — кондратьевские волны, соответствующие фазам структурного кризиса. Для фаз технологического переворота характерно появление и бурное первоначальное развитие целого ряда новых отраслей крупной промышленности при постепенной дестабилизации прежней системы международных отношений, в то время как отличительными чертами фаз революции международного рынка являются крупные геополитические и геоэкономические сдвиги, облегчающие глобальное распространение возникших ранее (в фазе технологического переворота данного цикла) технологий, отраслей промышленности, социальных и политических институтов. Для фаз структурного кризиса характерным является исчерпание возможностей дальнейшего развития и распространения тех-
292
нологий, отраслей и институтов, возникших в фазе технологического переворота и получивших широкое распространение в фазе революции международного рынка, а также начало формирования предпосылок для возникновения нового технологического уклада и новых социальных и политических институтов; для фаз же великих потрясений характерна полная дестабилизация мировой экономики и политики, связанная с наличием серьезных внутренних и внешних препятствий для развития технологий, отраслей и институтов, возникших в предшествующей фазе технологического переворота. Однако, когда эти препятствия преодолеваются в результате очередной геополитической и геоэкономической революции, возникшие технологический уклад и институты продолжают развиваться и распространяться. Обобщая, можно сказать, что содержание, результаты и степень дестабилизации в случае фазы структурного кризиса и фазы великих потрясений в мировой

экономике и политике существенно разнятся, хотя обе эти фазы соответствуют понижательным волнам кондратьевских циклов; точно так же существенно разнятся содержание, результаты и характер геополитических и геоэкономических сдвигов в случае фаз технологического переворота и революции международного рынка, хотя и та, и другая фаза формально соответствуют повышательной волне кондратьевского цикла.

Таким образом, полный цикл эволюции международной системы соответствует двум кондратьевским циклам, следующим друг за другом, и включает четыре основные фазы: фазу технологического переворота, фазу великих потрясений в мировой экономике и политике, фазу революции международного рынка и фазу структурного кризиса. Очевидно, что за начальную фазу полного цикла эволюции международной экономической и политической системы (цикла эволюции международного рынка) в принципе можно выбирать любую из перечисленных четырех фаз — цикл при этом всегда будет состоять из четырех различных фаз и иметь определенную повторяющуюся структуру. Однако, с точки зрения логики дальнейшего изложения, наиболее целесообразно в качестве начала (первой фазы) выбрать фазу структурного кризиса, во

время которой происходит исчерпание прежней и зарождение новой системы технологий и социальных институтов, т.е. нового технологического и социального уклада.

Хотя циклы эволюции международной экономической и политической системы описывают мировое развитие с VI в. н.э. [Пантин 1996. С. 71—83] и, более того, есть основания предполагать, что в несколько видоизмененном виде они позволяют анализировать мировое развитие даже в более ранние эпохи, в данной работе мы ограничимся эволюционными циклами эпохи индустриально-капиталистического общества, т.е. периодом середины XVIII — середины XXI в. Существование этих циклов находит эмпирическое подтверждение. Первый эволюционный цикл индустриальной эпохи начался в середине XVIII в., когда в Англии происходило зарождение крупной промышленности и связанных с ней укладов. Этот цикл начался с фазы структурного кризиса, соответствующей понижательной волне последнего кондратьевского цикла доиндустриальной эпохи и продолжавшейся примерно с начала 1750-х до конца 1780-х гг., когда в Англии оказались исчерпанными возможности доминировавшего прежде мануфактурного производства и начали возникать предпосылки для нового технологического уклада, основанного на использовании энергии пара (в 1771 г. в Англии была основана первая фабрика, в 1781 г. Джеймс Уатт получил патент на усовершенствованную паровую машину) и развитии хлопчатобумажной промышленности (дешевый хлопок из Индии стал поступать в Англию после 1757 г., когда английская Ост-Индская компания захватила Бенгалию); в Европе в этот период разразилась Семилетняя война (1756—1763 гг.), которая привела к ослаблению основного соперника Англии — Франции и способствовала вытеснению англичанами французов из Индии и Канады. Следующая, вторая фаза—фаза технологического переворота, соответствующая повышательной волне первого цикла, выделенного Н.Д. Кондратьевым (конец 1780-х — 1810-1817 гг.), совпала с промышленной революцией (промышленным переворотом) в Англии. Этот промышленный переворот означал формирование новых отраслей промышленного — фабричного и заводского — производства, использовавших меха-

нические паровые машины и паровой двигатель, — хлопчатобумажной промышленности, текстильного машиностроения, выплавки чугуна и др.

Третья фаза первого эволюционного цикла индустриальной эпохи - фаза великих потрясений в мировой экономике и политике — соответствует понижательной волне первого кондратьевского цикла (период с 1810—1817 гг. до конца 1840-х — начала 1850-х гг.). Она характеризовалась неустойчивым экономическим развитием Англии, США, стран континентальной Европы, резким обострением социальных противоречий в этих странах в связи с глубокой и продолжительной депрессией 1830-х - 1840-х гг. Не случайно именно на этот период пришлось усиление социальной напряженности и обострение политической борьбы в Англии, Франции, Германии, Австрии (подъем чартизма в Англии, приведший к одному из самых серьезных социальных кризисов во всей британской истории, революция

1830 г. во Франции, распространение социалистических и коммунистических идей по всей Европе, возникновение марксизма в Германии, наконец, революции 1848-1849 гг. во Франции, Германии, Австрии, Италии). Четвертая, заключительная фаза рассматриваемого полного эволюционного цикла — фаза революции международного рынка — соответствует повышательной волне второго кондратьевского цикла (с конца 1840-х — начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.). Эта революция международного рынка (К. Маркс назвал ее «новым XVI веком», имея в виду масштабную экспансию европейцев по всему миру и расширение емкости мирового рынка) означала глубокие сдвиги в структуре мирового хозяйства, его значительное расширение за счет подключения периферийных прежде областей и регионов мира (массовая эмиграция из Европы в США и в Австралию в 1850-е гг. в связи с открытием там золотых приисков; поражение России в Крымской войне и великие реформы 1860-х гг.; победа Севера над Югом в США в гражданской войне 1861—1866 гг.; насильственное — под дулами пушек — нарушение изоляции Китая и Японии, приведшее к восстанию тайпинов в Китае и к революции (реставрации) Мэйдзи в Японии; объединение Германии и
295
Италии в 1860-е гг.). Таким образом, первый полный цикл эволюции международной экономической и политической системы, длившийся более века (с 1750-х до начала 1870-х гг.) и означавший полное развитие технологического и социального уклада на основе паровой машины, хлопчатобумажной промышленности, паровозе- и пароходостроения, выплавки чугуна и т.п., привел весь мир в принципиально новое состояние по сравнению с серединой XVIII в. Этот цикл характеризовался экономическим и политическим доминированием Великобритании в мире, преобладанием свободной конкуренции, появлением рабочего движения в странах Европы, взлетом национальной культуры во многих странах мира, оптимистически-рационалистической (с эпохи Просвещения) верой в прогресс.

Глубокий перелом, наступивший в 1870-х - 1880-х гг., был связан с началом **второго цикла эволюции** международной экономической и политической системы. Этот второй цикл начался, как и первый, с фазы структурного кризиса, соответствующей понижательной волне второго кондратьевского цикла (начало 1870-х — середина 1890-х гг.). Структурный кризис доминировавших прежде отраслей экономики (железнодорожного строительства, хлопчатобумажной промышленности и машиностроения на основе парового двигателя), а также прежних форм и институтов социально-политической и экономической организации (сословной монархии, аристократии и дворянства, относительно свободной конкуренции, раздельного существования финансового и промышленного капитала и др.) привел к началу внедрения новых изобретений, зарождению новых отраслей промышленности на основе электрического двигателя и двигателя внутреннего сгорания, а также к изменению форм социально-политической и экономической организации общества. Вторая фаза этого цикла — фаза технологического переворота, соответствующая повышательной волне третьего кондратьевского цикла (середина 1890-х -1914—1921 гг.), означала новую промышленно-технологиче-скую революцию, связанную с появлением электротехнической промышленности, автомобилестроения, нефтехимии,
296
производства легированных сталей, тракторостроения и авиастроения. Как и в первом эволюционном цикле, фаза технологического переворота сопровождалась масштабными войнами и великими революциями (в первом цикле это были Великая французская революция и наполеоновские войны, во втором цикле — Первая мировая война и Октябрьская революция в России.

Третья фаза этого эволюционного цикла - фаза великих потрясений в мировой экономике и политике, соответствующая понижательной волне третьего кондратьевского цикла (1914—1921 — середина 1940-х гг.), ознаменовалась резким возрастанием неустойчивости экономического и политического развития большинства стран мира в 1920-е — 1930-е гг. Уже в 1920-е гг. в большинстве стран Европы и Азии существовали авторитарные или тоталитарные политические режимы, утверждение которых было связано с общей дестабилизацией экономики, политики и социальной сферы после Первой мировой войны. Мировой экономический кризис 1929 г. и последовавшая за ним великая депрессия 1930-х гг.

привели к тому, что в Германии к власти пришел Гитлер, а Соединенные Штаты пережили самый глубокий в своей истории социально-экономический кризис. В итоге общая дестабилизация привела ко Второй мировой войне, которая радикально изменила геополитическую ситуацию в мире. Наконец, четвертая фаза второго эволюционного цикла, соответствующая повышательной волне четвертого кондратьевского цикла (середина 1940-х — конец 1960-х гг.), представляла собой фазу революции международного рынка с ее глобальными геоэкономическими и геополитическими сдвигами. Именно в этот период распались необъятная британская колониальная империя, существование которой стало препятствовать дальнейшему мировому экономическому и политическому развитию, а также французская, итальянская и японская колониальные империи. С падением «третьего рейха» в Германии США стали единоличным центром-лидером, а СССР занял место «противоцентра», насаждавшего в целом ряде стран альтернативный по отношению к западноевропейскому и североамериканскому путь мо-
297
дернизации. Наконец, именно в этой фазе в Западной Европе возник «Общий рынок», в дальнейшем превратившийся в Европейский Союз. Вновь, как и в случае первого цикла, в итоге прохождения всех четырех фаз второй эволюционный цикл, также длившийся около века (с 1870-х до 1970-х гг.) привел к полному развитию определенного технологического и социального уклада: этот уклад был основан на использовании уже не парового, а электрического двигателя и двигателя внутреннего сгорания, развитии автомобилестроения, нефтехимии и т.п. В ходе этого цикла были разрушены все сословные монархии, распались почти все прежние колониальные системы, распространилось всеобщее избирательное право, в большинстве стран произошел переход к индустриальному обществу с его «массовым человеком» и «массовой культурой».
Новый перелом, произошедший в 1970-е - 1980-е гг., был связан с началом **третьего эволюционного цикла.** Первая фаза — фаза структурного кризиса, соответствующая понижательной волне четвертого кондратьевского цикла (конец 1960-х — начало 1980-х гг.), означала исчерпание возможностей развития доминировавшего прежде технологического уклада с его энер-го- и ресурсоемкими отраслями и зарождение нового уклада, основанного на наукоемких производствах и информационных технологиях. В этой фазе, для которой были характерны начало технологической перестройки в западных странах и экономический «застой» в СССР, возникли предпосылки для будущего технологического рывка Запада и стран Юго-Восточной Азии; в эти же 1970-е гг., когда внешне Советский Союз достиг наибольшего влияния в мире, наделе происходила эрозия коммунистической идеологии, за которой стоял глубокий кризис всей советской модели модернизации. Вторая фаза — фаза технологического переворота (начало 1980-х гг. — около 2005 г.) ознаменовалась появлением персональных компьютеров, использованием микропроцессоров в различных отраслях, развитием микроэлектроники, биотехнологии, телекоммуникации и созданием Интернета. Новый технологический переворот, как и соответствующие фазы в первом и втором циклах, резко обострил социально-экономическую и полити-
298
ческую ситуацию в странах с незавершенной модернизацией: он привел к распаду СССР и Югославии, к обострению социальных противоречий в исламском мире, к возникновению международного терроризма и т.п. Если в первом цикле в этой фазе произошла Великая французская революция, а во втором цикле — Великая русская революция, то в третьем цикле произошел целый ряд «бархатных» революций и переворотов. При этом аналогом наполеоновских войн в первом цикле и Первой мировой войны во втором цикле являются крупные международные конфликты 1999-2005 гг., включающие операцию НАТО против Югославии, взрывы 11 сентября 2001 г. в США, войну США в Афганистане и в Ираке. В этой связи следует отметить, что с переходом от одного цикла к другому меняются формы глобальных конфликтов, но сами конфликты продолжают обостряться именно в определенных фазах.

Несмотря на то что третий цикл эволюции международной экономической и политической системы еще далеко не завершен (пройдена лишь его половина), можно выделить некоторые его важные особенности, существенные для прогнозирования дальнейшего развития. Растущая «информатизация» общества вызывает и будет вызывать значительные сдвиги в образе жизни и в культуре, причем эти сдвиги нередко ведут к разрушению культуры и унификации на более примитивном уровне. Упадок профсоюзов и рабочего движения, возникновение антиглобализма, подъем и распространение терроризма, «демографическая революция», обострение противоречий между развитыми странами и «третьим миром», массовая миграция из неблагополучных стран в развитые, рост цивилиза-ционного самосознания и угрозы «столкновения цивилизаций» и т.п. - всё это также приметы третьего эволюционного цикла.

Более детальный и комплексный анализ продолжительности фаз описанных эволюционных циклов, учитывающий не только изменения мировой экономической конъюнктуры, но также изменения в политике и социальной сфере, показывает, что точная датировка этих фаз выглядит следующим образом (таблица 4). Датировка последних двух фаз третьего эво-

люционного цикла — фазы великих потрясений (2005-2017 гг.) и фазы революции международного рынка (2017—2041 гг.) была получена путем экстраполяции закономерной смены фаз циклов с учетом происходящего при переходе от одного цикла к другому сокращения длительности фаз структурного кризиса и великих потрясений.

Таблица 4

Датировка циклов эволюции международной экономической и политической системы с XVIII в.

1	Фаза полного эволюционного цикла международной системы	Примерная датировка	Длительность
I	1. Структурный кризис	1753-1789 гг.	Около 36 лет
	2. Технологический переворот	1789-1813 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения	1813-1849 гг.	Около 36 лет
	4. Революция международного рынка	1849- 1873 гг.	Около 24 лет
II	1. Структурный кризис	1873- 1897 гг.	Около 24 лет
	2. Технологический переворот	1897-1921 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения	1921-1945 гг.	Около 24 лет
	4. Революция международного рынка	1945- 1969 гг.	Около 24 лет
III	1. Структурный кризис	1969-1981 гг.	Около 12 лет
	2. Технологический переворот	1981-2005 гг.	Около 24 лет
	3. Великие потрясения	2005-2017 гг.	Около 12 лет
	4. Революция международного рынка	2017-2041 гг.	Около 24 лет

Таким образом, продолжительность фаз структурного кризиса и великих потрясений при переходе от одного полного эволюционного цикла к другому уменьшается в среднем примерно на 12 лет, в то время как продолжительность фаз технологического переворота и революции международного рынка сохраняется приблизительно постоянной (около 24 лет). Если общая продолжительность первого эволюционного цикла (около 1753—1873 гг.) составляет примерно 120 лет, то второй

эволюционный цикл (около 1873—1969 гг.) длился уже примерно 96 лет, а третий цикл (около 1969—2041 гг.) продлится только примерно 72 года. Но продолжительность кондратьевских циклов, как видно из таблицы, сокращается менее заметно: первый кондратьевский цикл длился с 1789 по 1849 г. (около 60 лет), второй кондратьевский цикл

- с 1849 по 1897 г. (около 48 лет), третий кондратьевский цикл — с 1897 по 1945 г. (около 48 лет). Отсюда становятся понятными широко распространенные представления о примерно постоянной продолжительности кондратьевских циклов, составляющей 50—60 лет. Существование же четвертого кондратьевского цикла — с 1945 по 1981 г. (около 36 лет) и пятого кондратьевского цикла — с 1981 по 2017 г. (также около 36 лет), сокращение которых становится уже явным, многими экономистами и политологами игнорируется по инерции и из-за нежелания учесть изменения в формах воздействия больших циклов (длинных волн) мировой конъюнктуры на международную экономику и политику после начала 1970-х гг.

Здесь мы вплотную сталкиваемся с прочно утвердившейся догмой о том, что длительность любых ритмов и циклов обязательно должна быть постоянной. Несмотря на явно наблюдаемое ускорение процессов социального, экономического и политического развития, эта догма, которая ничем не обоснована, по-прежнему продолжает господствовать. Ее преодоление представляет прежде всего психологическую трудность, поскольку требует изменения сложившихся представлений. Между тем понятие «эволюционный цикл» предполагает возможность ускорения эволюции и, значит, сокращения ритмов или «шагов» эволюционного процесса. В действительности ничего абсолютно постоянного и неизменного в историческом развитии нет, включая и ритмы (циклы) этого развития. Достаточно вспомнить, например, периоды и эры геологической и связанной с ней биологической эволюции (геологические периоды и эры). Так, в рамках более позднего фанерозойско-го зона продолжительность геологических периодов существенно изменяется, имея тенденцию сокращаться по мере приближения к современной эпохе (длительность последних че-

тырех геологических периодов составляет: меловой период — 70 млн лет, палеоген — 42 млн лет, неоген — 23,5 млн лет, ант-ропоген (четвертичный период) — 1,5 млн лет). Сокращение продолжительности геологических эр еще более заметно: более древняя палеозойская эра продолжалась около 340 млн лет, менее древняя мезозойская эра — около 165 млн лет и современная кайнозойская эра — всего около 67 млн лет.

В общем случае величина периодов, ритмов, циклов или волн эволюции может более или менее закономерно изменяться, и в этом смысле постоянство величины ритмов и циклов — это только частный случай. Очевидно, что скорость биологической и социальной эволюции увеличивается, и это ускорение не может не сказываться на продолжительности эволюционных ритмов и циклов. При этом «внутреннее время» в каждом периоде или цикле эволюции свое, оно определяется внутренней динамикой развития системы на данном этапе ее эволюции. Поэтому изменение продолжительности циклов и волн эволюции международной экономической и политической системы, если рассматривать его с общих позиций, не должно вызывать удивления. Напротив, неизменная продолжительность циклов международного экономического и политического развития при закономерном ускорении технологического, экономического, информационного, социального и политического развития есть нечто искусственное и непонятное — ситуация, в которую неизбежно попадают сторонники «неизменности» экономических, социальных, политических циклов. Другое дело, что продолжительность выделенных ритмов или циклов эволюции не должна изменяться хаотически и произвольно, иначе понятие ритма или цикла вообще потеряет свою эвристическую ценность и станет неудобным для употребления. Но в рассматриваемом нами случае циклов эволюции международной экономической и политической системы налицо четкая закономерность, позволяющая анализировать и сопоставлять фазы развития, удаленные друг от друга на десятки и сотни лет, находя при этом их сходные черты (например, фазы технологического переворота конца XVIII — начала XIX в., конца XIX — начала XX в. и конца XX - начала XXI в.

или фазы великих потрясений первой половины XIX в., первой половины XX в. и первой половины XXI в.). Анализ и сопоставление этих фаз имеет, как будет очевидно из последующего изложения, значительный прогностический потенциал. Кроме того, очевидной является связь полных циклов эволюции международной экономической и политической системы с кондратьевскими циклами, а также, как будет показано ниже, со многими другими циклами исторического развития (в частности, с циклами российских реформ — контрреформ, циклами внешней политики США и др.). Это дает основания утверждать, что рассмотренная система циклов эволюции международной экономической и политической системы является закономерно организованной и достаточно общей.

Итак, одно из существенных, во многом принципиальных отличий рассматриваемой концепции эволюционных циклов международной экономической и политической системы от других циклических и волновых концепций развития общества (в том числе от классической концепции Кондратьева, от мир-системного подхода и др.) состоит в допущении возможности постепенного и закономерного («последовательно-ступенчатого») сокращения продолжительности эволюционных циклов мирового развития, связанного с общим ускорением общественного развития. Это допущение является отнюдь не тривиальным; более того, чтобы принять идею сокращения эволюционных циклов (периодов), необходимо преодолеть своеобразный (и достаточно высокий) психологический барьер. Действительно, что же это за «ритмы» или «циклы», если они сокращаются, т.е. меняют свою длительность? Однако специфика рассматриваемой системы эволюционных циклов заключается в том, что одни их составляющие («повышательные волны» — фазы технологического переворота и революции международного рынка) сохраняют свою продолжительность (она неизменно составляет около четверти века), а другие («понижательные волны» — фазы структурного кризиса и великих потрясений в мировой экономике и политике) закономерно (сокращение при переходе от предыдущего к последующему эволюционному циклу всякий раз составляет около

12 лет) уменьшают свою длительность. Иными словами, эволюционные циклы, о которых идет речь, имеют достаточно сложную и гибкую структуру, отличаясь от упрощенных схем и конструкций, с помощью которых обычно хотят описать развитие таких сверхсложных эволюционирующих систем, как мировой рынок и международная политическая система.

Описанная система эволюционных циклов, учитывающая последовательно-ступенчатое сокращение «понижательных» фаз, позволяет по-новому рассматривать многие, в том числе, казалось бы, не связанные с этими циклами, процессы и явления. Так, существует очевидная и вполне объяснимая корреляция между этими эволюционными циклами и циклами внешней политики США, описанными Ф. Клингбергом. Согласно Клингбергу, в американской внешней политике периоды «экстраверсии», т.е. внешнеполитической экспансии, готовности использовать прямое дипломатическое, военное или экономическое давление на другие страны, закономерно чередуются с периодами «интроверсии», т.е. преобладания политики более или менее явного изоляционизма, сосредоточенности на внутренних проблемах американского общества и относительно неохотного воздействия на другие страны [KHngberg 1983]. Экстравертные фазы, по Клингбергу, соответствуют периодам 1798-1824 гг., 1844-1871 гг., 1891-1918 гг., 1940—1960-х гг., с начала 1980-х гг., а интровертные фазы — периодам 1776-1798 гг., 1824-1844 гг., 1871-1891 гг., 1918-1940гг., конца 1960-х - начала 1980-х гг. [Шлезингер 1992. С. 71—72]. Если сопоставить эти фазы с фазами эволюционных циклов международной экономической и политической системы, то оказывается, что «экстравертные» фазы в основном приходятся на повышательные волны (фазы технологического переворота и революции международного рынка), а «интровертные» фазы — в основном на понижательные волны (фазы структурного кризиса и великих потрясений). При этом

наиболее экспансионистские периоды внешней политики США приходятся на фазы технологического переворота, а наименее экспансионистские — на фазы великих потрясений. Некоторое отклонение от этой тенденции (небольшой сдвиг по от-
304
ношению к началу новой волны) характерно только для первой интровертной и первой экстравертной фазы, что можно объяснить тем, что Соединенные Штаты в этот период еще только формировались как государство и играли относительно малую роль в мировой политике и экономике. Благодаря этому их внешняя политика еще была не полностью синхронизирована с циклами мировой конъюнктуры и эволюционными циклами международной экономической и политической системы. В дальнейшем эта синхронизация стала гораздо более ярко выраженной.

Обнаруженной нами взаимосвязи между международными эволюционными циклами и циклами внешней политики США можно дать простое и весьма существенное для понимания развития мирового рыночного сообщества объяснение. Помимо прочего, это объяснение проливает свет на функционирование американской внешней политики и — шире — американской политической системы. На протяжении XIX и XX вв. Соединенные Штаты Америки являлись одним из главных центров мирового рынка, а затем центром-лидером, внутренняя и внешняя политика которого весьма чувствительна к изменениям мировой конъюнктуры и смене фаз мирового развития. В периоды повышательных волн, когда преобладает высокая хозяйственная конъюнктура и происходит быстрое экономическое развитие стран с рыночной экономикой, внешнеполитическая и военная активность США резко возрастает, поскольку быстро растущий экономический и военный потенциал способствует усилению американского политического влияния в мире. Дополнительным фактором, способствующим усилению внешнеполитической и военной активности США, является возрастающая в периоды повышательных волн (особенно в фазах технологического переворота) потребность США и их союзников в сырьевых, энергетических и иных ресурсах из различных регионов мира. Сферой американских «национальных интересов» в эти периоды становится почти весь мир. При этом агрессивность внешней политики Соединенных Штатов максимальна в фазах технологического переворота, когда США, наиболее успешно внедрившие новейшие техно-
305
логии, ощущают свое технологическое и военное превосходство над остальным миром.

В периоды же понижательных волн, когда преобладают низкая конъюнктура и неустойчивое экономическое развитие, прерываемое тяжелыми кризисами и депрессиями, заинтересованность США в проведении активной внешней политики уменьшается. В эти периоды всё мировое рыночное хозяйство переживает трудные времена, прежние экономические и политические союзы испытывают потрясения; в таких условиях Соединенные Штаты озабочены прежде всего внутренними экономическими и социальными проблемами, обновлением и перестройкой технологий, созданием условий для выгодного вложения капиталов, умиротворением возникающих в американском обществе протестных социальных движений. При этом наиболее тяжелыми для США являются фазы великих потрясений, когда американское общество раскалывается (в 1830-е -1850-е гг. на сторонников и противников рабства, в 1930-е гг. на сторонников и противников «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, а также на «изоляционистов» и сторонников вступления США в войну против Японии и Германии). Именно в фазах великих потрясений США временно «уходят» из внешней политики, и создается ощущение торжества политики изоляционизма. Однако к концу понижательной волны, когда США наконец справляются со своими внутренними проблемами, отношение Америки к активной внешней политике и военному вмешательству резко меняется, и она начинает очередной цикл международной экспансии. Таков ключ к объяснению синхронизации циклов внешней политики США - самого рыночного из всех государств - с циклами эволюции международной экономической и политической системы, циклами эволюции мирового рынка. И это обстоятельство открывает новые возможности для про-

гнозирования внешней политики США в будущем.
Еще одним важным аспектом концепции эволюционных циклов международной экономической и политической системы является корреляция с этими циклами описанных в главе 2 (п. 2.5) российских циклов реформ - контрреформ. Существует показанная нами ранее [Пантин, Лапкин 1991; Умов
306
(Пантин), Лапкин 1992] общая корреляция российских либеральных реформ с повышательными волнами кондратьевских циклов и антилиберальных контрреформ — с понижательными волнами кондратьевских циклов (см. таблицу 5).

Таблица 5 Кондратьевские циклы и циклы реформ — контрреформ в России

1	Волны кондратьевских циклов	Реформы и контрреформы в России
I	Повышательная волна: с конца 1780-х до 1810-1817гг.	Реформы Александра I: Реформы 1802— 1803гг., проекты реформ Сперанского 1809— 1810гг.
	Понижательная волна: с 1810-1817 гг. до конца 1840-х - начала 1850-х гг.	Контрреформы Николая I: с 1825 до 1855 г.
II	Повышательная волна: с конца 1840-х — начала 1850-х гг. до начала 1870-х гг.	Реформы Александра II: «Великие реформы» 1860-х — начала 1870-х гг.
	Понижательная волна: с начала 1870-х гг. до середины 1890-х гг.	Контрреформы Александра III: с 1881 до 1894 г.
III	Повышательная волна: с середины 1890-х гг. до 1914-1921 гг.	Реформы Витте— Столыпина: с 1897 до 1910 г.
	Понижательная волна: с 1914-1921 гг. до середины 1940-х гг.	Утверждение тоталитаризма: с 19 17 до начала 1950-х гг.
IV	Повышательная волна: с середины 1940-х гг. до конца 1960-х — начала 1970-х гг.	Реформы Хрущева— Косыгина: с 1956 до 1965 г.
	Понижательная волна: с конца 1960-х - начала 1970-х гг. до начала 1980-х гг.	«Застой» Брежнева— Суслова: с 1968 до 1984 г.

307
Однако в рамках этой общей корреляции существует и более тонкая взаимосвязь политических и социально-экономических преобразований в России с рассмотренными выше фазами циклов эволюции международной системы. Если присмотреться внимательнее, то можно обнаружить, что наиболее радикальные либеральные реформы в России каждый раз приходятся на фазы технологического переворота, а более умеренные с либеральной точки зрения, но более важные по своим социально-экономическим последствиям - на фазы революции международного рынка. Что же касается контрреформ, то наиболее радикальные антилиберальные контрреформы, связанные с появлением в России жесткого авторитарного или тоталитарного политического режима, каждый раз приходятся на фазы великих потрясений, а более умеренные «охранительные» контрреформы - на фазы структурного кризиса.
Такое соответствие между формами политических и социально-экономических преобразований в России, с одной стороны, и фазами эволюции международной рыночной системы, с другой, обусловлено особым характером взаимодействия России с мировым

рынком и имеет далеко идущие последствия для ее развития. Прогностическое значение этого соответствия очевидно: на смену достаточно радикальным либеральным реформам в России, характерным для завершившейся фазы технологического переворота, в ближайшем будущем должны прийти не менее радикальные контрреформы, характерные для фазы великих потрясений. Этот переход будет происходить через ряд промежуточных стадий, описанных в главе 2, когда либеральные реформы и антилиберальные контрреформы как бы сосуществуют. Однако более подробно об этом речь будет идти ниже, в п. 5.2.

5.2. Прогностическое значение эволюционных циклов международной экономической и политической системы: прогнозы, которые уже подтвердились

С точки зрения исследования будущего, интерес к эволюционным циклам международной экономической и политической системы определяется прежде всего тем, что они по-
308
зволяют довольно точно определить критические, переломные точки в развитии как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, выделить и проанализировать основные фазы их эволюции. Если другие подходы к прогнозированию, как правило, дают возможность лишь приблизительно определить довольно широкий временной интервал ожидаемых поворотов и крупных переломов в развитии мирового рынка или международной политической системы, то эволюционные циклы, о которых идет речь, в целом ряде случаев демонстрируют гораздо более высокую точность. Вот некоторые примеры уже сбывшихся прогнозов, которые демонстрируют достаточно высокую точность в определении переломных дат.

Во-первых, вопреки представлениям подавляющего большинства авторов, изучавших бизнес-циклы и «классические» кондратьевские циклы (в том числе уже неоднократно упоминавшегося выше И. Валлерстайна), разработанная нами концепция сокращающихся эволюционных циклов позволила спрогнозировать быстрый и относительно безболезненный выход ведущих стран Запада из экономического кризиса начала 1990-х гг., а также сравнительно устойчивый экономический рост на протяжении 1990-х гг. [Умов (Пантин), Лапкин 1992]. Сопоставляя прогнозы, вытекающие из «классической» концепции кондратьевских циклов и из концепции сокращения длительности понижательных волн, мы, в частности, писали: «Если верна *первая* точка зрения, утверждающая неизменность продолжительности кондратьевских циклов, то экономический кризис периода понижательной волны должен быть тяжелым, разрушительным и с последующей длительной депрессией... Если же справедлива *вторая* версия — о сокращении понижательных волн, которую, собственно, разрабатывают и отстаивают авторы этой статьи, то современный экономический кризис на Западе будет не особенно тяжелым и длительным, он по-разному затронет страны и регионы. Тогда кризис будет преодолен уже к концу 1992 — началу 1993 г., после чего начнется подъем» [Умов (Пантин), Лапкин 1992. С. 61— 62]. Напомним, что в действительности кратковременный и не особенно глубокий экономический кризис в США и странах
309
Западной Европы (приведший, однако, к поражению Дж. Буша-старшего на президентских выборах 1992 г.) завершился уже к концу 1992 г., а с начала 1993 г. начался беспрецедентный подъем американской экономики, сопровождавшийся неслыханным обогащением США при президенте Клинтоне.

Во-вторых, исходя из той же тенденции сокращения циклов эволюции международной экономической и политической системы, мы прогнозировали, что уже в начале 2000-х гг. (по мере завершения фазы технологического переворота и приближения фазы великих потрясений) в мире резко усилится политическая и экономическая нестабильность, а с 2005 г. международная система вступит в эпоху великих потрясений в экономике, социальной сфере и политике; прогнозировался также мировой экономический кризис в

самом начале 2000-х гг., который действительно имел место и затронул США, а также страны Западной Европы [Умов (Пантин), Лапкин 1992; Пан-тин 1996. С. 130-135].
В-третьих, основываясь на ярко выраженной тенденции проведения радикальных либеральных реформ в России именно в фазах технологического переворота [Пантин, Лапкин 1991], мы прогнозировали, что в России в 1990-е гг. под давлением и по примеру стран Запада будут осуществлены либеральные реформы, но они будут проводиться «сверху», носить бюрократический характер и в итоге приведут к резкой имущественной дифференциации и политической поляризации российского общества [Умов (Пантин), Лапкин 1992; Умов (Пантин) 1994]. При этом прогнозировалось, что пик либеральных реформ придется на самую середину фазы технологического переворота, т.е. на 1993 год: «В отношении российских реформ, если верна наша (вторая) точка зрения, то ключевые политические и экономические преобразования должны произойти не позднее окончания следующего 1993 г. В политическом плане это, по-видимому, принятие новой Конституции, утверждение работающей многоуровневой властной структуры, в том числе местного управления, осуществление реального разделения властей и судебной реформы... Это также и начало массовой (скажем так — неноменклатурной) при-

ватизации, пусть даже бюрократическими методами, т.е. с ущемлением интересов граждан, что породит впоследствии массу препятствий для полноценного формирования гражданского общества, развитого рынка и его субъекта — среднего класса собственников. Но именно в том, какой характер примет и какими методами будет осуществляться процесс приватизации, скрыто ключевое противоречие нынешних реформ, грозящее в будущем острой социальной и политической конфронтацией» [Умов (Пантин), Лапкин 1992. С. 62]. Следует отметить, что сейчас сказанное воспринимается как само собой разумеющееся, но в начале 1992 г., когда писалась цитировавшаяся статья, всё обстояло совсем не так: существовало множество иллюзий относительно будущего развития России — иллюзий как либерального, так и коммунистического толка. Тем не менее, несмотря на бурные и трагические события осени 1993 г., которые мы, разумеется, не могли предвидеть, несмотря на стихийный ход событий, в целом реформы реализовались так, как мы прогнозировали. И это заставляет лишний раз задуматься над тем, что общие тенденции развития, о которых идет речь, пробивают себе дорогу, невзирая на все обстоятельства и сложности политической борьбы, интересы противоборствующих группировок и т.п.
В-четвертых, исходя из тенденции осуществления радикальных контрреформ в России в фазах великих потрясений [Пантин, Лапкин 1991], мы прогнозировали, что в начале 2000-х гг. в России начнется переход от либеральных «западнических» реформ к антилиберальным контрреформам с одновременным усилением авторитарных тенденций в политике и государственного вмешательства в экономике [Пантин 1997. С. 178— 179]. При этом прогнозировался постепенный переход к авторитарным контрреформам через «гибридный» политический режим, сочетающий элементы авторитаризма и демократии, либеральные и контрреформаторские тенденции: «Скорее всего реализуется некий промежуточный вариант, включающий сохранение на первых порах некоторых экономических и политических свобод, но при возрастающем контроле со стороны государства. Вместе с тем усиление экономической и по-

литической нестабильности в мире, сопровождающее завершение фазы технологического переворота и начало фазы великих потрясений, будет толкать политический режим в России — кто бы его ни возглавлял — к ужесточению и более выраженным чертам авторитарности» [Пантин 1997. С. 179].
В-пятых, исходя из основных тенденций эволюции глобальной системы мировых центров политической и экономической силы, мы неоднократно отмечали, что в начале XXI в. Китай постепенно станет одной из наиболее мощных мировых держав и займет место бывшего СССР в качестве нового противоцентра [Пантин 1996; Лапкин, Пантин 1999; Лапкин, Пантин

2001].
В-шестых, мы указывали на то, что сохранение позиций США в качестве ведущего центра-лидера мировой политической и экономической системы отнюдь не гарантировано: в период 2005—2020 гг. глобальное экономическое лидерство может оспариваться, с одной стороны, новым (потенциальным) центром-лидером — Японией вместе с «тиграми» Юго-Восточной Азии, а с другой стороны — Китаем как новым стремительно формирующимся противоцентром [Пантин 1996; Лапкин, Пантин 2001; Лапкин 2001].
Разумеется, мы отнюдь не утверждаем, что нам удалось предсказать большинство наиболее важных явлений и тенденций развития современного мира на рубеже XX и XXI вв. Многие события и явления оказались и для нас неожиданными, — ведь в развитии таких сверхсложных систем, как общество, нет детерминизма и не существует никакой предопределенности. И всё же многие моменты и даты переломов в мировом развитии, а также направление изменения вектора развития удалось спрогнозировать достаточно близко к тому, что наблюдается в действительности. На наш взгляд, это свидетельствует о принципиальной работоспособности концепции сокращающихся эволюционных циклов международной системы. В то же время эта концепция должна развиваться, уточняться, пересматриваться и проверяться на предмет соответствия ее прогнозов реально происходящим событиям.
312
Каковы же основные причины и факторы относительно высокой точности прогнозирования переломных моментов мирового и внутристранового развития с помощью рассматриваемой системы эволюционных циклов? Прежде всего большие циклы мировой конъюнктуры, обнаруженные и проанализированные Кондратьевым, описывают реальные сдвиги в международной экономике и политике, причем сдвиги не внешние и поверхностные, а глубинные. Вместе с тем концепция эволюционных циклов международной экономической и политической системы, как уже указывалось выше, исходит не из одинаковой продолжительности этих циклов, а из их постепенного сокращения. Это имеет существенное значение, так как подобная более гибкая схема позволяет учесть общее ускорение экономических, социальных, политических процессов в современном мире за счет более быстрого транспортного сообщения и обмена информацией—ускорение, которое стало явным в нашу эпоху, но которое в менее заметном виде присутствовало и в более ранние периоды. Кроме того, сравнительная сложность структуры эволюционного цикла (наличие не двух, как у Кондратьева, а четырех различных фаз) дает возможность более точно структурировать периоды развития международной системы и обнаруживать наиболее важные точки перелома. Руководствуясь принципом подобия внутренней структуры основных фаз циклов эволюции международной экономической и политической системы (например, подобием внутренней структуры фазы великих потрясений первого, второго и нынешнего третьего циклов), можно достаточно точно и определенно указать на будущие моменты перелома в мировом развитии, а также на общее направление этих переломов. Таким образом возникает некое подобие «навигационной карты» будущего развития, о которой писал А.Дж. Тойнби. Ниже приводится внутренняя структура фазы великих потрясений в мировой политике и экономике (2005—2017 гг.), вытекающая из рассмотренной концепции циклов эволюции международной экономической и политической системы. На основе этой внутренней структуры дается прогноз мирового политического и экономического развития в ближайшие десятилетия.
313

5.3. Прогноз мирового развития в первой половине XXI века, основанный на эволюционных циклах международной экономической и политической системы

Описанные циклы эволюции международной экономической и политической системы, прогностический потенциал которых отчасти уже был продемонстрирован выше, позволяют заглянуть в будущее и спрогнозировать (или предсказать) основные периоды развития в ближайшие десятилетия и — шире - в первой половине XXI в. Кроме того эти циклы дают возможность выявить наиболее важные критические (переломные) точки, в которых можно ожидать крупных политических и экономических событий, способных оказать определяющее влияние на жизнь сотен миллионов и даже миллиардов людей. Ввиду

важности последней проблемы позволим себе остановиться на ней подробнее. Это тем более необходимо, что таким образом становится более ясной общая методология нашего прогнозирования.

Чтобы проиллюстрировать довольно тонкое и детальное структурирование различных периодов мирового развития, а также возможность выявления множества критических точек с помощью описанной системы эволюционных циклов, остановимся подробнее на внутренней структуре фазы великих потрясений в экономике и политике, которая, согласно приведенной выше схеме, должна начаться с 2005 г. и продлиться примерно до 2017 г. Анализ внутренней структуры этой фазы непосредственно связан с определением перспектив мирового и странового развития в ближайшем будущем и поэтому обладает непосредственным прогностическим потенциалом. Если сопоставить фазы (понижательные волны) великих потрясений 1813-1849 гг., 1921-1945 гг. и 2005-2017 гг., то можно выявить следующую их структуру, которая воспроизводится (или будет воспроизводиться), несмотря на сокращение продолжительности этих фаз. Вся фаза великих потрясений разделяется критическими точками на три практически равные части, причем каждая из этих частей (периодов) имеет собственные характерные черты. Начинается фаза великих

потрясений с относительно неглубокого, но заметного экономического и политического кризиса (в первом цикле это был кризис, связанный с поражением Наполеона и распадом наполеоновской империи в 1813—1814 гг., во втором цикле - кризис 1920-1921 гг. после окончания Первой мировой войны). В первой части фазы великих потрясений (соответственно 1813— 1825 гг., 1921—1929гг.) происходит неустойчивый экономический рост при постепенном, но быстром нарастании политической, экономической и социальной нестабильности в мире; завершается эта первая часть фазы великих потрясений мировым экономическим кризисом (мировой экономический кризис перепроизводства 1825 г., мировой финансовый и экономический кризис 1929 г.), который становится рубежом в развитии мировой экономики и политики. Отсюда, руководствуясь принципом подобия, можно прогнозировать, что после небольшого политического и экономического кризиса 2004—2005 гг., связанного с неудачами США в Ираке, временным ростом цен на нефть, падением доллара и т.п., в период 2005—2009 гг. (первая часть нынешней фазы великих потрясений) будет наблюдаться неустойчивый экономический рост при общем нарастании политической, экономической и социальной нестабильности как в развивающихся, так и в развитых странах мира. Завершится же эта первая часть глубоким мировым экономическим кризисом, который разразится в 2008-2010 гг. и станет рубежом в мировом экономическом и политическом развитии. Именно этот кризис скорее всего нанесет решающий удар по мировой финансовой пирамиде США, описанной Э. Тоддом: «Таинственными путями деньги, рассматриваемые привилегированными слоями периферии как капитальные вложения, превращаются для американцев в денежные знаки, используемые для закупок по всему миру товаров повседневного потребления. Капитальные инвестиции должны, таким образом, тем или иным способом испариться... Каждое американское банкротство — это для европейских и японских банков превращение в пар их активов» [Тодд 2004. С. 116]. Этому же автору принадлежит следующее предсказание, которое осуществится, по-видимому, именно в 2008—2010 гг.: «Мы еще не

знаем, как и какими темпами европейские, японские и другие инвесторы будут общипаны, но они будут общипаны, как куры. Наиболее вероятный вариант — невиданная биржевая паника с последующим крушением доллара. И такая последовательность событий может иметь своим следствием и конец самого "имперского" статуса Соединенных Штатов... Крушение механизма будет настолько же неожиданным, насколько удивительным было его появление» [Тодд 2004. С. 116].

Вторая часть фазы великих потрясений (соответственно 1825—1837 гг., 1929—1937 гг.) характеризуется тяжелой депрессией в экономике ведущих стран, а также установлением авторитарных или тоталитарных режимов в целом ряде менее развитых стран, относящихся к периферии или полупериферии мирового рынка. При этом низшей точкой (точкой наибольшей глубины экономического, социального и политического кризиса) становится середина этой второй части и всей фазы великих потрясений — 1830—1832 гг. для первого эволюционного цикла эпохи индустриального общества и 1932— 1934 гг. для второго эволюционного цикла. В этой «низшей точке» происходит целый ряд важных политических событий, которые определяют дальнейшее мировое развитие вплоть до самого конца фазы великих потрясений. Напомним в этой связи, что в 1830—1832 гг. в Великобритании, тогда ведущей стране мира, разразился экономический кризис, подтолкнувший страну к важной парламентской реформе; во Франции в 1830 г. произошла Июльская революция, сразу после которой неоднократно вспыхивали различные восстания и массовые выступления рабочих; в той части Польши, которая находилась в составе Российской империи, разразилось восстание, закончившееся взятием Варшавы русскими войсками. Соответственно в 1932—1934 гг. страны Запада переживали самую глубокую депрессию, которая не случайно была названа «великой депрессией»; в США в 1932 г. президентом был избран Ф.Д. Рузвельт, начавший с 1933 г. под давлением кризиса и депрессии осуществлять важные реформы, получившие название «Новый курс»; в начале 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер, и утвердился тоталитарный нацистский режим; в

СССР в 1932—1934гг. была завершена коллективизация, получившая название «великий перелом» и по существу означавшая окончательное утверждение нерыночной экономики и тоталитарного политического режима, а после убийства Кирова в 1934 г. — и начало «великого террора»; в Японии в 1932 г. произошел военный путч, убийство премьер-министра «молодыми офицерами», после чего Япония в 1933 г. вышла из Лиги наций и встала на путь милитаризации и подготовки к «большой войне». Таким образом, политические события «низшей точки» фазы великих потрясений подготавливают драматические события ее завершающей части: в первом эволюционном цикле революционные выступления и социальные движения в странах Европы 1830—1832 гг. подготовили «всеобщую» европейскую революцию 1848—1849 гг., а во втором цикле военные перевороты и утверждение ряда авторитарных и тоталитарных режимов подготовили Вторую мировую войну 1939— 1945 гг. Несмотря на различие этих финалов (в одном случае — всеевропейская революция, в другой — мировая война), между ними есть и нечто общее: в обоих случаях в результате этих драматических событий были разрушены старые политические и социальные структуры, мешавшие дальнейшему экономическому и социально-политическому развитию капиталистического общества, а также развитию мирового рынка и мировой политики.

Существенно также, что всякий раз начальной и конечной точками второй части фазы великих потрясений являются экономические кризисы, в результате чего вся эта вторая часть протекает под знаком этих кризисов. Для первого эволюционного цикла границами второй части фазы великих потрясений служат кризисы 1825 г. и 1837—1838 гг., для второго цикла — кризисы 1929 г. и 1937—1938 гг. Иными словами, этот тяжелый период начинается с кризиса и заканчивается кризисом. Во многом с этим связаны драматические политические события, которые происходят в странах, наиболее затронутых кризисом и депрессией. В случае, если страна обладает огромными ресурсами и является мировым лидером, способным эффективно мобилизовать эти ресурсы (Великобритания в

1830-х гг., США в 1930-х гг.), кризис порождает ответ в виде важных политических и социальных реформ (парламентская реформа в Англии, «Новый курс» Рузвельта в США). Если же страна находится в уязвимом геополитическом и геоэкономическом положении и

не обладает достаточными ресурсами (а главное, способностью эффективно мобилизовать имеющиеся у нее ресурсы), то в ней либо нарастают внутренние социальные противоречия, приводящие ее к революции (Франция, Австрийская империя, Германия, Италия в 1830-х - 1840-х гг.), либо устанавливается авторитарный или тоталитарный режим, идущий по пути внешней экспансии, агрессии во имя приумножения ресурсов или расширения «жизненного пространства» (Германия, Италия, Япония, Румыния и некоторые другие страны в 1930-е - 1940-е гг.).

Что же вытекает отсюда для периода, который мы будем переживать в самом недалеком будущем? Вторая часть современной фазы великих потрясений — это период 2009 — 2013 гг., а «низшая точка», чреватая самыми драматическими политическими событиями, - это 2011 г. (или, говоря более корректно, интервал 2010—2012 гг.). Серьезный экономический кризис, который будет сопровождаться крахом американской финансовой пирамиды, если руководствоваться рассматриваемой концепцией, должен разразиться около 2009 г., после чего в мире, как снежный ком, будут нарастать и множиться важные политические события. При этом, скорее всего, толчком к мировому кризису станет финансовое и экономическое «перенапряжение» Соединенных Штатов в результате их дорогостоящей военной и политической экспансии в Афганистане, Ираке, Иране, а также других странах. В низшей точке (около 2011 г.) в США, Японии и, возможно, в некоторых европейских странах, скорее всего, произойдут важные политические и социальные реформы, которые в последующем будут иметь значение не только для этих стран, но и для многих других государств, для международного сообщества в целом. В большинстве же других стран, включая Россию, Китай, многие страны Азии, Латинской Америки и Африки, скорее всего, укрепятся авторитарные или даже тоталитарные тенденции, произойдет

довольно резкий «откат» демократии, что уже не раз наблюдалось в периоды кризисов и потрясений [Хантингтон 2003а. С. 23-37]. Около 2013 г. может разразиться новый экономический кризис, который поставит многие страны в тяжелое положение и существенно ослабит даже наиболее развитые государства. США после этого кризиса, скорее всего, уже не смогут восстановить свою финансовую пирамиду, обеспечивающую им приток капиталов со всего мира. Прежний мировой порядок начнет трещать и рушиться, что создаст благоприятные условия для разрастания масштабных политических и военных конфликтов во многих частях мира.

Какого рода могут быть эти конфликты? Безусловно, глобальный конфликт между Западом и исламской цивилизацией будет играть существенную роль в мире в 2009—2013 гг. В его сферу могут быть втянуты новые страны, например, Иран, Сирия, Пакистан. Его особенность состоит в том, что никакими бомбежками и развертыванием систем ПРО справиться со множеством разнообразных проявлений этого глобального конфликта невозможно. Война с международным терроризмом, которую подпитывают своими действиями сами Соединенные Штаты, будет долгой и упорной, поскольку демографический рост в странах исламского мира, поставляющий всё новых смертников, будет продолжаться по крайней мере до начала 2020-х гг. Разумеется, в результате этой войны сам исламский мир понесет огромные потери и окажется в глубоком кризисе, но серьезно пострадают и Соединенные Штаты. В странах Европы, где благодаря высокой рождаемости доля выходцев из исламского мира будет непрерывно расти, этот глобальный конфликт примет особые формы: ислам будет «мирно» захватывать в них власть и серьезно влиять на внутреннюю и внешнюю политику европейских стран. В итоге европейская цивилизация превратится в европейско-исламскую, что приведет не столько к внешним военным столкновениям европейских стран, сколько к росту внутренних социальных, религиозных и межкультурных конфликтов. Россия может стать зоной непрерывных политических и военных конфликтов на Северном Кавказе, а также в некоторых «внутренних»

регионах, в которых проживает значительное число граждан, исповедующих ислам. Помимо этого глобального конфликта, скорее всего, будут постепенно обостряться отношения Китая со своими соседями. Продолжающийся демографический, экономический и военный рост Китая неизбежно будет толкать его к экспансии — сначала «мирными», экономическими методами, а затем и военно-политическими. При этом объектом китайской экспансии уже становятся страны Центральной Азии (Киргизия, Казахстан), российский Дальний Восток, некоторые страны Юго-Восточной Азии, в экономической жизни которых роль киг тайской диаспоры (хуацяо) особенно велика. Скорее всего, эта экспансия долгое время не будет выливаться в открытые вооруженные конфликты, поскольку Китай предпочитает осуществлять прежде всего экономическое, дипломатическое и политическое давление, а военные угрозы использовать в основном как психологический фактор. Но рано или поздно эта ситуация может измениться, и тогда (скорее всего, уже после 2013 г.) Китай может вступить в военный конфликт с одним из своих соседей или с несколькими государствами сразу.

Наконец, не стоит забывать о многочисленных конфликтах на постсоветском пространстве, в которые оказываются втянутыми Россия и страны Запада. Несмотря на внешне дружественные отношения, любые конфликты на постсоветском пространстве приводят к столкновению российских и западных интересов. Фактически США и Европейский Союз уже рассматривают постсоветское пространство, да и некоторые регионы России как сферу своих «жизненно важных» интересов. Независимо от желания российских лидеров непрерывная экспансия Европейского Союза и США провоцирует и будет провоцировать Россию на ответную реакцию. В итоге это чревато серьезными конфликтами на всем постсоветском пространстве, периодическими переделами границ и сфер влияния. Западные страны как бы испытывают Россию на прочность, и всякий раз ее отступление расценивается Западом как свидетельство ее слабости и необходимости продолжать экономическую и военно-политическую экспансию.

Очевидно, что подобные процессы в итоге приведут либо к постепенному поглощению России (точнее, к ее разделу между Европой, США и Китаем), либо к открытому военно-политическому конфликту, который может вспыхнуть как раз после 2013 г.

Если посмотреть, исходя из этой вполне вероятной перспективы, на нынешние действия Соединенных Штатов и Европейского Союза, то нельзя не признать, что они прямо ведут к подобному развитию событий и уже сейчас создают основу для острейших конфликтов, которые в будущем, скорее всего, разрастутся в глобальные политические и военные конфликты. Оккупация Соединенными Штатами Ирака уже вызвала невиданный ранее подъем международного терроризма, с которым якобы борются США. После Афганистана и Ирака США интенсивно ищут новые объекты для своей экспансии. «Экспорт демократии», который осуществляют США и Европейский Союз по всему миру, весьма смахивает на «экспорт революции», которым занимался в свое время Советский Союз и который всячески осуждался странами Запада. Результатом этого насильственного «экспорта демократии» станет не действительное развитие демократических институтов, а дестабилизация в различных регионах мира, повсеместное усиление конфронтации идеологий, этносов, культур. При этом агрессивность США и Европейского Союза нарастают по мере ухудшения экономической ситуации в этих странах, что создает все предпосылки для будущих великих потрясений в мировой экономике и политике. Остановиться западные страны уже не могут, поскольку инерция их деструктивных действий чрезвычайно велика: демократ Клинтон бомбил Югославию, республиканец Буш бомбил Афганистан и Ирак, и будущий (после 2008 г.) президент США, кем бы он ни был, всё равно, по-видимому, скатится к той же стратегии и тактике продвижения американских интересов. Но тем самым мир всё больше и больше дестабилизируется, что делает обрисованный в общих чертах сценарий развития событий не только возможным,

но и практически неизбежным. Самое существенное, что даже возможный в будущем (после кризиса 2008-2010 гг.) отказ США
321
от прежней активной внешней экспансии и роли «мирового жандарма» после того, что они наделали, работая как «слон в посудной лавке», только приведет к еще большей дестабилизации в мире, к росту «международной анархии» и столкновению мировых центров политической и экономической силы. Весь вопрос только в том, насколько тяжелыми и разрушительными окажутся в итоге грядущие великие потрясения, которые бумерангом ударят и по самим странам Запада.

Третья, завершающая часть фазы великих потрясений (1837—1849 гг. в первом цикле, 1937—1945 гг. во втором цикле) была периодом нарастания острых внутренних социально-политических и международных конфликтов. Вот краткий перечень наиболее важных событий этого решающего периода фазы великих потрясений первого цикла. В 1838 г. в Англии непосредственно под влиянием кризиса возник чартизм (массовое движение за «Народную хартию», названную так по аналогии с «Великой хартией вольностей»), а также образовалась «Лига борьбы против хлебных законов»; в 1839 г. Англия захватила Гонконг и Аден, началась первая англо-афганская война (1839—1842), в Париже в очередной раз вспыхнуло восстание под руководством Огюста Бланки; в 1840 г. началась первая «опиумная» англо-китайская война (1840—1842); в 1841 г. в Кабуле разразилось восстание против англичан; в 1842 г. в английский парламент была представлена вторая чартистская петиция; в 1843 г. Англия аннексировала республику буров Наталь в Южной Африке; в 1844 г. произошло восстание си-лезских ткачей в Германии; в 1845 г. началась первая англосикхская война (1845—1846); в 1846 г. началась американо-мексиканская война (1846-1848), в Англии произошла отмена хлебных пошлин; в 1847 г. начался экономический кризис в Европе (1847—1848), произошла гражданская война в Швейцарии; в 1848 г. произошли революция в Париже и свержение Июльской монархии во Франции, вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, произошли революции в Вене, Венгрии и Берлине, вспыхнули восстания на Сицилии, в Венеции, Милане, Риме и Праге, началась война Сардинского королевства против Австрии (1848—
322
1849), в Париже произошло и было жестоко подавлено июньское восстание рабочих, Луи-Наполеон был избран президентом Французской республики; в 1849г. была провозглашена Римская республика, осуществлена интервенция Франции против Римской республики и интервенция России против восставшей Венгрии, пала Венецианская республика, произошло восстание рабочих в Лионе. Очевидно, что в этот период наряду с социальными выступлениями, восстаниями и революциями происходили многочисленные и кровопролитные «колониальные» войны, которые вели Великобритания, США и Франция. Обратим также внимание читателя на то важное обстоятельство, что очередной этап неудержимой колониальной экспансии Великобритании начался именно около 1839—1840гг. (первая англо-афганская война, первая англокитайская «опиумная» война и др.) как непосредственный ответ на обострившуюся социально-экономическую ситуацию в самой Великобритании (экономический кризис 1837— 1838 гг., возникновение чартизма и «Лиги борьбы против хлебных законов» в 1838 г.).

Основные события завершающей части фазы великих потрясений второго цикла выглядят следующим образом. 1937 г. — нападение Японии на Китай, начало японо-китайской войны, присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту», разгар «великого террора» в СССР; 1938 г. — оккупация Австрии германскими войсками, принятие «закона о всеобщей мобилизации нации» в Японии, столкновение между японскими и советскими войсками у озера Хасан, начало мобилизации в Германии, подписание Мюнхенского соглашения между Великобританией, Францией, Германией и Италией о расчленении Чехословакии, провозглашение японским правительством «нового порядка в Восточной

Азии»; 1939 г. — оккупация Чехии германскими войсками, оккупация Клайпеды германскими войсками, вступление в Мадрид войск итало-германских интервентов и Франко, захват Италией Албании, подписание советско-германского пакта о ненападении и секретного приложения о разделе сфер влияния в Европе, вторжение германских войск в Польшу, начало Второй мировой войны.

323

Очевидно, что никакого повторения перечисленных событий первого и второго циклов в третьем цикле не будет, поскольку речь идет о структурном подобии, но не о повторяемости истории. Тем не менее, основываясь на упоминавшемся принципе структурного подобия, можно следующим образом охарактеризовать третью, завершающую часть фазы великих потрясений третьего цикла, т.е. период 2013—2017 гг. Вероятность обострения международных конфликтов и их перерастания в региональные военные конфликты (а то и в глобальный военный конфликт) наиболее высока на временном отрезке 2014—2017 гг., который соответствует отрезкам 1840— 1849 гг. в первом цикле и 1939—1945 гг. во втором цикле. Скорее всего, именно эти годы станут временем наибольшего риска для всего международного сообщества, разделенного на враждующие лагеря и неспособного справиться с распадом прежнего мирового порядка. При этом вероятные линии наиболее острого противостояния включают, во-первых, столкновение США и исламского мира, во-вторых, столкновение России и Европы, в-третьих, столкновение США и Китая, в-четвертых, столкновение России и Китая. Почему именно эти линии военно-политического столкновения кажутся наиболее вероятными? Во-первых, все эти конфликты уже имеют место, хотя на первом месте сейчас находится противостояние США и исламского мира, а остальные конфликты (между Россией и Европой из-за Украины, Молдовы и Беларуси, между Россией и Китаем из-за российского Дальнего Востока, Киргизии, Казахстана или между США и Китаем из-за Тайваня и некоторых других территорий Юго-Восточной Азии) пока что находятся в латентном состоянии. Во-вторых, Россия является старым противоцентром, а Китай — новым; как следует из прежних циклов, столкновение между старым и новым про-тивоцентрами происходит почти с неизбежностью, хотя в первом цикле оно произошло между Францией (старым противоцентром) и Германией (новым противоцентром) в самом конце фазы революции международного рынка (1871 г.), а во втором цикле осуществилось между Германией (старым противоцентром) и Россией (СССР) в конце фазы великих потря-

324

сений (1941—1945 гг.). Поэтому не исключено, что при благоприятных условиях военное столкновение между Россией и Китаем может быть отсрочено до середины — конца следующей фазы революции международного рынка, т.е. до 2020-х — 2030-х гг. В этом случае оно, скорее всего, будет носить менее разрушительный характер. Что же касается столкновения США (прежнего центра-лидера) и Китая (нового противоцентра), то оно также закономерно, хотя формы и последствия этого столкновения могут быть различными. Не исключено, что столкновение между США и Китаем также может быть сдвинуто к 2020-м — 2030-м гг. Наконец, конфликт между Россией и объединенной Европой, скорее всего, не выльется в открытое военное столкновение, но в любом случае будет весьма болезненным для России, поскольку может привести не только к резкому сокращению ее политического влияния на постсоветском пространстве, но и к уменьшению ее контроля над социально-политическими процессами на собственно российской территории. Вместе с тем США объективно не слишком заинтересованы в распаде России, и, если не произойдет чего-то экстраординарного, Россия всё же имеет шансы выстоять и уцелеть в чрезвычайно сложной ситуации. Но этими шансами надо еще уметь воспользоваться, что при ярко выраженной безответственности и коррумпированности российской политической элиты представляется делом чрезвычайно сложным, даже едва ли возможным. Однако подробнее о перспективах развития России в ближайшие годы и десятилетия, а также о ловушках и трудностях, которые ее

подстерегают, речь будет идти в главах 6 и 7.
Каковы могут быть итоги фазы великих потрясений 2005— 2017 гг.? Скорее всего, несмотря на военно-политическую победу США над международным терроризмом и исламским фундаментализмом, а также на расширение Европейского Союза на восток, западные страны в целом выйдут из этой фазы великих потрясений внутренне ослабленными. Еще более ослабленной из этой фазы может выйти Россия. Напротив, Китай, Индия и, главное, Япония вместе с рядом стран Юго-Восточной Азии, скорее всего, смогут усилить свои экономиче-
325
ские и политические позиции в мире. Более того, Япония и Китай могут выдвинуться на роль мировых экономических лидеров, причем Япония вместе с рядом стран Юго-Восточной Азии, скорее всего, станет новым центром-лидером мировой экономической системы с принципиально иной, чем прежде, дело-кализованной геоэкономической структурой, а Китай — про-тивоцентром. Однако эти масштабные геоэкономические и геополитические сдвиги, по-видимому, произойдут и станут явными лишь в следующей фазе революции международного рынка (2017—2041 гг.), завершающей третий цикл эволюции международной экономической и политической системы.
Говоря о перспективах мирового развития после 2017 г., следует иметь в виду изменение вектора международного политического и экономического развития, связанное с переходом из фазы великих потрясений в фазу революции международного рынка. В целом эта последняя фаза характеризуется масштабными сдвигами в мировой политике и экономике, которые в итоге создают благоприятные условия для бурного развития нового технологического уклада, новых социальных и политических институтов, новых форм социальной организации. Не менее важно и то обстоятельство, что в фазах революции международного рынка, как правило, наблюдается подъем культуры, и прежде всего подъем духовного творчества. Вместе с тем структуру фаз революции международного рынка (напомним, что, в отличие от фаз великих потрясений, их продолжительность практически не меняется по мере эволюции международной экономической и политической системы, составляя около 24 лет) также можно рассматривать как трехчленную, состоящую из трех равных по продолжительности частей, примерно по 8 лет каждая. Если сопоставить фазы революции международного рынка предшествующих первого и второго эволюционных циклов, то можно выявить следующие тенденции, которые в определенной мере помогают понять структуру будущей фазы революции международного рынка (2017-2041 гг.).
Первая часть фазы революции международного рынка (1849—1857 гг. для первого цикла и 1945—1953 гг. для второго
326
цикла) наполнена бурными политическими событиями, которые являются логическим продолжением процессов, получивших свое развитие в предыдущей фазе великих потрясений. Однако общее направление, а также общий контекст этих событий и процессов в фазе революции международного рынка уже иной, чем в фазе великих потрясений: теперь уже не столько разрушаются прежние, препятствующие развитию мирового рынка институты и формы социальной организации, сколько создаются новые. Так, в период 1849—1857 гг. в странах Европы, переживших революции (Франции, Пруссии, Австрии, превратившейся в Австро-Венгрию, Италии), происходили важные политические и социальные реформы; параллельно разразилась Крымская война (1853—1856 гг.), которую Россия проиграла и следствием которой стала подготовка к отмене крепостного права, а затем произошли насильственное открытие Японии для торговли с США, Россией, странами Западной Европы (1853—1858 гг.) и вторая «опиумная» война Великобритании и Франции с Китаем (1856—1860 гг.); в США в 1854 г. образовалась республиканская партия, которая в дальнейшем осуществила отмену рабства. Аналогично в соответствующий период второго цикла 1945—1953 гг. в оккупированной Японии и

Западной Германии произошли важные политические и экономические реформы, которые вскоре привели к немецкому и японскому «экономическому чуду», реализовался план Маршалла, способствовавший быстрому экономическому восстановлению Западной Европы; в международной политике возникли основы биполярной системы, и окончательно сформировался такой важный инструмент решения международных проблем, как Организация Объединенных Наций; Индия осовободилась от британского колониального господства (1947 г.), образовалась Китайская Народная Республика (1949 г.); параллельно с этим началась «холодная война» между странами Запада и СССР (1946 г.), разразились война в Индокитае и война в Корее. Иными словами, в этой первой части фазы революции международного рынка на фоне масштабных геополитических и геоэкономических сдвигов, сопровождающихся локальными войнами, во многих странах

мира происходят важные политические и экономические реформы. Мир начинает радикально меняться, на международной арене появляются принципиально новые действующие лица.

Если взглянуть под этим углом зрения на будущий период 2017—2025 гг., то можно прогнозировать осуществление глубоких политических и экономических реформ в целом ряде стран (например, в Индии, России, странах Юго-Восточной Азии), которые будут происходить на фоне (и в результате) крупных геополитических и геоэкономических сдвигов, а также целого ряда локальных войн. Ключевой вопрос состоит в том, какого рода будут эти геополитические и геоэкономические сдвиги: приведут ли они к началу развала нынешней американской неоимперской системы (Pax Americana), как в свое время события 1945—1953 гг. привели к началу развала британской и французской колониальных империй, или же дело ограничится возникновением альтернативного делокализован-ного мирового центра, как это произошло в 1849—1857 гг., когда на пике могущества Британской империи началось формирование альтернативного мирового центра в лице США? Однозначно на этот вопрос ответить достаточно трудно; представляется, что оба эти варианта развития событий в реальности окажутся совмещены. Новый делокализованный центр-лидер в лице Японии и «тигров» Юго-Восточной Азии начнет завоевывать всё новые позиции в мировой экономике, в то время как Соединенные Штаты постепенно начнут утрачивать свое ведущее экономическое положение в мире. В то же время в период 2017—2025 гг. США, скорее всего, еще сохранят свою роль политического и военного лидера и всё еще смогут навязывать свои интересы другим странам, но уже не столь эффективно, как прежде.

Решающим этапом масштабных геоэкономических и социально-политических изменений, как можно полагать, станет вторая часть фазы революции международного рынка (примерно 2025—2033 гг.). Вторая часть этой фазы в первом (1857— 1865 гг.) и во втором (1953—1961 гг.) эволюционных циклах сопровождалась крахом многих устаревших форм и институ-

тов, их заменой новыми формами социально-политической и экономической организации (в первом цикле — принятие гом-стед-акта в 1862 г. и падение рабства в 1865 г. в США, отмена крепостного права в России в 1861 г., политические реформы в Германии после 1862 г.; во втором цикле — крушение сталинизма и вторичная отмена «крепостного права» в СССР после 1953 г., крах британской колониальной империи в 1950-х — начале 1960-х гг., образование Европейского экономического сообщества в 1957 г., ликвидация самых отсталых форм помещичьего землевладения и арендных отношений в странах Восточной Европы в 1950-е гг.). Соответственно в третьем цикле период 2025—2033 гг. может сопровождаться глубокими социально-политическими и экономическими реформами в целом ряде стран «полупериферии» мирового рынка — в странах Азии (прежде всего в Индии и Китае), Латинской Америки (прежде всего в Бразилии), на бывшем постсоветском пространстве (на территории России, в странах Центральной Азии). Эти реформы, в отличие от имитационных псевдолиберальных реформ 1980-х —

1990-х гг., могут, наконец, создать условия для стремительного экономического и социального развития названных стран, хотя формы и степень демократизации этих обществ, скорее всего, будут существенно различаться.

Для третьей, завершающей части фазы революции международного рынка характерны возникновение новых субъектов мировой политики и экономики, а также изменение общей геополитической ситуации в мире. В первом цикле это был период 1865—1873 гг., когда завершилась Гражданская война в США и началась эпоха «реконструкции», когда произошло объединение Германии и Италии, в результате чего важнейшим субъектом европейской и мировой политики стала Германская империя, а важнейшим субъектом мировой экономики — Соединенные Штаты Америки. Во втором цикле это был период 1961—1969 гг., когда был достигнут временный военный паритет между США и СССР, в результате чего СССР стал важнейшим субъектом мировой политики, а важнейшим субъектом мировой экономики после бурного экономического роста 1960-х гг. стала Япония. В третьем цикле в завершаю-

щей третьей части фазы революции международного рынка (около 2033—2041 гг.), по-видимому, произойдет окончательное утверждение в качестве ведущих субъектов мировой экономики и политики Японии, Китая и Индии, хотя их роль в системе мировых центров политической и экономической силы [Лапкин, Пантин 2004] будет существенно различной. Япония вместе с «тиграми» Юго-Восточной Азии будет претендовать на роль центра-лидера, постепенно вытесняющего с этих позиций США; Китай же займет положение «противо-центра», осуществляющего альтернативную по отношению к центру-лидеру модель модернизации и военно-политическую экспансию по всему миру. Что же касается Индии, то ее роль в мировой экономике и политике, как можно полагать, будет весьма сложной: Индия, сочетающая в себе черты будущего центра-лидера и противоцентра, возможно, станет завершающим звеном в системе мировых центров политической и экономической силы, стабилизирующим эту систему и способствующим ее переходу к принципиально новой эпохе мирового развития после 2041 г., когда завершится фаза революции международного рынка третьего цикла, а с ней и огромный период развития доиндустриального и индустриально-капиталистического общества [Пантин 1996. С. 72—83, 135—138].

После начала 2040-х гг. длительность «понижательных» фаз (фазы структурного кризиса и фазы великих потрясений) может уменьшиться почти до нуля, что приведет к изменению общего характера эволюционных циклов международной экономической и политической системы и к радикальным изменениям в ее развитии. В связи с этим можно прогнозировать, что 2040-е — 2050-е гг. станут временем крупного перелома в истории человечества, перелома, который подготовлен всем предшествующим развитием. Завершится целая эпоха индустриального общества — эпоха трудного и мучительного перехода и адаптации человечества к индустриальным технологиям, промышленному капитализму, массовому обществу и массовому производству. Скорее всего, изменится (точнее, начнет изменяться) сама форма эволюции международной экономической и политической системы; глубина и продолжительность

кризисных потрясений могут уменьшиться благодаря формированию более тонких и совершенных механизмов технологического и социального обновления. Возможно, начнут пробивать себе дорогу и утверждаться принципиально новые «закрывающие» технологии, о которых писал М. Делягин (глава 3), и это существенно повлияет на формы мирового экономического развития. Важную роль при этом может сыграть не только распространение новых, более совершенных информационных технологий, но и формирование более эффективных политических и экономических институтов, потребность в которых возникнет уже в фазе великих потрясений 2005— 2017 гг. В период 2040-х — 2050-х гг., после завершения третьего цикла эволюции международной

экономической и политической системы эпохи индустриального общества и начала перехода не только отдельных стран, но большинства человечества к новому «постиндустриальному» обществу, могут произойти не только сдвиг мировой экономики и политики с Запада на Восток (из США и Европы в Юго-Восточную и Южную Азию), не только распространение принципиально новых технологий и средств связи, не только крупные изменения в мировой финансовой и информационной системе. Этот период, скорее всего, станет переломным и в плане стабилизации общей численности населения Земли, и в плане распределения населения по различным континентам и регионам, а также в плане изменения климата и природных условий. В результате этой стабилизации могут возникнуть условия для подлинной индивидуализации, а не «массовизации» человека, общества, культуры. Кроме того, по-видимому, утвердятся новые формы социальной и политической организации — новые социальные общности и структуры, новые международные организации, новые демократические институты и т.п.

В целом можно утверждать, что период 2040-х — 2050-х гг. станет во многих отношениях переломным и даже критическим в истории человечества. Не исключено, что в этот период человек и культура снова будут балансировать на краю пропасти — между соблазном упрощения («массовизации», унификации и деградации) и императивом усложнения (индивидуа-

лизации, роста разнообразия и дифференциации). Если это время и не станет новым «осевым временем» в том смысле, какой вкладывал в него Карл Ясперс, то оно всё равно будет чрезвычайно важным для дальнейшего развития человека и общества. Возможно, именно в такую переломную, во многом драматическую эпоху возникнут условия для нового подъема культуры, духовного и интеллектуального творчества; но этими условиями еще надо будет суметь воспользоваться. Ясно, что относительно этого переломного периода не стоит питать никаких иллюзий в духе коммунистических, либерально-демократических или сциентистско-технократических утопий. Никакого «конца истории» нет и не будет, перед человечеством будет стоять множество сложнейших проблем, но формы и механизмы исторического развития могут существенно измениться.

Глава 6
РИТМЫ И ЦИКЛЫ АВТОХТОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

6.1. 36-летние циклы социально-политического развития России: общее описание и особая роль в российской истории

Данная глава отличается от предшествующих глав более детальным анализом исторического развития России, которое рассматривается здесь под особым углом зрения. Вместе с тем тенденции и закономерности российского исторического развития, о которых идет речь в этой главе, весьма важны для прогнозирования ближайшего будущего России. При этом сразу же отметим, что рассматриваемые в настоящей главе тенденции внутреннего, «автохтонного» развития России принципиально отличаются от циклов российских реформ — контрреформ, рассмотренных в главах 2 и 5. Если циклы реформ — контрреформ синхронизированы с циклами эволюции международной экономической и политической системы (глава 5, п. 5.1) и являются непосредственным результатом влияния ритмов и циклов международного развития на эволюцию российского общества и государства, то 36-летние циклы, которым в основном посвящена данная глава, — это ритмы преимущественно внутреннего развития России или, точнее, ее модернизационных «рывков». Разумеется, различные «внешние» и «внутренние» ритмы своеобразно взаимодействуют друг с другом, что и порождает в итоге сложную картину развития российского социума. Однако, прежде чем говорить об этом взаимодействии, необходимо, в частности, выявить те своеобразные 36-летние ритмы, которые прослеживаются в российской истории, а также попытаться определить их зна-

чение для понимания как прошлого, так и будущего развития России.
Сквозь всю многовековую историю России можно проследить драматическую коллизию, сопровождающую попытки ее политических лидеров и возглавляемой ими государственной машины найти решение извечного вопроса российской геополитики, связанного с настойчивой потребностью преодолеть пространственное отчуждение Руси — Московии — России от ведущих мировых экономических центров, с потребностью сформировать устойчивые каналы взаимодействия с ними и восприятия идущих от них цивилизующих импульсов. Вся российская история пронизана этими идущими из разных источников импульсами, будь то воспринятые от варягов первоосновы государственности или воспринятые от византийской церкви религия и письменность, будь то — столетиями позже — наново усвоенные от Орды навыки государственного управления и военной организации, будь то опыты Голландии и Пруссии, вдохновлявшие российских императоров XVIII в. на подвиги заимствования или ученичества (а порой и на откровенное малопродуктивное подражание), будь то, наконец, опыты российского «самобытного» прочтения марксизма и неолиберализма, составившие идеологическую основу российских революций начала и конца XX столетия.
Но основная проблема состоит в том, что продолжительность этих импульсов всякий раз оказывалась недостаточной для органического усвоения их фундаментального цивилизующего содержания. Более того, очень скоро в воспринимающей их «автохтонной» среде начиналась реакция отторжения. В итоге периоды преодоления пространственных ограничений развития пресекались и сменялись длительными периодами культурной изоляции и хозяйственной автаркии; тем самым формировались «рваные», в чем-то надрывные ритмы российской истории, ритмы ее «раскрытия миру» и нового «окукливания».
Иными словами, особенности российской геополитики (если под геополитикой понимать в первую очередь политическое обустройство вмещающего ландшафта, т.е. освоенного *человеком хозяйствующим* пространства, сочленяющее заложен-

ные в географии возможности с принципами и структурами наличествующей политической организации) сформировали принципиально неустойчивый, по сути — чреватый катастрофами механизм циклического развития российского государства и общества, характеризующийся чередованием полярных ориентации (то ориентации на ученичество и культурное заимствование у чужеземцев, а то — на самобытное и самодостаточное существование, убаюкиваемое мифами о собственной исключительности, вариации которых простираются от «Третьего Рима» до «Третьего Интернационала»).
Отметим, что «эффект» цивилизующего внешнего воздействия всякий раз сильно варьировался, будучи зависимым от реального культурного потенциала той цивилизации, которая в данном случае выступала в качестве эталона, «образца» для подражания и заимствования. Характерно, что об устойчивой ориентации России на западноевропейскую традицию мирового лидерства можно говорить лишь начиная с реформ Петра I, т.е. с конца XVII в. До этого в качестве образцов политического и культурного развития Руси — Московии фигурировали и Османская империя (XVI в.), и Орда (XIII-XIV вв.), и Византия (X— XII вв., а также отчасти XV в.), и Хазарский каганат (IX—X вв.). При этом лишь в случае Византии X—XII вв. можно говорить (и то с известными оговорками) о том, что выбор Руси оказался сориентирован на реального мирового лидера той исторической эпохи. По-видимому, именно это обстоятельство и определило столь поразительное соответствие Киевской Руси, особенно в период ее расцвета, современным ей образцам римско-ев-ропейской государственности. В остальных случаях вторичность воспринятых Русью — Россией институциональных форм и культурных стереотипов обусловила неорганичный характер российского развития, сориентированного наложные и неадекватные своему времени цели. Поэтому нередко очередной рывок к цивилизации устремлял Россию в направлении, противоположном

«магистральному», общемировому вектору развития. Особо отметим, что этот парадоксальный эффект российского развития — движение в ложном направлении — сохранился и после того, как Россия необратимо интегрировалась в европей-
335
скую политику (т.е. и после XVII в.). Пожалуй, лишь Петру Великому гениальным образом удалось «разобраться» в хитросплетениях европейской политики и сориентироваться на опыт наиболее перспективных ее центров — Англии и Голландии. В последующие исторические периоды России «не везло»: ее лидеры предпочитали «уроки французского», «прусского», «германского», эти своего рода уроки любви-ненависти, с опаской и недоверием относясь к возможностям прагматического сближения с реальными мировыми лидерами (с Великобританией XVIII—XIX вв., США конца XIX—XX вв., Японией второй половины XX - начала XXI в.), по сути пренебрегая их уникальным опытом хозяйственного и социально-политического обустройства.

Историческая обреченность России на решение фундаментальной проблемы освоения «внутренних пространств» варварской, не приобщенной к цивилизации Евразии, причем освоения в условиях острого дефицита наличествующих у государства политических, хозяйственных и демографических ресурсов, определила особую имперскую форму ее исторического развития. Эту форму точнее всего было бы назвать «вторичной империей», поскольку ее цивилизующая (по отношению к окружающему варварскому пространству) миссия, распространяемые ею вовне властные импульсы *(империумы)* были принципиально не самодостаточными, как правило, лишь транслирующими (причем с большими искажениями и упрощениями) правовые, культурные и бытовые нормы ведущих мировых центров, таких как Византия раннего средневековья или Запад Нового времени. В историческом масштабе времени они формировали характерные циклы освоения внутренних пространств Евразии, циклы закономерного чередования периодов восприятия и усвоения накопленного передовыми державами политического и социокультурного опыта и периодов трансляции, распространения этого опыта на окружающее российскую державу пространство, или, иными словами, чередования фаз «рывка» в обучении и самодостаточной «релаксации».

Важно обратить внимание на принципиальную особенность двух этих полярных фаз российского развития, во многом оп-
336
ределяющую особенности взаимодействия Руси — Московии — России с внешним миром в тот или иной период. Принимая во внимание наличие общемировых циклов экономического и социально-политического развития, рассмотренных ранее (п. 5.1), — с точки зрения мировой истории, очевидно, более фундаментальных, —тем не менее, следует отметить, что в определенные периоды автохтонные ритмы российского развития оказываются преобладающими над ритмами мировыми. Парадоксально, но это происходит именно в фазе «рывка». Иными словами, именно тогда, когда Россия приступает к обновлению собственных социально-политических институтов и принципов устройства жизни путем заимствований во внешнем, окружающем ее мире, формируется устойчивый «самобытный цикл» ее развития; подобная ритмика обуславливает преодоление внешней цикличности, навязываемой ритмикой развития господствующего мирового лидера. В этот период Россия, образно говоря, идет в ученичество к более успешным народам, но учиться их премудрости предпочитает исключительно по собственным методикам и, главное, в своем собственном ритме.

Напротив, в фазе «релаксации», следующей за фазой «рывка», столь же парадоксальным образом наблюдается своего рода затухание «собственных колебаний» и, соответственно, проявление ведущих «общемировых ритмов» развития. Усвоив ранее новые формы политического устройства (прежде всего формы государственного правления и контроля над обществом) — как это произошло, например, в эпоху петровских и екатерининских преобразований XVIII в., — Россия затем на длительное время «успокаивается» и

трансформирует то, что прежде было полем отчаянных социально-политических экспериментов, в нечто священно-неприкосновенное. Усвоенные прежде формы, такие, например, как «русифицированный вариант» прусской модели государственной бюрократии и по-мещичье-крепостнического уклада, становятся теперь (т.е. с конца XVIII в.) на длительное время доминантой и идеально-типическим ядром новой порождающей модели российской государственности (своего рода «alter ego» российского самодержавия). При этом происходит медленное разложение эли-
337
ты, как бы теряющей способность выработки новых эволюционных форм политической организации. Страна обретает неожиданную глухоту к поступающим извне импульсам политической эволюции. Единственным и всё более одиноким, всё более социально изолированным субъектом политических изменений в стране становится в этот период государство («единственный европеец», а в соответствующие периоды прошлого — «единственный золотоордынец», «единственный царьградец» и т.д.) — единственное олицетворение того внешнего образца, чья модифицированная копия определяет в данную эпоху внешний облик политического строя России.

Ограничиваясь в дальнейшем — в силу тематических рамок настоящего исследования — преимущественным рассмотрением последних полутора столетий российской истории, отметим вместе с тем чрезвычайно важное для дальнейшего изложения обстоятельство, а именно, что описанные выше циклы имперского освоения «внутренних пространств» Евразии являются циклами эволюционными. В ходе этих циклов происходило закономерное накопление культурных и социально-политических ресурсов развития, подготавливалась основа для предстоящей в будущем более органической интеграции России в современную цивилизацию (цивилизацию модерна). Заметим сразу, — предваряя возможные недоумения и возражения, — что этот процесс эволюционного предуготовления и вызревания еще отнюдь не завершен, и в данный момент Россия находится, пожалуй, в наиболее драматическом положении, когда гигантский масштаб стоящих перед ней задач едва ли соизмерим со всё еще сохраняющимися у нее ресурсами и возможностями. Исход этой исторической коллизии отнюдь не предрешен и во многом будет зависеть от способности и политической воли российского общества к *самоизменению.*

* * *

Перейдем теперь к более подробному описанию исторических предпосылок российской модернизации, составляющей существо социально-политических преобразований по-
338
следних трех столетий российской истории. Формальный анализ ранее сказанного позволяет уяснить, что этот временной отрезок, в соответствии с предложенной циклической периодизацией, распадается на три больших периода: а) фазу «рывка» и первичной модернизации, приходящуюся на вторую половину XVII и практически на всё XVIII столетие; основное содержание этой фазы определяется вестернизирующими Россию реформами Петра I и Екатерины II; б) фазу «релаксации», наступившую с воцарением Павла I и продлившуюся до гибели великого реформатора Александра II; в) наконец, новую фазу «рывка» (на сей раз завершающей модернизации российского общества), в которую Россия вступила в период царствования Александра III и которая не завершена и поныне. Именно эта последняя фаза и станет основным предметом последующего рассмотрения.

Во избежание недоразумений, отметим сразу, что, применяя к российскому развитию последнего столетия термин *«модернизация» ,* мы отдаем себе отчет в том, что нагружаем этот термин некоторыми несвойственными ему смыслами. Речь здесь даже не столько о том, что ббльшую часть этого периода Россия прошла, акцентируя свои усилия на исключительно индустриальных аспектах модернизации (форсируя урбанизацию и ликвидацию традиционных аграрных укладов, развивая крупную промышленность и необходимую ей социальную инфраструктуру и т.п.), но игнорируя при этом социально-

политические и ценностно-культурные ее аспекты (а порою даже непосредственно разрушая фундаментальные предпосылки модернизации в этих важнейших сферах общественной жизни). Особенность этой *форсированной модернизации* в том, что, подготовленная радикальными преобразованиями российских реформаторов XVIII столетия, она представляла и по-прежнему еще представляет собой наиболее яркий пример последовательной реализации стратегии политического и социально-экономического развития, альтернативной господствующей в мире.

И тем не менее, характеризуясь качествами, столь, казалось бы, неадекватными ее истинной сущности, эта модернизация является таковой по своей функции, по своему истори-

339

ческому предназначению. Таков императив становления и развития современного мира, который с конца XIX столетия предопределил место и роль России в системе мировых центров политической и экономической силы (см., например: [Лапкин, Пантин 2004]). Россия вынуждена — под угрозой национального и социокультурного уничтожения — решать проблему собственного приобщения к современности. В противном случае ей просто может не найтись места в сообществе современных наций завтрашнего глобализованного мира.

Суть эволюционных задач, стоящих перед Россией сегодня, можно представить себе наиболее ясным и систематическим образом, прибегая к уже использовавшемуся ранее (глава 4, п. 4.2) понятию *противоцентра* и к представлениям о специфической логике, характеризующей его историческое движение. Напомним, что в логике эволюции мировой системы центров экономической и политической силы, в первоначальном виде сформировавшейся в ходе западноевропейской модернизацииXVII — началаXVIII в., противоцентр выступает функциональным антагонистом мирового центра-лидера, образующим с ним своеобразную симбиотическую пару и олицетворяющим собою альтернативный в данную эпоху вариант модернизационных преобразований. Его функциональный антагонизм центру-лидеру закономерно предопределяется как очевидной исторической и социокультурной ограниченностью любого из уже известных и опробованных путей модернизации, так и тем, что инерция социально-политической системы крупных континентальных государств-империй (коими являются или являлись в соответствующий период все известные на сегодня противоцентры) неизбежно вызывает роковые деформации современных институтов и практик в ходе их освоения. В результате на определенном и достаточно длительном отрезке исторического развития реализуется особый тип модернизации, во многом полярный по отношению к исходному типу, заданному центром-л ид ером. Вместе с тем особо отметим, что противоцентр — это сугубо временная для данного государства функциональная роль, которая отводится ему на определенном этапе модернизационного перехода той или

340

иной политической системы, исторически ограниченном и обусловленном общим состоянием системы мировых центров политической и экономической силы. При достижении определенной степени зрелости данной политической системы (включая переход к более зрелому типу системы мобилизации ресурсов, лежащей в основе данного государства) статус противоцентра меняется, как это произошло, например, с Францией после 1870-х гг. и с Германией после 1945 г.

Каждый из противоцентров, проходящий заключительную фазу своего модернизационного развития, решает в этот период ряд особых, всякий раз уникальных задач, продвигаясь к их разрешению по сложной, заведомо нелинейной исторической траектории, регулярно «корректируя» вектор своего развития, вплоть до отдельных периодов попятного движения, отягощенных революционными катастрофами и элементами социальной деструкции.

Следует различать два типа тесно взаимосвязанных друг с другом задач, решаемых противоцентром. Во-первых, это задачи геополитического (неоимперского)

противостояния центру-лидеру, задачи сохранения и расширения собственной геополитической сферы влияния, обеспечивающей в том числе и необходимую ресурсную и сбытовую базу для интенсивно развивающейся системы накопления растущего противоцентра. А во-вторых, это задачи геоэкономического порядка, обусловленные необходимостью формирования предпосылок хозяйственной модернизации, соответствующей уровню развития мирового рынка, уровню его требований к претендентам на полноценное субъектное вхождение в него (это последнее условие в каждом конкретном случае отягощается для проходящих заключительную фазу своего развития противоцентров наличием особого для каждого из них специфического «слабого места», некоего особого «дефицита», предопределяющего качественное своеобразие его заключительного «перехода»).

В случае России ключевой геополитической задачей ее модернизационной трансформации была и во многом до сих пор остается задача осуществления имперской гегемонии в Евразии и контроля над Восточной Европой (в лучшие годы —

от Адриатики до Балтики). В качестве «порождающей модели» здесь безусловно следует рассматривать архитепическую конструкцию «из варяг в греки», предполагающую наличие державного контроля на всем пространстве от современной Прибалтики до Балкан и Босфора. Тонкость здесь, однако, состоит в том, что условием успешного завершения модерни-зационного перехода к современности является не *решение* данной — явно сумасбродной в современную эпоху — задачи, а, напротив, осмысленный как ценностный и стратегический императив *окончательный и бесповоротный отказ* от такого рода постановки собственной задачи.

Иначе дело обстоит с решением ключевой геоэкономической задачи России в ходе ее модернизационной трансформации. Речь идет о двуединой задаче формирования мотивированного исключительно рыночным спросом денатурализованного производителя и преодоления экспансионистской парадигмы «экстенсивной колонизации», в течение многих веков остающейся инвариантом национального развития.

Решение этой второй, геоэкономической задачи для России оказалось чрезвычайно трудным и, начатое еще в конце XIX столетия реформами Вышнеградского — Витте, входе всегоXX в. так и не было достигнуто. Сюжеты, связанные с перипетиями решения этой задачи, формируют одну из ключевых и наиболее драматических линий истории России XX столетия.

Общая схема эволюционного продвижения России по пути завершающей модернизации (т.е. эволюционная структура ее текущей фазы «рывка») может быть предельно кратко представлена с помощью четырех 36-летних циклов, границами которых являются следующие ключевые даты (точки перелома).

• **1881 г.** Вступление в фазу модернизационного «рывка», обусловленное как внешнеполитическими неудачами Балканской войны, так и серьезным общественным разочарованием в результатах «великих реформ» 1860-х гг. Переломным событием российской истории, обозначившим вступление страны на новый путь, стало жестокое и иррациональное, с точки зрения здравой логики, убийство царя-освободителя Александра II 1 (13) марта 1881 г., похоронившее как попытки полити-

ческих реформ, призванных ограничить самодержавие и дать общественности возможность участвовать в законотворческой деятельности, так и надежды на формирование российского капитализма «снизу», на интенсивное развитие мелкобуржуазного сектора в российской экономике и в российском обществе.

• **1917 г.** Первый фундаментальный результат и значительный политический итог продвижения по пути заимствований и учебы капитализму у Запада по методике,

определенной самодержавным государством. Россия вовлечена в бессмысленную для нее во всех отношениях и откровенно губительную мировую войну; над российской экономикой и страной в целом завис дамоклов меч гигантских и стремительно растущих государственных долговых обязательств по отношению к странам Запада; российское общество предельно отчуждено от власти, не имеет действенных институтов формирования политического согласия и компромисса и лишено соответствующей политической практики, что делает его обреченным, в ситуации кризиса на власть радикалов и политических авантюристов. Перелом, ставший началом радикального политического поворота в истории России, обозначен двумя роковыми датами: 2 (15) марта 1917 г. (отречение Николая II от престола и формирование Временного правительства во главе с князем Г. Львовым) и 26 октября (8 ноября) 1917 г. (взятие Зимнего дворца и открытие II Всероссийского съезда Советов с большевистским большинством, сформировавшего на следующий день новое российское правительство — Совнарком).

• **1953 г.** Завершение периода «бури и натиска». Страна, прошедшая жесточайшее испытание «реальным социализмом», варварски уничтожившая собственное крестьянство (путем коллективизации как сознательно проводимой властью политики раскрестьянивания), построившая на костях заключенных сталинских концлагерей могучую военную индустрию, неслыханной и до конца так и не сочтенной ценой одолевшая нацистскую Германию, заложившая основы ядерного паритета с новым мировым лидером — США и даже сумевшая превзойти его на поприще создания термоядерного оружия, — эта

страна позволила себе, наконец, сменить стратегию. Вынужденная сойти с пути прямой конфронтации с Западом, Россия (СССР) вступила в затянувшуюся полосу жесткого и изнурительного конкурентного противостояния с ним (прежде всего в лице центра-лидера США). Перелом, ставший началом перехода к этой новой стратегии, получившей впоследствии название «мирного сосуществования систем», обозначен также двумя ключевыми датами: 5 марта 1953 г. (смерть — или изощренное убийство — «великого вождя» и генсека Сталина, выпустившая в свободный политический полет «черную стаю» сталинских сатрапов) и 13 сентября 1953 г. (Хрущев становится первым секретарем ЦК, получая возможность возвратить в руки центрального партаппарата всю полноту власти в стране, а тем самым постепенно, но с безжалостной последовательностью отстранить своих политических конкурентов от рычагов реальной власти). Между этими датами можно отметить также два весьма знаменательных события: арест Берии (26 июня 1953 г.), до этого являвшегося наиболее сильной фигурой во властном раскладе, возникшем после смерти Сталина, и успешное испытание первого в мире термоядерного устройства (20 августа 1953 г.), которое обозначило новую геополитическую ситуацию в мировой политике, выводящую СССР на роль основного антагониста США и окончательно формирующую пресловутую биполярную парадигму мирового развития на последующие 36 лет. Стратегический поворот России (СССР), обозначенный 1953 годом, повлек за собою стремительное затухание прежних разрушительно-революционных амбиций ее политического руководства (напоследок выродившихся в смехотворные угрозы «догнать и перегнать Америку» и «закопать» капиталистов, а также не менее смехотворные обещания построить коммунизм к 1980-му году). Прежний бесцеремонный забияка всё чаще оказывался теперь в позиции защищающегося, испытывая на себе жесткий прессинг объединенных сил стран-лидеров мирового модернизационного процесса. При этом чем дальше, тем в большей мере СССР приходилось преодолевать негативные последствия своего предшествующего неорганичного развития периода «бури и натиска», что в ко-

нечном счете свело на нет его возможности противостояния центру-лидеру и его претензии на реализацию «исторической альтернативы» генеральной траектории

мирового развития.

• **1989 г.** Вступление России (СССР) в фазу имперского надрыва, когда очередной виток обновления своего имперского могущества и отстаивания своих имперских амбиций в противостоянии с мировым центром-лидером (олицетворяемым в тот период президентом США Рейганом с его политикой «крестового похода против СССР — Империи Зла», а также стратегией «звездных войн») СССР вынужден был осуществлять в условиях глубокой международной изоляции и катастрофического дефицита ресурсов. На страну обрушились, казалось бы, все возможные напасти. Неудачная и во всех смыслах разрушительная для страны афганская авантюра, разлад внутриполитических механизмов политического управления и экономической мотивации производителя, кризис доверия к власти и полная идеологическая беспомощность партийного руководства. К 1989 г. разбуженная стихия социального недовольства коммунистической властью стала выходить из-под всякого контроля традиционных политических институтов социализма, причем как внутри СССР, так и за его пределами — в странах «социалистического лагеря». Переход к принципиально новой политической ситуации в стране и в мире в данном случае вновь может быть обозначен двумя ключевыми датами: 26 марта 1989 г. (первые в СССР относительно свободные выборы делегатов съезда народных депутатов СССР, позволившие сформировать на съезде реформаторское большинство и придавшие дополнительный, во многом решающий импульс политическим реформам в стране, которые привели через два года к упразднению власти КПСС, к распаду СССР и к формированию в Российской Федерации демократического политического режима) и события октября — ноября 1989 г. в Восточной Европе (свержение власти коммунистов и демократические преобразования в социалистических странах Восточной Европы — Польше, Венгрии, ГДР, Болгарии, Чехословакии). «Социалистический лагерь» необратимо разрушается, социализм утрачивает в гла-

зах советской (и постсоветской) политической элиты преимущества эффективного средства и формообразующего принципа разрешения стратегических проблем развития России. Страна вступает на новый неизведанный путь сочетания но-менклатурно-государственных принципов отправления власти с рыночно-капиталистическими принципами хозяйствования. На пространствах Евразии, где жесточайшим террором были выжжены все прежде укорененные здесь начатки частнособственнических отношений и свободного предпринимательства, государство теперь с таким же большевистским напором усиленно выкорчевывает основы прежней нерыночной общественной солидарности, безжалостно разрушает прежние социальные институты и социокультурные архетипы. А на смену им — формирует механизмы всепроникающей коммерциализации, индивидуализации и монетизации всех прежде сформировавшихся социальных отношений, проповедуя свободный рынок и частную собственность, распространяемую на все ключевые сферы общественного воспроизводства, в ситуации, когда бездействующие закон и право повсюду подменяются «разборками по понятиям», а у власти нет ни средств, ни особого желания для того, чтобы восстановить порядок в стране.

• 2025 г. Окончательный крах империи и самой парадигмы имперского развития в России. Торжество исторической тенденции, неумолимо диктующей стране необходимость вступления в сообщество модернизированных государств (то ли посредством полного государственного краха и перехода на неопределенное время к режиму «внешнего управления», то ли посредством в той или иной мере цивилизованного отторжения страной своего несовременного прошлого; конкретный путь решения этой проблемы зависит от нашего сегодняшнего и завтрашнего политического благоразумия). Точная дата завершающего аккорда фазы «рывка», разумеется, сокрыта в тумане будущего, но, как представляется, действующая до настоящего времени историческая закономерность выглядит достаточно впечатляющим образом и дает возможность читателю сделать соответствующие выводы самостоятельно.

На этой поразительной исторической закономерности, формирующей 36-летний эволюционный ритм развития России в фазе «рывка», стоит остановиться особо. Во-первых, как уже упоминалось нами ранее, этот «рывок» не первый в российской истории. Безусловно, задачи, решаемые Россией в ходе его осуществления, уникальны. Более того, осуществляя его, Россия проходит определенный и вполне самодостаточный эволюционный цикл развития, формируя перед собою в его начале и решая в его конце задачу национальной модернизации в условиях индустриального капитализма, перерастающего на наших глазах в постиндустриализм. Вместе с тем формальный механизм соподчинения и взаимосвязи отдельных исторических фаз, формирующих историческую логику продвижения страны к решению собственных эволюционных задач, в целом воспроизводится всякий раз, когда страна вступает в очередную фазу «рывка». А во-вторых, более пристальный анализ эволюционной логики ритма развития России в этой фазе позволяет выявить чрезвычайно сложную и охватывающую весь рассматриваемый исторический период структуру циклов эволюции российского общества и государства.

Рассмотрим эти положения более подробно. Во всей многовековой российской истории можно выявить целый ряд периодов, соответствующих, в нашей терминологии, фазам «рывка». По крайней мере для трех последних можно с уверенностью датировать рубежные точки, формирующие как исторические границы самой этой фазы в целом, так и важнейшие переломные этапы в ходе реализации той исторической задачи, которая, собственно, и принуждает страну к вступлению в эту фазу развития — всякий раз чрезвычайно драматическую, но в итоге открывающую для нее принципиально новые возможности внутренней организации и внешних взаимосвязей.

Наряду с кратко описанным выше 144-летним периодом завершающей модернизации российского общества, состоящим из четырех 36-летних циклов (1881—2025 гг.), двигаясь в глубь истории, мы легко обнаруживаем так называемый «пет-

ровско-екатерининский рывок», составивший практически те же 144 года и также структурно образованный следующими друг за другом четырьмя 36-летними циклами. Но, удивительным образом, даже в глубине российского средневековья мы можем наблюдать нечто подобное. Из полного политического ничтожества, в котором оказалась Русь после столетия Ордынского разорения, с середины XIV в. на ее Северо-Востоке начинают формироваться новые тенденции государственно-политической консолидации, стремительно подымается Московская держава. Этот «московский рывок» российской истории описывается тем же 144-летием и также структурно оформляется четырьмя последовательными 36-летними циклами.

Начало державному возрождению Руси - Московии положила, как это ни парадоксально, вереница трагических событий 1353 г. Эпидемия «черной смерти» (чумы), унесшая в 1350 г. по некоторым (наиболее распространенным) оценкам до трети населения Западной Европы, к весне 1353 г. достигла Северо-Восточной Руси. В апреле этого года от чумы скончался митрополит Феогност, а вслед за ним и великий князь московский Симеон Иванович Гордый. Ему наследовал брат Иван II Иванович (Красный), положив тем самым начало новой династии. Но, быть может, более важное событие произошло через год, в конце июня 1354 г., когда митрополитом киевским и всея Руси был поставлен Алексий II, сын московского боярина Федора Бяконта (с 1353 г. — опекун, а с 1358 г. — регент малолетнего князя Дмитрия Ивановича). Тем самым были заложены ключевые предпосылки трансформации прежней структуры властного доминирования на Руси: властная монополия идеократии, подкрепленная как авторитетом Константинополя, так и ханским ярлыком, освобождающим церковь от налогообложения, отныне начала размываться. Подымающийся во властной иерархии служилый княжий люд начал постепенно, но неуклонно теснить идеократию, формируя новое, самодержавное обличив Руси — России.

Основные вехи этого исторического процесса таковы: в ноябре 1359 г. власть в Москве после смерти отца наследует девятилетний отрок Дмитрий Иванович (будущий Донской).
348
Понятно, что при этом чрезвычайно усиливаются власть и политическое влияние митрополита Алексия II, который (говоря нынешним языком) успешно лоббирует интересы московского боярства и добивается трех принципиально важных политических результатов, подготавливающих основу будущей политической самостоятельности Московии. В 1362 г. Алексий II добивается в Константинополе упразднения Литовской митрополии, тем самым получая дополнительный довод в пользу центрального положения Московского княжества на Руси. В 1364г. он способствует заключению стратегического брачного союза Дмитрия Ивановича с Евдокией, дочерью перенявшего ярлык на великое княжение нижегородско-суздаль-ского князя Дмитрия Константиновича. А в 1366 г. добивается главного, получая в Орде ярлык на великое княжение владимирское Дмитрию Ивановичу, князю московскому. И всё это — фактически за двенадцать лет! Следующие двенадцать лет уходят на изматывающую политическую (а зачастую и вооруженную) борьбу за сохранение обретенных Москвою позиций — борьбу с Тверью, с Литвою, с Константинополем, с Ордою. Смерть Алексия II в начале 1378 г. резко осложняет позиции Москвы. Она проходит сложный этап своего рода «испытания на прочность» (в 1380 г. свои претензии к ней предъявляют темник Мамай в союзе с Ягайло, великим князем литовским, а в 1382 г. Москву разоряет хан Тохтамыш, вынуждая Дмитрия Ивановича на унизительные политические уступки). Смерть Дмитрия Ивановича в мае 1389 г. завершает и итожит первый этап «московского рывка»: его сын Василий I Дмитриевич вступает в великое княжение по завещанию отца без санкции Орды. Период его правления ознаменован последовательным укреплением доминирующих позиций Московского княжества на Руси и постепенным ростом его территории за счет умелого политического маневрирования и торга. Вместе с тем Москва завязывает тесные отношения с возвышающейся Литвой и удачно избегает серьезных угроз со стороны Степи (от Орды и тюрок Тамерлана). Роковым сбоем в ее развитии оказывается «запрограммированный» завещани-
349
ем Дмитрия Ивановича политический конфликт по поводу престолонаследия.
Смерть Василия I Дмитриевича в начале **1425 г.** открывает длительный (также практически 36-летний) период княжеской междоусобицы между потенциальными наследниками державы Дмитрия Ивановича Василием II Васильевичем и его дядей и двоюродными братьями — звенигородско-галичски-ми князьями Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Юрьевичем (Косым) и Дмитрием Юрьевичем (Шемякой). Жестокий и разорительный для страны конфликт прекращается лишь со смертью последнего в Новгороде в 1453 г. Вместе с тем, быть может, наиболее существенным по своим историческим последствиям обстоятельством этого затяжного конфликта стало последовательное ослабление всех стратегических политических альтернатив формирующемуся московскому самодержавию - прежде всего альтернативных путей политического развития Новгородской республики и Галич-ской земли, выступивших на стороне Василия И Васильевича. Наследовавший Василию II Васильевичу (в **марте 1462** г.) его сын Иван III Васильевич продолжил политику отца, придав ей невиданный прежде размах и эффективность. В 1471 г. от принудил Новгород признать себя «отчиной» великого князя московского, в 1474 г. присоединил к Москве Ростовское княжество, в 1478 г. окончательно ликвидировал независимость Новгородской республики. В 1480 г. он успешно отразил (так называемое «стояние на Угре») попытку Большой Орды вернуться — после пятнадцатилетнего перерыва — к взиманию дани с Москвы. К **1485 г.** покорением Твери Москва фактически завершает образование Русского централизованного государства, великий князь начинает именоваться «государем и самодержцем всея Руси»; Москва устанавливает дипломатические отношения с Ватиканом, Венгрией, Священной Римской империей. Московский «рывок» завершается к **1497 г.,** когда «последним штрихом» государственного строительства новой державы становится принятие

«Судебника» Ивана III — первого законодательного кодекса русского централизованного государства, давшего правовое оформление системе крепо-
350
стного права и институту холопства, а вместе с тем — государственного символа России, двуглавого орла.

Итак, отметим выявленную последовательность 144-летия, сложенного из четырех 36-летий: **1353 — 1389 — 1425 — 1462 (1461) — 1497.** Что же следует затем? Русь как бы возвращается на круги своя. Последние годы правления уже больного и старого государя Ивана III отмечены драматической непоследовательностью, знаменующей начало длительного периода угасания героических импульсов предшествующей эпохи, поворота к византизму, иосифлянству, политической реакции. В качестве наиболее рокового события отметим следующее: как бы чувствуя близящееся бессилие и неспособность в будущем защитить свое дело, Иван III венчает в феврале 1498 г. в Успенском соборе в Москве на великое княжение своего внука (от старшего, к тому времени уже умершего сына), пятнадцатилетнего Дмитрия Ивановича, делая его своим соправителем. Княжич (будущий царь) Василий Иванович и его мать, вторая жена Ивана III Софья Палеолог попадают в опалу. Но это длится недолго, и «византийская партия» берет свое. Уже в 1499 г. в опалу попадают сам Дмитрий Иванович и его мать Елена Стефановна (а вместе с этим гибнут последние надежды реформаторской партии). Наследником провозглашается Василий Иванович, а ранее венчанный на царство Дмитрий Иванович заключается под стражу. При этом государственный переворот свершается еще при жизни престарелого Ивана III.

Дальнейшее известно. Темный XVI век российской истории. Безумие, возомнившее себя «Третьим Римом». Шалости юношеской игры Ивана IV Грозного (внука Ивана III) в реформы заканчиваются опричниной. Разоренная страна достается «блаженному» Федору Иоанновичу, а затем Годунову. На долгий период страна погружается в Смуту. За трон пресекшейся династии Рюриковичей-Калитиных разворачивается кровавая борьба целой толпы претендентов. Московское государство, казалось бы, на диво добротно сколоченное Иваном III, менее чем за столетие разметается в прах внутренними конфликтами и усобицами. Лишь в 1613 г., после череды самозванцев, интервенций, казацких бунтов и крестьянских
351
войн на Земском соборе удается сформировать приемлемый политический консенсус, основанный на сочетании прежних административных форм государственного управления с возросшим политическим влиянием «новых людей», служилого сословия, видящего в идее централизованного государства универсальный интегратор и эффективный инструмент реализации своих особых сословных интересов. На царство избирается Михаил Романов, который и служит своего рода политическим символом достигнутого компромисса, продлившего существование Московского государства без существенных изменений еще на несколько десятилетий.

Этот период «релаксации» заканчивается в середине XVII в., и страна вступает в новую «петровско-екатеринин-скую» фазу «рывка». Как с точки зрения описания его эволюционно полноценной структуры, так и с точки зрения логики и исторического смысла формируемых и решаемых в ходе этого «рывка» задач, понятно, что революция Петра I была подготовлена начавшимися несколько ранее радикальными трансформациями российского общества, точно так же, как большевистский переворот 1917 г. — контрреформами Александра III и последующими реформами Витте — Столыпина.

В середине XVII в. эпохе Земских соборов суждено было завершиться. Глубокая разочарованность власти в дееспособности этого механизма достижения общественного согласия сопоставима была разве что со столь же глубоким равнодушием общества к возможностям политического разрешения противоречий общественного развития, а также с бессилием страны в деле сохранения этого зачатка представительных сословных институтов. Переломным событием, обозначившим поворот страны от традиций Московии (отчасти возродившихся после Смуты в царствование Михаила Федоровича) к попыткам их реформирования и подновления путем освоения западноевропейских новаций, стал созыв Земского собора **осенью 1653 г.** На этом последнем Земском соборе,

созванном Алексеем Михайловичем, были приняты в самом точном смысле этого слова судьбоносные для России решения. В сфере внешней политики Собор санкционировал присоединение к
352
России Малороссии, тем самым задав на длительный период в качестве основного западный вектор российской геостратегической экспансии. Во внутренней политике Собор фактически развязал руки папско-цезаристским устремлениям сравнительно молодого и честолюбивого патриарха Никона, реформаторские усилия которого, бесцеремонные и беспощадные по отношению к традиционному российскому православию, к культуре и жизненному укладу большинства населения страны, вскоре привели ее к расколу и к жесточайшему преследованию приверженцев старой веры и традиций патриархального русского быта. Упразднение (с 1653 г.) Земских соборов, этого ключевого российского «института согласия», обозначило вступление России в новую эпоху, эпоху радикального реформирования и вестернизации государственной машины, эпоху формирования колоссальной, пронизанной казенным интересом и закрепощающей общество *Империи.* Вместе с тем именно на этом пути, сочетающем инструментальное усвоение западных новшеств с усилением во внутренней политике самодержавного деспотизма и тотальным, сверху донизу, закрепощением всех общественных сословий во имя *интересов Государства,* Россия смогла изыскать способы разрешения большинства своих застарелых и весьма болезненных внешнеполитических проблем (таких, как проблема «окна в Европу» на Балтике, или проблема Украины и Польши, игравших роль подчас непреодолимого кордона на пути сближения с континентальной Европой, или же проблема контроля над евразийской Степью).

Реформы Никона и раскол православной церкви, а вместе с тем переход к политике колонизации земель и народов без их последующей культурной ассимиляции обозначили с середины XVII в. новое качественное состояние российского государства. Формирующейся Российской империи оказались изначально тесны цивилизационные рамки; имперская форма российского государства стала средством преодоления ее естественно-исторических цивилизационных пределов, открывшим широчайшие возможности интенсивного общения с иными цивилизациями как с равными себе. Империя ока-
353
зывалась для России как бы внутренним отображением меж-цивилизационных отношений.

Внутренний ритм первого 36-летия обозначен двумя переломными событиями: окончательным крахом никоновского политического проекта и ссылкой самого Никона в монастырь с лишением сана {1666 г.), что означало, кроме прочего, восстановление самодержавного правления Алексея Михайловича, и последовавшей через десять лет смертью государя в начале 1676 г., обозначавшей начало длительного конфликта двух соперничающих «партий»: Милославских и Нарышкиных (по родовым фамилиям первой и второй жен Алексея Михайловича). Вплоть до сентября 1689 г. перевес был на стороне первых. Но роковая слабость Милославских была заключена в том, что единственным достойным претендентом на российский трон из их рода была Софья Алексеевна, которая и стала правительницей после смерти не оставившего мужского потомства Федора Алексеевича (годы правления 1676—1682). Ее правление отмечено попытками приступить к вестернизирующему реформированию государства и общества, но ее легитимность («царь-девица»!!!), крайне слабая для традиционного российского общества, не позволяла ей приступить к делу со всей решимостью. Императив российской вестернизации требовал другого исполнителя.

Сводный брат Петра Иван Алексеевич (Иван V) к государеву делу был непригоден, и это определило выбор истории. Сразу после женитьбы Петра Алексеевича в январе 1689г. встал вопрос об отстранении Софьи от управления государством. К осени 1689 г. вопрос дозрел. Свою роль здесь сыграли не только «потешные» полки Петра, но и, по иронии истории, консервативные настроения боярства и служилого дворянства. Так ровно 36 лет спустя после созыва последнего Земского собора Россия вступила в полосу радикальных преобразований

не только своего государства, но и самого строя российской жизни.
Правление Петра I, длившееся после низвержения Софьи еще почти 36 лет (до января 1725 г.), также достаточно логично распадается на три примерно равных этапа. Первый этап «ученичества» будущего «Отца Отечества» и его сподвижников длился с осени 1689 г. до начала Северной войны и первых пораже-
354
ний в ходе этой войны, т.е. до 1700—1701 гг. За этот период Петр и Россия научились многому. Было освоено современное кораблестроение и военное дело, заложены основы модернизации промышленности и торговли, реформ образования, городского и государственного управления, а также многое и многое другое. Тем не менее первое же решительное столкновение новой России с европейской державой (Швецией) оборачивается поражением русского оружия (ноябрь 1700 г.). Это грозит надолго, если не навсегда, отодвинуть державные планы Московии, и потому на смену Петру-ученику приходит Петр-деятель, принуждающий державу стать великой. Формируется новая армия, строится новый флот, закладывается и стремительно растет новая северная столица, а в итоге создается новая государственная машина, с помощью которой Россия выруливает на путь подлинно имперского могущества. Третья и последняя метаморфоза Петра наблюдается со времени переноса столицы в Санкт-Петербург (1712 г.) и военных действий против шведов — на море. Отныне Петр — воплощение законодателя и учителя, Отца Отечества. Он «дарует» России новые формы государственных учреждений и общественных установлений, формы чиновных регламентов, светских нравов и церковных обрядов. Боярская дума заменяется Сенатом, указ о единонаследии завершает процесс слияния дворянских поместий с вотчинами, «табель о рангах» венчает реформы государственного управления, а правительствующий Синод выводит церковь из длительного периода безначалия. Петр принимает титул Императора. Однако вновь — в логике чередования 36-летних периодов — история делает поворот, и смерть Петра (1725 г.) круто меняет представление о смысле и результатах его усилий и его эпохи. Плоды трудов бескорыстного деспота —ревнителя государственных интересов достаются пигмеям, утратившим представления о замысле и целях петровской эпохи и употребляющим ее результаты для реализации своих частных, сиюминутных интересов. Новые времена обнажают сокровенную суть героических усилий страны в предшествующий период — создание путем всенародного самоотречения условий формирования нового привилегирован-
ного сословия.
355
Но прежде чем дворянство смогло обрести свои «вольности», прошло еще одно 36-летие. При всей кажущейся исторической бессмыслице этого постпетровского 36-летия (1725—1761 гг.), когда российские вельможи грызлись между собою, ослабляя налаженную Петром государственную машину и провоцируя бесконечных претендентов на трон и их фаворитов на всякого рода политические безумства, — за эти годы в российском обществе произошла крайне важная метаморфоза. С каждой новой переменой на троне росла и крепла роль гвардии в политической жизни империи, а вместе с тем и политическая роль дворянского служилого сословия, интересы которого эта гвардия реально представляла. Именно поддержка гвардии дала Анне Иоанновне смелость «порвать кондиции» и покончить с правлением «верховников» (1730 г.). Гвардия свергает Бирона и расчищает дорогу Анне Леопольдовне (1740 г.). Гвардия возводит на престол «дщерь Петрову» Елизавету (1741 г.), а когда та умирает **(декабрь 1761** г.), политическое влияние гвардии и дворянства уже столь велико, что одним из первых актов Петра III после вступления на престол становится Манифест о вольности дворянства. Впрочем, этот шаг, как и многие другие жесты Петра III в этом направлении, не смогли продлить срок его пребывания у власти. Наступал «век Екатерины», когда цели имперского развития требовали политического решения, совмещающего, казалось бы, несовместимое — формирование механизма реализации сословных имущественных интересов дворянства и одновременно упрочение самодержавной политической власти. Но именно этим императивом объясняется исторический парадокс 1762 г. На пике своего политического влияния

гвардия и дворянство, уже, казалось бы, претендующие на то, чтобы из подчиненного инструмента государства стать «сословием для себя», приводят к власти режим, последовательно сокрушающий эту «гвардейскую вольницу».
Период царствования Екатерины II (1762—1796 гг., чуть менее 36-летия) на всем своем протяжении характеризовался сочетанием двух этих парадоксально сопряженных тенденций: тенденции расцвета дворянского сословия и тенденции укрепления государственной бюрократии, отстраняющей от власти
356
и подменяющей собой все прочие социальные институты. В реализации двух этих целей, в сущности, и заключалась сверхзадача «петровско-екатерининского рывка». Правление Екатерины, подобно петровскому, логично подразделяется на три этапа. Первый — период ученичества просвещенной императрицы (1762—1773 гг.), период переписки с французскими просветителями, смягчающих нравы реформ и привлечения сословных представителей к законотворческой деятельности. Впрочем, во многом это был лишь «камуфляж», подготавливающий переход к последовательно самодержавным формам правления, отрицающим участие олигархических институтов (всякого рода «Кабинетов», «Советов» и т.п.) в принятии важных политических решения. «Повивальной бабкой» нарождающегося режима стала пугачевщина (1773— 1775 гг.), способствовавшая переходу к губернской системе административного управления и организации дворянства. Военная победа над восставшими по существу дала карт-бланш политике сложения на плечи государства всех забот по обеспечению сословных интересов дворянства и вместе с тем — последовательному вытеснению дворянства из сферы политики. Единственным «политиком» в стране становилась сама Екатерина. Государство монополизировало политическую сферу, но обеспечило своей опекой экономические интересы дворянства. Этот своего рода «общественный договор» по-российски был формально подкреплен Жалованной грамотой дворянству (1785 г.). Процесс формирования политического консенсуса в стране вступил тем самым в завершающую стадию. Устойчивый режим самодержавной империи был сформирован. И когда Павел I (коронованный в апреле 1797 г.) попытался бросить вызов созданному его августейшей матушкой режиму и вернуть дворянство в подчиненное состояние петровской эпохи, когда он попытался востребовать дворянство к государевой службе, то получил жесткий и беспощадный ответ. И внук Екатерины, перешагнувший через труп своевольного отца, воспринял в наследство ее, екатерининскую, самодержавно-помещичью империю.
Итак, мы снова наблюдаем последовательность 144-летия, сложенного из четырех 36-летий: **1653 — 1689** — 1725 — **1762**
357
(1761) — 1797(1796). Вместе с тем, достигнув устраивающего ее элиту политического компромисса, беспрецедентно увеличив свое могущество и политическое влияние в мире, заложив надежную основу безбедного существования дворянского сословия, Россия вновь неудержимо стремится вернуться на круги своя, в утопию патриархальной барской усадьбы. Два мощных внешних удара на время выводят ее из безмятежной дремы (вторжение Наполеона в 1812 г. и катастрофа в ходе Крымской кампании 1854—1856 гг.), но в целом предостерегающие страну возгласы отдельных «чудаков» и «сумасшедших» (от П.Я. Чаадаева до лесковского Левши) не в силах повлиять на ход российской истории. Динамично развивающаяся либерально-капиталистическая Западная Европа неудержимо обгоняет ее и в будущем грозит России неслыханными унижениями, разочарованиями и катастрофами, когда та сможет осознать свое отставание и, движимая неизбывными имперскими амбициями, попытается его ликвидировать.

6.2. Анализ структуры 36-летних циклов (1881-2025 гг.)

Период конца 1870-х — начала 1880-х гг. стал в истории России новым важным поворотным моментом. Великие реформы Александра II были своего рода последней и до конца не осознанной (в смысле собственных стратегических целей) попыткой встроиться в органичный ход европейской истории XIX столетия. К концу 1870-х гг. стало ясно, что эта задача не-

совместима с сохранением самодержавного строя. Венценосному защитнику этого строя и высшим чинам российской бюрократии предстоял нелегкий выбор. Поразительно, что царь-освободитель, — возможно, движимый инерцией своих прежних решений и поступков, — готов был пожертвовать самодержавием и инициировать новый раунд политических реформ, более последовательно вовлекающих общественность в законотворческую деятельность, поощряющих легальную политическую активность общества.

История решила иначе. **1 (13) марта 1881 г.,** как мы уже говорили, Россия вступила в фазу нового «рывка» — «рывка

завершающей модернизации». Крах «либеральной», т.е. уважающей общественные устремления, стратегии реформ Александра II обусловил решительный поворот российской самодержавной власти в вопросе о путях и методах преодоления отставания России от Европы. Именно государство с этого момента взяло на себя задачу твердой рукой, без каких-либо политических послаблений вновь вывести Россию в число передовых и современных по своему техническому и военному потенциалу держав.

Мы же, со своей стороны, имея теперь, наконец, определенное представление о структурных особенностях всего 144-летнего периода фазы «рывка», можем обратиться к более глубокому и детальному рассмотрению текущей фазы завершающей модернизации. Вот ее основные вехи, которые одновременно раскрывают структуру 36-летних циклов, включающую три 12-летних периода внутри каждого цикла.

Первый 36-летний цикл (1881 - 1917 гг.)

Период 1881-1894(3) гг. Существо политики Александра III двояко. С одной стороны, это пресловутые контрреформы, ревизия многих либеральных уступок общественности, сделанных его отцом Александром II, очевидная попытка дисциплинировать страну и «подморозить» выходящие из-под контроля власти процессы социальной эволюции, «притормозить» развитие общества. С другой стороны, это сознательное и целенаправленное вмешательство государства в дела экономики, своего рода политика экономического «ускорения», попытка форсировать формирование ключевых механизмов капиталистического накопления и индустриального роста. Основная проблема развития российского капитализма той эпохи (как, впрочем, в значительной мере и эпохи сегодняшней) заключалась в отсутствии действенных стимулов производственного накопления, т.е. капитализации доходов. В первую очередь это касалось пореформенного помещичьего сословия. Вся русская, да и европейская литература той эпохи полна упоминаний о широте души российских помещиков, проматывающих

свои доходы на европейских курортах. Вместе с тем значительная (доходящая по некоторым оценкам до половины) часть помещичьих хозяйств велась способами, вообще не требовавшими применения их владельцами капиталов (арендным, издольным и т.п.). Учтем при этом, что государство выделяло колоссальные по тем временам кредиты под залог имений, финансируя тем самым преимущественно потребительские нужды того социального слоя, который оно считало своей опорой. Таким образом, задачу форсированного развития крупной индустрии в России приходилось решать, формируя опосредованные государством механизмы производительного накопления, создавая в стране благоприятный для европейских капиталов инвестиционный климат и вместе с тем вводя меры протекционистской защиты тяжелой промышленности, а также всячески развивая сферу собственно государственного предпринимательства. Этот последний момент лучше всего проиллюстрировать, сославшись на два ключевых проекта, инициированных в ту эпоху. Это, во-первых, начатая в 1889 г. конверсия государственных займов, сформировавшая более чем на два десятилетия вперед эффективный и удобный как для России, так и для Европы механизм государственных гарантий капиталам, привлекаемым в российскую экономику. А во-вторых, это амбициознейший проект строительства Транссибирской железнодорожной магистрали (строительство началось в мае 1891 г. по Императорскому рескрипту; средства на строительство привлекались преимущественно из-за рубежа под надежнейшие государственные гарантии), придавший

формируемым им спросом колоссальное ускорение российской индустриализации и вскоре выведший Россию в лидеры мирового железнодорожного строительства.
Резюмируя существо сложившегося к началу 1890-х гг. механизма российского государственного предпринимательства, следует отметить прежде всего его важную опосредующую функцию. В отсутствие полноценного субъекта национального капиталистического накопления, способного обеспечить необходимые индустрии концентрированные инвестиции, государство само становится, так сказать, псевдосубъектом этой по сути *нерыночной*
360
индустриализации, опосредуя связь российского «производства без капиталов» и западноевропейских «капиталов без производства».
Этот радикальный поворот государственной политики имел и свою оборотную сторону. Прежде (вплоть до середины XIX в.) задача завоевания новых территорий для аграрной колонизации была в ней одной из важнейших государственных задач, чем достигалось заметное снижение остроты проблемы аграрного перенаселения в центре России. Теперь же пореформенная деревня все более становится не целью, а лишь объектом фискальной политики государства, вспомогательным средством для формирования инвестиционного потенциала индустрии. Целенаправленными усилиями государства менее чем за десять лет обеспечивается рост хлебного экспорта в полтора раза. В результате такой политики в Поволжье к концу XIX в. в сравнении с 1830-ми годами число неурожайных лет за десятилетие возрастаете 1 до 5-8 (!) [Яковлев 1955. С. 183— 186]. Новая политика обрекает российскую деревню на стагнацию, чреватую в будущем катастрофой. Первым «звонком», обозначившим возможные социальные последствия этой радикальной смены приоритетов российской политики, т.е. перехода от доминировавшей в течение нескольких веков стратегии *аграрной* колонизации к стратегии колонизации *индустриальной,* стал голод начала 1890-х гг. Он, в частности, явился одной из причин отставки министра финансов и разработчика механизма мобилизации инвестиций для нужд форсированной индустриализации И.А. Вышнеградского. Его сменил С.Ю. Витте, представитель нового поколения российских политиков, имевший нечиновное прошлое и опыт управления негосударственными кампаниями. Облеченный особым доверием императора, он сумел придать еще больший, невиданный дотоле динамизм процессам российской индустриализации.
Период 1894(3)—1905гг. За период промышленного подъема 1890-х гг. промышленное производство в России в целом удвоилось, а производство средств производства — утроилось, составив к началу 1900-х гг. свыше 40 % промышленной продукции. Многократно выросли производство чугуна и стали,
361
объем продукции машиностроения. Значительно увеличилась производительность труда в промышленности, особенно — в тяжелой [Производительные силы 1986. С. 29]. Тем самым Россия недвусмысленно заявила о своих претензиях на вступление в число ведущих мировых центров крупной промышленности. Блестяще проведенная Витте денежная реформа 1897 г., осуществившая переход России к золотому обращению, дополнительно стимулировала привлечение иностранных капиталов в основные фонды российской тяжелой индустрии. Вместе с тем сложившаяся система инвестирования в индустрию оказывалась в высшей степени эмансипированной от эффективности внутреннего капиталистического накопления. Благополучие индустрии почти всецело зависело от формируемой государством искусственной атмосферы, фактически ограждающей ее от «капризов» рыночного спроса и создававшейся путем систематического перераспределения в ее пользу ресурсов, отчуждаемых без всякой компенсации у других производительных сегментов российского общества, прежде всего — у крестьянства. Стратегическая ограниченность такого механизма инвестирования индустриального роста была связана с принципиальной несамостоятельностью индустрии

в проведении инвестиционной политики, сообразной ее собственным потребностям. Посредник отношения индустрии к жизненно необходимым ей источникам накопления — самодержавное государство — всё в большей мере воспринимался как ее притеснитель и ограничитель, как косное препятствие на пути индустриализации. Но не испытывавшая естественных, рыночных, конкурентных ограничений в своем развитии российская индустрия не ведала иных целей, кроме полного всевластия над экономикой и обществом, и иных путей, кроме революции.

Западноевропейский финансовый кризис 1898—1899гг. лишь дополнительно усилил эту злокачественную покровительствующую связь государства с российской индустрией, а вместе с тем дал дополнительные импульсы процессам ее монополистической концентрации, формированию охватывающих целые отрасли картелей и синдикатов.

фактически отторгались. Индустриализация вела не столько к развитию, сколько к деградации и распаду товарно-денежных связей в российском обществе, усугубляя проблемы российской деревни, связанные с преобладанием в ней натурального хозяйства и растущим обнищанием. В докладе Совета съездов на VIII съезде представителей промышленности и торговли говорилось: «Нигде за границей не существует такого легко сжимаемого рынка, как у нас. С одной стороны, массы населения живут урожаем, нигде не зависящим столько от случая, как у нас, с другой стороны, нигде казна и политика казны, как одной из крупнейших потребительниц, не играет такой крупной роли. Неурожай и сокращение казенных заказов в совокупности могут вызвать сокращение спроса до размеров, почти катастрофических» [Шепелев 1987. С. 167].

Между тем, успехи тяжелой индустрии, призванные по замыслу власти усилить державную мощь империи, толкают эту власть на внешнеполитические авантюры. В результате удаления «благоразумного» Витте с ключевого поста министра финансов на символический пост председателя Кабинета министров Россия вступает в войну с Японией. Промышленный кризис, военная катастрофа 1904-1905 гг., революция и перспектива полного краха российских финансов венчают этот поначалу блистательный этап ее истории.

Период 1905—1917гг. Кризис 1905 г. обозначил, казалось бы, естественные пределы и неизбежные последствия сформировавшегося в 1890-е гг. хозяйственного механизма. Самодержавная власть пошла на неслыханные уступки революционизированному обществу, издав Высочайший Манифест о «даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...» Слова-то какие! Какая немыслимая в устах самодержавия лексика! К управлению страной в конце октября 1905 г. вновь призван Витте, учреждены новые министерства, втом числе Министерство промышленности и торговли, принято решение о прекращении (с 1 января 1907 г.) выкупных платежей крестьян за землю, полученную ими в результате реформ 1860-х гг., приняты ре-

шение о созыве Государственной Думы и соответствующий избирательный закон. Однако 1905 г. не случайно считается «генеральной репетицией» 1917-го. Силы революции — и прежде всего ее радикальное крыло — получили уникальную возможность практически опробовать многие важнейшие инструменты и практики революционного ниспровержения власти и эффективного управления революционной массой. В частности, именно тогда возникли Советы, давшие новое имя России и ее власти на следующие после 1917 г. три четверти века.

Со своей стороны, власть приступает к реформе крестьянского землевладения, понимая необходимость стимулировать распад общины (до той поры — основы аграрного хозяйства России) и утвердить в деревне начала частной собственности и уважения к собственности других. Парадокс в том, что община, прежде являвшаяся главной опорой

самодержавия, теперь угрожает ему смертельной опасностью. Приступая к ликвидации ее хозяйственной монополии в русской деревне, самодержавная власть действует из чувства самосохранения и в то же время по существу лишает себя единственно надежной опоры в стране.

Осуществление этой реформы выпадает на долю П.А. Столыпина (и в конечном счете стоит ему жизни). Его предшественник С.Ю. Витте отделывается куда более скромными потерями: его отправляют в отставку в конце апреля 1906 г., спустя неделю после того, как благодаря его активнейшему участию получает положительное решение вопрос о предоставлении спасительного во всех отношениях для России международного займа, который предназначен для восстановления ее финансовой системы, приведенной на грань полного краха русско-японской войной и революцией.

Способ решения аграрного вопроса, реализуемый Столыпиным и представлявшийся многим во властной элите почти неприемлемым, на самом деле олицетворял собою компромисс с общиной. Правительство поощряло лишь выход из нее, а еще лучше — переселение на свободные, неосвоенные земли. Оно не решалось, да и не могло покуситься на краеугольный принцип общинного землепользования. Но эта непоследователь-

364

ность во многом подготавливала последовавшую в 1917— 1918 гг. революционную вакханалию земельных поравнений и переделов, обусловила возможность временного, но чрезвычайно разрушительного по своим последствиям возрождения общины.

Предвоенный (1910—1914гг.) экономический подъем, казалось бы, давал надежды на эволюционное решение противоречий российской модернизации, на медленное, постепенное изживание терзающих Россию социальных противоречий. Мировая война (1914—1918 гг.) опрокинула эти надежды. На сей раз стремление испытать экономическую и военную мощь страны в очередной военной авантюре не учло масштаба баталии и привело к летальным для режима последствиям. Мировая война не только разрушила эффективно функционировавший прежде механизм иностранного финансирования, поддерживающий государственное могущество России. Она со всей неизбежностью — под угрозой неминуемого и полного краха — поставила задачу слияния государственных и монопольных форм организации ее крупной промышленности. Вместе с тем она революционизировала оторванное от земли и брошенное в мясорубку тотальной войны крестьянство. Наконец, она со всей очевидностью продемонстрировала разложение и полную неадекватность самодержавной власти, не способной управлять уже столь сложной страной, особенно в ситуации острейшего кризиса. Россия вошла в полосу великих потрясений, от которых ее тщетно предостерегал реформатор-эволюционист П.А. Столыпин.

Второй 36-летний цикл (1917—1953 гг.)

Период 1917—1929 гг. На волне национального кризиса 1917 г. — и после ряда неудачных попыток найти выход из него, не разрушая старой социальной структуры, — к власти пришла политическая сила, предложившая стране радикальный вариант решения проблемы. Она принудила страну продолжить индустриальную модернизацию, избрав крайне своеобразный, предельно нерыночный и недемократический (в современном понимании) ее вариант. Политическая тактика

365

большевиков, свободная от всяких предрассудков прежней (буржуазной, как они выражались) политики, на первом пореволюционном этапе (1917—1920гг.) была нацелена исключительно на разрушение структур старого общества, его институтов, механизмов его экономической, правовой и политической интеграции, его ценностей и морали. Последовательно были разрушены финансовая система страны, правовая система, общенациональные институты внутреннего рынка, транспортная инфраструктура и многое, многое другое. На этом первом этапе большевики эффективно использовали «протестный

потенциал» демобилизованного из разложившейся армии крестьянства. Проведение скоротечных аграрных преобразований 1918г. было отдано на откуп самому крестьянству и совершалось предельно упрощенным способом, неизбежно возрождая традиционные «ультрадемократические» механизмы общинных переделов. Община становится главнейшим аграрно-ре-волюционным ферментом в деревне, важнейшим инструментом земельной реформы, принудительно возвращая в свое лоно «столыпинских» выходцев, на корню разрушая прежние частноправовые отношения в сфере землепользования. Вместе с тем упоенное вакханалией поравнений и переделов общинное крестьянство дает большевикам мандат на самую решительную экспроприацию и огосударствление промышленности, финансов и торговли, а также на самые решительные меры политического террора при ее проведении. Тем самым оно невольно поощряет недвусмысленные претензии большевизма на абсолютную государственную власть и создает условия формирования в стране единого государственно-монополистического хозяйственного механизма.

Дальнейшее известно. Полный разлад и разруха в сфере «городского производства» предопределили крах внутреннего товарообмена между городом и деревней. Революционная власть перешла к стратегии реквизиций, продотрядов и продразверстки. С жестокой последовательностью деревня, до того расправившаяся с помещиками и «мироедами», была разорена и поставлена на колени. Итогом этого к 1920 г. стал испугавший и ввергший в панику даже самих большевиков повсе-

366

местный развал экономики и общества, полное разложение механизмов общественного воспроизводства. Победа большевизма над частным крупнокапиталистическим производством в городе и общиной в деревне оказалась пирровой. Заводы и шахты стояли в запустении. Община же голодала, но упорно не поддавалась управляющим импульсам государственных органов советской власти, сокращала посевы, забивала скот, всеми правдами и неправдами утаивала урожай. В 1921 г. большевистская власть вынуждена была пойти на экстренные меры по возрождению внутреннего рыночного товарооборота, легализацию торговли и замену продразверстки продналогом. Вместе с тем она усвоила главный урок эпохи «военного коммунизма»: необходимость внутреннего преобразования и последующей ликвидации общины как ключевого условия формирования инвестиционного механизма социалистической индустриализации и политической гегемонии «нового класса» (или же класса коммунистической номенклатуры) в России. Первичное разложение общины достигается включением в период нэпа механизма индивидуального денежного обложения крестьянских хозяйств, ограничением переделов и подавлением круговой поруки. При этом в новых условиях стратегической монополии власти в экономике дифференциация крестьянских хозяйств лишь усиливала потенциал властного контроля. И когда власть сочла, что в ходе «передышки» середины 1920-х гг. накопила достаточно сил и средств для повторения военно-коммунистического эксперимента, она цинично использовала сформировавшийся в деревне ресурс крестьянской бедноты для решительной и бесповоротной экспроприации всего прежнего крестьянского уклада и использования его в качестве универсального подручного средства для реализации своих державных замыслов (не только в виде отчужденного продукта, повышающего экспортный потенциал и валютные ресурсы страны, но и непосредственно — в виде рабской физической силы на стройках сталинских пятилеток, на лесоповале, на канал строе и пр. и пр.). И пророчески назвала всё это «великим переломом» 1929 г.

367

Период 1929—1941гг. Создание чрезвычайно эффективного (с точки зрения поставленной цели) механизма трансформации ресурсов натуральных укладов России в новейшие формы ее индустриального и военно-политического могущества явилось главным итогом симбиотического процесса коллективизации и индустриализации 1930-х гг. То, что не

удалось сделать Александру III и его министрам-финансистам (Вышнеградскому и Витте), спустя 36 лет сделали большевики под руководством И.В. Сталина. При этом российское крестьянство умостило собою дорогу России в «светлое» военно-коммунистическое будущее. Те счастливчики, что не подверглись раскулачиванию, стали бесправными орудиями всесоюзной колхозной машины, позволяющей без всяких ограничений изымать в пользу государства произведенный на селе продукт. «Теперь, — говорил Сталин, — крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза» (цит. по: [Гордон, Клопов 1988. С. 5]). Власть лишила крестьянство даже права на собственное разумение в его собственных крестьянских делах. «Разум» по директиве «сверху» был отчужден от производителя и воплощен в директивных органах единого монопольно управляющего страною «центра».

На этой основе власть обретала возможность сосредоточить весь ресурсный потенциал страны на развитии индустрии. Ее колоссальный рост в считанные годы вывел СССР в число великих держав (успехи СССР были особенно впечатляющи на фоне кризиса и депрессии, охватившей капиталистический мир в 1930-х гг.). Залог этого успеха был прежде всего в последовательном и бескомпромиссном отказе СССР от использования инструментов товарно-денежных отношений во внутренней политике. Страна решительно вступила на путь строительства особой, нигде ранее не виданной нерыночно-индустриальной цивилизации, которая уже к началу 1940-х гг. стала обретать черты нового мирового центра силы и нового глобального по своему значению социально-политического феномена.

Период 1941-1953 гг. Война (1941-1945 гг.) вновь (как прежде — революция 1905 г.) обозначила пределы и неизбеж-

ные последствия сформировавшегося в 1930-е гг. хозяйственного механизма. Вместе с тем она выявила новые, незадействованные ранее ресурсы и возможности директивно-мобилизационной экономики. Военная мобилизация обеспечила грандиозные даже по меркам 1930-х гг. масштабы перекачки людских ресурсов из деревни в город и из внеиндустриальных секторов хозяйства в индустрию. В процесс оказались вовлечены все без разбора, в том числе женщины и подростки (лишь за один 1943 г. численность рабочих, служащих и колхозников увеличилась за счет мобилизации женщин и молодежи на 5 млн человек). Эти процессы завершали разложение прежнего уклада российской деревни, а вместе с тем утверждали и на послевоенный период решающее значение военно-мобилизационного механизма в качестве ключевого инструмента социализации в рамках новой нерыночно-индустриальной цивилизации страны Советов.

Победа в войне неслыханно усилила мировые геополитические позиции СССР, но вместе с тем поставила жесткие пределы прежде «безграничным» вожделениям большевистских идеологов «мировой революции». СССР был принужден к признанию биполярной структуры мирового порядка и ограничен в своих политических амбициях пределами так называемого «социалистического лагеря». Вместе с тем эффективность его мобилизационных механизмов и принуждающие возможности его политической системы обеспечили его необходимыми ресурсами, позволившими вступить в соревнование с лидером мировой экономики - США за ядерно-стратегический паритет, а в 1953 г. фактически достичь его. Мир реально оказался в преддверии новой третьей (термоядерной) мировой войны, и, возможно, только смерть Сталина пресекла такое развитие событий.

Третий 36-летний цикл (1953-1989 гг.)

Период 1953—1964(5) гг. Смерть Сталина раскрепостила в первую очередь высший эшелон советской партийно-номенклатурной элиты. А вместе с тем поставила перед этими отбор-

ными «сталинскими кадрами» проблему дальнейшего развития страны и преодоления

многочисленных дисфункций в работе налаженного Сталиным государственного механизма — проблему, впрямую сопряженную с проблемами их личного политического выживания. Победил в этой схватке наследников великого диктатора, как известно, Н.С. Хрущев, сделавший ставку на ресурсы центрального партаппарата и получивший тем самым исторический шанс определить стратегию десталинизации сформированного ранее единого хозяйственно-политического организма СССР.

Подчиняя внутреннюю политику потребностям острой внутрипартийной политической борьбы, Хрущев, во многом не отдавая себе отчета в стратегическом значении совершаемых им поступков, сумел внести определенные позитивные изменения в состояние сельского хозяйства страны, активизировать практику государственных инвестиций в сельскохозяйственное производство (распространение совхозов, до этого сравнительно немногочисленных). Вместе с тем он сумел идеологически обосновать необходимость некоторого изменения пропорций распределения ее ресурсов в пользу трудящихся города и деревни и в ущерб узко понимаемым интересам индустриального развития. В стране началось массовое жилищное строительство, наметился рост реального уровня жизни.

В то же время новый импульс приобрели тенденции разрешения противоречий внутреннего развития за счет форсирования внешней аграрной и индустриальной колонизации. В ущерб решению неотложных проблем аграрной деградации в центре России всё внимание власти было сосредоточено на пресловутом «освоении целинных и залежных земель». Аналогичным образом и новые импульсы технического обновления, и ресурсы для развития крупной индустрии сосредоточивались в первую очередь на вновь строящихся предприятиях на востоке страны — в Сибири, Казахстане и др.

Сосредоточив к весне 1958 г. в своих руках все основные рычаги политической власти, Хрущев реализовал, возможно, безотчетно для самого себя, важнейшую политическую зада-

чу, стоявшую перед советским режимом с начала 1950-х гг., — разрушил прежний, сталинский механизм власти, олицетворяемый Президиумом ЦК, а вместе с тем сплотил и продвинул к власти «новых людей», будущих «творцов застоя» (в частности, таких, как заметно укрепившие свои позиции после июльского 1957 г. пленума ЦК КПСС М.А. Суслов, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, А.П. Кириленко, К.Т. Мазуров, А.А. Громыко, Р.Я. Малиновской, С.Г. Горшков, Д.Ф. Устинов). Но когда через некоторое время новое «коллективное руководство» стало тяготиться самовластьем Хрущева, то оказалось, что у последнего нет ни эффективных механизмов политического контроля за деятельностью нового аппарата власти, ни надежного репрессивного аппарата для его устрашения и обуздания.

Вместе с тем «новые люди» во власти, ощущая свою растущую силу и отсутствие хозяина, всё более недвусмысленно требовали гарантий своей безопасности и всё более отходили от норм дисциплинирующей номенклатуру и вмененной ей Сталиным этики «государевых холопов», «воровство» которых беспощадно наказывалось. Теперь же каждый средней руки партчиновник мечтал видеть себя хозяином во вверенном ему сегменте государственного хозяйства. Партхозактив становился главным действующим лицом российской истории. Ревизия сталинской индустриализации вела к переходу от мобилизационной к административно-распределительной системе, более дифференцированной и более приспособленной к длительному развитию в условиях пресловутого «мирного сосуществования систем».

Период 1964(5)—1977 гг. Причины «октябрьского переворота» 1964 г., отстранившего Хрущева от власти, заключались не столько в его так называемом «волюнтаризме», сколько в самой логике преобразования советской политической и хозяйственной системы. Реформы Хрущева привели к ликвидации прежней сверхцентрализованной мобилизационной системы управления страной, но основы государственной нерыночной монополии остались неизменными. Назревшая потребность дать простор развитию

отраслевых министерств и ведомств, обеспечить им известную самостоятельность и политический
371
вес в определении приоритетов государственной инвестиционной политики заставила партийно-хозяйственный аппарат объединиться в борьбе против Хрущева, который пытался соединить несоединимое - децентрализацию управления через совнархозы с одновременным усилением централизации партийного руководства.
Успех «заговорщиков» предопределил ликвидацию всех созданных Хрущевым переходных политических и экономических структур. Но на первых порах импульсы социально-экономического реформирования, приданные им СССР, не затухали. Умеренные реформаторы-хозяйственники во главе с Председателем Совета Министров А.Н. Косыгиным, продолжали усилия по адаптации советской экономики к условиям развивающейся в мире научно-технической революции. Был существенно ослаблен прежде жесткий контроль государства над колхозами, публично провозглашен курс на экономическую реформу. Однако в итоге всё ограничилось переходом к министерско-ведомственной форме управления промышленностью, которая обеспечивала известную эмансипацию партийного аппарата от непосредственной хозяйственной ответственности при сохранении за ним политического полновластия. Тем «эра реформ» и закончилась.
Высокие темпы промышленного роста, особенно в военно-стратегической сфере, позволили СССР добиться устойчивого паритета с Западом в области стратегической безопасности и занять признаваемое всеми в мире место державы № 2. Но эти успехи лишь усиливали консервативные тенденции в советском руководстве и подталкивали его к попыткам распространить политическое влияние СССР за оговоренные с Западом пределы. Вслед за первой ласточкой - Кубой присутствие Советского Союза расширяется в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. В СССР развертывается колоссальная программа технической модернизации наступательных вооружений. Вынужденный считаться с возросшей военной мощью СССР, Запад фактически пошел на официальное признание имперских амбиций Советской державы. Началась политика «разрядки» (1972—1977 гг.). Началось
372
«наведение мостов» и налаживание контактов между долгое время полностью закрытыми друг для друга общественными системами. Теории конвергенции стали популярны по обе стороны, казалось бы, уже разрушающейся баррикады.
Период 1977—1989гг. 1976—1977 гг. обозначили принципиальный перелом в экономическом и политическом развитии СССР. Начиная с этого времени стали резко снижаться темпы экономического роста, последствия структурного кризиса в экономике стали проявляться все отчетливее. В политической сфере стали усиливаться консервативно-милитаристские и изоляционистские тенденции. С июня 1977 г. генсек Брежнев присвоил себе пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, т.е. упрочил формальную легитимацию собственной безраздельной власти. Дополнительная легитимация была обеспечена и включением в Конституцию 1977 г. особого пункта о «руководящей и направляющей роли партии». Пройдя полосу впечатляющего расцвета, административно-распределительная система и сформированная ею ведомственная экономика входили в полосу глубокого кризиса, названного позднее *эпохой застоя.* Этот кризис оказался усугублен проблемой смены поколений в советском руководстве: представители прежнего «коллективного руководства», выдвинувшиеся при Сталине и Хрущеве, один за другим уходили из жизни (Суслов — в феврале 1982 г., Брежнев — в ноябре того же года, Андропов — в феврале 1984 г. Устинов — в декабре того же года и т.д.). Наконец, смерть очередного генсека К.У. Черненко (март 1985 г.) вывела страну из полосы политического застоя и придала определенный динамизм процессам пересмотра ключевых параметров собственного социально-политического и экономического развития. Вскоре по инициативе нового генсека М.С. Горбачева началась политика «ускорения», а затем и «перестройки», социальная активность широких масс получила высочайшее дозволение «служить целям обновления социализма».
Административно-распределительная система развитого социализма неуклонно продвигалась к своему закату. Прежние стимулы к труду и механизмы социальной мобильности,

действовавшие на протяжении 1930-х —

1970-х гг., были исчерпаны. Министерства и ведомства, укрепившие свои позиции в 1970-е гг., фактически превратились в отраслевые монополии, в мощные корпорации, чья деятельность больше не поддавалась управлению из центра. Даровых ресурсов становилось всё меньше, а аппетиты корпораций-монополистов и военно-промышленного комплекса всё возрастали. Потенциал нерыночных форм экономики — от сталинской мобилизационной до брежневской административно-распределительной — был исчерпан. Гласность и демократизация разлагали последние бастионы «старого порядка». «Новое мышление» идеологически обезоруживало его защитников. Речь шла лишь о том, в какие политические и имущественно-хозяйственные формы выльется в конечном счете всё более очевидное безраздельное господство новой деидеологизированной и сориентированной на ценности западного благополучия номенклатуры. В дело вступал формирующийся *уполномоченный* (высшим партаппаратом) бизнес и теневые структуры власти — собственности. Начало горбачевских игр в «реальную демократию», а также безволие власти перед лицом распадающегося Восточноевропейского блока предопределили последующее развитие событий.

Четвертый 36-летний цикл (1989—2025 гг.)

Период 1989—2000(1) гг. В стране с отсутствующими рыночной экономикой и гражданским обществом, при укорененной во всем жизненном строе нерасчлененности власти и собственности, при отсутствии институтов частного права и государстве, полностью утратившем представление о своих обязанностях по отношению к законопослушному гражданину, в этой стране с благословения XIX партконференции (июль 1988 г.) был запущен процесс формирования институтов парламентской демократии. Тем самым власть расписывалась в неспособности обеспечить минимально необходимые предпосылки рыночного реформирования экономики. В свойственной ей манере полной социальной безответственности она одной рукой насаждала в обществе навыки институциональной демо-

кратии, а другой — продвигала проекты экономической модернизации социалистической системы. Иными словами, она предпочитала «игры с огнем», возможно, полагая, что это лишь «игры в мутной воде», которые позволят ей в конечном счете выловить пропуск в мир западного процветания. Но государственно-политический крах 1991 г. во многом превзошел самые смелые ожидания и прогнозы.

Распад СССР (декабрь 1991 г.) стал не завершением, а лишь началом драматического процесса освоения российским обществом политического пространства формирующейся на руинах империи нации-государства. Сложность этой поистине исторической задачи в условиях эфемерности сохраняющихся в постсоветской России ресурсов социальной интеграции и острого кризиса идентичности (порожденного разложением большинства прежних социально значимых идентификационных моделей советского типа) еще не вполне осмыслена не только массовым сознанием, но и российским политическим классом и обслуживающим его экспертным сообществом. Отсюда — поразительная устойчивость многочисленных иллюзий и своего рода аберрация политического зрения, проявляющиеся в явно неадекватных оценках политиками и экспертами места постсоветской России в современном мире и ее реальных успехов в деле формирования демократической политической системы и рыночно-капиталистической экономики. Поиск новой стратегии национально-цивилизационного развития, а вместе с тем и соответствующих идентификационных паттернов осуществляется российской политической элитой в крайне неудобном положении, как бы на стыке глобализирующегося мира и увязшей в состоянии переходности (незавершенной модернизации) России. Более того, и политические, и социокультурные процессы в российском обществе во многих отношениях по-прежнему развиваются в противофазе с процессами, характеризующими авангард современного мира.

К тому же есть весьма серьезные основания полагать, что «антикоммунистический переворот» 1991 г. и последующий крах СССР в модернизационном развитии России эволюционно оказались отнюдь не эквивалентны краху империи Наполеона III во
375
Франции в 1870 г. или краху «третьего рейха» в Германии в 1945 г., в свое время обозначившим завершение фазы «неорганичной модернизации» в развитии Франции и Германии и обеспечившим этим странам возможность преодоления дисфункций собственной государственно-политической и экономической системы и в дальнейшем — успешной интеграции в сообщество современных государств. России такое принципиальное изменение стратегии модернизации в лучшем случае только еще предстоит в будущем, а до тех пор ей суждено пребывать в ситуации системной неустойчивости, испытывая внутренние борения и конфликтное противостояние политических интенций догоняющей модернизации и имперской реставрации — взаимно обусловленных и стратегически равно бесперспективных.
Глубина социальных разрушений, постигших российское общество за годы советско-коммунистического нерыночного эксперимента, до сих пор до конца не осознана. Вместе с архаикой тогда были уничтожены и ростки самосознания личности, автономной от государства, и вместе с тем — представления о верховенстве права (rule of law) и частной собственности, а на расчищенном таким образом поле сформировалась совершенно особая, по-своему уникальная система ценностей советского человека (всецело рассчитывающего на государство как на источник своего материального существования и в то же время всецело стремящегося эмансипироваться от государства в аспекте социально-политическом, «жить обеспеченно, но не по указке»). Попытка укоренения на этой почве институтов и практик современной демократии и рынка в России привела спустя более чем десятилетие к весьма противоречивым и неоднозначным (а в какой-то мере и беспрецедентным) результатам и еще более неопределенной перспективе.
Уже к середине 1990-х гг. после завершения первого этапа «шоковой терапии» и ваучерной приватизации вместо отделения власти от собственности начала формироваться новая переходная, своего рода «двухтактная» модель отчуждения и накопления ресурсов собственности и власти, при которой немногие, «уполномоченные властью» крупные собственники получают сверхдоходы и контроль над ключевыми хозяйственными ресурсами
376
общества (ограничивая или прямо понижая при этом уровень жизни и политического участия подавляющего большинства населения), а власть контролирует этих собственников и присваивает часть их сверхдоходов, формируя за счет этих средств механизмы политического и идеологического контроля над электоральным процессом (в первую очередь посредством «карманных» политических партий и контролируемых медиа-ресурсов). Подобная модель, нацеленная на стабилизацию и консервацию возникшего в 1993—1996 гг. «олигархического» политического режима, принципиально блокировала процессы оформления средних слоев общества в качестве ключевого субъекта либерально-демократической модели политического и экономического развития. Коммерциализация 1990-х гг. осуществила последовательную и беззастенчивую экспроприацию большинства основных социальных и профессиональных групп, лишая их возможности на основе профессиональной деятельности поддерживать собственное существование. Утвердившаяся в условиях вопиющей неэффективности работы новых демократически-правовых институтов практика «борьбы без правил» последовательно разрушала и без того уже почти эфемерные основы общественной консолидации и самосохранения.
К концу 1990-х гг. в российском обществе возник отчетливый запрос на упорядочивающую и дисциплинирующую новые элиты власть, на укрепление российской государственности и определенную корректировку господствующей либеральной стратегии развития, привнесение в нее отчетливых интервенционистских импульсов со стороны государства. Эти общественные настроения удачно совпали с вызревающим в недрах переживших распад СССР номенклатурных структур стремлением к собственному политическому возрождению и к власти. Слабеющим голосом патриарх российской демократии Б.Н. Ельцин даровал стране (в ночь с 31 декабря 1999 г. на 1 января 2000 г.) нового лидера, соответствующего всем требованиям наступающей эпохи.

Период 2000(1)—2013 гг. После марта 2000 г. градус политической жизни в стране заметно понизился. Политические инновации перешли в разряд монопольных прерогатив выстраи-
377
ваемой заново «исполнительной вертикали». Оппозиция, лишенная действенных рычагов влияния как на процесс принятия политических решений, так и на формирование массовых политических установок, окончательно утратила «непримиримую» составляющую, стала «системной» (а точнее — «ручной»). Вместе с тем исполнительная власть, блестяще реализовавшая в 1999—2000 гг. свой собственный электоральный проект и претендующая сегодня на главенство в политической жизни страны, обрела перспективу построения отношений с обществом напрямую, минуя всякого рода институциональных посредников. В целом же налицо принципиальное упрощение ряда важнейших механизмов политического развития, уменьшение потенциала формирующихся институтов демократии. Вместе с тем крайне благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура обеспечила России заметный экономический рост и определенные ресурсы для возрождения позиций государства (и прежде всего новой высшей государственной бюрократии) как в экономике, так и в политической жизни.

С начала второго президентского срока В. В. Путина политическое наступление власти развернулось не только в сторону экономики (и определенного дисциплинирования олигархии), но и в направлении коммерциализации и монетизации ключевых систем социального воспроизводства (здравоохранения, образования, науки, пенсионного обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства), т.е. рыночного «обуздания» населения, введения его в состояние полной управляемости и готовности к новым подвигам самоотречения на благо государства.

Текущие тренды общественных настроений и ожиданий свидетельствуют о том, что новое устойчивое состояние, которое может сложиться после разрушения нынешнего, будет существенно менее демократическим и либеральным. Как известно, в классическом случае и демократия, и законность, и конституция, и элементы гражданского общества возникают по мере того, как влиятельные хозяйствующие и социальные субъекты приходят к пониманию необходимости политически сдерживать и ограничивать властного суверена. Наша российская традиция иная, и ограничителем самодержавной власти суверена в
378
России всегда была перспектива формирования теневого сговора в ближайшем окружении «самовластца». Российские либеральные реформаторы 1990-х гг. в этом отношении оказались скорее традиционалистами. Унаследованные от прежних эпох механизмы и социокультурные архетипы самодержавной власти оказались для них чрезвычайно удобными инструментами реализации ключевого проекта приватизации и коммерциализации в постсоветской России. Государственная власть была использована ими с целью перераспределения и приватизации государственной (в тот период — всеобъемлющей) собственности в интересах формирующейся новой «партии власти». В кратчайшие сроки сформировались устойчивые и влиятельнейшие группы интересов, заинтересованные в институционализации данного механизма «приватизации государства» и в соответствующей трансформации стихийно сформировавшихся в 1989— 1993 гг. демократических практик. Встал вопрос об «управляемой демократии» и о формировании соответствующих инструментов и технологий, а в дальнейшем и о процедурном и институциональном оформлении потребности власти в надежном и эффективном управлении политическими настроениями и электоральными предпочтениями общества.

Итогом последних двадцати лет социально-политического развития России стала парадоксальная ситуация: и российская власть, и российское общество последовательно и необратимо утрачивают ресурсы и навыки, необходимые для осуществления политики силового, потестарного господства, но эти потери не компенсируются обретением качеств альтернативного, современного политического поведения, предполагающих способность к решению возникающих социальных противоречий и конфликтов посредством компромиссов и формализованных процедур принятия конфликтующими сторонами взаимных связывающих обязательств. С этим багажом почти неразрешимых проблем вступает Россия в будущее, которое — по всем вышеперечисленным причинам — сулит ей еще достаточно длительное

движение в прежней логике развития, диктуя ей мучительное изживание в себе прежних самодержавно-номенклатурных архетипов социально-политического развития.
379
Период 2013—2025 гг. Сегодня этот период пока еще скрыт в туманной мгле времен. Однако можно со всей определенностью сказать о двух ключевых вехах, его ограничивающих. И первая (2013 г.), и особенно вторая (2025 г.) обозначают грядущий принципиальный поворот в российской политике. В первом случае это будет сопряжено с радикальной дестабилизацией сформировавшегося в постсоветский период режима. Россия вступит в полосу серьезных внешнеполитических осложнений и конфликтов, реальная угроза нависнет над ее территориальной целостностью и внутриполитическим консенсусом в обществе. Это, скорее всего, потребует радикального пересмотра внутри- и внешнеполитической стратегии государства, а также самих принципов его функционирования. Во втором случае речь пойдет о существенно большем. России предстоит завершение целой серии разномасштабных циклов своей исторической эволюции. И венчающее эти исторические циклы решающее испытание ее готовности к новому качеству исторического развития — как полноправного и всеми признанного и желанного члена мирового сообщества современных и демократических государств. Либо Россия сумеет справиться с этим, возможно, самым сложным испытанием в своей истории, либо она развеется как мираж, не найдя себе места в сообществе современных наций завтрашнего глобализованного мира.
Однако, чтобы не завершать эту тему на столь драматической и в то же время абстрактной ноте, еще раз окинем взором пройденные выше исторические циклы и попытаемся обнаружить в них определенный креативный посыл, позволяющий на основании инвариантов прошлого развития попытаться понять задачи и ограничения развития будущего. Проанализировав три последних исторических рывка России, мы выявили следующую последовательность исторических этапов.
«Московский рывок»:
1353 - 1389 - 1425 - 1462(1) - 1497
«Петровско-екатерининский»
или «Имперский рывок» **1653 - 1689** - 1725 - **1762(1) - 1797**
«Завершающий рывок»
1881 - 1917 - 1953 - 1989(91) - 2025
380
Из четырех 36-летних составляющих каждый 144-летний рывок циклов первый **(1353-1389 гг., 1653-1689 гг. и 1881-1917 гг.)** всякий раз представляет собой цикл инициации и поиска стратегии государственного обновления, адекватного внешним вызовам. Этот поиск всякий раз обусловлен разочарованием в возможностях негосударственных инициатив в деле этого обновления. Государство всякий раз используется как своего рода «архимедов рычаг» самопреобразования России. Роль же этого цикла для последующего развития состоит в том, что в этот период формируется системная основа будущей трансформации, подготавливаются необходимые кадры и новая политическая элита. Второй цикл **(1389-1425 гг., 1689-1725 гг. и 1917-1953 гг.)** - это цикл реализации подготовленного модернизационного проекта. В этот период преобразуется вся прежде существовавшая хозяйственная и социально-политическая система страны. Упраздняются ранее доминировавшие уклады, «расчищается почва» для нового жизненного уклада. Но вместе с тем выявляются и принципиальные несовершенства нового строя, и принципиальные ограничения, угрожающие жизнеспособности проекта в целом. Третий цикл **(1425-1462(1) гг., 1725-1762(1) гг. и 1953-1989(91) гг.)** представляет собой цикл системной «релаксации». Государство более не справляется со всем объемом социальных проблем, связанных с осуществлением проекта. Ключевым фактором эволюции становится частный интерес бюрократии и служилого сословия (номенклатуры), прежде жестко дисциплинированных и послушно исполняющих государеву волю. Прежняя монополия верховной власти на политику размывается. Более того, происходит своеобразная институционализация политического конфликта между отдельными отрядами социально-политических элит (в период «завершающего рывка» эту роль посредника между конфликтующими регионально-отраслевыми партийно-хозяйственными кликами выполнял аппарат ЦК и другие специализированные институты номенклатуры). Задачи четвертого, за-

вершающего цикла рывка **(1462(1)-1497 гг., 1762(1)-1797 гг. и 1989(91)-2025 гг.)** состоят всякий раз в том, чтобы, исходя
381
из состояния безграничной вольности государственного сословия и серьезного ослабления государственной власти, вернуть страну и ее элиту к повиновению. Но осуществлять это приходится не столько путем прямого насилия, как это делали, к примеру, Петр I и Сталин, сколько с помощью своего рода пакта, который, предоставляя элите «вольности» в вопросах ее хозяйственного обустройства и гарантируя ей достаток и порядок в стране, вместе с тем возвращает власти монополию на принятие и осуществление всех важных, стратегических политических решений. Тем самым потенциал государства концентрируется на решении в первую очередь внешнеполитических задач, обеспечивая при этом исправное функционирование государственной машины в целом.

Таблица 6

	Первый этап	Второй этап	Третий этап
Первый цикл	1881-1893	1893-1905	1905-1917
Второй цикл	1917-1929	1929-1941	1941-1953
Третий цикл	1953-1964(5)	1964(5)-1977	1977-1989
Четвертый цикл	1989-2000(1)	2000(1)-2013	2013-2025

Каждый цикл распадается, в свою очередь, на три 12-летних этапа, существо которых для простоты и наглядности изложения проиллюстрируем на примере лишь последнего, заключительного рывка российского развития.

Первый 12-летний этап всех циклов — этап структурных преобразований в политике, экономике, обществе, который подготавливает и формирует предпосылки последующих реформ (прежде всего в сфере экономики), позволяющих России, хотя бы путем имитации, соответствовать требованиям мирового развития и тем самым принять участие в мировом процессе в качестве его субъекта. В отношении к Западу на этом этапе доминирует логика «передышки» и своего рода «заигрывания» с целью получения доступа к эксклюзивным технологическим ресурсам (в сфере финансов, в военном деле, в сфере политических или информационных технологий и т.п.), которые оказываются ключевыми при выработ-
382
ке «асимметричного» ответа Западу на последующем этапе
развития.

Второй 12-летний этап представляет собой квинтэссенцию экономических преобразований всего цикла. Здесь осуществляется наиболее последовательная реализация его основной цели и наблюдаются наиболее очевидные успехи на этом поприще. Отношение к Западу на этом этапе характеризуется «логикой паритета», логикой равных.

Особенность третьего 12-летнего этапа состоит в том, что именно здесь обнаруживаются изначально неочевидные внешне- и внутриполитические последствия реализации базовой стратегии всего цикла, которые теперь выступают в качестве ее объективных ограничителей. Его характеризует сочетание инерционного продвижения в заданном ранее направлении с разного рода «блужданиями» и «рысканиями» в самых неожиданных направлениях. Это нередко порождает явления политического и хозяйственного застоя, «усталость» элит и общества. Вместе с тем именно на этом этапе в отношении Запада часто формируется логика «асимметричного ответа». Собственно, поиск такой возможности и составляет существо внешней политики России на этом этапе. Ирония истории проявляется здесь в том, что всякий раз, когда российской власти мнится, что она вот-вот сможет показать Западу «кузькину мать», ее собственные внутренние процессы ввергают ее в полосу хаоса и нестабильности, принципиально меняют приоритеты и цели ее политики.

Вместе с тем каждый 12-летний этап внутри 36-летнего цикла, в свою очередь, можно разбить на три 4-летних периода, разделяемых соответствующими переломными точками (точками изменений в российской политике и экономике). Так, внутри текущего 36-летнего цикла можно выявить следующие более или менее явно выраженные точки перехода: 1989-1993-1997(1998)-2001 гг. Означении 1989 и 2001 гг. для российского развития уже шла речь выше; что же касается 1993 г. (указ Ельцина о роспуске съезда народных депутатов и Верховного Совета, драматические события октября 1993 г., принятие новой Конституции РФ и первые выборы в Госу-

дарственную Думу) и 1998 г. (дефолт в августе 1998 г., правительственный и политический кризис), то об их значении распространяться нет смысла. На этом основании можно предположить, что 2005, 2009, 2013,2017, 2021 и 2025 гг. (точность датировки составляет плюс-минус 1 год), скорее всего, также станут очередными точками более или менее важных изменений в российской политике и экономике. Очевидно, что это позволяет в определенной мере прогнозировать точки грядущих изменений в российском развитии. Подробнее об этом будет идти речь в заключительной седьмой главе книги (п. 7.2).

6.3. Циклы смены российских элит

Особое значение властвующей элиты в российской политике можно проследить на протяжении всей новой и новейшей истории. Глубокий и неустранимый раскол между властью и обществом, отчуждение общества от политики, его склонность в лучшем случае к плебисцитарным методам диалога с властью — всё это сохранилось и в постсоветский период (проявляясь в неразвитости структур гражданского общества, в очевидной эфемерности массовых демократических политических партий, в низкой значимости института многопартийности в глазах общественного мнения и т.п.). В прежний, советский период квинтэссенцией политики было знаменитое «кадры решают все»; новая, постсоветская политика коммерциализации/приватизации (включая практики и технологии насаждения в России различных элементов так называемого «демократического фасада» постсоветского политического режима) также формировалась, как известно, с помощью ресурсов «уполномоченного бизнеса».

Иными словами, происходившие в начале 1990-х гг., казалось бы, радикальные изменения состава, принципов консолидации российской властвующей элиты и механизмов ее рекрутирования и ротации, равно как и происходящая на наших глазах новая трансформация этих принципов и обновление состава элиты, есть лишь звенья (фазы, стадии) более долговременного

и фундаментального процесса циклических политических трансформаций, в рамках которого наблюдавшиеся с конца XIX в. циклы «коэволюции» и дифференциации — интеграции (раскола — консолидации) российской элиты есть всего лишь, если использовать выражение И. Валлерстайна, «циклы внутри чего-то большего». Важно отметить, что на всем протяжении этих трансформаций, характеризовавшихся в советский период жестокой внутренней борьбой, которая сопровождалась на отдельных этапах массовыми «чистками» и столь же массовыми кадровыми обновлениями, вместе с тем сохранялись высокая спаянность элиты, преемственность и нерасторжимая взаимозависимость ее подчас антагонирующих сегментов.

В целом механизм циклического обновления элиты можно представить как чередующееся доминирование одного из двух в определенном смысле полярных принципов интеграции и консолидации элиты, условно названных нами *«почвенническим»* (наиболее характерная черта которого — ставка на стратегию мобилизации внутренних ресурсов страны в режиме автаркии, стратегию «опоры на собственные силы», ограничения международного сотрудничества) и *«космополитическим»* (наиболее характерная черта которого — ориентация на активное заимствование иностранного — в основном западного — опыта, на привлечение внешних ресурсов, интенсифицирующееся международное сотрудничество). При этом основные фазы этих циклов смены российских элит в общем совпадают с фазами описанных выше 12-летних этапов внутри 36-летних циклов.

В самом сжатом виде циклы смены российских элит, начиная с 1881 г., можно представить в

следующем виде.

1цикл (1881-1905 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **1881-1889 гг.;** переход к доминированию «космополитического» принципа: **1889—1893 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **1893-1901 гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **1901—1905 гг.**

Общая продолжительность цикла 24 года.

385

II цикл (1905-1929 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **1905—1913 гг.;** переход к доминированию «космополитического» принципа: **1913—1917 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **1917—1925гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **1925—1929 гг.** *Общая продолжительность цикла 24 года.*

III цикл (1929-1953 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **1929—1937 гг.;** переход к доминированию «космополитического» принципа: **1937—1941 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **1941—1949 гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **1949—1953гг.** *Общая продолжительность цикла 24 года.*

IV цикл (1953-1977 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **1953—1961 гг.;** переход к доминированию «космополитического» принципа: **1961—1965 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **1965-1973 гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **1973—1977гг.** *Общая продолжительность цикла 24 года.*

Уцикл (1977-2001 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **1977—1985 гг.;** переход к доминированию «космополитического» принципа: **1985-1989 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **1989—1997 гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **1997—2001 гг.** *Общая продолжительность цикла 24 года.*

VI (начавшийся) цикл (2001-2025 гг.)

1) Доминирование «почвеннического» принципа: **2001-2009 гг.;** •переход кдоминированию «космополитического» принципа: **2009—2013 гг.**

2) Доминирование «космополитического» принципа: **2013—2021 гг.;** переход к доминированию «почвеннического» принципа: **2021-2025 гг.** *Общая продолжительность цикла 24 года.*

386

Поразительно, что описанные в общем виде циклы смены российских элит «работают» на протяжении огромного периода времени, несмотря на революции, политические перевороты, «кадровые чистки» и даже государственный террор. Существо описываемого прогностического инструмента заключается в том, что факт сохранения в постсоветский период циклов обновления российской политической элиты не только является дополнительным веским аргументом в пользу незавершенности и продолжения российского исторического движения в логике «циклов вторичной империи» (или, в более привычной для читателя формулировке, «циклов догоняющего развития»), но и позволяет распространять действие циклического механизма ротации российских элит по крайней мере на ближайшие два десятилетия. Вместе с тем, предваряя дальнейшее изложение, следует отметить, что, с формальной точки зрения, данный прогностический инструмент не обладает внутренними (имманентными) возможностями оценки глубины и остроты внутриэлитного противоборства, масштаба «эксцессов» в ходе самоочищения элиты от приверженцев «устаревших» принципов элитной консолидации. Для внесения в прогноз соответствующих «поправочных коэффициентов» необходимо кооперативное использование широкого набора различных прогностических инструментов.

Но прежде чем переходить собственно к рассмотрению возможностей прогнозирования, заложенных в циклах обновления российской политической элиты, рассмотрим более подробно основные фазы доминирования и смены принципов формирования сначала советской, затем российской властвующей элиты с конца 1970-х гг. до наших дней (V цикл и начало VI цикла).

1977 - 1979 — 1981. Упадок влияния и смерть А.Н. Косыгина, усиление влияния в советском руководстве «ястребов», которое приводит к отказу от политики «разрядки» и ориентации на более жесткий внутри- и внешнеполитический курс. Начало борьбы с диссидентами, переход к более жесткой политике по отношению к Западу (размещение советских ракет средней и малой дальности, советская экспансия в Индокитае, Африке,

Латинской Америке, начало войны в Афганиста-
387
не) способствуют усилению позиций Ю.В. Андропова и выходцев из аппарата КГБ.
1981 —1983 -1985. Дальнейшее усиление позиций Ю.В. Андропова и связанных с ним представителей высшего эшелона советской номенклатуры. Смерть Брежнева и избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Андропова в 1982 г. ускоряют эти процессы. Конфронтация с США и странами Запада из-за объявленного Р. Рейганом «крестового похода» против СССР создает условия для доминирования «почвеннической элиты», но вместе с тем подготавливает ее кризис.
1985 -1987 -1989. Смерть Ю.В. Андропова и затем К.У. Черненко приводит к власти М.С. Горбачева, ориентированного на сближение с Западом и внутренние либеральные реформы. Вместе с Горбачевым, провозгласившим перестройку, приходит целая когорта «космополитически» ориентированных политиков (А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе и др.). 1987 г. становится рубежом, после которого происходит быстрое обновление ЦК КПСС. В 1988 г. созывается Всесоюзная партийная конференция, принимающая важные решения, а в 1989 г. проводится I Съезд народных депутатов СССР, который способствует приходу в советскую элиту новых людей. Параллельно с этим оформляется оппозиционная группировка во главе с опальным Б.Н. Ельциным.
1989 — 1991 — 1993. Политическое оформление «космополитического» принципа и стремительное движение персонифицирующего его сегмента элиты (во главе с Ельциным) к политической победе, в конечном счете закрепляющей монополию приверженцев этого принципа на принятие решений. Вместе с тем противная сторона (основывавшаяся на прежде доминировавшем «почвенническом» принципе) на первых порах остается в составе обновленной элиты, но принуждается к согласию и уступкам. Отметим характерный «перелом» 1991 г., когда наиболее последовательные и принципиальные представители прежней элиты попытались (в августе 1991 г.) ревизовать практически уже состоявшуюся смену политического курса, восстановить прежние приоритеты и ценности и были разгромлены. Тем не менее на этом этапе победители («космополитическая элита») вынуждены соглашаться с сохранением за своими относительно лояльными антагонистами определенных позиций во власти, при встречном согласии признать за победителями право определять общий курс и стратегию развития страны, а также приоритет в процессе принятия решений. Однако вскоре (1993 г.) на новом этапе развития воспроизводится старый конфликт; в ходе его разрешения подымающаяся и усиливающая свое доминирование «космополитическая» элита освобождается от принципиально чуждых ей «попутчиков», в свое время (в 1991 г.) обеспечивших ей победу над Горбачевым.
1993 - 1995 - 1997. Кризис и драматический распад прежнего (образца декабря 1991 г.) консенсуса элит, основанного на признании политического доминирования одной из сторон («космополитической элиты»). В ходе его разрешения новые «непримиримые» из рядов побежденных уходят с политической сцены. По результатам декабрьских 1993 г. выборов формируется новый внутриэлитный консенсус («псевдопакт»), где побежденной стороне вообще не находится места в структурах принятия решений и ее представители в лучшем случае лишь выполняют сугубо служебные функции в государственном аппарате. Промежуточный 1995 г. вновь демонстрирует попытку проигравшей стороны взять реванш, но следствием этого оказывается лишь «большое очищение» элиты (лето 1996 г.) от последних представителей и, казалось бы, от самого духа прежней «почвеннической элиты». Но здесь, и в этом состоит ключевой элемент механизма элитной ротации, ситуация максимального торжества и «чистоты» победившего принципа элитной консолидации оборачивается стороной, крайне неприятной с точки зрения совокупного воспроизводства элиты; возникает острый дефицит кадров, что проявляется роковым для «космополитической элиты» образом в ходе следующего кризиса.
1997 — 1999 — 2001. В этой фазе цикла выделим две стадии: а) 1997—1998. Острейший

кадровый кризис, вызванный начавшимся с середины 1996 г. «большим очищением», продолжается весь 1997 г. и большую часть 1998 г. и разрешается
388
389
посредством резкого снижения (почти потери) чувствительности «космополитической элиты» к инородному началу в ее кадровой политике. В высшие эшелоны политической власти рекрутируются, прямо говоря, сомнительные с точки зрения чистоты «космополитических» принципов фигуры, в том числе большое количество представителей так называемых силовых ведомств. Всё это в конечном счете подготавливает условия для возрождения и укрепления альтернативного принципа мобилизации и консолидации элиты.

б) 1998—2000. На внешнем фоне всесилия «космополитической элиты» всё в большей мере проступают скрытые, но почти уже очевидные симптомы смещения политической траектории страны в альтернативном прежнему направлении. Начинается новая кадровая революция и смена ведущего принципа элитной консолидации. Ведущими фигурами политики становятся, тесня прежних, «матерых» лидеров «космополитической элиты», ранее политически неизвестные, третьестепенные и доселе безликие кадры, корректирующие приоритеты своей политической ориентации и всё отчетливее противопоставляющие себя прежним лидерам. В конце промежуточного 1999 г. альтернативные политические приоритеты обозначаются вполне зримо, а в начале 2001 г. представители новой генерации «почвеннической элиты» уже обеспечивают себе все основные ключевые высоты власти для последующего достижения политической победы во внутриэлитном противоборстве.

2001 — 2003 — 2005. Медленно, но неотвратимо политическое развитие страны подходит к ревизии торжествовавшего в течение более чем десятилетия «космополитического» принципа. Ему на смену приходит и получает уже практически зрелое политическое оформление «почвеннический» принцип, а персонифицирующие его фигуры стремительно продвигаются к полноте контроля над властными ресурсами страны и механизмами принятия стратегических решений. Вместе с тем представители противной стороны (прежде доминировавшей «космополитической элиты») всё еще остаются в составе высших эшелонов власти, но всё чаще принуждаются к согласию и уступкам.

«Перелом» декабря 2003 г. (ровно двенадцать лет
390
спустя после краха политического руководства союзной коммунистической элиты) обозначил провал попытки наиболее последовательных и принципиальных представителей «космополитической элиты» ревизовать практически уже состоявшуюся смену политического курса, восстановить прежние приоритеты и ценности.

Если сказанное выше имеет некоторую силу, то очевиден прогноз развития событий по крайней мере на период до расцвета и последующего кризиса нынешнего издания «почвеннического» принципа элитной консолидации (т.е. до 2008— 2010 гг.). Ожидаются тяжелые времена для либерально-номенклатурного проекта в России и политиков соответствующей ориентации (в том числе представителей «ельцинской» генерации). Будет продолжаться и даже нарастать процесс их исключения из власти. Все попытки обострить политическую ситуацию, с тем чтобы развернуть ход событий вспять, будут приводить лишь к еще большему торжеству нынешних победителей (как это и показывают события 2003—2005 гг.).

Вместе с тем предварительно и пока предельно абстрактно можно спрогнозировать (воспользовавшись взятой «с обратным знаком» логикой элитной трансформации 1993—1996 гг.) динамику ближайших четырех лет, включающих и предстоящие парламентские и президентские выборы 2007 и 2008 гг.

2005 - 2007 - 2009. Уже на текущий 2005 г. можно прогнозировать кульминацию серьезнейшего кризиса во взаимоотношениях сторон того пакта элит, который стал

основой политического режима со времени думских выборов 2003 г. Дальнейшее давление доминирующей стороны (наступающей «почвеннической элиты») будет всё более неприемлемым для последовательно утрачивающих прежние позиции «либералов», провоцируя их на попытки радикальными средствами переломить тенденцию 1999—2004 гг. Симптоматично, что уже с конца 2004 г. призрак «оранжевой революции» начал бродить в умах прежде весьма консервативных сторонников нового либерального порядка, казалось бы, незыблемо утвердившегося в России. Иными словами, в 2005 г. следует ожидать драматического распада прежнего (образца декабря 2003 г. — марта
391
2004 г.) консенсуса элит, основанного на признании политического доминирования одной из сторон («почвеннической»). В ходе разрешения этого политического кризиса новые «непримиримые» из рядов отстраняемой от власти «космополитической элиты» уйдут с политической сцены. Но не все. Можно предположить, что немногие тесно связанные с наиболее интимными механизмами отправления власти (или наиболее глубоко законспирированные) кадры, тяготеющие к альтернативному принципу элитной мобилизации, останутся (подобно тому, как это удавалось А. Коржакову до 1996 г.) в высших эшелонах власти вплоть до 2008 г. В целом же можно прогнозировать, что по итогам 2005 г. сложится обновленный внут-риэлитный консенсус («псевдопакт»), где побежденной стороне («космополитической элите») вообще не найдется места в структурах принятия решений, а ее представители в лучшем случае будут обречены выполнять лишь сугубо служебные функции «технического менеджмента» при властной монополии «почвеннической элиты».
Промежуточный 2007 г. (и предстоящие в его конце парламентские выборы) неизбежно спровоцирует попытку проигравшей стороны взять реванш, но следствием этого станет лишь окончательное «большое очищение» элиты (к весне 2008 г.) от последних представителей и, казалось бы, самого духа прежней «космополитической элиты». Это неизбежно приведет к серьезному «похолоданию» политического климата, до тех пор всё еще сохраняющего некоторые либеральные (или псевдолиберальные) черты. Есть серьезные основания ожидать, что к этому моменту наступит пора принести в жертву политической целесообразности незыблемость некоторых норм действующей конституции. Иными словами, перед взором наблюдателя будущего со всей определенностью предстанет (особенно по контрасту с 1990-ми гг.) политическая контрреформа.
Но здесь — и мы снова обращаем внимание читателя на ключевой элемент механизма элитной ротации — торжество победившего принципа элитной консолидации и мобилизации вновь обернется неприятной с точки зрения совокупного воспроизводства элиты стороной; возникнет острый дефицит
392
кадров, и это роковым для «почвеннической элиты» образом проявится в ходе следующего кризиса и, в частности, создаст острейшие экономические проблемы в управлении страной, может породить товарный дефицит, инфляцию и т.п.
Этим беглым очерком прогностические возможности данного подхода далеко не исчерпываются. Однако подробный анализ его возможностей выходит за рамки данной книги. В следующем разделе будет рассмотрено использование прогностического инструментария, интегрирующего возможности целого ряда выявленных исторических циклов.

6.4. Значение 36-летних циклов для прогнозирования развития России в первой половине XXI века

Как мы убедились в ходе предшествующего изложения логики и исторического содержания 36-летних эволюционных циклов российской модернизации, прогностические возможности этого инструмента отнюдь не исчерпываются констатацией того обстоятельства, что к 2025 г. для России неизбежно более или менее драматическое расставание с имперской парадигмой развития. Траектория ее исторического движения к состоянию модернизированного общества и современного правового государства в некоторых ключевых аспектах также может быть выверена с помощью прогностических возможностей рассматриваемых циклов.
В первую очередь, как уже ясно из ранее сказанного, следует разделить два относительно

больших периода: 2000(1)— 2013 гг. и 2013—2025 гг. Содержание первого из этих периодов может быть кратко сформулировано как *экономический рывок и последующая стабилизация.* Конкретные формы воплощения этого общего принципа данного периода могут быть поняты с учетом суперпозиции (наложения и взаимодействия) ритмов российского и мирового развития, синхронизированных ведущим универсальным двенадцатилетним ритмом, свойственным и тем, и другим. Циклы мирового развития, фазы которых смещены относительно российских, в свою очередь, раз-
393
деляют (дифференцируют) данный период — проходящий под знаком доминирования «почвеннической элиты» (т.е. потенциально ориентированной на автаркию и самобытное, с опорой на собственные силы, развитие) — на два этапа. Начальный этап (2000(1)-2005 гг.) приходится на конец **фазы технологического переворота** цикла эволюции международной экономической и политической системы и характеризуется сохраняющимся умеренным реформаторским потенциалом и сдерживаемой политической активностью власти. Прежняя, характерная для 1990-х гг. органичность «космополитической» тактики российской элиты, когда национальными интересами страны считались интересы космополитического мирового капитализма, в этот период начинает разрушаться, но в силу сохраняющейся благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры разрушение это происходит весьма плавно и без катастрофических эксцессов. Вместе с тем намечающийся экономический рост в условиях нарастающей двусмысленности экономического порядка оказывается весьма неустойчивым и сравнительно вялым. На этом этапе потенциал самобытно-автаркического развития не может быть реализован в сколько-нибудь значительной мере. Механизмы внутренней мобилизации не только не могут эффективно работать, но даже их формирование не может толком начаться (несмотря на зреющую готовность элиты к такому повороту). Начало **фазы великих потрясений** (2005 г.) «снимет» гнетущую страну двусмысленность и тем самым будет провоцировать «почвенническую элиту» на автаркические эксперименты, в ходе которых будут наблюдаться всё более настойчивые попытки возродить механизмы и практики мобилизационной экономики (особенно после 2009 г., по мере вступления во вторую треть фазы великих потрясений). В этом отношении период 2009—2013 гг. может оказаться наиболее драматичным и грозящим России самыми серьезными внутриполитическими и внутриэкономическими испытаниями, так как, в отличие от сегодняшнего момента, в этот период жесткой политической ревизии будут подвергнуты итоги развития страны в 1990-е гг., и в первую очередь политическая целесообразность существо-
394
вания того (худо-бедно функционирующего) рыночного экономического механизма, который был тогда создан и который поддерживал минимально необходимые параметры ресурсного обеспечения высоко урбанизированной и индустриализированной страны в переходный период. Державная мощь и способность страны к автаркическому противостоянию окружающему миру вновь могут стать приоритетами государственной политики, а стало быть, государство станет подчинять этим приоритетам интересы и само существование экономических агентов, действующих на российской территории. Единственным сдерживающим фактором такой политики российского государства в этот период будет оставаться мировое сообщество, но в силу того, что в разгар фазы великих потрясений (примерно с 2011 г.) его единство и формирующие его институты будут крайне ослаблены (если не разрушены полностью), этот сдерживающий фактор будет не столь уж значимым. В то же время трудно проигнорировать следующее неожиданное и, казалось бы, довольно несущественное соображение. В отличие от прежних эпох развития России, ее элита сейчас несколько более образована и, несмотря на всю свою вопиющую ограниченность, всё же имеет некоторое представление о быстротечности истории и о том, что тем, кто намерен пользоваться и в будущем плодами своих сегодняшних властных и имущественных приобретений, следует быть осторожными и задуматься о последствиях своей политики и своих действий для своего же личного завтрашнего блага. Способен ли этот фактор хоть в некоторой мере ограничить пыл российских «само-властцев» во второй декаде XXI в., пока что неизвестно.

Во втором большом периоде текущего российского цикла (2013—2025 гг.) в развитии российского общества и государства произойдет как бы инверсия. Содержание этого периода может быть кратко охарактеризовано как *внешнеполитическая авантюра и последующий застой.* Этот период будет проходить под знаком смены «почвеннической» парадигмы элитной консолидации на «космополитическую» (т.е. потенциально ориентированную на взаимодействие с лидерами окружающего мира и на использование имеющихся у них ресурсов — прежде

всего новейших технологических и организационных). И так же, как предыдущий, этот период разделяется (дифференцируется) циклами мирового развития на два этапа. Начальный этап (2013—2017 гг.) приходится на завершающую треть фазы великих потрясений и будет характеризоваться лихорадочной неустойчивостью вектора внешнеполитических ориентации России, поиском стратегического союзника и попытками (порою неудачными, если не катастрофическими) идентифицировать своего главного внешнего врага. Вектор этих исканий во многом будет определяться нюансами внутриполитической борьбы персонификаторов уходящего («почвеннического») и восходящего в этот момент («космополитического») принципов элитной консолидации. Некоторый оптимизм внушает то обстоятельство, что в условиях неустойчивой ситуации стратегическое преимущество «космополитической элиты» (уже пресытившейся к этому времени политикой автаркии) может уберечь Россию от окончательной военной катастрофы и обеспечить ее минимальное участие в военном конфликте. В этом, пожалуй, ее единственный шанс на некатастрофический исход внешнеполитической авантюры. Напротив, завершающий этап (2017—2025 гг.) приходится на первую треть **фазы революции международного рынка** и будет характеризоваться совпадением вектора мировой конъюнктуры и ориентации российской властвующей элиты. В итоге успех завершающего периода более чем столетнего (1881— 2025 гг.) рывка российской модернизации будет определяться устойчивостью и величиной того импульса, который сумеет обрести Россия на предшествующем этапе (2013—2017 гг.). Иными словами, успешность и точность избранной на том этапе стратегической ориентации России, совершенного ею в эти четыре года геополитического поворота будут определять, сумеет ли страна избежать в последующие годы двух основных угроз ее будущему: угрозы торжества застойного консерватизма ее элиты, блокирующего необходимые стране изменения, и угрозы внешнего воздействия на Россию со стороны союзнического Запада, расчленяющего и упраздняющего ее политический суверенитет под лозунгами помощи ослабевшей и

раздерганной обстоятельствами стране, не справляющейся с контролем над собственной территорией и собственными несметными ресурсами. Следует учесть, что механизмы такого глобального контроля формируются уже сегодня (см., например, Киотский протокол и порождаемые им связывающие Россию обязательства).

Прогнозируя развитие событий до 2025 г., мы безусловно должны предполагать известную неоднозначность завершающего сценария. Выразить эту неоднозначность мы попытаемся следующим образом: даже в случае относительно благоприятного течения событий стратегически оптимальный для России курс на эффективное внешнеполитическое сотрудничество с лидерами мирового сообщества не сможет уберечь ее от нарастающей конфронтации и острого конфликта интересов с этими ведущими и воспрянувшими после фазы великих потрясений глобальными центрами экономической и политической силы (с Европейским Союзом, США и Японией). По-видимому, именно к 2025 г. этот конфликт обретет предельную остроту и поставит задачу любой ценой преодолеть социально-политические и ценностно-культурные барьеры, разделяющие Россию и ведущие мировые центры. Собственно, в этом и заключается существо той великой трансформации, которую предстоит пережить России в период до 2025 г. Именно это испытание либо поставит точку в ее многовековой истории, либо откроет принципиально новую ее страницу, подобно тому, как это случилось с Германией после 1945 г. или с Францией после 1871 г.

Глава 7
ПРОГНОЗ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА:

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

7.1. Основные прогнозы мирового развития: критическая оценка

Прежде чем переходить к итоговому прогнозу, вытекающему из проведенного анализа ритмов и циклов исторического развития, имеет смысл еще раз кратко обозреть некоторые прогнозы развития мира в начале XXI в., принадлежащие крупным западным исследователям. Сделать это необходимо для того, чтобы взглянуть на эти прогнозы с новых позиций, исходя из идей и представлений, развитых в главах 4, 5 и 6. Разумеется, ни один из исследователей, о которых идет речь, не придерживается эволюционной циклически-вол новой концепции, лежащей в основе наших прогнозов; каждый из этих авторов основывается на своей собственной, подчас весьма идеологизированной концепции. Тем интереснее выяснить элементы совпадения или несовпадения их прогнозов с прогнозами циклически-волновой концепции.

Начнем с прогнозов мирового развития, принадлежащих такому известному и довольно одиозному автору, как Збигнев Бжезинский. Характерно, что, в отличие от предыдущих, пронизанных духом имперского превосходства книг вроде «Великой шахматной доски», в одной из своих последних работ «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» певец американской мощи и гегемонии Бжезинский «вдруг» начал писать о том, что американская гегемония в мире не вечна и преходяща, что США придется «поделиться» своей гегемонией с кем-то еще. «Однако в политике, как и в жизни, всё когда-то прохо-

дит. Гегемония также является преходящей исторической фазой. В конечном счете, пусть даже не очень скоро, американское глобальное доминирование пойдет на убыль. Поэтому для американцев было бы своевременным попытаться представить, какое наследие оставит эта гегемония. Реальный выбор состоит в том, как Америка должна осуществлять свою гегемонию, с кем она этой гегемонией может делиться и какова должна быть конечная цель, на которую она должна быть направлена» [Бжезинский 2004. С. 268]. Бжезинский много рассуждает о том, как бы сделать так, чтобы сохранить американскую гегемонию в мире, но часть ответственности переложить на другие страны и международные организации. При этом он доказывает, что перенесение части ответственности на международные организации в интересах США, которые тем самым сделают свою гегемонию в мире более устойчивой, чем сейчас, и станут «сверх-державой-плюс», т.е. сверхдержавой, находящейся на подъеме и ведущей за собой другие страны и регионы, в противоположность «сверхдержаве-минус», которая в одиночку противостоит всем и находится на спаде.

Что же так обеспокоило Бжезинского? Он сам отвечает на этот вопрос: «Стремление к безопасности должно включить условия, направленные на мобилизацию глобальной поддержки этих усилий. В противном случае международное недовольство и зависть по поводу верховенства Америки могут стать угрозой ее безопасности. В каком-то смысле эта зловещая тенденция уже пробивает себе дорогу. Америка с триумфом вышла из "холодной войны", стала подлинной сверхдержавой -плюс. Спустя десятилетие она рискует стать сверхдержавой -минус. За два года, истекшие после 11 сентября 2001 г., первоначальная глобальная солидарность с Америкой всё больше превращается в изоляцию Америки и глобальные симпатии уступают место широко распространяющимся подозрениям в отношении подлинных мотивов использования ею своей мощи. В этом плане особенно показательно, что увенчавшееся военным успехом, но вызвавшее противоречивую международную реакцию вторжение в Ирак привело к возникновению ставящего в тупик парадокса: военный авторитет Амери-

ки никогда не был так высок, а ее политический авторитет так низок» [Бжезинский 2004. С. 269]. Иными словами, в отличие от «ястребов» Дж. Буша-младшего, которые считают, что США единолично и не считаясь ни с чьим мнением могут диктовать миру всё, что им угодно, Бжезинский чувствует, что доминирование США в мире может пойти и даже уже начинает

идти на спад. В такой ситуации односторонние военные действия США сопряжены с затратой огромных ресурсов и могут приблизить, а не отдалить надвигающийся международный экономический и политический кризис (в терминологии Бжезин-ского «хаос», «беспорядок»). Нельзя отказать Бжезинскому в некотором политическом чутье, хотя его действия, рецепты и рекомендации всегда направлены только на утверждение гегемонии США и на ослабление России любой ценой. В данном конкретном случае Бжезинский не прогнозирует, но скорее предчувствует, ощущает начало заката гегемонии США в мире и приближение эпохи великих потрясений в международной политике. И если уж такой «столп веры» в незыблемость американской мощи начинает ощущать тревогу за будущее, значит, дело серьезно.

Еще одна оценка перспектив международного политического развития содержится в работе американского исследователя Ф. Закария. Специфика подхода Закария состоит в том, что он видит угрозу свободе и либерализму со стороны демократии. «... Основная тенденция по-прежнему состоит в продолжении демократизации общества. Политики всё больше и больше оказываются под влиянием внешних воздействий, в европейских странах общество американизируется, старые институты становятся более открытыми, профессии и профессиональные гильдии вымирают, а новые технологии вытесняют всяких посредников. Как и в прошлом, всё это принесет немало пользы, однако одновременно частично разрушит существующую общественную культуру... Между тем общественное разочарование последствиями всех происходящих изменений будет нарастать. Проблемы будут усугубляться, поскольку люди в конечном счете станут отождествлять демократию с тем, во что она превратилась: в систему, теоретически откры-

400

тую для всех, но на практике управляемую организованным меньшинством богачей или фанатиков, приносящих наше будущее в жертву своим сиюминутным интересам» [Закария 2004. С. 282-283].

Здесь нельзя удержаться от краткого комментария. Итак, согласно Закария, разрушение общественной культуры неизбежно, поскольку ее разрушают процессы демократизации, которые принесут немало пользы. Принесут немало пользы кому? «Организованному меньшинству богачей или фанатиков», которое существует и развивается за счет разрушения и деградации подлинной культуры, насаждая свои многочисленные «масс-культные» суррогаты. Поистине перспективы светлые, но они неизбежно вытекают не только из концепции Ф.Закария, но и из всего развития в духе «неолиберального проекта».

Далее Закария пишет: «Современные демократические государства столкнутся с новыми трудными вызовами — терроризмом, необходимостью приспособления к глобализации, старением населения — и должны будут заставить свою политическую систему работать эффективнее, чем сегодня. Тут подразумевается создание условий для более эффективного демократического принятия решений, новое внедрение конституционного либерализма в практику демократического управления, возрождение разрушенных политических институтов и гражданских организаций. Возможно, самое сложное требование заключается в том, чтобы люди, облеченные в нашем обществе властью, честно выполняли свои обязанности и были настоящими лидерами, соблюдающими не только юридические, но и моральные нормы. Без такого внутреннего содержания демократия превратится не просто в негодную, но и в опасную пустую оболочку. Результатом станет эрозия свободы, манипулирование ее идеалами и упадок публичной жизни. Такой оборот дела стал бы трагедией, потому что, при всех своих недостатках, демократия представляет собой последнюю надежду человечества. Однако в наше время она нуждается в углублении и защите. 80 лет назад Вудро Вильсон ставил перед Америкой, вступавшей в XX век, задачу сделать мир безопасным для демократии. Вступая в XXI век, мы должны сделать демократию безопасной для мира» [Закария 2004. С. 284—285].

401

По существу здесь содержится скрытое признание вырождения современной модели либеральной демократии. Углубление и защита демократии, о необходимости которых пишет Закария, может произойти лишь в результате крупных политических, экономических и социальных сдвигов. Но сами эти сдвиги, включающие ограничение неоимперской экспансии США и выработку новой, более приемлемой для большинства

стран мира модели социальной демократии, могут осуществиться лишь после прохождения человечеством периода крупных потрясений в экономике и политике, которые сделают невозможным дальнейший экспорт устаревшей, не приспособленной к конкретным условиям и потому чрезвычайно опасной модели антисоциальной либеральной демократии. Иными словами, необходимо преодолеть парадоксальную ситуацию, когда «главный защитник» демократии — США, сосредоточившие под своим контролем львиную долю общечеловеческих ресурсов развития, распространяют негодную антисоциальную модель демократии, ведущую к социальной и культурной деградации общества, и тем самым являются одним из главных препятствий на пути подлинного развития демократического устройства. Очевидно, что преодолеть эту ситуацию можно не путем уговоров американских политиканов и руководителей транснациональных корпораций, которые уже не могут остановиться в своей безудержной экспансии, а лишь путем слома монопольного владычества американской сверхимперии. Важно, однако, чтобы этот неизбежный слом не привел к гибели миллионов людей и разрушению многих культур и цивилизаций.

Европейские исследователи и аналитики видят ситуацию несколько иначе, чем американцы, они склонны воспевать Европейский Союз и его «безграничные» возможности. Поэтому их основной критический пафос направлен на обличение неверных и эгоистически-агрессивных действий США в современном мире. И тем не менее, наиболее проницательные европейцы видят приближение экономических и политических бурь. Так, британский аналитик У.Хаттон в своей книге «Мир, в котором мы живем» дает следующий прогноз раз-

вития событий: «Финансовая система перегрета, а американские потребители и бизнес погрязли в хронических долгах. Когда станет очевидным, что США больше не могут использовать нынешнюю международную систему для обеспечения исключительно высоких темпов роста своей экономики, приток иностранного капитала ослабеет, а благополучию Уолл-стрит настанет конец. Америке придется ограничить свои амбиции и пойти на снижение уровня жизни населения. Она будет противиться этому, что ухудшит ситуацию... Ныне существуют одни нормы для США и другие — для остального человечества. Если экономика страны будет плохо функционировать или иностранные инвесторы приостановят покупку американских финансовых активов, склонность Соединенных Штатов к протекционизму и выкручиванию рук торговым партнерам еще более усилится» [Хаттон 2004. С. 449-450].

В отличие от российских номенклатурных либералов, которые часто находятся на содержании у различных американских фондов и не желают замечать самых очевидных вещей, не вписывающихся в неолиберальную догму, Хаттон достаточно трезво смотрит на «мир, в котором мы живем», он отчетливо видит основные слабости и недостатки американского капитализма, выдаваемого за «эталон» для всего мира: «Главный тезис данной книги как раз состоит в том, что американский капитализм намного слабее, чем любит представляться, и что американское общество серьезно деформировано тем, как ведется хозяйство страны» [Хаттон 2004. С. 449—450]. Хаттон не боится развенчивать целый ряд пропагандистских мифов, которые активно внедряются американцами в сознание других народов (в том числе россиян) — миф о мобильности и гибкости американского рынка труда, миф о финансовой системе США, миф о выгодности развития информационных отраслей, миф об американской демократии и др. По поводу американского рынка труда он, например, замечает: «Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что при всей своей хваленой гибкости американский рынок труда функционирует хуже, а европейские рынки лучше, чем обычно считается. У американских трудящихся меньше шансов покинуть низкооп-

лачиваемую работу, ротация кадров не слишком высока, а безработица среди низкоквалифицированных работников по сравнению с высококвалифицированными выше,

чем в "зарегулированной" Европе. Основная часть достижений США по созданию новых рабочих мест может быть объяснена активным предложением труда со стороны иммигрантов и женщин, соглашающихся на низкую заработную плату в секторах услуг и финансов — быстрый рост которых, в свою очередь, подталкивается оживленным потребительским спросом, обеспеченным доступностью дешевых кредитов» [Хаттон 2004. С. 450-451].

По поводу американской финансовой системы и американских способов распространения информационных технологий Хаттон пишет следующее: «Что касается устройства финансовой системы, США уже имеют повод задуматься, стоило ли так настаивать на дерегулировании, способствовавшем распространению "мыльных пузырей" интернет- и телекоммуникационных компаний. На саммитах в Лиссабоне и Стокгольме легковерные европейские лидеры отстаивали идею формирования в Европе столь же мощной, как в США, отрасли венчурного капитала. Но они не могли не знать, что лишь незначительная часть ценных бумаг, в течение 1990-х годов предложенных американским венчурным капиталом к продаже на открытом рынке, до сих пор торгуется выше цены предложения; большинство же оказались пустышками. Нечасто мир был свидетелем столь неестественной и бессмысленной активности продаж, маскировавшейся под "предприимчивость"; нечасто подобной двусмысленностью удавалось ввести в заблуждение столь многих» [Хаттон 2004. С. 451].

А вот что говорит Хаттон по поводу современной американской демократии: «Неправильно, когда единственным достоинством, необходимым для получения государственной должности, становится богатство. Устрашающим примером того, куда движется Америка, стала победа миллиардера Майкла Блумберга на выборах мэра Нью-Йорка благодаря оплаченной им самим массированной рекламной кампании. Без реформирования системы финансирования выборов Соеди-

ненным Штатам придется признать, что их демократия - пустышка, в которой публичные обсуждения и политические дискурсы выставлены на аукцион для богачей... В интересах собственной безопасности Запад должен предложить остальному миру надежду и возможности для развития» [Хаттон 2004. С. 469]. Между прочим, здесь, хотя и в скрытом виде, содержится признание, что сейчас Запад не может предложить остальному миру ни надежду, ни возможности для дальнейшего развития. И существуют серьезные сомнения, что в ближайшие годы он сможет сделать это. А между тем обновление и дальнейшее развитие экономики, демократии, социальной сферы, культуры является самой насущной задачей, без решения которой мир вообще не сможет преодолеть полосу великих потрясений в экономике и политике.

К сожалению, как это свойственно многим (в том числе и российским аналитикам), Хаттон хорошо видит дефекты и диссонансы функционирования чужой (в данном случае американской) общественной системы, но часто некритически относится к своей собственной. По мнению Хаттона, именно Европейский Союз принесет всему миру процветание и даст модель успешного экономического и политического развития. Он заключает свою книгу следующим пассажем: «Америка сама сделала себя неспособной бороться за эти цели, поэтому вперед должна выйти Европа. Это вызов и ответственность, но их нельзя избежать. Строительство новой Европы становится условием благополучия, мира и справедливости не только в ее собственных пределах, но и в глобальных масштабах. И мы обязаны преуспеть» [Хаттон 2004. С. 469]. Но стремительное расширение Европейского Союза на восток и на юг — вовсе не панацея от всех бед и недугов современного мира. Сама стремительность этого расширения несет в себе скрытые угрозы, одна из которых состоит в формировании паневропейской неоимперии, в которой осуществились бы давние «проекты» Карла Великого, Священной Римской империи германской нации, Наполеона и Гитлера. Уже сейчас в «новой Европе» существует скрытое, но от того не менее действенное разделение на людей разного сорта: даже среди жителей Германии су-

ществует разделение на «западных» и «восточных» немцев, гораздо ниже немцев стоят поляки, лишь недавно вошедшие в ЕС, еще ниже — румыны, болгары, турки, которые лишь собираются вступить в ЕС, еще ниже украинцы, которых пока вообще не хотят видеть в ЕС, и т.д. Другая угроза — не менее стремительная исламизация Европы,

связанная не столько с высокой рождаемостью среди выходцев из стран исламского мира, сколько с низкой рождаемостью среди самих европейцев, которая вызвана распадом семьи, однополыми браками и т.п. «Новая Европа» не может (да и не хочет) себя защищать ни в сфере морали, ни в сфере внешней и внутренней безопасности, она зависит от американской военной мощи и поэтому по большинству вопросов в итоге вынуждена поддерживать США, которые, по мнению того же Хаттона, ведут мир в неверном направлении и используют для поддержания своего лидерства опасные средства. В Европе, как и в США, процветают двойные стандарты функционирования демократии, рынка, государства — одни стандарты для себя, а другие стандарты для всех остальных. Поэтому упрек Хаттона «ныне существуют одни нормы для США и другие — для остального человечества» с тем же основанием можно переадресовать и Европе. В современной Европе в начале 2000-х гг. доминирует экономический застой, а в технологическом отношении она существенно отстает и от Японии, и от США. Очевидно, что без Европы невозможно решить основные проблемы современного мира и что Европейский Союз представляет собой перспективную модель экономической и политической интеграции, но современная Европа слишком упоена собой, слишком привыкла рассчитывать на чужие ресурсы и в слишком большой степени утратила собственную — когда-то великую — культуру.

Сюжеты, отчасти сходные с теми, которые развиваются в рассмотренной книге Хаттона, прослеживаются в уже неоднократно упоминавшейся работе «После империи. Pax Americana — начало конца» французского исследователя Э. Тодца. Тодд идет дальше Хаттона и доказывает неизбежность кризиса и упадка США как мировой империи, стремящейся к контролю

406

над основными ресурсами планеты. Тодд характеризует эволюцию США и превращение их в мировую империю в довольно хлестких, но точных выражениях: «Движение американского общества и экономики к неравенству и особенно неэффективности изменило на 180 градусов взаимоотношения между Соединенными Штатами и миром. Независимая супердержава в 1945 году, Америка полвека спустя стала для мировой экономики своеобразной черной дырой, поглощающей товары и капиталы, но неспособной в обмен поставить эквивалентные блага. И чтобы обеспечить контроль над миром, который ее кормит, она должна пересмотреть свое предназначение и отказаться от роли кейнсианского потребителя в последней инстанции... Между тем Америка не располагает необходимыми ресурсами для осуществления такой реконверсии, идет ли речь о "hard power" или "soft power", если использовать столь дорогие Джозефу Наю понятия» [Тодд 2004. С. 143]. Иными словами, согласно Тодду, Соединенные Штаты должны пересмотреть свое место в мире и удовольствоваться более скромным положением, чем они сейчас занимают. Но это для современных США, одурманенных представлениями о своей избранности и своей миссии, практически невозможно. Отсюда неизбежно вытекает стратегия военной и политической экспансии США по всему миру, необходимая для того, чтобы сохранить свой «имидж» в глазах европейцев, азиатов, россиян, но прежде всего — в глазах самих американцев. Соединенные Штаты без своего имиджа превращаются из могущественного мирового лидера в обычную страну, обремененную множеством проблем, а этого допустить никак нельзя. В результате вместо решения своих собственных внутренних проблем США постоянно «решают» проблемы внешние, чужие и чуждые для них. В связи с этим вывод, который делает Тодд, выглядит весьма жестким, но обоснованным: «Американская риторика об "империи зла", "оси зла" или о любых других дьявольских проявлениях на Земле вызывает у нас улыбку или бурные восклицания в зависимости от момента и темперамента каждого. Тем не менее ее надо воспринимать всерьез, но в расшифрованном виде. Объективно она выражает

407

испытываемое американцами наваждение зла, исходящего извне, хотя в действительности оно исходит изнутри самих Соединенных Штатов. На самом деле угроза зла исходит здесь

отовсюду: отказ от равенства, усиление безответственной плутократии, жизнь в кредит потребителей и самой страны, всё более частое использование смертной казни, возврат к расовой одержимости. Не забудем и тревожное дело о покушениях с использованием спор сибирской язвы, которые, по всей вероятности, осуществляются потерявшими разум и бесконтрольными сотрудниками секретных служб. В самом деле, Бог в наши дни не хранит Америку. Она повсюду видит зло, но именно потому, что в самой стране дела принимают плохой оборот. Эта деградация заставляет нас осознать, что мы сейчас теряем: Америку 1950—1965 гг., страну массовой демократии, свободы самовыражения, расширения социальных прав, борьбы за гражданские права. Это была страна добра» [Тодд 2004. С. 141].

Разумеется, можно не соглашаться с Тодд ом в его отдельных оценках. Но игнорировать связь внешней экспансии Соединенных Штатов с нарастанием внутри них множества социальных, экономических и политических проблем вряд ли разумно и плодотворно в чисто научном плане. А из этой связи вытекает неизбежность будущих крупных экономических и политических потрясений во всем мире, которые, с одной стороны, провоцируются самими США, а с другой стороны, осуществятся в полной мере, как только те же США ослабеют и не смогут продолжать свою экспансию. Получается своего рода «замкнутый круг»: Соединенные Штаты экспортируют свою внутреннюю нестабильность вовне, а прекращение этого экспорта тут же освободит силы разрушения и обострит все существующие и потенциальные конфликты. Этим обстоятельством (а отнюдь не только слабостью) и объясняется стремление многих государств и их объединений (в том числе Японии, Европейского Союза, России, Китая) поддерживать США как мирового лидера «на плаву» и не слишком обострять с ними отношения. Но беда в том, что США сами — осознанно или нет — стремятся к обострению отношений со всеми странами

и регионами и рано или поздно (скорее рано) перейдут роковую черту, за которой начнутся многочисленные кризисы, потрясения и конфликты. При этом все попытки «вразумить» США и их политических лидеров бесполезны до тех пор, пока сама изменившаяся ситуация в мире не заставит Соединенные Штаты учиться. Тогда, быть может, в очередной раз оправдаются слова Уинстона Черчилля: «Соединенные Штаты до последнего момента делают не то, что нужно, и лишь в самом конце поступают так, как надо». Не исключено, однако, что тогда уже будет слишком поздно и для самих Соединенных Штатов, и для многих других стран, включая Россию. Поэтому сидеть сложа руки и ждать, когда США «образумятся» и начнут, наконец, «поступать так, как надо», не следует никому.

7.2. Итоговый прогноз, основанный на взаимодействии различных ритмов и циклов мирового развития

Из анализа различных тенденций мирового и внутристра-нового развития вытекает, что ближайшие десятилетия не обещают спокойной жизни ни Америке, ни Азии, ни Европе, ни тем более России. Наступление фазы великих потрясений (2005—2017 гг.) в международной экономике и политике даст о себе знать повсюду, хотя конкретные формы проявления и воздействия этих потрясений в разных странах и регионах будут различными. Специфика современных кризисов и потрясений в мировой политике и экономике по сравнению с предшествующими фазами великих потрясений в XIX и XX вв. состоит в том, что эти потрясения будут носить не просто одновременный (синхронизированный), но и глобальный характер. Это означает, в частности, что экономические кризисы (например, финансовые и экономические потрясения, связанные с возможным и прогнозируемым многими серьезными аналитиками обесценением доллара и развалом американской финансовой пирамиды) будут охватывать не отдельные страны, но многие (практически все) регионы, а политические события, происходящие в одной

точке земного шара (например,
409
на Ближнем Востоке), будут непосредственно влиять на политические и экономические процессы в самых разных уголках планеты. Одним из многочисленных примеров такого рода является оккупация Соединенными Штатами Афганистана и Ирака и последовавшие вслед за этим события, в том числе глобальное распространение международного терроризма, процессы свертывания демократии во многих странах, включая сами США, рост мировых цен на нефть и т.п. Как уже отмечалось выше, в настоящее время различие между внутренней и внешней политикой становится весьма относительным: с одной стороны, сферой «национальных интересов» США является весь мир, происходит экспорт демократии, насильственное насаждение проамериканских и прозападных режимов по всему миру, а с другой — «внутренние» кризисы в США, странах Европы или крупных странах Азии до основания потрясают всю международную политику и мировую экономику.

Исчезновение прежних различий между внутренней и внешней политикой связано и с тем обстоятельством, что в эпоху современной глобализации Соединенные Штаты во многом решают свои внутренние противоречия, конфликты за счет экспансии в другие страны. Так, чисто внутриамери-канский скандал, связанный с похождениями Билла Клинтона с Моникой Левински, в итоге привел к внешнеполитической и военной агрессии, к изгнанию сербов из Косово, а затем и к изменению политического режима в самой Югославии. Пришедшая к власти республиканская администрация Дж. Бу-ша-младшего действовала и будет действовать точно такими же методами. Сначала в ответ на возникший в США экономический кризис 2000—2002 гг. был оккупирован Афганистан (террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, информация о подготовке которых была известна и Клинтону, и Бушу, были использованы скорее как повод, поскольку никто и не пытался добиться непосредственной ликвидации бен Ладена и «Аль-Кайеды»). Затем в ответ на тот же экономический кризис и рост мировых цен на нефть в 2003 г. был оккупирован Ирак. После этого в 2004 г. в ответ на возникшие разногласия и конфликты между США и рядом европейских стран по по-
410
воду Ирака (включая фактический развал международной коалиции по насаждению «демократии» в Ираке) была организована и поддержана «оранжевая революция» в Украине, на время позволившая забыть о противоречиях между самими западными странами. Можно прогнозировать, что и далее, особенно в 2005-2008 гг., Соединенные Штаты будут решать возникающие внутренние противоречия и кризисные ситуации путем внешней военной, политической и экономической экспансии, за счет интересов других стран и народов. Вслед за украинской вполне возможны «оранжевые революции» (организованные и профинансированные по той же технологии) в Молдове, Казахстане, Киргизии и других бывших республиках СССР, а также «демократические» перевороты на Кубе, в Сирии, Иране, Северной Корее и других странах. Основной вопрос, однако, заключается в том, к чему в итоге приведет эта безграничная глобальная экспансия США и Европы, удастся ли таким образом смягчить последствия надвигающегося на западные страны глубокого экономического и политического кризиса или, напротив, эта экспансия в итоге лишь усугубит его последствия. Мы склоняемся к той точке зрения, что политика экспорта своих внутренних противоречий только отвлекает страны Запада от эффективного практического решения собственных проблем. Возможно, эта своеобразная «неолиберальная экспансия» позволит в ближайшие годы (2005-2009 гг.) на короткое время смягчить объективно назревшие проблемы в странах Запада и «перевести стрелки» кризиса на другие, незападные страны. Однако в итоге (после 2009— 2011 гг.) подобная стратегия неизбежно приведет к тяжелой социально-экономической депрессии и к углублению кризиса, связанному с уклонением от подлинных, а не мнимых решений.

В ближайшие десятилетия, как это следует из анализа эволюционных циклов

международной экономической и политической системы, в мировом развитии будет наблюдаться множество переломных, критических точек. Наиболее важные, критические события в мировой политике и экономике, по-видимому, следует ожидать в 2005, 2009, 2011, 2013, 2017, 2025,
411
2033, 2041 гг. (точность датировки составляет 1—2 года). В этих точках будут происходить крупные сдвиги и переломы в развитии международной экономической и политической системы, в связи с чем особенно возрастет вероятность крупных экономических и политических потрясений, кризисов, военных конфликтов. Обилие и, если можно так выразиться, высокая плотность критических точек в период с 2009 по 2017 г. связаны как с общим ускорением общественного развития в начале XXI в., так и с вступлением мира в короткую, но бурную и богатую событиями фазу великих потрясений, последствия которой будут ощущаться в течение многих лет после ее завершения.
Среди всех предстоящих событий и сдвигов, связанных с прохождением мировой системой целого ряда критических точек, особенно значимыми и глубокими являются вероятные экономические потрясения 2009—2011 гг., соответствующие критической точке 2009 г. Аналогом этих потрясений служат мировые кризисы 1825 г. и 1929 г. Специфика подобных кризисов состоит в том, что в них кризис перепроизводства в ведущих странах мира совмещается с биржевым и финансовым кризисом, охватывающим все регионы и государства, втянутые в мировой рынок (в начале XXI в. благодаря процессам экономической, финансовой, информационной глобализации это практически все страны мира). Кроме того, легко и быстро выйти из подобного кризиса (кризисов) невозможно еще и потому, что для этого нужна не просто технологическая и финансовая перестройка мирового рынка, но еще и масштабные геоэкономические и геополитические сдвиги, своего рода геоэкономическая и геополитическая революция, включающая существенное изменение соотношения сил между мировыми центрами политической и экономической силы. Такие масштабные сдвиги и изменения требуют затраты огромных ресурсов и совершаются во многом стихийно, за счет значительных разрушений, которые связаны с возникающими международными и внутренними социально-политическими конфликтами.
Важно отметить также две другие чрезвычайно значимые критические точки грядущего кризиса, обозначающие ключе-
412
вые повороты в его развитии. Это, во-первых, период около 2011 г. Соответствующие критические точки в предшествующих фазах великих потрясений датируются 1831—1832 гг. в первом эволюционном цикле (экономический кризис 1831 г. и парламентская реформа в Великобритании 1832 г., обозначившая политическую победу либерализма, а также окончательное формирование социального пространства для экспансии промышленного капитализма) и 1933 г. во втором эволюционном цикле (это — переломный момент великой депрессии 1930-х гг., когда на фоне распада прежнего миропорядка и всей прежде эффективной системы мирохозяйственных связей в каждой из великих держав, испытавших первые сокрушительные удары кризиса, формируется своя особая стратегия его преодоления. В Германии рейхсканцлером становится Гитлер, символом политики которого является имперский реванш; в США Рузвельт провозглашает «Новый курс»; в СССР дело идет к большой политической чистке, формирующей новое, скорее имперское, нежели революционно-большевистское, лицо режима и т.д.). И, во-вторых, это период около 2013 г. Его следует сопоставить с 1937—1938 гг.,когдапослеМюнхена(1938 г.) стал очевиден окончательный крах претензий Великобритании на мировое лидерство. Соответственно около 2013 г. можно прогнозировать ряд переломных событий, определяющих как предстоящую (после 2017 гг.) утрату США позиций мирового гегемона, так и вероятное изменение самой парадигмы мирового лидерства. Иными словами, существовавший на протяжении последних трех с

лишним веков господствующий тип нации-государства, соединяющий (в случае держав-лидеров) имперскую форму с рыночно-экспансионистским содержанием, с этого момента начнет отступать в прошлое, сменяясь иным типом, в котором структуре- и формообразующую роль, вероятнее всего, будут играть сетевые сообщества, возможно, при наличии особых наднациональных политических образований, выполняющих полицейские функции в глобальном масштабе.

Если же вернуться к более близким нам и более злободневным сюжетам 2005—2009 гг., то следует признать, что конкрет-

413

ные пути и формы развития экономического кризиса в данном случае не столь уж важны. Возможно, что мировой кризис начнется с кризиса в странах Юго-Восточной Азии, а затем перекинется на США и парализует мировую экономику. Однако возможно, что источником кризиса станут сами Соединенные Штаты. Ясно, что ключевым его элементом станет крах (или, по крайней мере, частичное разрушение) глобальной финансовой пирамиды США, условием существования которой является то обстоятельство, что весь мир финансирует живущие в долг Соединенные Штаты, поддерживает на плаву американский доллар в качестве основы (своего рода краеугольного камня) мировой финансовой системы — и в итоге живет, трудится и накапливает деньги в интересах США [Тодд 2004. С. 95—117]. Разумеется, Соединенные Штаты сделают всё возможное и невозможное, чтобы все страны мира и дальше их финансировали, чтобы Америка и дальше потребляла гораздо больше, чем она реально производит. Поэтому период 2005—2009 гг. заведомо будет насыщен различными акциями, демонстрирующими современные возможности «принуждения к демократии» (грубыми, насильственными способами, как, например, в Ираке, или «мирными», «высокотехнологичными», как, например, в Грузии или Украине), насаждения нужных США политических режимов в самых разных точках земного шара, усиления военно-политического давления западных стран на Россию, Китай и Индию, различного рода провокациями, переворотами и экономическими диверсиями. Важно, однако, другое. Бурная деятельность США в различных регионах мира неизбежно приведет к двум важным последствиям. Во-первых, отчасти потускневший образ «американского империализма» вновь актуализируется и обретет новые, шокирующие массовое сознание грани, во всем мире усилится устойчивое неприятие США и олицетворяемой ими глобализации, их новый воинствующий империализм найдет себе новых противников в прежде вполне лояльных социальных стратах, в том числе и на самом Западе. И во-вторых, в самих Соединенных Штатах усилится эрозия демократии, демократических ценностей и демократических институтов. Не-

414

смотря на все усилия и рекламно-пропагандистские акции, США уже не смогут выглядеть столь привлекательно в глазах всего мира. Это создаст условия для формирования различных политических, экономических и военных союзов, направленных против безудержной экспансии США, прекращение или хотя бы приостановка которой пойдет на пользу не только всему миру, но и самим Соединенным Штатам.

Исходя из сказанного, можно наметить следующий наиболее вероятный сценарий развития событий. В ближайшие годы (2005-2006 гг.), как можно полагать, будут ощущаться последствия кризисных явлений 2004—2005 гг. (значительные колебания цен на нефть, колебания курса доллара, стагнация в Европе, последствия цунами в странах Южной и Юго-Восточной Азии и др.), являющихся аналогом кризисных явлений в международной экономике и политике соответствующих фаз предыдущих циклов эволюции международной экономической и политической системы, а именно кризисных потрясений 1812—1814 гг. и! 920— 1921 гг. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эти кризисные явления, подобно своим аналогам, не будут долговременными и глубокими и, скорее всего, будут сравнительно быстро преодолены. Но причины и движущие силы, породившие эти кризисные явления, не только не будут до конца устранены, но станут более масштабными и глубокими.

После этого в период 2006—2009 гг. в наиболее развитых странах вполне вероятен неустойчивый экономический рост, инициированный экономическим подъемом в США, Японии, Китае и Индии. Этот период неустойчивого экономического роста и кажущейся

внутренней и внешней стабилизации в развитых и наиболее динамично развивающихся странах является аналогом соответствующих периодов 1815—1825 гг. и 1921-1929 гг. Опасность этого периода состоит в том, что он создает иллюзию выхода из кризиса и преодоления наиболее глубоких конфликтов и противоречий, на время ушедших вглубь и потому не слишком заметных. Если говорить о конкретных противоречиях и причинах неустойчивости грядущего экономического и политического развития в период 2006—2009 гг.,

415

то они сводятся к следующим факторам. Во-первых, это деградация мировой финансовой пирамиды, позволяющей США потреблять значительно больше, чем они производят; во-вторых, дальнейшее обострение отношений США с исламским миром, Россией и рядом других стран в результате политики «экспорта демократии»; в-третьих, резкие колебания цен на нефть и другие энергоносители; в-четвертых, реальная ограниченность внутреннего рынка стран Юго-Восточной Азии, России, стран Европейского Союза и относительное перепроизводство продукции высокотехнологичных отраслей; в-пятых, демографические процессы в США и странах Европы, порождающие внутренние межэтнические и социальные конфликты; в-шестых, перенаселение в Китае и странах Южной и Юго-Восточной Азии, порождающее опасные глобальные эпидемии и чреватое не менее опасными межэтническими и социальными конфликтами; в-седьмых, новые природные катаклизмы, связанные с изменением климата на планете; в-восьмых, новые акции террористов и новые неэффективные военно-политические операции США; в-девятых, разнообразные экономические, политические и военные провокации США в отношении России, стран Европы, исламского мира, Китая для разрешения своих внутренних экономических и социальных противоречий. В силу этого неустойчивый экономический подъем вместо того, чтобы разрешить существующие конфликты и противоречия, лишь отодвинет их на задний план, создаст иллюзию их преодоления и в итоге сделает их еще более острыми, всеобъемлющими, разрушительными. Поэтому к критически важному периоду наиболее глубоких потрясений 2009—2017 гг. весь мир скорее всего (если не произойдет чего-то экстраординарного и непредвиденного) подойдет неподготовленным, внутренне разъединенным, а развитые страны — погрязшими в самодовольстве и лицемерной политической риторике. По-видимому, лишь ничтожное меньшинство интеллектуалов, политиков и представителей других слоев общества окажутся готовыми к обрушившемуся стихийному потоку событий и сумеют извлечь из происходящего уроки. В этой связи можно полагать, что великие потря-

416

сения в экономике и политике будут стимулировать поиски выхода из сложившейся кризисной ситуации лишь в самой тяжелой своей фазе (около 2013—2017 гг.). Только когда человечество, по словам К. Ясперса, обнаружит, что оно стоит на краю пропасти, ход событий побудит, наконец, Японию, страны Юго-Восточной Азии и, возможно, США и Европу к подлинным экономическим, социальным и политическим реформам, к выработке новой (не неолиберальной, а социально-либеральной) модели экономического и социального развития, которая пока что отсутствует где бы то ни было даже в виде предварительного наброска. Историческим (но не содержательным) аналогом этих будущих реформ могут служить реформы Ф.Д. Рузвельта в США в 1930-е гг., его политика «Нового курса».

Пик социальных, экономических, политических и военных потрясений и конфликтов, скорее всего, придется на период 2013—2017 гг. Именно в этот период наиболее вероятны масштабные политические и военные конфликты на межэтнической, межгосударственной и межцивилизационной основе. Поэтому начало становления новой модели экономического и социального развития в отдельных наиболее развитых странах, по-видимому, как и в предыдущем цикле эволюции международной экономической и политической системы, придется на период бурных столкновений и конфликтов во многих регионах мира. В то же время есть основания полагать, что, в отличие от соответствующего периода 1938—1945 гг. в предыдущем эволюционном цикле, на сей раз мировая война не разразится. Одной из важных предпосылок этого является отсутствие полноценного аналога Первой мировой войны в те-

кущем эволюционном цикле в период 1998—2005 гг. и ее «замещение» чередой военно-политических конфликтов в Югославии, Афганистане, Ираке. Другой, возможно, еще более важной предпосылкой служит отсутствие в современном глобализированном мире соизмеримого мировому лидеру (по сконцентрированной им ресурсной мощи) противоцентра. Поэтому механизм разрешения дисфункций мирового развития на сей раз может быть несколько иным. Действительно, имен-
417
но этот пресловутый «однополярный» перекос в мировой экономике и политике, наметившийся и получивший гигантское развитие в 1990-е — 2000-е гг., стал сегодня главным препятствием и главной угрозой мировому развитию. Именно стратегия современных США — монополистическая по своему экономическому и имперская по своему политическому содержанию — объединяет против себя усилия всего остального мира и определяет существо основного конфликта грядущей фазы великих потрясений: битву за новые альтернативы демократии и свободы, приемлемые не только для Запада, но и для незападных обществ.

В итоге в 2013—2017 гг., скорее всего, разразится не мировая («глобальная») война, а целый ряд крупных международных конфликтов, масштабы которых, однако, будут гораздо большими, а последствия — гораздо более тяжелыми, чем в период 1998—2005 гг. В результате этих конфликтов, вероятнее всего, будет нанесен серьезный (как потом выяснится, во многом решающий) удар по имперскому могуществу США, а геополитическое положение России может резко ухудшиться вплоть до значительного уменьшения ее территории.

В то же время дадут о себе знать и постепенно назревающие внутренние кризисы и потрясения в Китае и в Индии, хотя возможно, что в период 2013—2017 гг. они еще не достигнут своего апогея. В перспективе эти внутренние потрясения неизбежно выльются в потрясения внешние, а учитывая, что и Китай, и Индия обладают ядерным оружием, подобные процессы сулят мало хорошего для всего мира. Однако, скорее всего, это произойдет уже в фазе революции международного рынка (2017—2041 гг.), когда начнется масштабная геоэкономическая и геополитическая перестройка, которая затронет не только Китай и Индию, но и Россию, Юго-Восточную Азию, а также, скорее всего, Латинскую Америку и Африку. Ключевой вопрос состоит в том, смогут ли Япония, «тигры» Юго-Восточной Азии, США и Европа к этому времени (2017-2025 гг.) выработать новую, более работоспособную в современных условиях модель экономического, социального и политического развития, на основе которой может возникнуть
418
новый мировой порядок. Если да, то крупные потрясения и конфликты в мире хотя и будут продолжаться, но постепенно перестанут быть столь разрушительными и опасными, как в период 2009—2017 гг. Если нет, если выработка новой, более эффективной модели затянется, то весь период 2017—2025 гг. и следующий за ним период 2025—2033 гг. будут наполнены серьезными внутренними и внешними конфликтами, которые будут вспыхивать в различных регионах мира.

Тем не менее, на основании использованных нами прогностических моделей можно прогнозировать, что 2030-е — 2040-е гг., скорее всего, станут периодом относительной глобальной стабилизации. В этот период скажутся результаты внедрения новых, более эффективных технологий в экономике, а не только (как это происходит сейчас) в сфере манипулирования массовым сознанием, начнет стабилизироваться общая численность населения Земли. В то же время глобальный экологический кризис (который будет включать глобальные эпидемии и стихийные бедствия) в этот период, скорее всего, только обострится. Быть может, очередная и беспрецедентная по своим масштабам глобальная угроза заставит, наконец, большую часть человечества перейти к новому этапу своего развития — этапу, который, как следует из разрабатываемой нами модели, наступит после 2041 г. и будет характеризоваться массовым использованием гораздо более совершенных, чем прежде, «закрывающих» технологий, более экофильных производств и более эффективных экономических, социальных и политических институтов. Возникнет новая, более совершенная модель глобализации, которая, в отличие от современной «неолиберальной» модели, будет сочетать процессы глобальной дифференциации и интеграции (см. главу 4) и в целом будет

характеризоваться более сбалансированным, чем сейчас, взаимодействием различных культур и цивилизаций. Однако это будет вовсе не «золотой век», а, скорее, некоторый просвет в царстве сгущающихся проблем и угроз. Применение новых, более эффективных технологий и формирование новых институтов неизбежно породит новые трудно разрешимые проблемы, которые дадут о себе знать во второй половине XXI в. Од-

нако теоретическая парадигма, позволяющая осуществлять анализ этих проблем будущего, лежит за рамками данной работы и является предметом особого рассмотрения.

Для нас же важно прежде всего пережить сложнейшую фазу великих потрясений 2005—2017 гг. и ее последствия, не потеряв самое главное в человеке — сложную и противоречивую человеческую природу, не соблазниться «простыми» решениями вроде превращения человека в биосоциального робота, легко манипулируемого, бездумного, потерявшего стремление к истине, добру и красоте и воспроизводящего себя посредством стандартного набора био- и социотехнологий. Если в ближайшие десятилетия окончательно восторжествуют унификация, растление и нивелировка человека, уничтожение его духовного мира, всеобъемлющее манипулирование человеческим сознанием и поведением, то эволюция человека и общества сменится их деградацией. Третья фихтевская эпоха «безусловного равнодушия ко всякой истине и совершенной разнузданности» станет последней и завершающей в истории человечества, а эпохи «разумной науки» и «разумного искусства» так и останутся недостижимой мечтой.

7.3. Краткий комментарий к итоговому прогнозу: справедлива ли прогностическая модель?

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что описанная прогностическая модель (а точнее, ряд моделей) может не подтвердиться и в основном не соответствовать действительному мировому развитию, которое будет наблюдаться в ближайшие десятилетия. В этом случае прогнозы, сделанные на основании этой модели, не оправдаются. Это может произойти либо из-за неверной интерпретации предшествующего исторического развития, либо в силу того, что сам характер общественного развития претерпит существенные изменения благодаря процессам современной глобализации, информатизации и тому подобным процессам, либо, наконец, из-за неожиданных, непредвиденных процессов и явлений, радикально меняющих характер и саму природу социальной эволюции.

С нашей точки зрения, подобное полное несоответствие, если оно действительно будет наблюдаться, также станет важным результатом. Это будет, в частности, означать, что коренным образом изменился сам тип мирового экономического и политического развития по сравнению с тем, как оно совершалось на протяжении последних нескольких столетий. В этом смысле «отрицательный» результат — это также весьма важный результат, хотя, по нашему мнению, вероятность такого радикального изменения типа мирового развития весьма невелика.

Однако возможна и совершенно иная ситуация, при которой будет наблюдаться *мнимое* несоответствие сделанных прогнозов реальному развитию событий. Более того, скорее всего так и будет. Дело в том, что слишком влиятельные силы в мире заинтересованы в том, чтобы имитировать кажущееся отсутствие глубоких кризисов, серьезных экономических, социальных и политических потрясений в современных развитых странах. Благодаря существованию информационных монополий и медиа-империй, контролирующих рынок информации и создающих виртуальный мир, можно до поры до времени внушать людям, что никакого кризиса и никаких потрясений нет. Поэтому явный кризис и явные потрясения можно скрыть, как это было проделано с кризисом в США в 2000— 2003 гг. или с кризисом в Европе в 2004-2005 гг. Можно, например, «вычислить» бурный рост ВВП США в долларовом исчислении, если руководствоваться официальными данными об инфляции в США. Между

тем за счет гораздо большей девальвации доллара, чем это следует из официальных данных, и за счет соответствующего резкого снижения его реальной покупательной способности в американской экономике в 2003—2004 гг. реально наблюдаются застой и стагнация. Можно сбить накал социальных и политических потрясений у себя дома, направив возмущение общества вовне, — например, обвинив во всех бедах мира Слободана Милошевича, Саддама Хусейна, Фиделя Кастро, Ким Чен Ира, Усаму бен Ладена или кого-либо еще. Можно во всех трудностях, просчетах и неудачах обвинить Россию, сделав вид, что никаких собственных
420
421
экономических и политических провалов нет, — как это давно и с успехом делают в Польше, Латвии и ряде других стран. Одним словом, возможностей морочить людям головы и скрывать от них истинное положение вещей предостаточно. Правда, как говорил в свое время Авраам Линкольн, можно недолго обманывать множество людей, можно долгое время обманывать немногих людей, но нельзя долгое время обманывать множество людей. Но, скорее всего, сейчас благодаря современным информационным технологиям удастся обманывать множество людей вплоть до самого разгара экономических, социальных и политических потрясений, т.е. где-то до 2011— 2013 гг.

Поэтому можно не сомневаться, что либеральные и неолиберальные теоретики будут твердить об отсутствии кризисов и потрясений вплоть до 2011-2013 гг., когда скрывать их станет уже невозможно. Более того, они уже доказывают и будут доказывать дальше, что никаких социально-политических потрясений и никакой великой депрессии в современном мире просто быть не может, — поскольку современный «информационно-постиндустриальный» капитализм якобы усовершенствовался настолько, что мир вступил в эпоху бескризисного развития. Они будут усыплять и убаюкивать нас до тех пор, пока не грянет буря, к которой мы благодаря их стараниям окажемся полностью не подготовленными. И тогда они, страшно довольные собой и недовольные другими, в очередной раз разведут руками и скажут, что их не поняли невежественные массы и конкретные политики—те самые, которых они оглупляли в течение столь долгого времени. И уедут, обеспечив себе безбедную старость, куда-нибудь на Гавайи пережидать, чем всё кончится.

В связи с этим мы считаем необходимым подчеркнуть, что судить о том, подтвердились или не подтвердились изложенные в данной книге прогнозы, по-настоящему можно будет не ранее 20И-2013 гг., когда прогнозируемые нами кризисные явления и связанные с ними крупные потрясения станут очевидными для всех, даже для адептов неолиберализма и российских ультралибералов. До этого делать окончательные выводы
422
о том, подтвердились или не подтвердились представленные здесь прогностические модели, было бы преждевременно. Поэтому мы настоятельно просим читателей запастись терпением и подождать с окончательными суждениями как минимум до 2009 г., а лучше до периода 2011—2013 гг. В то же время *предварительные* выводы о справедливости изложенных прогнозов можно будет сделать уже в 2005—2009 гг., когда будут вырисовываться определенные тенденции мирового экономического и политического развития и можно будет сделать самые первые суждения о том, насколько справедливы сделанные нами прогнозы.

7.4. Выводы для России

Какие же выводы следуют из всего сказанного для России? Во-первых, предстоящие полтора десятилетия почти наверняка будут самыми трудными в ее и без того чрезвычайно трудной истории. Во-вторых, России, всем ее сколько-нибудь ответственным политикам и гражданам вряд ли следует сидеть сложа руки и радоваться приближающимся потрясениям в экономике и политике, которые ударят по могуществу США и других западных стран. Если для западных стран речь идет об уменьшении в ближайшие десятилетия их непропорционально огромного доминирования в мире, то для России речь идет о ее выживании как самостоятельного общества и государства со своей складывавшейся веками великой культурой. Хотя ничто не предрешено и многое зависит от поведения российских граждан в кризисной ситуации, Россия из всех стран и цивилизаций объективно находится в самом трудном положении, которое вызвано экономическим и политическим давлением Запада и мощным демографическим давлением Востока и которое усугубляется продажностью, коррумпированностью и

безответственностью ее политической и экономической элиты.
В чем же состоят общие ориентиры, вытекающие из прогнозов развития России и всего мира в ближайшие десятилетия? Выше уже говорилось о том, что среди критических то-

чек, определяемых циклами эволюции международной экономической и политической системы, фигурируют 2013, 2017 и 2025 гг. Вспомним, что из 36-летних «внутренних» российских циклов (глава 6) также вырисовываются переломные точки 2013, 2017, 2021 и 2025гг. (четырехлетние интервалы внутри 12-летних периодов, на которые делятся 36-летние циклы), что означает одновременное и потому особенно сильное взаимодействие («резонанс») внутренних и внешних ритмов экономического и политического развития. Весьма важной является критическая точка около 2013 г., после которой особенно велика вероятность вступления России в тяжелую войну (аналогично русско-японской войне 1904—1905 гг. и подготовке России к Первой мировой войне после 1905 г. в первом 36-летнем цикле 1881-1917 гг., вступлению СССР во Вторую мировую войну в 1941 г. во втором 36-летнем цикле 1917-1953 гг. и событиям 1977—1980 гг., предшествовавшим вторжению СССР в Афганистан в третьем 36-летнем цикле 1953—1989 гг.).
Таким образом, наиболее тяжелым и даже критическим для России будет период 2013-2017 гг., когда она вполне может подвергнуться массированному давлению с Востока или с Запада, провоцирующему ее на открытый военный конфликт. Главная проблема России, как и сейчас, будет состоять в не-консолидированности российского общества, в отрыве политической элиты от массовых слоев и в наличии множества идейно-политических расколов и размежеваний. При этом для России смертельно опасно как участвовать в военных столкновениях со странами Запада, так и втягиваться в военные коалиции с ними против стран Востока (Китая, стран Ближнего Востока и др.). В первом случае у России не хватит сил и ресурсов, чтобы выстоять в подобных столкновениях и сохранить свою целостность; во втором случае она в очередной раз рискует стать орудием в руках западных держав для реализации их интересов и в итоге ввергнуть себя в ситуацию смертельного кризиса и последующего распада, как это произошло в период Первой мировой войны и последовавшей революции. Но не менее опасной будет и «смертельная дружба» с Китаем или со странами, исповедующими исламский фундаментализм; такая «дружба» также в итоге закончится столкновением с опасным «другом» или тихой оккупацией обессиленной России китайскими, исламскими или какими-либо иными мигрантами.
Как представляется, единственный выход для России состоит в том, чтобы ни в коем случае не втягиваться в коалиции противоборствующих сторон или — если этого избежать невозможно — участвовать в них символически. Наиболее выигрышным положением для России в этой ситуации был бы «вооруженный нейтралитет», который гарантировал бы ей сохранение ее ресурсов и ослабление ее опасных «друзей» с той и с другой стороны. Но сделать это будет чрезвычайно трудно, поскольку Россию будут всячески провоцировать и подталкивать присоединиться к той или другой стороне, сулить ей фантастические блага — вроде овладения черноморскими проливами в период Первой мировой войны — или, напротив, грозить всевозможными карами. Хватит ли у российской политической элиты ответственности и воли для того, чтобы не поддаться шантажу, угрозам, запугиванию или, что еще вероятнее, простому подкупу? Сомнительно, поскольку в современной России политическая элита склонна отстаивать персональные интересы своих представителей, но вовсе не национальные интересы России как таковые. К сожалению, слабое, неорганизованное, легко манипулируемое российское общество также не способно отстаивать свои интересы и принудить элиту к защите общенациональных интересов. И тем не менее единственный выход для России состоит в том, чтобы проводить гибкую политику, лавировать между более сильными державами, не поддаваться нажиму и провокациям и защищать свое право на существование, право на жизнь своей великой культуры.
Очевидно, что, чем бы ни кончилось дело, Россия после 2017 г. и особенно после 2025 г.

станет другим государством и другим обществом. Возможно, ее территория существенно уменьшится, и ей придется познать горечь поражений и унижений. Но возможно, что Россия сможет, наконец, осуществить полноценную модернизацию и стать по-настоящему
424
425
сильным современным государством. Какой именно вариант новой России осуществится в действительности, нам пока что знать не дано, но этот вариант рождается уже сейчас и будет реализовываться в ближайшее десятилетие. И всем мыслящим и ответственным людям в России, думающим не только о своем брюхе, стоило бы приложить усилия для того, чтобы этот вариант был по крайней мере не наихудшим.

Однако пока что приходится рассматривать прежде всего наихудшие сценарии, связанные с тенденцией сползания России к так называемой «веймарской ситуации» — ситуации, аналогичной той, которая сложилась в потерпевшей поражение и униженной Германии в 1920-е гг. Следует учитывать, что появившиеся в российском обществе в самом начале 2000-х гг. надежды на стабилизацию экономической ситуации, на уменьшение огромного разрыва в доходах между богатыми и бедными, на обеспечение минимальной социальной справедливости и минимальных социальных прав большинства российских граждан, на укрепление позиций России в мире пока что медленно, но верно иссякают. Вместо укрепления государства произошло укрепление позиций коррумпированного чиновничества, вместо обеспечения большей социальной справедливости и большей экономической эффективности сложилась «двухтактная» (термин М. Делягина) система, при которой олигархи грабят население, а чиновники грабят олигархов, вместо укрепления позиций России в мире ее всё больше вытесняют с постсоветского пространства. О возможности складывания веймарской ситуации в постсоветской России много писали в начале и середине 1990-х гг. — в разгар экономического и политического кризиса, последовавшего после распада СССР. Затем об этом забыли, поскольку экономическая ситуация в России после 1999 г. как будто стабилизировалась — за счет роста мировых цен на нефть и другие энергоносители. Между тем реальная, а не выдуманная опасность веймарской ситуации для России, как это следует из анализа волновых тенденций российского и мирового развития, будет усиливаться после 2008—2009 гг. Две составляющие веймарской ситуации — комплекс национального унижения и социально-экономичес-
426
кий коллапс — не только присутствуют в современной России, но постепенно начинают играть в ней всё большую роль. При этом комплекс национального унижения усиливается за счет последовательной экспансионистско-либеральной политики стран Запада, а социально-экономический коллапс подготавливается экономической либеральной политикой российской номенклатуры и олигархии.

С одной стороны, новый постгайдаровский раунд «шоковой терапии» — планы и действия правительства во главе с М. Фрадковым, направленные на ликвидацию основных социальных прав граждан, фактическое разрушение системы социальных льгот, жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, науки и др., - резко ускоряют социальную деградацию и лишают в случае реализации этих «реформ» российское общество каких-либо перспектив в будущем. С другой стороны, целенаправленное давление США и Европейского Союза на Россию, их политическая, военная и экономическая экспансия на просторах СНГ делают положение России в мире не просто сложным и проблематичным, а почти безысходным. «Оранжевая революция», экспортированная в Украину с помощью США и европейских стран, неизбежное последующее вступление Украины в НАТО — это не только пример для остальных постсоветских стран, но и ощутимая угроза для самой России. Если проводить аналогию с Германией, то Украина для России то же самое, что Австрия для Германии, и любое политическое и экономическое отдаление Украины от России может привести к тем же последствиям, что отдаление Австрии от Германии в 1920-х гг. Если до украинских президентских выборов 2004 г. российское общественное сознание стало немного забывать о травме, нанесенной распадом СССР, то события в Украине привели к ощущению, что Россию снова режут по живому, не спрашивая ее и не интересуясь мнением ее граждан. США и Европейский Союз как бы стремятся воспроизвести для России ситуацию Версаль-

ского мира, о которой американский политолог Ч.Ф. Эндрейн в свое время писал следующее: «Положение Веймарской республики было неустойчивым изначально, так как государ-
427
ственное устройство было навязано немцам победившими союзническими силами, главным образом Соединенными Штатами, Великобританией и Францией. Согласно Версальскому мирному договору, Германия теряла часть своих граждан, территорию и иностранные инвестиции» [Эндрейн 2000. С. 156]. При этом аналогом «союзнических сил» для России сейчас является НАТО, а бывших своих граждан на территории других постсоветских государств, как показали украинские события, Россия теряет окончательно и безвозвратно.

Казалось бы, заманчивый вариант - самой России стать членом НАТО и спрятаться под «зонтиком» США. Однако следует учесть, что НАТО не намерено принимать в свои ряды Россию в ее нынешнем виде, и платой за ее прием может стать фактическое расчленение России и полное подчинение образовавшихся «фрагментов» контролю со стороны США и других стран. К тому же не следует забывать и о неизбежном уничтожении российского военно-промышленного комплекса, с которым по-прежнему связано материальное существование значительной части россиян. Сами страны Запада не готовы к полноценной и равноправной интеграции с Россией, как в свое время (в 1920-е гг.) Великобритания и Франция не были готовы к такой интеграции с Веймарской Германией. Подобная ситуация в перспективе может привести (и уже отчасти приводит) к распространению среди россиян чувства национального унижения и ощущения приближающегося социального коллапса. Две эти составляющие и являются, собственно говоря, условиями возникновения, роста влияния и прихода к власти национал-социализма или чего-либо подобного. Не хватает только глубокого экономического кризиса, подобного мировому кризису 1929 г., после которого в Веймарской Германии началась чехарда правительств и скатывание к тоталитарному политическому режиму. Однако такой кризис, судя по всему, не за горами: колебания цен на нефть, постепенное удешевление доллара, экономический застой в Европе, общая нестабильность экономического роста во всем мире являются предвестниками гораздо более глубоких и масштабных экономических потрясений. Но вслед за экономи-
428
ческими потрясениями неизбежно последуют социальные и политические потрясения, которые сильнее всего проявятся в слабой, коррумпированной и раздираемой внутренними противоречиями постсоветской России.

При этом представляется, что шаги по укреплению «властной вертикали» и введению выборов в Государственную Думу исключительно по партийным спискам в целом, независимо от благих намерений инициаторов этих шагов, также работают на «веймарский сценарий». Изгнание реальной политики из регионов загоняет ее в подполье или в сферу кулуарных сделок, не давая открыто проявляться и нормально разрешаться возникающим конфликтам и противоречиям, а любая ошибка или неточность действий центра грозит обернуться потрясениями в регионах. В отличие от советской системы, в которой все решения также принимались центром, российская политическая система необратимо дестабилизирована и расшатана, поэтому конфликты в регионах не удастся гасить так быстро и эффективно, как это было в советское время. Еще один шаг по направлению к веймарской ситуации представляет собой новый закон о партиях и переход к выборам исключительно по партийным спискам. Очевидно, что в ближайшей перспективе эти шаги направлены на то, чтобы не допустить к рычагам управления никого кроме представителей партии власти. Все остальные партии в ближайшее время не имеют реальных шансов прийти во власть — разве что в союзе с той же партией власти. Тем самым воскрешается фактически однопартийная система при видимости системы многопартийной. Но кто будет управлять этой партией - президент, премьер-министр или новый вождь, взошедший на волне кризиса? И не получится ли в итоге ситуация, описанная тем же Эндрейном: «По мере углубления политико-экономического кризиса

30-х годов рейхстаг утратил право принимать решения. Президент, обладавший конституционным правом назначать и смещать канцлера, распускать рейхстаг и имеющий чрезвычайные полномочия, правил главным образом путем издания указов. Но поскольку правительственная антикризисная политика оказалась несостоятельной, даже президентская

власть значительно ослабла. Противостоящие Веймарской республике консервативные элиты примкнули к Гитлеру, увидев в нем сильного канцлера, способного возглавить сильное правительство» [Эндрейн 2000. С. 160].

Однако есть еще один вполне вероятный выход из «веймарской ситуации». Это постепенная социальная, экономическая и политическая деградация российского общества, его полное превращение в набор атомизированных индивидов, которые живут в полном соответствии с девизом современного радикального либерализма: «Главное - реализация свободы отдельных индивидов, а общество может вовсе не существовать» (слегка перефразированный вариант этого девиза принадлежит неоконсерватору Маргарет Тэтчер: «Такой вещи, как общество, не существует, есть только индивиды и их семьи»). Физическая и духовная деградация российского общества, вымирание населения России, разрушение культуры, рост наркомании и числа самоубийств, отчуждение молодежи от собственной страны и ее массовая эмиграция — это тоже путь, хотя это «дорога никуда». Подобный вариант постепенной деградации общества и власти, ведущий в итоге к распаду России и ее поглощению другими державами, также не только возможен, но и весьма вероятен. И такой вариант в свое время тоже существовал в Веймарской Германии, хотя в ту «доглобализа-ционную» эпоху он не реализовался. Но если он реализуется в постсоветской России, то это вряд ли будет лучше того, что реализовалось в Германии в 1930-е гг., и вот почему.

Поскольку многие на Западе весьма заинтересованы в развале России и даже считают это панацеей от всех бед, приходится напомнить о возможных последствиях такого варианта развития событий. Даже если исключить расхищение и использование российского ядерного оружия международными террористами, не следует забывать, что вся Россия буквально нашпигована оружием массового уничтожения, которое в лучшем случае достанется различным бандам. Не говоря уже о самих россиянах, которые окажутся главными жертвами распада России, произойдут масштабные геополитические сдвиги отнюдь не в пользу Запада. Значительную часть территории
России захватит усилившийся Китай, который получит огромные, почти неисчерпаемые ресурсы для своего экономического, политического и военного развития. Соединенные Штаты окажутся не в состоянии воспрепятствовать этому, даже под угрозой бомбардировок. Конечно, многие страны получат по вожделенному кусочку — Германия, Финляндия, Япония и др., но «пир хищников» будет продолжаться недолго. Очень скоро и Япония, и Европа столкнутся с такими угрозами, по сравнению с которыми международный терроризм покажется детскими играми. Территория России может превратиться в один большой Ирак, раздираемый борьбой разных клик, опасный и ставший кузницей кадров для глобального ядерного супертерроризма и глобальной ядерной суперпреступности. Аналогия с Ираком тем более оправдана, что Россия, как и Ирак, переполнена нефтью и оружием. Но и результат прямой оккупации может оказаться в чем-то похожим, только значительно более катастрофичным.

Итак, развитие веймарской ситуации может идти двумя способами — либо путем установления национал-социалистической диктатуры, которая развяжет государственный террор и войну, либо путем постепенной деградации общества с последующим развалом страны. Этот последний «выход», который сильно смахивает на тупик, вполне приемлем и даже желателен для многих российских номенклатурных либералов и радикальных западников. Но он может привести к глобальной катастрофе. Справедливости ради, следует сказать, что и «классический» выход из веймарской ситуации через диктатуру, во-

енные захваты и государственный террор также в итоге ведет к краху политического режима, оккупации и развалу страны. Проблема состоит именно в том, чтобы не допустить самой «веймарской ситуации», в которую так упорно и целеустремленно втягивают Россию и из которой любой выход — наихудший. Пока Россия не окончательно стала Веймарской, у нее еще есть шансы сохраниться и выжить, несмотря на грядущий кризис. Но если она даст полностью «веймаризовать» себя, последствия скорее всего будут катастрофическими и для России, и для всего мира.
430
431

7.5. Историческое прогнозирование: можно ли повлиять на развитие событий?

Всё, о чем говорилось в этой книге, указывает на сложность ситуации, которую будет переживать весь мир в ближайшие десятилетия, и на особую опасность этой ситуации для России. Но означает ли это, что ничего нельзя сделать, что всё фатально предопределено, что каждому человеку нужно сложить руки и ждать «конца с ужасом» или «ужаса без конца»? Мы так не считаем, поскольку совсем не это вытекает из логики эволюционного подхода к прогнозированию, из ритмов и циклов экономического и социально-политического развития. В действительности ритмы и циклы представляют собой не статические «железобетонные» конструкции, а динамический результат взаимодействия множества социальных сил, условий, тенденций и факторов. Смысл и значение описанных в данной книге ритмов состоит прежде всего в том, что они выявляют периодически происходящие изменения поля (спектра) возможностей для действующих социальных и политических сил. В разных фазах эволюционного цикла существуют различные возможности для деятельности ключевых социальных и политических акторов (действующих лиц — включая и отдельных индивидов); динамику этих возможностей как раз и описывают эволюционные ритмы и циклы. Эту динамику необходимо учитывать и в теории, и на практике. Но при этом никакой жесткой, фатальной предопределенности в развитии человека и общества не существует.

Из всего сказанного выше следует, что в критических точках, которых в ближайшие годы будет очень много, особенно необходима мобилизация интеллектуальных и физических сил как отдельных людей, так и общества в целом, чтобы выбрать правильный путь и не допустить наихудшего. К сожалению, в России подобной добровольной, а не принудительной мобилизации, основанной на самоорганизации человека и общества, как правило, не наблюдается. Недаром на Руси всегда актуальна пословица: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Но гром уже гремит неподалеку, а мужик разучился креститься; и вместо того, чтобы мобилизовать себя самому, так сказать «снизу», он
либо ждет, когда его мобилизуют «сверху», либо пьянствует и наслаждается собственным нравственным падением. Поэтому пробуждающий прогноз, о котором шла речь в начале книги, особенно важен для российского человека и России.

В отличие от Чернышевского, Ульянова (Ленина) и многих других, мы сознательно не задаем пресловутый вечный российский вопрос: «Что делать?» Сама постановка этого вопроса пред-полагает, что автор не только знает, что делать и ему, и остальным, но и стремится навязать всем один-единственный способ действия. К чему ведет такая самонадеянность, хорошо известно. Мы же ставим вопрос: «Можно ли что-нибудь сделать, можно ли повлиять на развертывающиеся и идущие полным ходом процессы деградации российского общества и российской культуры (как, впрочем, и многих других культур)?» Ответ, к которому мы склоняемся, состоит в том, что повлиять на эти процессы можно, но сделать это весьма нелегко. Многое зависит от каждого отдельного человека, но не следует забывать, что каждому отдельному человеку противостоит безликая и бездушная, но чрезвычайно организованная сила, различные ипостаси которой можно называть крупным капиталом, мировым рынком, неолиберализмом, коррупцией, сознательно растлевающими общество медиа-империями, стремлением одной сверхдержавы к всевластью и т.п. Иными словами, в одиночку с этой организованной и всеохватывающей силой (или силами) не справиться никому, нужны продуманные и солидарные действия многих, а с этим в России всегда дело обстояло плохо. Именно поэтому под лозунгами либерализма очередным отрядам советской

мафиозной номенклатуры удалось в 1990-е гг. захватить всю власть и всю собственность, лишив подавляющее большинство общества какой-либо собственности и какого-либо участия в управлении государством. Отсюда следует, что уповать на своекорыстное, разложенное коррупцией и предающее национальные интересы начальство, традиционно знающее «что делать», особенно не приходится.

Говоря более конкретно и определенно, перед российским обществом и государством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо ценой огромных усилий мобилизовать все силы и все ре-

сурсы для экономического, социального, политического и культурного обновления. При этом необходимо, наконец, понять, что до сих пор вызывающий у многих ностальгию «сталинский» вариант мобилизации, основанный на государственном терроре и физическом уничтожении всех несогласных, больше не пройдет: у России уже нет таких человеческих ресурсов, чтобы оплатить ими подобный путь развития. Нужны другие, не столь разрушительные формы мобилизации российского общества. Но главное состоит в том, чтобы формирование такой возрождающей общество политической альтернативы было востребовано самим обществом.

Значит, придется нащупывать другой путь, основанный не на бесконечных дискуссиях и неолиберальной демагогии, но и не на всеобщем принуждении сверху всех и каждого под страхом смерти. Необходим новый вариант общественного договора, договора между обществом и государством, основанный на признании прав широких слоев населения, и прежде всего права на собственность и доступность общенациональных ресурсов для большинства населения, а не только для «избранных» представителей уполномоченного государством номенклатурного бизнеса. Нужен гибкий и просвещенный авторитарно-демократический режим, опирающийся не на меньшинство, а на большинство общества и соблюдающий российский общественный договор, во многом отличающийся от общественного договора в США, европейских странах, Японии или Китае, отстаивающий ценности последовательно правового и социально ориентированного порядка в стране.

Но это — в перспективе, а пока что российским гражданам необходимы объединение, сплочение и солидарность для защиты своих элементарных социальных прав, которые ежечасно попираются ненасытной и безответственной постсоветской номенклатурой и без защиты которых российское население попросту вымрет в исторически кратчайшие сроки. Если эту задачу решить не удастся, то оправдаются самые печальные прогнозы, и говорить о дальнейшем развитии России, к сожалению, будет нечего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перспективы мирового развития в ближайшие десятилетия, как это следует из различных циклически-волновых моделей, связаны с общей экономической, социальной и политической дестабилизацией. Период 2005—2017 гг., соответствующий фазе великих потрясений циклов эволюции международной системы, будет наполнен различного рода кризисами, конфликтами, столкновениями. Особенно насыщенным в этом плане, скорее всего, будет период 2009-2013 гг., когда дестабилизация может охватить мировую финансовую, экономическую и политическую систему, а прежний мировой порядок во многом окажется разрушенным. В результате следующий за ним период 2013-2017 гг. (заключительная треть фазы великих потрясений), скорее всего, будет включать глобальные политические и военные конфликты на межцивилизационной или межэтнической основе, которые в итоге способны поставить под вопрос дальнейшее развитие человека и общества.

В то же время, несмотря на столь тревожные перспективы, нет оснований для самых мрачных прогнозов о грядущих катастрофах. Во-первых, человечество уже многократно проходило фазы великих потрясений, сопровождавшиеся кризисами, конфликтами и разрушениями, но всякий раз выходило из этих испытаний обновленным, хотя и со значительными потерями. Во-вторых, грядущие потрясения необходимы для глобальных экономических, социальных, политических и культурных изменений, именно они открывают дорогу грядущим геоэкономическим и геополитическим сдвигам, которые могут реализоваться в следующей за фазой великих потрясений фазе революции международного рынка (2017-2041 гг.). В-третьих,

в существующих условиях только великие политические и экономические потрясения способны разрушить или перестроить глобальные монополии, ставшие тормозом на пути дальнейшего социального и культурного развития, а также тесно связанную с ними олигархию (власть немногих) и систему манипулирования массовым сознанием через использование СМИ и ин-
435
формационных технологий. В-четвертых, что не менее важно, без великих потрясений, по-видимому, невозможно вывести большинство людей из состояния умственной спячки, апатии и нравственного разложения, заставить их мыслить и действовать во имя собственного спасения. Как ни печально, человечество всё еще находится на такой стадии развития, когда для того, чтобы выйти из социально-экономического кризиса и политического тупика, ему необходимы крупные потрясения, разрушающие отжившие социальные формы и институты. В то же время великие потрясения — это всегда балансирование на краю пропасти, и нужны огромные усилия, чтобы не сорваться в эту пропасть и не допустить наихудшего.

По нашему мнению, основная задача всех честных, мыслящих, совестливых людей, не пораженных вирусом алчности и безумного стремления к всевластью, состоит в том, чтобы по возможности пытаться уменьшить разрушительные последствия процессов, характерных для фазы великих потрясений, чтобы спасти то, что можно спасти, — прежде всего подлинную культуру и условия, которые необходимы для ее сохранения и развития. В известном смысле эта задача в чем-то сходна с задачей Гэндальфа и других Хранителей из философско-сказочной эпопеи Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Хранители стремились спасти как можно больше из завершающейся Третьей эпохи и перенести спасенное в наступающую Четвертую эпоху. Не случайно Гэндальф, мудрейший из Хранителей, говорит правителю Гондора Денэтору следующие слова: «Но я скажу тебе вот что: я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за всё, что достойно спасения. И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет, я исполню свой долг, если, когда схлынет мрак, уцелеет хоть что-то от земной красоты, если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды» [Тол-киен 2002. С. 710]. Сейчас в чем-то сходная задача стоит перед нами в нашем реальном мире. Руководствуясь этой аналогией, не следует, однако, забывать, что мы живем отнюдь не в мифологическом Средиземье, не в «правильном» мире Толкина, а в искаженном земном мире. Поэтому и сохранить в себе
436
человека, а в современном обществе — культуру нам будет гораздо труднее, чем Хранителям Кольца спасти мир.

Особенно сложной является эта задача в России, где культура и ее носители не могут существовать без государства, которое является необходимым условием существования российской цивилизации. Однако государство в сегодняшней России не только не выполняет свои функции сохранения и развития культуры, но и разрушает сами основы существования российского общества. Между тем очевидно, что без общества не будет и государства, как не будет российской культуры и ее носителей. Исторический опыт показывает, что все российские эмигранты во втором или в третьем поколении превращаются в американцев, французов, немцев и т.п., лишаясь языка, культуры и всего с ними связанного. Поэтому проблема, стоящая перед Россией в ближайшие десятилетия, является чрезвычайно сложной и драматичной: как выжить и сохраниться в условиях цивилизационного натиска с Запада и демографического натиска с Востока, да еще в ситуации, когда собственное российское государство часто проводит антинациональную, антисоциальную и антикультурную политику. Разумеется, сделать это будет очень сложно. И все-таки возможности для спасения российской цивилизации и российской культуры существуют. Однако для этого необходимо пробуждение российского общества от спячки, его консолидация и активное давление на государство и бюрократию. Альтернативой этому является ускоряющаяся деградация и разложение российского

общества и государства, упадок и гибель российской культуры.
Смысл данной книги как раз и состоит в том, чтобы дать пробуждающий, а не усыпляющий прогноз, т.е. прогноз, указывающий на те критические точки, которые ожидаются в ближайшем будущем, и связанные с ними испытания. Этот прогноз основан на целостном подходе к мировой истории и современному мировому развитию, на выявлении ритмов, лежащих в основе этого развития. Подтвердится он или нет, покажет не столь уж отдаленное будущее. Однако, даже если сделанный в этой книге прогноз в чем-то окажется неточным, в любом случае нам всем предстоят нелегкие времена, к которым нужно быть готовыми.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бауман 2002. - Бауман 3. Индивидуализированное общество. М., 2002.
Бек 2001. — Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001.
Бердяев 1993. — Бердяев НА. О назначении человека. М., 1993.
Бердяев 1994. — Бердяев НА. Философия свободного духа. М., 1994.
Бестужев-Лада 2004. - Бестужев-Лада И.В. «Международная Академия исследований будущего» // Вестник Российского философского общества. 2004. № 1.
Бжезинский 2004. - Бжезинский 3. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.
Богатуров, Виноградов 1999. - Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Политические исследования. 1999. № 4.
Бродель 1992. — Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 3. М., 1992.
Бьюкенен 2003. — Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2003.
Валлерстайн 2001. — Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000-2050 гг. М., 2001.
Валлерстайн 2002. — Валлерстайн И. Дилеммы XXI века и особенности переходной эпохи //Дилеммы глобализации. М., 2002.
Валлерстайн 2003. — Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
Вебер 1990. — Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
Вебер 2002. — Вебер А.Б. Глобализация: взгляд в будущее // Размышления о будущем. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7 (19). М., 2002.
Вехи 1909. — Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
Волновые процессы 1992. — Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992.
Волны и циклы 2002. - Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол) // Политические исследования. 2002. № 4.
Гиббон 2002. — Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 2002.

Глазьев 1993. - Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
Гордон, Клопов 1988. — Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые — сороковые // Знание — сила. 1988. № 3.
Громова 2000. — Громова НА. Достоевский: Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов. М., 2000.
Делягин 2003. - Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003.
Джус 2002. - Джус И.В. Политические риски: оценка, анализ и управление: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002.
Дилигенский 1996. - Дилигенский ГГ. Российские архетипы и современность// Вестник РОПЦ. 1996. № 2.
Достоевский 1956. —ДостоевскийФ.М. Собр. соч. в Ют.Т. 4. М., 1956. Достоевский 1957. — ДостоевскийФ.М. Собр. соч. в Ют.Т. 7. М., 1957. Достоевский 2003а. - Достоевский Ф.М. Идиот. М., 2003. Достоевский 20036. - Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Книга 1. М., 2003.
Достоевский 2004а. — Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Кн. 1.
Дневник писателя. М., 2004. Достоевский 20046. - Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. М., 2004.
Закария 2004. - Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их

пределами. М., 2004. Кант 1995. — Кант И. Критика способности суждения. СПб., 1995. Капица 1999. — Капица С.П. Общая теория роста человечества. М.,
1999.
Капица, Курдюмов, Малинецкий 2001. — Капица С.П., Курдю-мов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001.
Капустин 2001. — Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Политические исследования. 2001. № 4. Кейган 2002. - Кейган Р. Сила и слабость // Pro et Contra. 2002. Т. 7.
№4.
Кейган 2004. — Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.
439
Ключевский 1990. - Ключевский В.О. Сочинения: В 9 томах. М.,
1990. Т. IX.
Клямкин 1993. - Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества// Политические исследования. 1993. № 4.
Кондратьев 1989. - Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
Кондратьев 1993. - Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993.
Корольков 1991. — Корольков В. Дело Кондратьева // Знание — сила.
1991. № 3.
Красин 2003. — Красин Ю. Расчет циклов или анализ реальности. Рецензия на книгу Вл.Ф.Ли «Теория международного прогнозирования» // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 9.
Кун 1977. - Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
Лапкин 2001. — Лапкин В. В. Универсальная цивилизация: болезнь роста и ее симптомы // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001.
Лапкин, Пантин 1999. -Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы) // Политические исследования. 1999. № 4.
Лапкин, Пантин 2001. — Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра» // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
Лапкин, Пантин 2004. -Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М., 2004.
Левин 1996. — Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Политические исследования. 1996. № 5.
Ли 2002. — Ли В.Ф. Теория международного прогнозирования. М., 2002.
Львов 2001. — Львов Д.С. Предисловие // Мартин Г.П., Шуман Х. Западня глобализации. М., 2001.
Максименко 2002. — Максименко В. Соблазн и иллюзия глобального управления // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. Мальро 1989. - Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989.
Маркс, Энгельс 1955. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.
Мартино 1977. — Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. М., 1977.
440
Неклесса 2001. - Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие современного мира // Мегатренды мирового развития. М., 2001.
Ортега-и-Гассет 1997. — Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
Панарин 2001. — Панарин А.С. Статья «Философия истории» // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. IV. С. 202.
Пантин, Лапкин 1991. — Пантин В., Лапкин В. Краткий миг российской свободы // Знание - сила. 1991. № 8.
Пантин 1996. - Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.
Пантин 1997. - Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997.
Пантин 2003. - Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003.
Пантин 2004. — Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.
Перес 1994. — Перес Ш. Новый Ближний Восток. М., 1994.
Поляков 1994. — Поляков Л.В. Модернизационный процесс в России: социальные сдвиги и

кризисы идентичности: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1994.
Производительные силы 1986. — Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX — начале XX вв. - М., 1986.
Синцеров 2000. — Синцеров Л. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №5.
Соловьев 1990а. - Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990.
Соловьев 19906. - Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.
Стерна 2001. - Стерна П. Периодизация в преподавании мировой
истории: выявление крупных изменений // Структуры истории.
Альманах «Время мира». Выпуск 2. Новосибирск, 2001. Тодд 2004. - Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца.
М.,2004. Тойнби 1996. - Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории.
М. - СПб., 1996. Токвиль 1992. — Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
Толкиен 2002. - Толкиен Дж.Р.Р. Властелин Колец: Трилогия. М., 2002.
441
Тоффлер 2002. - Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
Турчин 2004. - Турчин П.В. Выступление на «круглом столе» «Возможны ли математические модели истории?» // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
Умов (Пантин), Лапкин 1992. - Умов (Пантин) В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Политические исследования. 1992. № 4.
Умов (Пантин) 1994. - Умов (Пантин) В.И. Послесловие к прогнозу: кондратьевские циклы и Россия // Политические исследования. 1994. № 2.
Фихте 1993. - Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. II. СПб., 1993.
Франк 2002. - Франк А.Г. Азия проходит полный круг - с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002.
Хантингтон 2003а. - Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.
Хантингтон 20036. - Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М 2003.
Хаттон 2004. - Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М., 2004.
Цивилизации 2002. - Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002.
Шепелев 1987. - Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. Л., 1987.
Шишков 2002. - Шишков Ю.В. Демографические перспективы мирового сообщества // Размышления о будущем. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7 (19). М., 2002.
Шишков 2004. - Шишков Ю.В.Решающие полвека в истории человечества. М., 2004.
Шлезингер 1992. - Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
Шпенглер 2003а. - Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 2003. Т. 1. Шпенглер 20036. - Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 2003. Т. 2. Элиас 2001. - Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
Эндрейн 2000. - Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
Яковлев 1955. - Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955.
442
Янов 1991. - Янов А. Истоки автократии // Октябрь. 1991. № 8. Янов 1997. - Янов А. Тень Грозного царя. Загадки русской истории.
М., 1997. Ясперс 1994. - Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
Castells 2004. - Castells M. The Power of Identity. 2nd ed. // The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2. Maiden - Oxford, 2004.
Frank 1998. - Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998.
Kennedy 1989. - Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London, 1989.
Klingberg 1952. - Klingberg F.L. The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy //World Politics. January 1952.
Klingberg 1983. - Klingberg F.L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role. Lanham, Md., 1983.
Long Waves 1984. - Long Waves in the World Economy. London, 1984.
Obmae 1995. - Obmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. London, 1995.
O'Donnell, Schmitter 1986. - O'Donnell G., Schmitter Ph. Transition from Authoritarian Rule: Tentative

Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore - London, 1986.
Perez-Perez 1984. - Perez-Perez C. Structural Change and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System // Long Waves in the World Economy. London, 1984.
Room 1984. - Room G. van Historians and Long Waves // Long Waves in the World Economy. London, 1984.
Schmitter, Karl 1994. - Schmitter Ph.C., Karl T.L. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 1.
Schumpeter 1939. - Schumpeter J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process: New York -London,1939.
Wallerstein 1983. - Wallerstein I. Long Waves as Capitalist Process. Paper prepared for International Round Table on Long Waves. Paris, 1983. March 17-18.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВВЕДЕНИЕ..... 8
Часть I
ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БУДУЩЕГО
Diana 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
1.1. Некоторые методологические проблемы исследования будущего.....32
1.2. Прогноз как критерий истинности научной теории 43
1.3. Философия истории Канта и Фихте: общие перспективы мирового развития.....49
1.4. Философы истории и прогнозирование. Сбывшиеся прогнозы Шпенглера, Тойнби, Соловьева, Бердяева, Ясперса, Ортеги-и-Гассета.....63
1.5. Философское и художественно-интуитивное предвидение: прозрения Достоевского.....98
1.6. Эволюционная парадигма в историческом прогнозировании..... 115

Глава 2. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
2.1. Понятие исторического прогнозирования..... 125
2.2. Основные подходы к историческому прогнозированию: исторические сравнения и аналогии..... 140
2.3. Основные подходы к историческому прогнозированию: линейная экстраполяция исторических тенденций..... 157
2.4. Основные подходы к историческому прогнозированию: нелинейная экстраполяция, основанная на ритмах и циклах истории..... 163
2.5. Понятие эволюционного цикла и его использование в историческом прогнозировании..... 174
Глава 3. ПРИМЕРЫ ПРОГНОЗОВ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XXГ ВЕКА
3.1. Прогнозы Э. Тоффлера, И. Валлерстайна и С. Хантингтона..... 196
3.2. Прогнозы развития процессов глобализации.....215
3.3. Другие прогнозы глобального развития.....228

Часть II
РИТМЫ ИСТОРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ
Глава 4. ГЛОБАЛЬНЫЕ РИТМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ -ИНТЕГРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ
4.1. Общее представление о ритмах глобального развития. Длинные волны дифференциации — интеграции.....242

4.2. Сверхдлинные глобальные волны дифференциации — интеграции и их прогностическое значение.....248
4.3. Перспективы мирового развития с точки зрения ритмов дифференциации — интеграции.....270
Глава 5. ЗНАЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ЦИКЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ
5.1. Концепция Кондратьева и прогнозы мир-системного подхода. Отличие концепции эволюционных циклов международной экономической и политической системы.....280
5.2. Прогностическое значение эволюционных циклов международной экономической и политической системы: прогнозы, которые уже подтвердились..... 308
5.3. Прогноз мирового развития в первой половине XXI века, основанный на эволюционных циклах международной экономической и политической системы..... 314
446
Глава 6. РИТМЫ И ЦИКЛЫ АВТОХТОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
6.1. 36-летние циклы социально-политического развития России: общее описание и особая роль в российской истории..... 333
6.2. Анализ структуры 36-летних циклов (1881-2025 гг.) ... 358
6.3. Циклы смены российских элит..... 384
6.4. Значение 36-летних циклов для прогнозирования развития России в первой половине XXI века.....393
Глава 7. ПРОГНОЗ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ
7.1. Основные прогнозы мирового развития: критическая оценка.....
398
7.2. Итоговый прогноз, основанный на взаимодействии различных ритмов и циклов мирового развития.....409
7.3. Краткий комментарий к итоговому прогнозу: справедлива ли прогностическая модель?.....420
7.4. Выводы для России.....423
7.5. Историческое прогнозирование:
можно ли повлиять на развитие событий?.....432
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 435
БИБЛИОГРАФИЯ
438
447

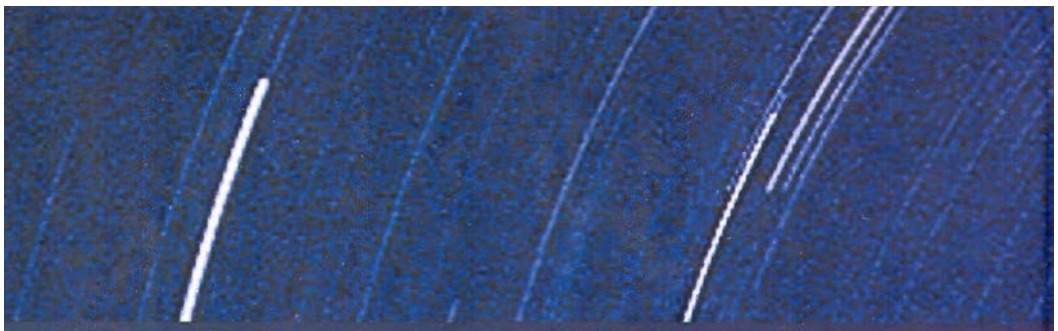
ПАНТИН
ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ

Родился в 1954 г. в Москве. Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор МГИМО(У) МИД РФ. Автор книг «Циклы и ритмы истории», «Воспламененная душа. Вольные размышления о Владимире Соловьеве» (совместно с Т.Ф. Столяровой), «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении», «Геоэкономическая политика и глобальная политическая история» (совместно с В.В. Лапкиным), «Волны и циклы социального развития». Область научных интересов —

циклы и ритмы политического развития, философии истории, политическое прогнозирование.

ЛАПКИН
ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился в 1954 г. в Москве. Старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Автор книги «Геоэкономическая политика и глобальная политическая история» (совместно с В.И. Пантиным) и более ста научных публикаций. Область научных интересов — российская модернизация, процессы эволюционного усложнения политических систем, геоэкономическая политика, циклы и ритмы политического развития, методология политической науки.



В книге исследуются основные подходы к прогнозированию развития общества на основе анализа тенденций исторического развития. Рассмотрены проблемы и возможности предвидения в гумманитарных науках, проанализированы конкретные прогнозы крупнейших философов, историков, экономистов и политологов. Дан научный прогноз развития России и других стран в первой половине XXI еека основанный на исследовании ритмов и циклов социально-политической динамики.

СГ "Новый Книжный"
Философия исторического прогноз
я Ритмы истории и перспективы ми
2 000020 762825
код 2076282
ном 196315
ЦЕНА 336.00
тбк 731